Уважение к языку и культуре других народов – наипервейшее условие согласия в любом многонациональном обществе.

Али Апшерони

Светлана Ананьева

КАЗАХСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА

(Доклад на 5-м международном евразийском форуме)

В Год Пушкина в Казахстане и в Год Абая в России новым содержанием наполняются разносторонние казахско-русские литературные связи. Совместные конференции и симпозиумы, научные издания, исследовательские проекты – самое яркое проявление глубокого интереса наших культур и литератур друг к другу. Евразийский форум (Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева), Ломидзевские чтения (Москва, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН), «Диалог культур. Пушкин и казахская литература» (Алматы, ИЛИ им. М.О. Ауэзова МОН РК), «Нарративные традиции славянских литератур (средневековье и новое время)» (Новосибирск, Институт филологии РАН), международная конференция к 185-летию Ф.М. Достоевского (Омск, Литературный музей им. Ф.М. Достоевского), «Феномен творческой личности в культуре» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) и т.д. Вот далеко не полный перечень – свидетельство наших многосторонних связей.

Но не менее важны примеры органичных включений в художественный текст глубинных мотивов евразийства. В недавно присланном из Омска литературном альманахе «Складчина» в рассказе Сергея Дрыгина «Домой!» – мелкосопочник, степь, Балхаш до горизонта и печаль в глазах продавцов. В одном из стихотворений цикла Ирины Павельевой «Тревожные строки» появляется сержантик «русский, мордвин ли, казах». Стихотворение Вениамина Каплуна посвящено Олжасу Сулейменову.

Герой рассказа Михаила Шмулева «Побег из колхоза», подгоняемый непреодолимой тягой к бродяжничеству, в страшную пору сплошной коллективизации и голодомора решился бежать вслед за сестрой на «стройки века» в Казахстан. «Знаете ли вы, – спрашивает автор читателей, – что такое отруби из размолотого овса? Муку давали телятам, а оболочки от крупиц зерна – выбрасывали, потому что даже лошади от них отказывались. Из этих отбросов мы

делали оладушки, обманывая свои желудки» [1, с.731]. Четырнадцатилетний подросток курсировал по Турксибу: Алма-Ата – Новосибирск. В Семипалатинске решил попроситься в один из детских домов, вокруг которых создавала ореол романтики «Педагогическая поэма» А. Макаренко. Но на самом деле в них царил «полутюремный режим, жизнь “по понятиям”, жестокий мордобой, строгая иерархия» [1, с.736].

Евразийские отношения на современном этапе наполняются новым содержанием. В одном из писем к автору данной статьи Вячеслав Тогулев от имени редколлегии альманаха «Голосов Сибири» (изданы три выпуска, завершается работа над четвертым) приглашает к сотрудничеству и предлагает открыть специальную рубрику для авторов из Казахстана: «“Казахстанской” проблематике мы всегда уделяли внимание приоритетное, в особенности же семипалатинскому периоду Достоевского – недавно вышел первый том нашей новой книги о его романе с Исаевой». Перечитав третий номер «Голосов Сибири», всё более убеждаешься, насколько ответственно и трепетно подходят его составители к каждому выпуску: «Памятки истории», «Изящная словесность», «Рифмы и ритмы», «Из первых уст», «Рецензии», «Переводы», «Лев Толстой и Сибирь», «О малых сих», «Анатомия мифа» и т.д. И вдруг в «Цыганской повести» Мэри Кушниковой откровение автора: «Я полжизни прожила в Казахстане и дружила со стариками казахами – фольклор казахский собирала. И был у меня “закадычный друг”, чуть не столетний дед Жумахан. Он неплохо говорил по-русски – когда-то отбывал ссылку на сибирской гигантской стройке и много чего повидал, вплоть до людоедства с голодухи. Его любимое изречение: “Что есть люди? Не братья они и не волки друг другу. Каждый – только орудие судьбы для другого. Не более того”» [2, с.129].

Во втором и третьем выпуске альманаха опубликованы «Из сказов деда Жумахана»: «О наказании праматери природы для нерадивых», «О строптивой козе и о старинном тюркском обряде», «О храброй птице и о слабом царе», «Слово “О Разумении”» в обработке М. Кушниковой. Последний сказ наполнен глубоким философским содержанием. При разделении сфер влияния медведь получил леса, лев – джунгли и степь, змея – травы, рыба –

реки и моря, орел – облака и скалы. Человеку, по его просьбе, выделили разумение. «Разумением сыт не будешь», – прокомментировал медведь. «Разумение – яснее неба, непреклоннее скалы, глубже моря и беспощаднее песков. Если человек обратит его против нас, – воскликнул орел, – мы погибли!»

«Слово “О Разумении”» заканчивается обращением к читателю: «Читатель! Человечество – это и ты тоже. В твоих руках столь могущественная, но столь хрупкая красота мира. Неужели ты не сбережешь мерцающую пыльцу на крыле бабочки, шелковистый ствол серебристой березы? Неужели поскупишься на доброе слово для друзей твоего очага и верных твоих помощников – меньших наших братьев?» [3, с.695].

Литераторы Сибири увлеченно и бережно исследуют всё, что связано с именем Ф.М. Достоевского, в судьбе которого отразился и Казахстан. М. Кушникова в книге «Чёрный человек сочинителя Достоевского (Загадки и толкования)» размышляет о сибирском периоде в жизни Достоевского, о Кузнецке, где 6 февраля 1857 года состоялось не просто венчание в Одигитриевской церкви, «а узел завязался, да такой, что захватил чуть ли не всю жизнь и не всё творчество Фёдора Михайловича» [4, с.8]. Исаева, по мнению М. Кушниковой, «была созвучна Достоевскому по силе духа… Это с ней Достоевский узнал бесценную горечь обнажения человеческой души – может быть, отсюда во всем его творчестве невыносимо незащищенные, словно “подсмотренные” глубины» [4, с.17].

«“Кузнецкий венец” Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века» М. Кушниковой, К. Тилло и В. Тогулева – новое слово в науке о Достоевском. Сопоставляя «Дневник 1867 года», «Воспоминания» А.Г. Достоевской и книгу «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской», мемуары А.Е. Врангеля и воспоминания П.П. Семёнова-Тян-Шанского, другие источники, авторы исследования пытаются разобраться в том, какую все-таки роль сыграла в жизни и творчестве известного русского писателя его первая супруга, отношения с которой по-разному оцениваются авторами упомянутых дневников и воспоминаний: жалость, влюбленная дружба и т.д. Нельзя не согласиться с мнением В. Львова о том, что авторы

«Кузнецкого венца» «приоткрыли завесу таинственности над многими фактами из жизни Достоевского и тем самым позволили нам глубже понять его многогранную личность… Привлекая новые, ранее неизвестные архивные документы и внимательно исследуя переписку и художественные произведения великого писателя, исследователи буквально по крупицам восстанавливают захватывающую историю его кузнецкого периода жизни, связанного с Исаевой» [5, с.602].

Совместная жизнь Исаевой с Достоевским началась с обмана, который преследовал новобрачных по жизни. Дневник А.Г. Достоевской небрежен, не всегда точен. В мемуарах известного путешественника А.Е. Врангеля первый брак писателя весьма романтичен, хотя и настораживают эпитеты: «злосчастный роман», «несчастный роман», «роман, который… едва ли дал ему настоящее счастье» [6, с.552]. Воспоминания П.П. Семенова-Тян-Шанского на этом фоне более взвешенны – «чувствуется, что П. Семенов очень осторожен в оценках, и, конечно же, о многом умалчивает». В воспоминаниях П. Семенова и З.А. Сытиной читаем о Семипалатинске и Аягузе. Нам предстоит понять великого писателя во всех его противоречиях. Но, к сожалению, как убедительно доказывают авторы «Кузнецкого венца», воспоминания З.А. Сытиной окутаны волшебной дымкой добра и красоты. Повествуя о благотворительности четы Достоевских в Семипалатинске, Сытина умалчивает о благотворительности за чужой счет (брата, дяди, Врангеля). В то же время они оба, каждый в своем роде – «униженные и оскорбленные». «Два сильных человека редко уживаются друг с другом, – следует авторский комментарий. – А у Исаевой, также как у Достоевского – характер активный и наступательный... В обоих таилось нечто роковое, что их роднило и вместе с тем отталкивало, как не может быть притяжения между полюсами с одинаковым зарядом» [6, с.562]. Они были исковерканы обстоятельствами, недугами и нищетой.

Память к первой жене у Достоевского разительна и контрастна. После её кончины он, по воспоминаниям современников, гордится ею. Так ловко и изощрённо запутывать современников мог только настоящий великий Сочинитель, который придумывал художественные коллизии не только для своих книг, но и

насыщал ими реальные жизненные ситуации, преображая последние до неузнаваемости.

М. Кушникова, К. Тилло, В. Тогулев, цитируя Страхова, отмечают поразительное сходство обстоятельств в «Вечном муже» и особенно в «Записках из подполья» с реалиями связи Достоевского с Исаевой. «Свидетельство Страхова на многое открывает глаза. И на фактическое “убиение Исаевой” (нелечением за границей в то время, как Ф.М. пребывал с Полиной, в частности, в Италии, куда срочно надлежало вывезти Исаеву), и на неблаговидную позицию в отношении Исаевой и Вергунова, обвинённых им в прелюбодействе (ибо обвинитель – только Достоевский, и никем больше их вина не доказывается), и на меткую характеристику Исаевой, подметившей “каторжные”, бесчестные мотивы поступков её мужа» [6, с.582].

К сожалению, не все краеведы в полном объёме воспроизводят «семипалатинские» источники, проливающие свет на подлинность происходящего в судьбах Достоевского и Исаевой. Так ошибочные сведения попадают в Полное собрание сочинений писателя. На это тоже обращают внимание М. Кушникова, К. Тилло, В. Тогулев, исследование которых отличается безупречным литературным стилем и безукоризненным вкусом.

Авторы «Кузнецкого венца» отходят от его романтического толкования, основанного на корреспонденциях самого Достоевского и воспоминаниях Врангеля. Они были поэтичны и возвышенны, потому что именно так следовало писать мемуары и письма образованному человеку XIX века: «Так принято было изъясняться. Обменивались не подлинными сообщениями и чувствами, а, скорее, чувствительными словами, поэтому при анализе эпистолярного и мемуарного наследия той поры так важно попытаться увидеть контекст происходящего, и не поддаваться начетническому отношению к написанному…» Авторам «Кузнецкого венца» это, безусловно, удалось. Так феномен евразийства, тематика и проблематика русской и казахской литератур из XIX века переходят в современную словесность. Имена Пушкина и Абая, Достоевского и Семёнова-Тян-Шанского укрепляют наши духовные связи на просторах Евразии.

Алматы, Казахстан

Алма Тусупова

КАЗАХСКИЙ ЭПОС НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Воспроизведение своеобразия казахской эпической поэзии – проблема многосторонняя. Благополучное разрешение её на практике требует немалых усилий переводчика. Малоизученным на сегодня остается вопрос истории художественного перевода казахского эпоса на русский язык, хотя сам переводчик является своего рода мостом, связующей нитью между двумя, а то и несколькими народами.

Эпос, несомненно, является ярким примером устного народного творчества, это – «фундамент» нашей национальной литературы. В нём отражена наша история, далёкое прошлое. Наверное, именно эти факторы повлияли на то, что русские переводчики обратились к казахскому эпосу.

Мы хотим обратить внимание на неточности перевода эпоса «Алпамыс батыр», выполненного в 1958 году Ю. Новиковым и Л. Тарковским, которые внесли немалый вклад в развитие казахско-русских литературных отношений. Давно назрела необходимость основательного изучения проблемы перевода казахского эпоса, ибо – это лицо народа, его духовная ценность, по которой судят об истинной культуре любого этноса.

Как известно, русские поэты-переводчики занимались поэтическим переложением оригинала. Экспериментальный анализ, выполненный на основе компаративного метода сопоставления оригинала с переводом, позволяет нам выявить принципы перевода казахского эпоса на русский, приемы и методы.

1) Передача сюжета. Сюжет в целом сохранен, хотя точнее было бы сказать, что сохранена фабульная линия, ибо сюжет – понятие более глобальное, включающее и речевые характеристики, и художественные детали, и выразительные языковые средства. Можем ли мы говорить о сохранности сюжета при обнаруженном волюнтаризме интерпретации?

2) Передан ли синтаксис, ритмомелодическая основа оригинала? Нет. Мало того, часто поэзия переведена прозой и наоборот. Произвольные сокращения текста не оставляют ни

малейшей надежды на филигранную передачу ритмомелодического рисунка текста оригинала.

3) Что можно сказать о методе и принципах, используемых переводчиком? Скорее всего, принцип вольного перевода в сочетании с небрежностью, и даже, если можно сказать, халатностью. Причем ошибки нами выявлены не с целью их констатации, а с целью определения неприемлемости подобной тенденции, порождающей дальнейшие ошибки, искажающей оригинал, фальсифицирующей оригинал в глазах русских читателей.

Алпамыс на коне опять
Рассказала ему жена,
Что пошли все гости на луг,
В золотую тыкву стрелять.
Кто три раза натянет лук,
И три раза в цель попадает,
Тот себе прекрасную кыз
За такую меткость возьмет.
(1.346)

Трижды в цель попаду,
Тыкву на куски разнесу,
И сестру Карлыгаш спасу.
(1.347)

Во-первых, следует отметить то, что в оригинале такого повествования нет. Но есть строки, где говорится, что все уехали стрелять жамбы. Известно так же, что жамбы – это своего рода мишень, по которой джигиты обычно стреляли из лука. И самый меткий получал приз или брал в качестве приза сбитый им самим жамбы, так как жамбы представляет собой скорее мишень. Она могла быть сделана из золота, серебра или другого материала, и никоим образом не могла напоминать тыкву, а уж тем более быть ей.

А что мы видим в переводе? «*Все гости пошли на луг, в золотую тыкву стрелять*». Обратим внимание на то, чем переводчик

заменил казахскую реалию «жамбы». Вся нелепость образа *«золотой тыквы»* налицо. Причем желание переводчика выдумать и дописать за автора встречаются с завидной регулярностью. Следует также отметить, что нелепость переводческого приёма ведет к искажению этнокультурного, исторического характера: у реципиента перевода может возникнуть неверное восприятие об элементах рабовладельческого уклада жизни изображаемого народа. Ведь переводчик со всей ответственностью утверждает, что меткому стрелку в качестве приза будет подарена «кыз», о чем в оригинале ничего не сообщается, да и не могло иметь места.

Перевод:

Алпамыс Ултану кричит:
«Отдавай награду мою!
Эй, кабан!» –
Но не слышит хан
От похмелья и хмельного пьян.
(1.348)

Помимо того, что перевод не представляет собой какой-либо поэтической ценности, в нём появляется режущее слух и зрение нелестная характеристика – «*кабан*». Видимо, из соображения рифмы к словам «хан» и «пьян», хотя в оригинале речевая характеристика Алпамыса не содержит подобной оценки. Примерно такую же тенденцию мы наблюдаем и в следующих строках.

Перевод:

Глянь! Он ранил меня в бедро,
В рану можно вложить ведро.
(1.239)

В оригинале говорится, что один из батыров Тайшик хана был ранен в бедро, и переводчик это сопровождает прямо-таки экзотическими комментариями, естественно, дописанными за автора. И здесь *«ведро»*, которое можно вложить в бедро, буквально «притянуто за уши», чтобы получилась мало-мальская рифма.

То же можно сказать и о бутылях водки, которые введены в следующие строки:

Алпамыс в то время пил
Водки сороковую бутыль.

Нетрудно догадаться, что в том историческом отрезке времени, к которому относятся события, излагаемые в «Алпамысе», люди не знали стеклянных бутылей, да и русские основные производители водки вряд ли могли поставлять этот напиток в казахские степи, если даже он у них в то время был. Но вина переводчиков, на наш взгляд, незначительна. Дело в том, что в некоторых вышедших в свет казахских вариантах «Алпамыса» действительно встречаются строки, где Алпамыс пил «арак», но эта деталь, скорее всего, появилась значительно позже, посредством сказителей. Исконно данная реалия, как «арак», что в переводе с казахского означает водка, существовала, как «шарап», «кумыс» или какой-нибудь другой хмельной напиток, который употребляли древние тюрки. Несоответствий исторического, культурного, бытового характера в переводе – масса.

Проведённое экспериментальное изучение перевода эпоса позволяет сделать следующие выводы: во-первых, перевод на русском языке трудно назвать эпическим произведением, каковым он на самом деле является. Во-вторых, перевод не представляет собой художественной ценности в полном объёме. В-третьих, это скорей всего явный пример вольного перевода. В начале делался подстрочный перевод человеком, знающим хорошо казахский язык, а потом «переводчики» делали поэтическое переложение, что не всегда отвечает всем нормам художественного перевода. В-четвертых, переводчиками глубоко и досконально не изучалась культура, быт и религия народа, которому принадлежит переводное произведение, а это, несомненно, приводит к тому, что перевод получается небрежным, полным множества погрешностей и недостатков, которые несовместимы с таким понятием, как литературно-художественный перевод.

Айнур Машакова

КАЗАХСТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГЕРМАНИИ

Казахстанско-немецкие литературные связи имеют давнюю историю. Первые книги на немецком языке с упоминанием казахов появились в VIII веке. В это же время немецкие путешественники-востоковеды начинают посещать казахские земли. После октябрьской революции усилился интерес к народам Страны Советов, в том числе и казахскому народу. Новый этап в развитии казахстанско-немецких литературных связей начался с образованием Германской Демократической Республики в 1949 году. В начале 1950-х годов многие книги на немецком языке издавались в Москве, а затем тиражи этих книг отправлялись в Германию. В те годы это было распространённым явлением, так как типографии в ГДР были загружены, а полиграфическая база не была достаточно развитой. Правда, явление это было временным и в дальнейшем издание подобных книг происходило в Германии.

Среди издательств, осуществлявших публикацию произведений казахской литературы, можно отметить крупнейшее в ГДР издательство «Kultur und Fortschritt». Главным редактором в 50-е годы XX столетия был тюрколог, профессор Эрих Мюллер. Первым произведением, изданным на немецком языке в этом издательстве, был роман Габидена Мустафина «Миллионер» (Der Millionar, 1953). Затем появился сборник казахских эпосов и сказок «Золотая юрта» (Das goldene Zelt, 1956). Автором предисловия к этой замечательной книге был Эрих Мюллер. Позднее были изданы произведения Тахави Ахтанова (1960) и Мухтара Ауэзова (1961, 1964).

В 1964 году это издательство было объединено с издательством «Volk und Welt», которое продолжило заниматься изданием литературы многонационального Советского Союза. До момента роспуска (в 2001 году) издательство успело выпустить книги 23 национальных литератур СССР на немецком языке.

Долгие годы за издание литературы многонационального Советского Союза в этих издательствах отвечал известный немецкий литературовед, поэт, переводчик, эссеист Леонард Кошут.

С 1958 года он работал в издательстве «Kultur und Fortschritt», а затем, до 1989 года (в этом году он вышел на пенсию) в издательстве «Volk und Welt». Леонард Кошут является одним из лучших специалистов в Германии по литературе России и республик СНГ. Леонард Кошут знает русский язык, он имеет славянские корни, его мать была украинкой. Под руководством Леонарда Кошута были переведены на немецкий язык и изданы книги многих казахстанских авторов: Ануара Алимжанова (1971), Мухтара Ауэзова (1974), Абиша Кекильбаева (1975, 1981, 1982, 1987), Сатимжана Санбаева (1976), Мориса Симашко (1976, 1981), Олжаса Сулейменова (1981), Дукенбая Досжанова (1987).

Леонард Кошут неоднократно бывал в Казахстане. В 2003 году Леонарду Кошуту была вручена премия казахстанского представительства международного ПЕН-клуба за активную пропаганду казахской литературы в Германии. Тогда, во время своего пребывания в Алматы, он подарил отделу мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова свою автобиографическую книгу, посвященную истории издательства «Volk und Welt».

Эта книга вышла в свет в 2002 году в Берлине. Она посвящена не только истории издательства, но и истории сотрудников издательства. Например, он рассказывает о Томасе Решке, который был последним главным редактором издательства и был награжден медалью за заслуги перед отечеством. Вспоминая Лоло Дебюзер, он хвалит её за то, что она знала даже неопубликованные произведения Платонова, а Кристианой Лихтенберг он восхищается, что она по собственной инициативе выучила грузинский язык.

Книга «Фольк унд Вельт. Автобиографическое свидетельство об одном легендарном издательстве» состоит из 37 глав, одна из которых посвящена Казахстану. В этой главе автор рассказывает о своих встречах с известными казахстанскими писателями и поэтами, о немецких изданиях литературы из Казахстана. Так, вспоминая одну из поездок в Алматы с редакторами издательства, Леонард Кошут пишет: «Что нас, издательскую редакцию, подкупило в казахской литературе, так это то, что изучение через неё истории Казахстана, не имевшей во многом письменных памятников, позволило нам ознакомиться с основой национального

самосознания казахов» [1, 137-138]. Что касается немецкого издания казахстанской литературы, то Леонард Кошут приводит в этой главе отрывок из своего эпилога к сборнику стихов «В Азимуте кочевников» (In Azimut der Nomaden, 1981) одного известного казахского поэта – «Как издатель Олжаса Сулейменова, пишущего на русском языке, я пытался понять и дать характеристику казахской литературе через произведения поэта» [1, 138].

Основной текст всей книги дополняют небольшие, оформленные в рамки, истории под заголовком «Рассказать одну историю?». В главе о Казахстане также приводятся подобные истории. В 1973 году Леонард Кошут и его супруга Шарлотта провели две недели на казахской земле. Вместе с писателями Нурпеисовым, Ахтановым, Кекильбаевым, они жили в степи в большой юрте. Интересным фактом стало то, что именем супруги Леонарда Кошута была названа казахская девочка. Шестнадцать лет позднее казахская Шарлотта была вместе со своими родителями приглашена в Берлин в гости [1, 137].

Одна из статей в книге была написана автором под впечатлением знаменательного события в культурной жизни Казахстана – 18 февраля 2000 года одна из улиц Берлина была переименована в «Abaj Strasse». Леонард Кошут пишет: «Абая, именем которого названа улица в Берлине, иногда называют «казахским Гете». Эта метафора имеет основание, так как подразумевает значение, которое имеет этот поэт, композитор и просветитель для национальной литературы, универсальность его творчества и деятельности» [1, 43-45]. Кстати, в появлении в Берлине улицы, носящей имя Абая, определенную роль сыграл известный казахский писатель Калмукан Исабай, который переводил на казахский язык стихи Гете и стихи Абая на немецкий язык. В этой статье Леонард Кошут упоминает и его: «Писатель Калмухан Исабаев привёз в 1979 году в Габельбах текст Абая» [1, 43-45].

Леонард Кошут и в настоящее время проводит большую работу по популяризации казахской литературы в Германии. Благодаря его усилиям и при содействии Посольства Казахстана в Германии началось издание «Казахстанской библиотеки» на немецком языке. Первым казахским автором в этом проекте стал Абдижамил Нурпеисов. В октябре 2006 года в Германии в Берлине,

Гамбурге, Мюнхене с успехом прошла презентация романа «Последний долг» Абдижамила Нурпеисова. Перевод был осуществлен Аннелоре Ничке, её как блестящую переводчицу привлёк к этому делу Леонард Кошут. И именно он разыскал возможности для издания романа, когда вместе с А. Нурпеисовым посетил во Франкфурте-на-Майне издателя Дагиели, который согласился на издание романа «Последний долг». Это событие является знаменательным, так как оно открывает «Казахстанскую библиотеку» в Германии.

А уже в следующем месяце в рамках проекта «Казахстанская библиотека» состоялось переиздание романа Абиша Кекильбаева «Минарет, или Конец одной легенды» (Das Minarett oder Das Ende einer Legende). На презентации этой книги в Берлине Леонард Кошут рассказал о творчестве казахского писателя, с которым давно и тесно сотрудничает. Всего в серию «Казахстанская библиотека» войдет около 20 произведений казахских авторов, среди которых будут Мухтар Ауэзов, Абай Кунанбаев, Герольд Бельгер и другие.

Леонард Кошут публикует рецензии и статьи о литературе Казахстана в немецких журналах. В частности, в 2002 году в немецком журнале «Ossietzky» появилась его статья о романе Абдижамила Нурпеисова «Последний долг». Данная рецензия на роман «Последний долг» сыграла важную роль в появлении немецкого издания этого романа. В 2003 году в этом же журнале была опубликована рецензия Леонарда Кошута на роман видного казахстанского писателя, литературоведа, критика и переводчика Герольда Бельгера «Дом скитальца».

Со многими казахстанскими писателями и поэтами супруги Кошут поддерживают личные дружеские связи. В частности, дружеское общение Леонарда Кошута и Абдижамила Нурпеисова началось ещё с тех времен, когда его супруга Шарлотта была редактором предыдущих немецких изданий романов Нурпеисова в берлинском издательстве «Aufbau». Издание трилогии «Кровь и пот» на немецком языке началось в 1971 году с книги «Сумерки» (Morgendammerung), переведённой Вильгельмом Плакмайером и выпущенной издательством «Aufbau» в Берлине. В 1972 году была издана книга «Мытарства» (Irrwege), а в 1975 году – книга

«Крушение» (Untergang). В этом же издательстве в 1988 году был опубликован роман «Долг» (Der sterbende See) в переводе Вильгельма Плакмайера. Следует отметить, что крупнейшее на современном книжном рынке Германии издательство «Aufbau» издавало произведения и других казахстанских авторов, как, например, казахского писателя Тахави Ахтанова в 1968 и 1975 годах.

Благодаря переписке с Леонардом Кошутом, у автора данной статьи появилась возможность получать информацию из первых рук. Так, в одном из писем немецкий литературовед рассказал о том, как 12 декабря 2006 года прошёл вечер «Пушкин и Абай встречаются в Берлине» в Доме русской культуры и науки. «Собралось около пятидесяти слушателей. О Пушкине очень живо говорил лейпцигский профессор Ролянд Опитц, выявляя очень интересные аспекты “Медного всадника”, на которые раньше обращалось меньше внимания. Об Абае говорил гиссенский профессор Марк Кирхнер – это было, пожалуй, первое здешнее выступление о поэзии Абая; а Кирхнер – обращаясь к поэтике Абая – прочитал ещё и собственный перевод стихотворения “Осень” на немецкий язык. Я читал большую часть своих переводов Абая, комментируя это немного заметками о переводческой работе, что было публикой очень хорошо встречено» *(письмо от 8 января 2007 г., присланное по электронной почте)*.

Данный факт является важным для развития казахстанско-германских литературных связей, так как имя Пушкина издавна известно во всём мире, а о личности казахского поэта Абая Кунанбаева немецкие читатели узнали только во второй половине XX столетия, когда на немецкий язык была переведена дилогия Мухтара Ауэзова, состоящая из двух книг: «Абай», «Путь Абая». Благодаря этому переводу, в Германии не только узнали о существовании казахского народа, но и познакомились с одним из его лучших представителей.

Однако, произведения Абая Кунанбаева ещё долгое время оставались неизвестными для мировой, в том числе и немецкой, общественности. В 1970-е годы в печати Германии начали появляться отдельные стихотворения Абая. Но широкий размах перевод на иностранные языки произведений Абая Кунанбаева приобрёл в 1995 году, когда под эгидой ЮНЕСКО вся мировая

общественность праздновала его 150-летие. Примечательно, что в юбилейных мероприятиях в Казахстане принимали участие многие зарубежные учёные-литературоведы и среди них вышеупомянутый Л. Кошутом профессор Марк Кирхнер, а также ученый-тюрколог Марсель Эрдаль.

Возвращаясь к Леонарду Кошуту, хочу сказать, что недавно он завершил перевод двадцати стихотворений Абая на немецкий язык. Этой работой он занимался последние несколько лет в сотрудничестве с Герольдом Бельгером, свободно владеющим русским, немецким и казахским языками. Кроме того, Герольд Карлович является автором трёх книг об Абае, написал немало статей и эссе о нём, делал подстрочные переводы его стихов. Ещё в 2004 году, когда Леонард Кошут перевёл первые пять стихотворений Абая, Герольд Бельгер опубликовал в журнале «Аманат» по этому поводу статью, в которой дал следующую оценку его переводам: «…в лице Леонарда Кошута Абай через годы и расстояния нашёл понятливого, вдумчивого, чуткого сердцем и душой собеседника и интерпретатора. И это меня радует больше всего» [2]. В настоящее время Леонард Кошут занимается организацией немецкого издания этих произведений Абая.

ПИЩА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА – СИЛА, КОНЬ – КРЫЛЬЯ!
Из сказов деда Жумахана

Так гласит старая поговорка казахского народа. Человек, который столетиями привык к таким поговоркам, как: «Не умеющего ценить коня, пешком научит ходить нужда» или «От смерти конь не унесёт, но от беды всегда спасёт», – такой человек с рождения до самой смерти неразрывно связан с верным другом – конём.

Издавна в казахских степях конь был неизменным участником традиционных обрядов и игр. Многие из них сохранились по сей день.

В ауле родился мальчик. – Путешественники, побывавшие в Казахстане в прошлые века, описывали интересный обычай. Новорожденному мальчику «посвящали» жеребёнка от лучшей

кобылицы – бок о бок росли маленький джигит и будущий славный конь.

По старым традициям трёхлетнего мальчика впервые сажали в седло и устраивали праздник. Расходы получались большие, так что сыновья бедняков садились на коня впервые лишь в четыре-пять лет. К этому времени родители еле успевали «оправиться» после праздника рождения.

В назначенный для обряда день кололи скот и звали гостей. Женщины приносили с собой курт (сушёный овечий сыр) и иремшик (творог), которые бросали в переднюю часть юрты, приговаривая «Той тойга улассын», что в несколько вольном переводе означает: «Да чередуются у вас праздник за праздником».

Торжество начиналось с байги (конное состязание, борьба и «айтыс» певцов), после которой женщины брали будущего наездника из рук родителей и передавали почтенному старцу, а тот подсаживал его в седло к самому лихому джигиту аула. Джигит вёз мальчика по селению, и все дарили ребёнку, кто что мог: коня, подпругу, узду или детское седло.

Чудо как хорошо устроено казахское детское седло! У него высокие луки, которые надежно подпирают ребенка сзади и спереди. Каждая лука раздвоена, а на концах – отверстия, в которые, как в детских качелях, продеты палочки – они удерживают маленького наездника с боков. Вместо стремян к ленчикам прикреплены глубокие и широкие мешочки. В них опускаются ножки джигита-новичка. На седле – мягкая подушка, чтобы ему удобно было сидеть.

Такое детское седло – маленькое произведение искусства, которое усовершенствовалось веками. Подушка, чепрак, мешки для ног – всё расшито шелками и шерстяной нитью, всё радует взор.

Удалая байга. – Но вот подрос маленький джигит. Ему уже девять лет – он участвует в первой своей байге. Никогда не забудет он этого красочного праздника! Чуть не за месяц разосланы гонцы с приглашениями в соседние аулы, со всех сторон везут большие котлы для варки мяса, подносы, ковры. Назначают призы. В старые времена первым призом считались две «жамбы», то есть два слитка серебра, каждый весом в 600 граммов. Теперь же на байге призёр может получить самого лучшего коня!

Байга – праздник, который и сейчас приносит много радости жителям Казахстана. Истинно народная сущность его не изменилась – она создана веками. Кони проходят 25-30 верст – в одну сторону идут рысью, а обратно – в полный карьер. Кто наездники? Наш маленький джигит и его сверстники, мальчики девяти-двенадцати лет. Попутно народ с увлечением следит за борьбой пеших и конных борцов-палуанов (старинное слово «пегельван»). Победителем считается тот, кому удалось уложить противника. Если же борьба ведётся верхом, – побежденного полагается свалить с коня и утащить из круга.

На байгу съезжаются известные акыны, народные певцы и певицы, – их состязание (айтыс) становится одним из лучших украшений праздника.

Конь, победивший в байге, пользуется особым почетом. В его честь акыны слагают песни:

Скакун, ты потешил сердце хозяина,
Принёс ты ему бессмертие победы.
Прекрасен ты видом и полон достоинств без числа,
И нет той цены, что тебя была бы достойна.
Скакун, мой скакун с шёлковой уздечкой,
В табуне десятитысячном был бы ты лучшим!

Лихой кокпар. – Быстро бегут годы и маленький джигит превратился в юношу. Теперь он может участвовать в конной игре кокпар. Для этой игры нужны не только резвые кони и удалые наездники. Нужен еще один участник – козёл.

Двум конникам предстоит помериться силой: чья возьмет, кому удастся перетянуть на свою сторону козла или заменяющую его козлиную шкуру. Победитель мчится с добычей во весь опор, а остальные джигиты его догоняют, чтобы добычу отнять. Победитель бросает шкуру козла к ногам уважаемого аксакала, почтенного гостя или любимой девушки и получает взамен подарок. Этот подарок победитель может снова пустить в игру, обратив в эстафету вместо козлиной шкуры, и игра продолжается – это «киши кокпар» (малый кокпар).

Не только в кокпаре мог проявить своё мастерство юный наездник. Совершенствуясь день ото дня в верховой езде, он побеждал в игре «тенге алу» (доставание монет с земли): на полном скаку

нужно было откопать и поднять с земли узелок с завязанными монетами. Он мог участвовать в стрельбе из лука: не слезая с коня и удивляя сородичей ловкостью, на полном скаку сбить стрелой высоко подвешенный слиток серебра – «жамбы».

Право на поцелуй… – Но вот наш джигит впервые ощутил чары луноликой сверстницы, – к её ногам он складывает добычу, выигранную в кокпаре.

Юноша узнаёт, что его избранница участвует в конной игре «кыз куу», что означает «погоня за девушкой». Он включается в игру и сперва сам догоняет девушку на небольшом расстоянии, а на обратном пути спасается от её погони. Или же наоборот, – сперва девушка догоняет джигита, а потом он её. Но столь ли важно, кто кого станет догонять первым? Важно то, что, догнав девушку, победитель приобретает право на поцелуй! Она же, догнав всадника, хлещет его камчой, и немало требуется выдержки джигиту, чтобы держаться на коне так, словно он и не чувствует ударов, и чтобы спина его ни разу не дрогнула.

Искусство выбирать коня. – Конь – постоянный спутник и верный товарищ джигита на протяжении всей жизни. А выбрать друга непросто.

Что сказал бы старый почтенный коневод юноше, пожелавшему выбрать коня?

– Этого коня, сынок, не бери, – посоветует он. – Не смотри, что он красив, погляди на него сбоку, и если глаза у тебя зоркие, – увидишь, что передние ноги немного короче задних. Стало быть, конь подведёт тебя при спуске с крутой горы, седло скатится к голове и он сбросит тебя на полном скаку.

– А как насчёт этого, ата? – спросит юноша, указывая на другого красавца.

– И этого разгляди повнимательнее, – скажет знаток. – Разве не видишь, что задние ноги у него короче передних? На гору он не взовьется, подобно соколу, и не понесет тебя ввысь по круче, – седло будет съезжать на круп.

– Ну а этот? Этого-то, наверное, можно выбрать? Статен он и красив, – через колечко пропустишь, пройдет – не заденет!

– И опять не спеши с выводами, сын мой, – говорит аксакал. – Глаза у него мутные, не может он прямо глядеть на солнце. Поскачешь против солнца, и ослепнет твой конь!

– Возьму этого! – решает джигит, обнимая за шею коня с белой звездочкой на лбу, «на счастье».

– И ошибёшься: копыта у него слишком тонки – быстро изотрутся на каменистой почве. Шея, как у лебедя, – длинная и красивая, – только не годится такая шея – устаёт быстро.

– Но какого же, какого коня взять? – спросит, отчаявшись, юноша.

И ответит ему мудрый коневод:

– А такого, чтобы ноздри у него были достаточно широки и передние ноги далеко расставлены – дышать будет свободно и полной грудью. И чтобы туловище не было чересчур коротким, а то будет задевать задними копытами за передние на полном скаку. И уши чтобы были не очень короткими, а мягкими, и ложились по ветру, а то будет ветер биться о короткие твердые уши – зря коня ярить.

– Я не запомню всего, ата! – разочарованно говорит юноша. – Теперь я и вовсе не знаю, какого мне коня выбрать.

– А ты «Кулагера» почитай. Поэта Жансугурова. И узнаешь, как из пятисот коней одного выбрать. Или песни Абая послушай, в имена коней вслушайся. Во многих из них – совет.

Дружба. – Как и подобает, послушался юноша старого коневода и выбрал низкорослого степного конька с неукротимым нравом. Сильного, с упругими задними ногами, которые, подобно стальной пружине, отталкиваются от земли и одним ударом могут убить любого противника.

Спутник, выбранный с таким тщанием, оправдает возложенные на него надежды. В необозримые дали понесёт он нашего джигита, не зная усталости, угадывая его желания, – послушный ему во всем.

Конь станет у изголовья хозяина, когда тот приляжет отдохнуть в степи, и тихим ржанием разбудит его, предчувствуя опасность.

Конь будет неоценимым помощником на пастбищах, – ему поручат собирать отары и даже охранять их от хищников. Потому что степной конь обладает удивительным свойством – он не боится волков. Более того, он способен убить волка. Сперва погоняет до полусмерти, а потом и лягнет задней ногой.

На охоте такой конёк обгоняет благородного кречета. Оправдывая поговорки и сложенные в его честь песни, он добудет славу хозяину в бегах и состязаниях.

Круговорот времен. – Быстро сменяют друг друга зимовки – кыстау, весенне-осенние куздеу и привольные дни на летних пастбищах – джайляу. Юноша достиг мужества и готовится ввести в свой дом «луноликую сверстницу», которая во время кыз куу одарила его не только ударами камчи, но и поцелуем.

В честь невесты он слагает стихи и песни, сравнивает девушку с легким как стрела иноходцем, с неукротимой кобылицей, с волшебным чалым коньком или ласково называет своим «ай-каска» – скакуном с белым пятнышком-полумесяцем на лбу – верным залогом счастья.

Воспевая возлюбленную, джигит не забывает и о друге – коне:

К любимой моей я мчался на верном своем скакуне.
Как бережно нес он меня и как плавно…
Чтобы сердце любимой понять, хватит лишь взгляда,
Ему, – чтобы меня понять, и слова не надо!

Настанет день, и в его дом внесут колыбель, украшенную совиными перьями – на счастье! – и его первенцу посвятят жеребёнка от самой прекрасной кобылицы…

И новые песни сложат акыны в честь юного джигита и верного его друга – коня.

Читатель, описанные здесь обычаи степи – драгоценный памятник духовной культуры казахского народа. И конь – постоянный друг человека во всех традиционных «действах». Тем самым он возвеличен не только как друг всадника, но и как неотъемлемая частица народной традиции. Пусть этот рассказ ещё напомнит нам, что бездушие и жестокость ко всему живому – не норма, а патологическое отклонение и злой недуг. И что в противовес – существует тесное и многовековое единение человека с природой! С каждым, самым скромным её детищем, и что каждое вписано в её скрижали «на равных», даже если не вдохновляло поэтов и зодчих...

Обработка казахского фольклора М. Кушниковой

Россия как бывшая родина

Где любят нас – лишь там очаг родимый.

Джордж Гордон Байрон

От составителей. *Авторы, представленные в этой рубрике, давно живут в Румынии. У Александры Феноген и её сотоварищей по «паломничеству» в Россию по сей день жива память о прародине, что и позвала их в путь в 2003 году. Также не померкли воспоминания полувековой давности о событиях, прожитых в детстве в Сибири, у Валентины Бойешан. Очевидно, где бы человек ни проживал, и сколь бы счастлив ни был там, где находится, в его сердце никогда не меркнет «гормон родства» с землёй, от которой тянутся его многовековые корни. Это отнюдь не ностальгия, а просто ощущение внутренней связи, никак не мешающее трезво оценивать вехи настоящего и прошлого.*

Александра Феноген
ДНЕВНИК ПАЛОМНИКА

Блеща средь полей широких,
Вот он льётся!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далёких
Я привёз тебе поклон.

А.С. Пушкин

Несколько лет назад я смотрела по телевизору документальный фильм о научной экспедиции в Месопотамию. Люди строили судно по подобию античных и старались, чтобы всё выглядело так, как это было примерно 3000 лет назад. Я же мечтала о том, чтобы и нам найти возможность построить *чайку*, как те, на которых приплыли с Кубани наши предки, и восстановить путь казаков-некрасовцев с берегов Азовского моря до берегов лимана Разин. Такую мечту, конечно, очень трудно осуществить, и не только по материальным причинам. Тогда я даже не думала, что настанет время, и мне посчастливится поехать в те места, откуда началась наша история, где наши корни, наш дух – то, что называется сегодня нашей идентичностью. Правда, не на чайке я плыву туда, а еду на микроавтобусе, но разве это самое важное…?

Суббота, 2-е августа 2003г.

Готовлюсь к поездке на Родину. На историческую. Пока что – только душевно. Но ощущения уже очень сильные – меня охватывает какой-то внутренний (порой и внешний) трепет, налетают мечты, но всё так неопределённо, так неясно – ничего конкретного не могу, и наверное, не хочу себе представить… Какая-то даль туманная, дымка, далёкая музыка, степь, гул стучащих копыт… ветер…

Да и может ли быть во всём этом что-нибудь конкретное? Что я там увижу? Какие-то города… Какие-то сёла… Каких-то людей. В этом смысле там для меня нет ничего особенного – никто и ничто меня там не ждёт, и мне ничего особого – точнее, особо конкретного, ждать не следует. Ведь если разобраться, настоящая моя родина – здесь, и это даже не страна, а это моё родное село. Место, в котором моё сердце столько раз наполнялось гордостью за то, что *я есть* и *кто я есть*, любовью к моему суровому краю, к моим замечательным, неповторимым и героическим предкам, которые сумели сохранить – даже трудно точно определить, что именно – веру, свободу, дух, всё это и ещё что-то, невыразимое словами, а только сердцем… Моё родное село, которое мы с отцом называем Центром Вселенной… Со стороны всё это может показаться немножко смешным, но так оно и есть. Так же как и для каждого краснокожего его маленькое селение есть центр Вселенной… Какой Вселенной, чьей Вселенной? – спросили меня однажды… Да всех возможных для нас Вселенных… Ибо каждая маленькая, «собственная» Вселенная – это часть других, больших, центр которых помещается в одной точке. Но центр этот остаётся неподвижным, то есть остальные вселенные – концентричны с самой малой из них…

Тогда чего же я жду от этой поездки, что мне нужно и чего мне хочется? Почему всё-таки тянет? Почему снится? Почему всё же Родина…? Столько сотен лет уже прошло с тех пор, как мой пра-пра-пра-пра… дед перекрестился, сел на коня, а потом на лодку, вместе со всей семьёй и, со скупой мужской слезой на щеке, сказал, наверное: «Ну, давай! С Богом!»

Сколько крови осталось в моих жилах из его крови – суровой, непокорной, но свободной, преданной, верной – верной и другим, но в первую очередь самому себе? И что за сила, чарующая, волшебная,

влечёт меня туда – куда? И чтобы увидеть – что? Чтобы почувствовать – что? Веяние родного духа? Зов корней? Зов крови? Зов степи, сохранившийся где-то в уголке моего генетического кода? Душа тоскует… Но – о чём?…

Я знаю – там нет ничего такого, что можно объяснить словами, передать предложениями. Я знаю – там города и сёла и люди, как и здесь. Только чужие. Другие. И время другое. Всё перемешалось, ничего не осталось… Из того, нашего... Мы остались – здесь… Пока…

В наше время всё больше людей говорят, что их родина – Европа, а меня тянет куда-то в степь, неизвестно почему и для чего, упрямая капля крови, непокорная, как тот бородатый казак, готовый погибнуть, но остаться самим собой, непокорная бунтующая капля крови, которая отказывается считать Европу за Родину, и стремится куда-то в неизвестность, чтобы найти там свои корни… И она, эта капля моей крови, видимо, сродни той скупой казацкой слезе, которую степной ветер осушил когда-то, в незапамятные времена, на щеке моего предка…

Однажды мне рассказали о человеке, который родился в Югославии и всю жизнь прожил в Иордании. Впрочем, не совсем так: будучи лётчиком, он облетел весь мир, но постоянная его остановка была в Иордании. Его родители были русскими и он считал себя русским. И когда вышел на пенсию, поехал жить в Россию, где у него никого не было, ни родственников, ни друзей, ни знакомых. И его из посольства «послали» куда-то на юг, где было больше татар, чем русских, но, несмотря ни на что, он был счастлив. Даже женился там и, кажется, всё у него шло до поры до времени благополучно, пока не умерла жена. А потом всякая связь с ним прервалась, неизвестно, что стало с ним дальше. Но он был счастлив, и это главное… Счастлив тем, что вернулся на Родину. Неважно, что по сути это и не была его родина… Но, в конце концов, что же такое родина? Как определить это понятие? Не место ли это, где ты родился, где ты рос, где жили твои предки и продолжает жить твоё детство? Да, это, конечно, родина – в прямом смысле этого слова… Но есть у человека и другая родина – та духовная и душевная почва, от которой когда-то оторвались – отпочковались – даже не ты, а твои

далёкие предки… Как ни странно, по каким-то причинам эта родина живёт не в каждом из нас. Что-то передаётся, наверное, генетически. Одним достаётся, другим нет. Как талант, как красота, как мудрость. Поэтому, есть люди, для которых родиной может быть Европа, или весь мир. Им всё равно. Но тот, в ком живёт такая родина, не найдёт себе покоя, пока не увидит её, не прикоснётся к ней, не вдохнёт её душой и телом.

Я уже вошла в какой-то транс – моя душа стала крайне чувствительной – она трепещет при каждой мысли, звенит, как струна, на каждом шагу… Да и я сама превращаюсь в струну, натянутую, в ожидании Встречи… С Родиной...

Суббота, 9-е августа 2003г.

С утра пораньше, до восхода солнца, начинаем наш паломнический путь. Трепет, то есть тот трепет, который поселился в душе уже неделю назад, как будто охватывает всё село… Оно ещё не полностью проснулось, но в воздухе висит что-то непонятное – ощущение, почти материальное, что происходит что-то необыкновенное, что-то исключительное, эпохальное… Разве каждый день потомки некрасовцев едут в гости на Родину, чтобы снова, столько лет спустя, ступить на ту землю, память о которой мы несём с собой через века – и в душе, и ещё в какой-то части нашего существа, части, которую нельзя определить, нельзя назвать, ибо она неуловима.

Звучат песни – наши женщины (и мужчины, прошу прощения!) поют о России, о разлуке, о казаках, о чужбине…

Мы везём с собой в подарок России песни – её песни, но которые уже больше наши, ибо ей они так долго не были нужны – она потеряла их, отдала, выбросила, даже не задумавшись.

А мы всё равно едем к тебе, Матушка Россия, с распахнутой настежь душой, с песнями, любовно сбережёнными, с костюмами, с иконами и книгами, которые мы не разучились ценить, любить и писать.

Всё это – частица нашей души, которая говорит о нас главное: говорит, что мы *есть*, что ещё не растворились, ещё храним память о том, кем мы были, и что нас не покидает надежда на то, что мы *будем* и впредь.

* * *

А наша Добруджа, по которой мы сейчас едем – это ведь тоже Родина, и даже больше, чем та, неизвестная, потому что она нас приняла, тогда, когда родной матери мы надоели. Ещё не совсем ясно, кто из них мать и кто мачеха...

Сопки, притупившиеся клыки гор Мэчина, самых древних в Румынии, и, насколько я помню, и Европы, деревушки… Вот греческая деревушка Извоареле – наша Добруджа продолжает оставаться многонациональной, миниатюрной Европой, как назвал её кто-то… Вот новая церковь, в которой служат по старому стилю, говорит нам Василий Васильевич, и эти слова уже роднят нас всех с этим, до сих пор чужим, не имеющим отношения к нам, селом… Потом нам навстречу идут какие-то аккуратные, небольшие глиняные домики – и у меня почему-то возникает почти уверенность, что когда-то давно наш красивый, современный Сарикёй выглядел именно так.

Потом пруды, болота, плавни, птицы – хохлатые цапли, белые, жёлтые кувшинки – и женщины наши запевают песню о журавлях, которых не видно за горой… И горы Мэчина проступают тут и там – древние, до того иссохшие, что кажутся маленькими, недозрелыми – как старики, с годами всё больше и больше походящие на младенцев – и умом и ликом… Налево виднеется вдали тоже наше, казацкое село – Каркалиу. Это название пришло из тюркского *Кара-Кале* – Чёрная Крепость. Наши называют село Камнем – лежит оно на небольшой возвышенности, гордо, как все наши сёла, на берегу Дуная, и церковь возвышается над домами, как очаг, как сердце, бьющееся сердце живой общины, вокруг которой уже столько веков мы собирались и… выжили.

Вот и Дунай – в этом году уровень реки самый низкий за последние 160 лет – на перекатах 120 сантиметров, можно перейти пешком.

Тиховой Дунай –
Бережочки мои,
Молодой солдат (раньше пели «казак»)
Полковничка просит…, – поют в микроавтобусе…

Наш путь только начинается – и предстоит нам долгая и нелёгкая дорога, но долог и нелёгок путь паломника, зато цель его святая, и освящает она ему душу и крепит его дух и тело…

Одесса, Ростов-на-Дону, Приморско-Ахтарск, Ставропольский край – это главные цели нашего путешествия.

А пока вдали видны купола церкви на Хуторе – брэиловском Писке – и там тоже наши – как хорошо, как тепло на душе, когда говоришь и одновременно чувствуешь значение, глубину, исключительность слова *наши*. Как говорит о нас украинский учёный Александр Анатольевич Пригарин: «*Большинство населения причисляют себя именно к этой группе с таким субэтнонимом – липоване – он полифункционален – он одновременно определяет и русскость, и русскость в составе Румынии, и старообрядческую сторону определения – вообще он создаёт то, что называется миром своего, миром Мы – все, кто не липоване – это уже они, это мир внешний*».

Александр Пригарин приезжал на этих днях в Сарикёй – чтобы изучить наши традиции, фольклор, историю, быт, язык… Интерес к нам возрастает – и я думаю, что приближается особое для нас время, когда всем станут известны невероятные о нас, о казаках-некрасовцах, истины. Конечно, могут ещё пройти долгие годы, но всё равно – цель уже близка… И тогда некрасовцы заговорят снова, и *заговор молчания* будет прерван, и мы снова станем гордиться своим именем и своим прошлым.

Вы поля, вы поля,
Вы турецкие поля,
Урожая нема…

Какая грустная казачка, с тоской осмотревшая скудные хлеба, с трудом растущие на скупой, жёсткой, редко политой дождями земле Добруджи, запела впервые эту песнь, которую через века повторяют наши певуньи?

Границы, таможни – ждём часами, Василий Васильевич всё бегает туда-сюда с бумагами, с объяснениями… Время как будто остановилось, и мы как будто стоим на месте… Едем, едем, Украина, Республика Молдова, опять Украина (правда, Молдовы было меньше километра, но таможня всё равно таможня, и время там

протекает медленно и попусту), а по ту сторону Дуная виднеются те же зубчатые горы Мэчина, которые мы видели с утра, и покрытые железом крыши домов в румынских и в наших, русских, сёлах ослепительно сверкают на солнце.

А доедем до Измаила – оттуда будет видна Тульча – ну разве мы не на месте кружимся? По радио пока слышны румынские передачи…

Водитель наш – то ли турок, то ли татарин из Констанцы. Вот как шутит история: турок везёт некрасовцев в Россию…

А нашим женщинам почему-то поётся всё про турок…

– Ой, чтобы он на нас не рассердился, а то мы всё про турка да про турка… Странно у нас получается…

– Не разберёт, откуда ему знать, что такое «турка»?…

Наверное, сегодня же доедем до Одессы – хочется на неё взглянуть – я столько читала и слышала об Одессе… Да и один мой друг, когда-то живший там одно время, рассказывал забавные истории о городе, о его жителях, об их совершенно особом чувстве юмора.

Но пока тянутся скучные, длинные и жаркие часы на таможне... и всё же преобладает какой-то неповторимый запах дороги, приключений, так полюбившийся мне – и ещё то несравненное ощущение кочевника, у которого кочевание в крови – и который чувствует себя свободным только в пути… Едешь и едешь, и не важно куда, главное – дорога – и никуда не спешишь и ничего тебе не нужно – лишь бы дорога… Наверное, это тоже от предков – ведь наши всегда ездили откуда-то куда-то и продолжают и нынче скитаться по всему миру – на работу, по делам, не важно по каким причинам, с какой целью… В поиске ясной зари, в поисках града Китежа, Беловодья...

Пока рядом только бедные таможенные украинские бараки – скорее похожие на послевоенные железные коробы и – ещё, наверное, довоенные машины: сюда XXI век ещё не дошёл – кажется, совсем забытый Богом и людьми край… Даже и таможенники, несмотря на все их старания поважничать, кажутся какими-то пропыленными, заржавевшими, такими «неважными» – а это для таможенников равно потере авторитета.

Дядя Кирюша – единственный не сарикёйский «паломник», который, кажется, не раз проезжал по этому маршруту – говорит о

дороге, как знаток, хотя, конечно, никто и не стал бы оспаривать его слова – кроме, может быть, Василия Васильевича, который тоже проезжал эти края несколько лет назад… Но нельзя же запомнить всю дорогу в несколько сотен, даже тысяч километров. Дядя Кирюша, говорит, ездил к родственникам – у него то ли в Краснодаре, то ли в Ростове, то ли в Ставрополе – или, может быть, повсюду, я что-то не пойму – родственники и знакомые… У нас у всех есть где-то в тех краях родственники, но большинство потеряли с ними связь, почти всё забыто.

Мы везём с собой подарки: несколько икон – нового письма, конечно, книги, журналы, национальные костюмы – женские и мужские – которые оставим, главным образом, в музеях. Некоторые костюмы старинные – есть столетней давности… Мне почему-то их жаль. Конечно, у нас в селе таких достаточно, и важно, чтобы были сведения о нас в российских музеях – но всё-таки это наше достояние, а там, кто знает, возьмут да бросят в какой-нибудь сарай, и мыши их сгрызут.

Мы и сами должны всё это собирать и сохранить – должны создать наш собственный музей, почему это только у других должно быть наше?

Обедаем под открытым небом, у шоссе – недалеко виден тот же Дунай и тот берег – Румыния – но это всё, теперь начинается долгая дорога по Украине. Только завтра вновь пересечём границу – с Россией.

И снова бесконечные плавни, озёра, стая причудливых облаков преследует нас, игриво подпрыгивая вместе с автобусом. Наш турок, наверное, возомнил себя лётчиком, а не водителем машины, и поэтому мы не едем, а летим… Правда, по не совсем ровной дороге полёт получается очень даже «бурный», но похоже, что это его совершенно не волнует…

Вот проезжаем Старую Некрасовку – когда-то часть наших предков казаков переехали сюда и основали это село. Дома похожи на наши – как удивительно связан наш Сарикёй со столькими местами, со столькими людьми, разбросанными по всему миру… Настоящий Центр Вселенной! Дорога через камыши и плавни напоминает шоссе Каир – Александрия, пролегающее через Дельту Нила. Только вот восьмиконечные кресты у дороги говорят о том,

что Египет где-то на другом краю света, а мы – здесь, где когда-то были некрасовские владения…

Я не знаю, что означают эти восьмиконечные кресты – наверное, что-то подобное троицам, но перед ними нет ни цветов, ни свечей – стоит просто крест, и всё. А сейчас в России наш крест считают как бы исконным русским крестом – древлеправославным, а не старообрядческим, так что вряд ли его туда поставили старообрядцы. Впрочем, кто его знает?

А вот что пишет про такие кресты Мельников-Печерский в романе «В лесах»: «*За Волгой, на дорогах, в полях и лесах, особенно на перекрёстках, стоят высокие, сажени в полторы или две, осьмиконечные кресты, иногда по нескольку рядом. Есть обычай тайно от всех срубить крест и ночью поставить его на перекрёстке. Кто перед тем крестом помолится, того молитва пойдёт за срубившего крест*».

Некрасовка, Суворово – призраки прошлого в названиях сёл, как будто история шагала по этим краям и сама «крестила» деревни… Повсюду тени казаков-наездников, твёрдых в вере, лихих в бою, верных и лихих в любви.

Пошла степь… Дунай и болота остались позади – едем на Одессу.

… И вот уже море, курорты, лиман Аккерман – живописно, красиво, люди загорают, отдыхают… Смотришь из автобуса на море – и, как в детстве, хочется, чтобы машина остановилась, не важно по какой причине, чтобы даже сломалась (но не совсем, а только чуть-чуть) – чтоб выйти и насладиться настоящей свободой кочевника, останавливающегося, когда и где ему захочется… А здесь... хоть пять минуток пройтись бы по берегу моря, и всё – обратно в путь… Но нельзя – и вообще, только детям позволено так мечтать. А то, не дай Бог, машина сломается и вправду, и что тогда…?

И снова облака, то стаями, то табунами, то стадом золотистых от заходящего солнца овец, плывут вместе с нами, как будто участвуя в соревновании...

Проезжаем Одессу кольцевую – и всё, нет Одессы... вот ведь она, была рядом, но мы так и не увидели ничего кроме крайних домишек…

Всё едем кругами, всё объезжаем что-то и как будто стоим на месте… Весь день какой-то странный – всё ездим по кругу – никак

не можем отъехать то от Тульчи, то от Измаила, а теперь вот от Одессы.

Но ведь:

Я вам не скажу про всю Одессу,
Вся Одесса очень велика…

Пообедав у дороги, набравшись сил, наш хор поёт песни – одну за другой – русские, советские, наши – всё подряд!

В наши дни песня, как частица жизни – редкое явление; а вот наши женщины сохранили какую-то первобытную роль песни – она у них тесно переплетается с жизнью так, что не различишь, где кончается одна и начинается другая… Разговор зашёл о камыше – сразу же одна из них начинает песню о камыше – остальные подхватывают, кто слова, кто только напев… Кто-то вспомнил о комарах – сразу же пошла песня о комарах… Другой заметил, как плохо уродились в этом году хлеба – откуда-то снова появилась песня… На каждый случай жизни, на каждое почти слово, у них есть песня. Это замечательно… Я представляю, что так было у наших дедов и прадедов – поэтому столько народных песен. И наши женщины их сохранили – и мы должны сберечь это сокровище, потому что такого уже нет в современном мире, и больше не будет… Лучше всех, конечно, казацкие песни, и я удивляюсь, сколько их.

– На днях что-то так мине плохо было – я целый день бегала, то одно, то другое – и думаю, что это мине так чижало на душе… А потом догадалысь, что я ни одну песню за весь день ни заиграла…, – говорит одна певунья…

Вдоль дороги продаются арбузы, дыни, по обеим сторонам шоссе – подсолнухи, подсолнухи, подсолнухи… И этот, и так солнечный, край кажется ещё более солнечным, светлым… как будто покрыт золотой пыльцой...

Местами нас встречают лиманы, или синие лоскутки Чёрного моря… Деревни, однако, выглядят заброшенными – высокие сорняки у домов, некрашеные, развалённые заборы…

– Гляньте, у нас бы так, обсмеяли бы…, – удивляются наши хозяйки, у которых в доме всё убрано, всё сверкает… Они примечают всё с любопытством – многие впервые едут в Россию. И дорога

бежит бесконечная, а дорога для кочевника важна сама по себе, но на этот раз важна и цель…

Ночуем на стоянке вблизи города Николаева – не отдых, а мука: спать сидя в микроавтобусе – не самая приятная вещь, но ради такой высокой цели ничего не жаль…

А наутро встаём с восходом солнца и едем дальше, продолжаем наш путь-посвящение …

Воскресенье, 10-е августа 2003г.

Рано утром, задолго до рассвета, измученные после ночи-пытки, ждём, когда проснётся наш водитель. Для него такие маршруты, наверное, дело обыкновенное, и он, прохрапевши всю ночь, продолжает храпеть, когда мы все уже сидим как на иголках, с одной лишь мыслью в голове – поскорее бы в путь!

– Что, уже проснулись? – вопрошает он удивлённо, когда кто-то, не вытерпев, коснулся как будто случайно его ноги.

Николаев, Херсон, Мелитополь…

Проезжаем мимо городов; посёлки – где-то тоже в стороне от дороги, а кругом одна степь.

Едем к Мариуполю – надеемся быть сегодня вечером в Ростове-на-Дону – нашей первой остановке.

По радио звучат русские песни, передачи на русском языке, как-то и в пейзаже начинает чувствоваться дух России, или это только мне кажется…? Но всё равно, приближаемся, хотя наш путь по Украине продолжается ещё несколько часов… Главное впереди.

Среди домиков какого-то посёлка вдруг виднеется кусочек Азовского моря. Странная картина, как будто море идёт вверх, к небу…

Я видела в своей жизни несколько морей – и Балтийское, и Средиземное, и Красное, и Мёртвое, и Северное, но такое ощущение – будто вода подымается к небу – возникало только в связи с одним «морем»; которое – как и Азовское – на самом деле озеро… Это наш Разин…

Это одна из тех картин, которая навек запечатлелась в моей душе: улица моего детства идёт вниз, пологим откосом, а озеро, наоборот, идёт вверх, всё выше и выше к небу, иногда тёмно-синее, серовато, иной раз голубовато-прозрачное или зелёное. Но лучше всего эта водная – не поверхность, а именно стена, поднимающаяся к

небесам – выделяется, когда озеро нахмуренное, серое. Тогда оно как будто превращается в ступень к другой синеве, к другой, ещё более бесконечной бесконечности…

Вот и последняя «пара» границ – украинско-русская – и мы уже ближе к цели. Снова эти всеми «любимые» часы на таможне, бессмысленные вопросы, бумаги, часы напрасного ожидания, такого же бессмысленного и утомительного.

Я смотрю на своих сопутешественников – не знаю, что они думают об этой поездке, но я уверена, что смутное ощущение какой-то потерянной родины и чувство паломничества, святости, даже если оно не определено такими именно словами, также волнует их души. Они любуются цветами, домами, полями, людьми, оттенком дынь и заборов, земли – всё вызывает у них интерес – и я думаю, это не просто интерес к новым местам, а интерес к новым, чем-то особо значительным местам.

Кто-то сорвал гроздь рябины – и все удивляются, не знают, что это такое… Мне не поверили, что это рябина, – у нас рябиной называют совершенно другое растение.

На русской таможне нам устроили самый «радушный» приём. Наверное, мы показались им какими-то подозрительными сумасшедшими чудаками, проехавшими тысячи километров только для того, чтобы посмотреть, откуда мы «взялись» и как там живут «наши». Поневоле, наше нетерпение и волнение пришлось немного усмирить.

Ну, ничего, не лёгок путь паломника, поросший терновником и страданиями, зато сладким будет плод искомый...

Курчавые облака продолжают преследовать нас игривыми дельфинами. У дороги опять замелькали наши восьмиконечные кресты, как метки-ориентиры на нашем пути – и на этом, паломническом, и на том, историческом, огромном по времени и по пространству…

До Ростова остаются примерно 130 километров.

Понедельник, 11-е августа 2003г.

…Вчера – въезд в Россию, после долгой и просто издевательской таможни... и меня вдруг охватил какой-то странный сладкий покой, как лёгкая пелена-дымка на душе, и тепло разлилось по сердцу, словно первые лучи солнца ранним, слегка туманным утром… За окном мелькают названия деревушек, большинство из них смешное,

нелепое наследие «других» времён: Прогресс, Авангард, Красный Десант – но иногда неожиданно появляются забавные – Пятихатки, например.

Земля здесь хорошо обработана, намного лучше, чем в Украине, и дома по деревням новые, высокие, красивые, из красного и белого кирпича.

Едем к Ростову. Врата Кавказа… И, конечно, не избежать «приключений» с милицией: наш водитель, во-первых, летит, а не едет на своей машине, нарушает все правила… и штрафы следуют один за другим. А помимо этого, он похож на кавказца, а Чечня здесь рядом, и проблем с ней хватает.

Заезжаем в Ростов, уже вечереет, где же искать церковь старообрядческую в огромном городе? Но нам посчастливилось: молодой парень объяснил, как доехать, даже начертил карту…

Приехали. На улице ночь… Стоим у ворот церкви – небольшая позолоченная луковка, восьмиконечный крест… Строгая женщина допрашивает нас через калитку…

– Вы наши румыны? Ага, знаю! А сколько вас человек?

– Одиннадцать.

– Тогда это не вы. Мы ждём двенадцать.

– Один не смог приехать…

– *Почему не сообщили отцу Иоанну?* – и всё в этом роде… – *А что это за машина? Почему на ней звезда?*

– Этот микроавтобус не наш, мы взяли его напрокат …

– *Ага, значит, бесовский… В ограду пускай не заезжает…* и т.д. и т.п.… – *А почему вы не приехали под субботу или под воскресенье, чтобы на службу сходить…?*

Все оробели. Мы ведь приехали с ансамблем, с песнями, а тут нас чуть ли ни сразу в монастырь. Мы все смертельно устали, и перспектива ещё одной ночи в машине никого не радует.

Наконец, дело наладилось, кто-то переговорил по телефону со священником – «Цербер» открывает калитку и пускает нас за ограду.

У них в подвале несколько комнат для приезжих. На одной из коек лежит больная женщина, которая уже два года не встаёт с постели. За ней присматривают «дежурные» – сейчас это «Цербер» – Анастасия Петровна.

– Не Настя, не тётя Настя, а Анастасия Петровна, – говорит она нам строго, но как будто уже не так сурово, как вначале. Вокруг – нищета, сырость, в углу лежит старинная церковная утварь, которую, видимо, уже нельзя использовать. Но иконы преславнейшие...

Понемногу Анастасия Петровна смягчается, а сторож, её брат, Владимир Петрович, кажется, заинтересовался нами, рассказами Василия Васильевича и даже нашими песнями. Но Цербер Петровна не дремлет: «*Никаких песен в Божьем доме*»… Правда, пока мы не в церкви, а в подвале... но всё равно, идут на компромисс: женщины вместе с Володей (он позволяет обращаться с ним без церемоний!) поют несколько духовных стихов. Мы с Таней тоже покрыли головы платками, сидим, не дышим.

И вдруг запели наши артистки – а голоса, как на подбор, этот подвал ещё такого не слышал. Они разогрелись, применились, так сказать, к обстановке и уже почти забыли, что здесь правила построже. Или, во всяком случае, так кажется.

Ночью спим все вместе – то есть не вместе: все женщины в одной комнате, а все мужчины в другой. Сначала женщин поселили было в последнюю комнату, потом Петровна почему-то решила, что так не годится, чтобы женщины проходили через комнату, где спят мужчины, и в последнюю келью перевели наших казаков. Правда, между двумя комнатами нет ни двери, ни занавеси, и мужчины свободно проходят по нашей келье, но, по мнению Петровны, это уже не имеет никакого значения... Помилуй Бог, чтобы не было наоборот!

Водитель же наш продолжает спать в машине – он ведь некрещёный татарин – но он предпочитает, видимо, этот вариант, после такого «тёплого» приёма.

В кельях – сырость, никаких удобств, но мы рады, что можем спать на пусть не очень комфортабельных, но всё же койках.

Петровна дежурит – она не живёт в церкви, как я думала: «*Это моя работа*» – объясняет она мне утром, заваривая и подавая чай.

Церковь построена в 1913 году, но старообрядцам отдали её лишь после войны. Раньше здесь были беспоповцы, теперь этот храм, построенный во имя Покрова Богородицы, принадлежит белокриницкой иерархии.

* * *

День начинается весело. Церковный сторож, Владимир Петрович, дёргает меня за брюки – мол, почему в брюках ходишь, грех. Петровна тоже делает замечание. Но у меня жар, болит горло, и мне не до их критики. Они сначала возмущаются, по-своему протестуют, а потом ничего, привыкают. Я вообще не выгляжу так, как остальные, у меня на шее висит разная аппаратура: видеокамера, фотоаппарат, сумка с кассетами, диктофон. Так что... чего хорошего можно ждать от *paparazzo*? Оставляют, в конце концов, в покое.

Местный священник, молодой отец Иоанн, стриженый, на вид современный, видно, образованный – у него даже компьютер есть (!) – говорит мне кто-то по секрету. Он показывает нам церковь, рассказывает её историю.

Отец Иоанн Ростовский: *В 13 году церковь построил на свои деньги ростовский купец Панин – это была старая часть города, самая заселённая, и на этом месте он построил не только храм, но ещё два дома, которые тоже принадлежали церкви. За алтарём стоит жёлтый двухэтажный дом, на нём даже купол – это был дом, где жили священники, и четырёхэтажный дом, который выходит на ту улицу наискосок – это была богадельня, дом призрения, где жили старики, за которыми присматривала община. Кроме этого, Панин сделал ещё один большой вклад для общины – благодаря ему, община могла существовать, пользоваться этими средствами. Но к сожалению, в 1922 году эти дома и церковь были отобраны у общины, национализированы и впоследствии была возвращена только церковь. В 1923 году церковь возвратили, и старообрядцы могли продолжать здесь молиться, служить службы. В 39 году церковь опять отобрали у нас и здесь организовали завод по производству киргазов, вот местами разбитый кафель – там стояли станки. Церковь была осквернена, люди выгнаны. Началась война, завод закрыли, здание стояло пустое, церковь не открывали, но в подвале, где вы ночуете, оставшиеся старообрядцы – Ростов два раза захватывали немцы, два раза освобождали, – в подвале старообрядцы укрывали раненых красноармейцев, были скандалы с немцами, то есть наш храм – известный для Ростова, и для истории. И уже после войны, в 47 году, церковь окончательно вернули общине,*

вот с тех пор мы и служим, не прекращая службы, несмотря на все гонения, которые были при Хрущёве и впоследствии. Было много угроз закрыть церковь, но, Слава Богу, наши деды, наши отцы сохранили этот храм, и мы можем теперь им пользоваться, осуществлять свои духовные потребности. В связи с тем, что храм несколько раз отбирался – вся утварь, конечно, уничтожалась – очень маленькое количество утвари смогло сохраниться в ней – поэтому, в основном, в ней всё сделано заново. Иконостас делался на скорую руку и даже утварь – всё это трудно доставалось, трудно сохранялось. Здесь из старого только иконы сохранились, которые собирали по людям. А всё остальное, к сожалению, требует реставрации, и вот мы начинаем сейчас писать новый иконостас в настоящем виде – в Рублёвском стиле.

Наш храм считается центральным храмом Донской и Кавказской епархии. Здесь была епархия, здесь до 1986 года был епископ.

Церковь в России переживала очень сильные гонения, очень много пришлось нам пострадать, хочу привести такой пример: наш храм стоит в тесном месте, кругом – дома. Когда приходится совершать крестные ходы, на Пасху, на престольный праздник, мы ходим вокруг церкви и вот, в те старые времена, не только креста не было на церкви, но даже запрещали нам ходить крестным ходом вокруг церкви, по тротуару. Заставляли нас ходить по этому узкому проходику здесь, между оградой и церковью. Старички ломали ноги, но всё равно продолжали это дело, доказывая, что церковь жива, что мы здесь молимся, что старая вера живёт ещё в Ростове-на-Дону. Наш храм является духовным центром всего южного старообрядчества, имеет связи со всеми приходами по донскому и кавказскому краю.

Храм ещё знаменателен тем, что купец Панин построил его с архитектором Покровским, они так интересно договорились, что здание построено в стиле модерн – так он встроен в красную линию города, но вместе с тем используется для культового назначения – это очень редкий случай, когда здание в стиле модерн используется под церковь.

В настоящее время община у нас достаточно многочисленная – около 600 человек, есть молодёжь, есть средний возраст, пожилые, но, конечно, без пожилых людей не может быть никакой традиции…

У нас в Ростове это был не единственный старообрядческий храм; на этой же улице была старообрядческая старинная деревянная церковь, которая интересна тем, что её привезли с севера. На севере её разобрали в умершем, распавшемся селении, привезли сюда и здесь постановили в честь Николы. К сожалению, её сожгли, уничтожили всю утварь, но мы хотим повесить там мемориальную доску.

История старообрядчества на Дону очень интересная – я в последнее время занимаюсь старообрядческой периодикой последних дореволюционных лет и вижу, что на Дону были очень большие старообрядческие общины. До революции, кстати, центр был не в Ростове, а в Новочеркасске: там была очень большая старообрядческая церковь, там было и старообрядческое училище и, по некоторым косвенным сведениям, даже атаман Матвей Иванович Платов был старообрядцем. У донского казачества всегда были тесные связи со старообрядцами, несмотря на меры, которые предпринимали против старообрядцев правительство и епископат господствующей никонианской церкви и, в частности, Тихон Задонский. Старообрядчество живо до сих пор по Дону – у нас есть церкви, вот в Манычевской станице, в 70 километрах от Ростова, недавно освятили церковь. В Морозовской сохранилась церковь и ещё буквально в 30 километрах вниз по Дону сохранились развалины старообрядческого храма в хуторе Курганы. Вниз по Дону есть ещё такое селение – Елизаветинская станица, где сохранился настоящий старинный казачий быт. Вы сохранили традицию некрасовцев, а вот здесь в некоторых местах сохранилось казачество, исконно русское, южное, без каких-либо народных влияний.

Отец Иоанн – молодой, красивый и… современный – считает, что наш приезд не только для нас самих полезен, но и для них:

Отец Иоанн: *Сегодня я имел счастье встретиться с делегацией старообрядцев липован из Румынии и из своих впечатлений хотел бы подчеркнуть мою положительную оценку для данного начинания и данной инициативы. Во-первых, в том смысле, что подобные встречи очень важны для поддержания старообрядческого духа в наших общинах, для развития и понятия вселенскости церкви, для того, чтобы православные христиане-старообрядцы понимали, что они не замкнуты только в лоне своих общин, что их братья по вере,*

по духу, разбросаны по всей матушке земле, сотворённой Господом. Данные встречи, которые проходят по завету Апостола Павла, напоминают нам, что христиане должны не забывать благотворение и общение между собой, способствуют удержанию этого духа, способствуют проповеди христианского православного духа, способствуют тому, чтобы в современном мире, который, к сожалению, все свои силы бросил на борьбу с Богом, чтобы в этом мире могли гореть какие-нибудь одиночные разбросанные огоньки христианской проповеди. Сохранение вами, старообрядцами-липованами, обрядовой стороны, очень важно в деле воспитания молодёжи. К сожалению, на примере российской молодёжи можно видеть, что не одно поколение в своей массе потеряно и только единицы могут в этом бушующем житейском море прибиться к церкви, пристать и сделать свой правильный выбор в жизни. Образ жизни старообрядцев-липован сам по себе этому помогает – эта обрядовая, национальная окраска заставляет молодое поколение задумываться и обращаться к своим корням в целом. Поэтому ваш визит служит небольшой, могу сказать, встряской нашему молодому поколению, встряской всем нам, примером того, как люди действительно хранили веру, хранили свои обычаи, хранили своё православие.

Старочеркасск, Новочеркасск, и конечно же, Дон... В Старочеркасске началась когда-то наша история. Игнат Некрасов собрал своих единомышленников, приверженцев и увёл их отсюда на Кубань. Подальше от России. Хотя здесь уже ворота на Кавказ... Но Россия всегда присутствовала на Кавказе, её великие мужи восхищались свободолюбием кавказцев – и казаков, и черкесов, и чеченцев – а сама она постоянно воевала против них, как будто стремясь ограничить их свободу, пригасить огонь их вольного духа...

В Старочеркасске, в историческом музее, открыта выставка, посвящённая казакам-некрасовцам. Сегодня понедельник, музеи закрыты. Однако отцу Иоанну удаётся связаться с директором музея и с куратором выставки – и нас принимают – показывают выставку. Множество знакомых нам предметов: костюмы, предметы быта, иконы, кресты, фотографии...

И – удивительно! – даже акварель какого-то художника «Лодки в Сарикёе». И когда это бывали российские художники в Сарикёе? Видимо, бывали, но никто ведь не записывал, не отмечал эти приезды, а всё постепенно, и даже быстрее, чем мы иногда думаем, забывается…

А вот и бюст Игната Некрасова – его портрет не сохранился, или, может быть, никто и не писал с него портреты – этот бюст лишь плод воображения художницы... Работа, однако, на мой взгляд, неплохая: сила, мужество, решительность – лицо атамана выражает все эти главные черты нашего далёкого предка, от которого, как для человечества от Адама, началась наша судьба, наше, можно сказать, существование... «Вор» Игнашка Некрасов... «*Видите, их называли ворами*», – сказал мне кто-то через несколько дней. Но я-то знала, что в старину слово *вор* имело и другое значение... Ворами называли и бунтовщиков, мятежников... И Степана Разина называли вором... А Игнат Некрасов – он и был мятежником...

Здесь же на выставке – и литография нашего последнего атамана, Осипа Семёновича Гончара. Мне эта литография известна, я держала в руках копию, которую кто-то одолжил моему отцу. Под литографией написано: *Осип Гончар – казак дунак.* Я подхожу к молодой сотруднице музея, говорю ей:

– Извините, но это не простой казак, это наш последний некрасовский атаман...

Девушка немножко растерялась. Смотрит на меня с удивлением (не ясно, отчего удивление: то ли оттого, что это не простой казак, а атаман, то ли, скорее всего, оттого, что мне, какой-то приезжей из Румынии, известны такие «детали», о которых она не имеет никакого понятия).

– Правда? Она сейчас же обращается к куратору выставки, а та объясняет ей: *– Да, знаю, мы просто не успели уточнить...*

То есть как это не успели...? Всё-таки существует некоторая разница между простым казаком и атаманом… Тем более, что Гончар не был и просто атаманом: он способствовал восстановлению старообрядческой иерархии в Белой Кринице, он бывал в Париже и Лондоне, где встречался с Герценом. Я что-то сомневаюсь, что они «просто не успели уточнить». Или, может быть, то, что мне кажется таким важным, для них не имеет большого значения... Всё дело в подходе, в восприятии вещей...

А ещё здесь, на выставке, среди пик, стрел, сабель и других военных принадлежностей наших предков, на почётном месте, выставлено... некрасовское знамя. Я снимаю налево и направо и не слышу всех объяснений насчёт этого знамени. Честно говоря, в первые минуты я даже не обращаю на него внимания, до того эта вещь странная, причудливая, даже неестественная. На одной стороне какие-то курьёзные, разноцветные символы – птицы, рыбы, что-то вроде арабесков – и куратор с усердием расшифровывает и объясняет все эти загогулины, до того по-современному, чуть ли не по-фрейдистскому, что я не сразу отдаю себе отчёта, что это знамя, да ещё знамя моих предков. Преобладают яркие цвета: красный, жёлтый, зелёный. На обратной стороне знамени – наш старообрядческий восьмиконечный крест – простреленный – и, конечно же, нельзя обойтись без легенды:

Когда Игнат Некрасов договаривался с турецким султаном о переезде в Турцию, тот захотел убедиться в верности атамана и потребовал, чтобы Некрасов выстрелил в восьмиконечный крест – символ своей веры. Некрасов не мог предать веру, но в равной степени не мог оставить своих казаков на произвол судьбы и… матушки России. Он, подобно Александру Македонскому, нашёл мудрый выход из сложного положения, и по своему рассёк гордиев узел: прострелил знамя, на котором был изображён старообрядческий крест, но стрелял ниже креста...

В одном из залов здания, с хорошей акустикой, певуньи из Сарикёя дарят сотрудникам музея – и памяти легендарного атамана – наши, пронесённые через века, песни. Наверняка он тоже любил эти песни... Низкий тебе, батюшка Игнат, поклон... Через столько времени мы приехали к тебе в гости, не забыли тебя, не забыли твой подвиг и твои усилия спасти нас. Мы вернулись сюда, к нашей колыбели, и исполнили твой завет. Может быть, *Заветы* твои мы больше не соблюдаем, но их дух и твою память мы чтим и храним… Вот какой мы тебе подарок привезли! Послушай нас, посмотри на нас, не пропал даром твой труд...

Мы пополняем коллекцию здешнего музея костюмами, книгами, газетами. Татьяна Ивановна Ямнова, заведующая отделом исторических экспозиций музея, куратор выставки, просит ещё один костюм, но Василий Васильевич не соглашается. А, может быть, стоило бы дать. Всё-таки здесь наши корни.

– Для нас – то, что вы приехали к нам – это праздник, – говорит Татьяна Ивановна Ямнова, *– я без преувеличения говорю. К сожалению, у нас с вашей ветвью связи намного слабее, чем с теми, кто жил в Турции. Но вот, посмотрите выставку – мы её с любовью сделали, приложили все усилия, все свои знания и способности.*

Мы должны продолжать такие связи, вне всякого сомнения. А как же иначе? Нам не просто было организовать выставку – мы связываемся с людьми, собираем по крупицам то одно, то другое, то третье, и люди, кстати, очень интересуются этой темой. Наш экскурсовод рассказывала, что когда была старая выставка по казакам-некрасовцам, люди приходили и плакали.

Казаки-некрасовцы – это настолько чистоплотные, задушевные люди, они вообще удивительны – когда с ними общаешься, получаешь такой заряд положительной энергии, что тебе хватает очень надолго...

Гуляем немного по Старочеркасску – много старинных домов, сады, в которых яблони ломятся под тяжестью плодов… Одна из сотрудниц музея, которая живёт где-то рядом, принесла нам целое ведро яблок и груш:

– Вот вам наших яблок, ешьте на здоровье…

Выходим на Дон – первая встреча с рекой, которая для нас так много значит… Наши женщины смотрят на неё как будто не глазами, а всей душой:

– Скажем-то мы им дома, что на Дону были…

Наверное, в подсознании нашем, в каком-то затаённом его уголке, Дон живёт вечно… Почему почти все наши, в Добрудже, всегда строили деревни возле воды? Почему они все были рыбаками? Наверное, в наших жилах, вместе с кровью, течёт и Дон…

«*По Дону гуляет казак молодой…*», – напевают шёпотом казачки из Сарикёя, словно боясь, как бы не потревожить его – тихого, мудрого, родного Дон-Ивановича…

Едем в Новочеркасск – там музей закрыт; посещаем церковь с тремя алтарями – красивое сооружение, но уже не наше... Не чувствуется той скромности, точнее, не скромности, а своего рода умиления, которое ощущаешь, входя в старообрядческий храм... При всём православном великолепии, старообрядческие церкви, даже не знаю отчего – из-за старинных ли икон, из-за византийских ликов

святых, или из-за того, что в большинстве случаев это старинные храмы – хранят дух прошлого, не пышный и надменный, а тёплый, добрый и близкий душе – наподобие икон Андрея Рублёва.

Так что на меня храм о трёх алтарях в Новочеркасске не производит особого впечатления... И на остальных, кажется, тоже...

Походили, посмотрели, что называется, «побывали в Новочеркасске».

Потом немного разъезжаем по окрестностям Ростова-на-Дону, по инициативе искусствоведа Татьяны Семёновны Рудиченко останавливаемся на берегу Дона. На этот раз – чтобы насмотреться вдоволь, чтобы надышаться воздухом, который как будто пахнет нашей историей.

Широкий, тихий, спокойный, похож скорее на озеро, чем на реку... «*Тихо льётся тихий Дон…*», – говорит Ахматова в *Реквиеме*.

Ансамбль потомков казаков-некрасовцев поёт на берегу Дона. Кому из наших выпало ещё такое счастье? Звучат женские голоса, вокруг тишина... покой, закат... патриархальная картина! Такое ощущение, как будто здесь время не течёт, так же как воды Дона. Весь остальной мир остался где-то далеко, сюда не доходит его шум, его суета, его тревоги...

Коровы идут на водопой, вдали виднеются камыши. Легко колышется камыш, чуть заметно зыбится вода... Наши песни льются звонко, плывут по поверхности Дон-Ивановича, потом поднимаются к небу... На мгновение мне вдруг кажется, что мы никуда и никогда не уезжали. И что наша станица где-то недалеко, а мы просто собрались здесь попеть на праздник. А потом разойдёмся по домам, где нас ждут родные – наши казаки, которым так трудно было выбирать: идти ли за Игнашкой или оставаться здесь. Ведь здесь у них дома, сады, и жизнь – какая-никакая, а завязалась, устроилась… Но всё это – лишь мгновенная греза, и вот мы снова здесь, сегодня, на берегу современного Дона... десять паломников, приехавших из далёкой Добруджи, чтобы поклониться батюшке Дону.

Подъезжают машины, люди выходят, любуются пейзажем, покоем, слушают наши песни. Владимир Петрович – церковный сторож Володька, как его без лишних церемоний величают наши женщины, – наш постоянный спутник. Он слушает наши песни – даже не слушает, а просто впивает их, шутит, преданно носит гармошку Пимы.

И с гордостью накручивает свои казацкие усы, и щеголевато дёргает картуз…

* * *

Доцент Ростовской Государственной Консерватории имени Рахманинова, искусствовед Татьяна Семёновна Рудиченко записывает всё, что ни поёт наш ансамбль. Она знакома с фольклором наших за Дунаем, была когда-то в экспедиции в Вилково.

Татьяна Семёновна Рудиченко: *Впервые я попала на Дунай, в экспедицию к липованам, в 1979 году. Я была в Вилково и в соседних сёлах, в частности, в Мирном. Случилось так – я познакомилась на конференции в Санкт Петербурге с Александрой Константиновной Соколовой. Она выступала с докладом о липованах, в котором утверждала, на основе материала, собранного во время экспедиции в Вилково, что это – потомки казаков-некрасовцев. Тот материал, которым она располагала, совершенно не свидетельствовал о каких-либо корнях. Я ей задала вопрос – существуют ли какие-нибудь архивные источники, исторические документы, какая-то база должна быть для таких выводов.*

Я стала заниматься казаками-некрасовцами с тем, чтобы иметь какое-то представление о них, и поехала в те места, где, по историческим источникам, были сведения об исходе казаков-некрасовцев. Я была в тех станицах и записывала репертуар и фамилии людей. Таким образом у меня собрался какой-то сравнительный репертуар – не только тот, который известен по публикациям Тумилевича и других собирателей, но и материал, непосредственно собранный мною. Я имела представление об особенностях старообрядческого репертуара, о манере пения, о каких-то других особенностях жизни и прочее.

И я считаю, что в экспедиции ‘79 года у нас был интересный опыт, потому что параллельно шло исследование в разных направлениях, с одной стороны – это богослужебная традиция, церковная запись литургии. Кроме того, в домах у старообрядцев, у пожилых мужчин и женщин были записаны некоторые стихири, то есть фрагменты богослужения, но вне богослужебного контекста. Я обращалась с этим материалом к нашим специалистам, которые

занимаются знаменным распевом – они никак не могли его идентифицировать. Для меня это теперь странно – когда читаешь крюки и знаешь гласы, не пойму, как можно его не идентифицировать. Но они не могли этого сделать, потому что южной традицией в то время практически никто не занимался.

Второе направление заключалось в попытке установить какие-то коннотации, связи казачьего репертуара – есть ли вообще какой-то казачий субстрат репертуара. Мне удалось найти там некоторые казачьи фамилии. Люди говорили, да, мы знаем, Лавреновы, например, что наши предки выселились с Дона. Был ещё один интересный аспект: было довольно много переселенцев с Дона позднего времени, то есть уже не относящихся ко времени восстания Булавина, даже не с середины XIX века, а с периода гражданской войны.

Изучали в Вилково обряды, были записаны разные выражения, описана одежда, были сделаны заметки этнографического характера. Я считаю, что очень интересными были записи-раритеты – духовные стихи, в частности из старых, известных стихов – сон Богородицы, цмок, – и у нас на Дону, и у казаков-некрасовцев они тоже есть.

Свадьба интересна, хороводы, ещё вот что интересно в Вилково: поскольку твёрдого грунта там нет – есть там мосточки, по которым ходят – они водили хороводы на Масленицу на мосту, через рукав Дуная. А та сторона за рукавом Дуная у них называлась калимбейка – тюркская сторона, то есть турецкая.

На противоположном берегу Дуная липованское село – как мы сейчас выяснили, называется Периправа – и из Вилково видно, что там церковь православная, слышно, как колокол звонит, как ходят люди, коровки к берегу спускаются, плавают.

Интересна динамика развития традиций – сегодня на меня очень хорошее впечатление произвело пение, сохранение речи – очень хорошо сохранилась русская речь – потому что в быту общение идёт на русском языке. Второе – тембр очень хорошо сохраняется – и мужчины сохраняют свой тембр, и женщины. И фактура – многоголосие.

Я, конечно, не разбираюсь в вопросах, связанных с музыкой, с песнопением. Этот ростовский специалист – женщина добрая,

начитанная, однако, почему-то у меня такое впечатление, что она всё время говорит не то, и спрашивает Бог знает что, то есть как-то не по делу, и как будто она уже давно решила все вопросы, а теперь так, только для подтверждения и вежливости возится с нами… А больше всего меня удивило то, что она рассказала об Александре Соколовой (Москетти). Мне известна одна статья этого музыковеда, в которой она как раз доказывает, что между липованами и казаками-некрасовцами нет ничего общего, что это совершенно разные этнические группы – и она доказывает это, как ни странно, лишь на основе песен, полностью игнорируя исторические документы и архивные источники. А моя ростовская собеседница говорит, будто Александра Соколова утверждает, что липоване из Вилково – это потомки казаков-некрасовцев (что соответствует действительности). Здесь что-то не то: или Соколова после дискуссии с Рудиченко стала доказывать противоположное, или Рудиченко что-то путает. Кстати, хотя, как я поняла, она не согласна с тем, что вилковские липоване – это потомки некрасовцев, у неё как раз нет никаких документов, а один лишь этнографический материал, собранный 130 лет спустя после того, как в Добрудже некрасовцы перестали называть себя некрасовцами. При этом, в 70-е годы общепринятая версия о некрасовцах была та, что они все уехали в Турцию, на Майнос – и, конечно же, вернулись все в Россию в 1962 году…

Почему-то мне всё кажется, что сама Рудиченко не знает точно, как следовало бы подходить к данному вопросу.

Интересно, конечно, что где-то здесь будут записи наших песен, однако важно и то, какие выводы последуют из всего этого. Или это я придираюсь, и от жару мне всё кажется, что тут что-то не то… А что же должно всё-таки быть?

* * *

Завтра – снова в дорогу. Едем по следам некрасовцев на Кубань…

В Ростове не удалось ничего посмотреть – только поздно вечером наши ребята вместе с Володькой погуляли немножко по берегу Дона… Пришли все по-детски взволнованные, счастливые, что удалось хоть на короткое время уйти от присмотра, от строгой дисциплины, установленной Василием Васильичем; рассказывают, как красив Дон ночью, как освещён, как ходят пароходы, с музыкой, с танцами…

Ещё одну ночь придётся переночевать здесь – ничего, как-нибудь доживём до утра – паломник не турист, как утверждает где-то Татьяна Толстая. Турист всё жалуется да требует, а паломник счастлив, что ему выпало такое счастье – стать паломником и посетить святые места. Ну а мы, хотя и не приехали в – буквально – святые места, всё же для нас это – святыня, ибо здесь не только наши корни: отсюда, уезжая, наши предки взяли с собой и свою веру.

Продолжение следует…

Валентина Бойешан
Я ЖИЛА КОГДА-ТО В ОМСКЕ…
(воспоминания о жизни школьницы в военные и послевоенные годы)

В Омск я попала во время Великой Отечественной войны в ноябре 1943 года. Отца моего, экономиста по образованию, той осенью отозвали с фронта и переправили в тыл, в Омск, на военный завод, выпускающий танки. Там он работал в так называемой *приёмке*. Она состояла из военных – офицеров с высшим техническим образованием. Такие специалисты, как мой отец, требовались, чтобы знать, сколько стоит каждый танк, отправляемый на фронт. Эти секретные цифры в нашем доме никогда не упоминались. Подобную статистику доверяли немногим, поэтому отцу приходилось выезжать и на другие заводы – в Новосибирск и Барнаул.

В те два года, когда папа был на фронте, мы (мама, бабушка и я) жили в эвакуации в деревне Ревезень Горьковской области. Мама преподавала русский язык в школе-семилетке. Попав в Омск, отец вызвал туда семью. В осенние каникулы мы с мамой двинулись к Омску. Бабушку оставили до весны в деревне у людей, где снимали квартиру. Путь был длинный, почти 3000 км, с пересадками, и мама решила, что без бабушки мы доберёмся легче.

В нашей деревне, хотя она и располагалась вдоль железной дороги Москва-Казань, поезда не останавливались и поэтому выезжать пришлось из районного центра, который находился в 7 километрах. Не помню, как мы добирались до него с вещами. Наверное, подвёз кто-нибудь на телеге. Там у мамы был какой-то знакомый, чуть ли не

начальник ж.д. станции. Сначала мы к нему не обращались, но когда без толку просидели два дня – попросили о помощи. Пассажирских – мало, большинство товарные, на промежуточной станции в проходящие не сесть. Мамин знакомый задержал поезд сверх положенного времени и втиснул нас в переполненный вагон. Через два дня мы приехали в Свердловск. Предстояла ещё одна пересадка.

Залы ожидания в свердловском вокзале переполнены. Мама упросила кого-то подвинуться на скамейке, чтобы я могла сесть. Мне тогда только что исполнилось 11 лет. Для мамы места на скамейке не нашлось. Народ маялся помногу дней, так как билетов не было ни в одну сторону: ни на восток, ни на запад. Теснота ужасная. Народ голодный, немытый. Я помню, как разглядывала сверху сидевших на полу. По ним ползали большие белые платяные вши, но в волосах они почему-то не гнездились. Вшей не давили: когда чувствовали, что передвигаются по коже, просто снимали с себя и бросали на пол или на соседа. Мы ещё не знали о ДДТ, которым позднее вывели вшей по всей России. А, может, его хватало только для солдат на фронте.

Светлые минуты. В зале работал киоск – продавались книги и журналы. В деревне, где мы жили, в книжном магазине не появлялось ничего, кроме школьных учебников, да и тех не хватало. А тут я увидела журналы с цветными картинками! У киоска всё время толпились дети, быстро знакомились, расспрашивали друг друга. Один мальчик, услышав от меня, что мы едем в Омск, удивлённо воскликнул: «Мы уже возвращаемся, а они ещё только туда!» В конце 1943 года красная армия гнала немцев на запад и толпы эвакуированных хлынули из Сибири в родные места. Тому мальчику казалось, что всем так повезёт – вернуться после нескольких лет эвакуации!

Стало ясно, что из Свердловска выбраться сложно, можно просидеть многие недели. В кассах огромные очереди, страшная давка, билетов мало. Но маме помогла справка, что муж – офицер. На больших станциях существовали особые «военные» кассы и залы ожидания. Мы, наконец, перебрались в такой зал и скоро нам удалось получить настоящий ж.д. билет, с указанием вагона. Я помню, что мне досталось место на двоих с каким-то мальчиком примерно моего возраста на верхней боковой полке. Вот повезло-то!

Ещё в Ревезени мама сумела купить у кого-то курочку – невообразимое для того времени лакомство. Её зажарили, упаковали, но оставили на потом, чтобы съесть в дороге. Мама оторвала от неё маленький кусочек по пути в Свердловск, и больше мы до курицы не дотрагивались. Не знаю, почему мама её так берегла, не думая, что она может испортиться. И вот мы в поезде развернули мясо и… тут же побежали в уборную выбрасывать. Со слезами на глазах мама протолкнула наше богатство в дыру клозета и почти целая, но совершенно протухшая курица стремительно улетела…

В Омск приехали днём и сразу же пошли разыскивать отца. Завод находился за ж.д. линиями по другую сторону вокзала. В проходной попросили вызвать папу. Появился он скоро, по случаю приезда семьи его отпустили пораньше. Двинулись обратно. За вокзалом, примерно в 20 минутах ходьбы – дом, в котором отец получил комнату. Наш район – Ленинский – далеко от центра, куда ездили на каком-то местном поезде и, кажется, был трамвай, или он появился позже – не помню.

Мы поселились в большом доме по улице Труда, номер 1. Подъездов было много – по-моему, 14. Они назывались секциями. В первой – наша комната. На последнем, шестом, этаже, но довольно-таки большая, с двумя окошками, по одной на каждой стенке. Мне очень нравилось обозревать город с нашей «колокольни». Район тогда застраивался, в основном, маленькими частными домишками, только наш дом возвышался громадиной. Его построили ещё до войны, но не успели полностью закончить. Провели свет, водяное отопление, холодную воду, но до канализации дело не дошло (об этом я ещё расскажу).

Дом плотно заселён работниками завода. Большинство – переселенцы из Ленинграда и Сталинграда, приехавшие в Омск вместе с бывшими тракторными заводами, из которых и образовался омский танковый. Все квартиры – коммунальные. В каждой комнате – по семье. А в квартирах вроде нашей, где одна из комнат – большая, но проходная, и от неё вела дверь в комнату поменьше – всегда селили ещё одну семью. В квартиру этажом ниже втиснули даже три семьи: в большой комнате жили две, а в боковушке одна. Дети из таких совмещённых комнат шёпотом рассказывали, что они видели, чем занимаются взрослые. Я и мои друзья слушали, затаив дыхание!

Жизнь протекала, как во всех коммуналках. В кухне, единственной на всех жильцов квартиры, обсуждались насущные вопросы того времени, давались советы, одалживались мелкие вещи, бывали раздоры из-за всяких пустяков. Но, в общем, жили дружно, до больших ссор и драк не доходило.

В нашей квартире – очень пёстрая публика: семья состояла в первую мою омскую зиму из трёх человек, а с весны появилась бабушка, мать папы; в соседней комнате – три незамужние сестры, а в «проходной» – так много народу, что я никогда не знала, сколько их. Пожилая женщина, её дочь и сыновья с какими-то девицами, ночевали также гости – появлялись под ночь и уходили утром.

Двери в нашу квартиру никогда не запирались. Закрывались только комнаты. Упомянутые сыновья работали на хлебозаводе, утаскивали оттуда мешки с мукой и продавали через подельников. Поговаривали, что старший сын – предводитель воровской шайки. Но парни очень обходительные, вежливые, всегда помогали, мы их не боялись. Наоборот, под прикрытием воров чувствовали себя спокойнее. Однажды мама поздно возвращалась с работы и на неё напали бандиты. Она перепугалась, чуть не умерла от страха, но тут услышала, как один из остановивших её говорит другому: «Постой! Это же Васькина соседка! Я её видел там». И маму оставили в покое. Мы были под надёжной защитой!

Теперь расскажу об условиях жизни в то военное время.

Вернусь к канализации. На общей кухне – чугунная раковина с краном для холодной воды. Под раковину подставляли помойное ведро, куда стекала вода. Чтобы не было раздоров, у каждой семьи было своё ведро. Когда нужно умыться или что помыть, отставляли чужое ведро и подставляли своё. Полные вёдра нужно таскать из дома на улицу, где было отведено специальное место для помоев. Таскать вёдра по лестнице вниз с шестого этажа в любую погоду – занятие не весёлое и не такое уж лёгкое. Конечно, никакого лифта и в помине не было.

У каждой квартиры стояло ещё по два ведра – «для удобств». На ночь одно из них вносили в комнату, на случай нужды. Поскольку мои родители почти всё время работали, вёдра таскала вниз обычно я, или бабушка, ей в то время было 65 лет. Иногда происходили курьёзы. Так, однажды я спускалась с ведром вниз по лестнице, а навстречу мне, на очередном повороте, вышла целая семья серых крыс. Впереди была

большая толстая крыса, – возможно, мать семейства, – а за ней следовали крысы поменьше, не менее пяти, уж точно не помню. Я, конечно, очень испугалась и прижалась к стенке, а крысы совершенно спокойно прошли мимо меня, поднимаясь по лестнице. Крысы были здоровые, упитанные. Они возвращались с ночной кормёжки на хлебопекарном заводе, который был совсем рядом. А днём они спали на чердаке, куда с нашей площадки вела лестница. Я побывала на чердаке всего один раз. Наверное, крысы не были единственными его обладателями. Поговаривали, что ворованные мешки с мукой находили свой временный приют там же.

Во дворе дома, на самой его середине, стояла длинная уборная, построенная из досок. Лицом к дому – женская половина, а с другой стороны – мужская. Одновременно в каждой уборной могли поместиться человек десять. Никаких перегородок. Никто никого не стеснялся. Летом там – жара, и, конечно, специфический запах. Зимой, в мороз, – страшно холодно, замерзали все открытые поверхности тела, руки не слушались. Эти уборные просуществовали всю войну и только после победы, когда в доме стали проводить канализацию, их убрали.

В квартире на кухне – большая железная плита, которую иногда топили углём или обломками досок. Но чаще всего жильцы пользовались керосинками, у каждой семьи была своя. Я тоже научилась обходиться с керосинкой и варила на ней суп из сушёной картошки и сушёного лука, которые заправлялись рыбьим жиром. Эти три составляющих нашего супа были американского происхождения. Их нам выдавали как помощь союзников для русского народа. А наша страна выделяла хлебные карточки, мы отоваривали их в киоске около дома после долгого стояния в очереди. Карточки – разных достоинств. Я и бабушка имели иждивенческие (250 граммов хлеба в день). Мама, как учительница, получала хлеба побольше, вроде бы 400 грамм, а у отца был паёк 600 грамм. Я почему-то совсем не помню, что ещё мы получали на продовольственные карточки в зиму 1943-1944гг.

Сушёные картошка и лук – основная еда для меня и мамы (бабушку привезли в Омск только весной). Отец питался в ИТРовской столовой при заводе. ИТР – «инженерно-технические работники», кормили их хорошо. Мне удалось два раза пообедать там, когда отец уезжал в командировку. Обед – самый настоящий, совершенно немыслимый для простого народа. Советское правительство умело разделять людей по разным категориям, требуя от «прикормленных» соответствующей отдачи.

А пока мы варили «американский суп». В весенние каникулы мама уехала в Горьковскую область за бабушкой. А я осталась в доме с отцом, который приходил домой обычно поздно. Лежу я на топчане, сколоченном из досок, и думаю, – вот бы мне сейчас поесть чего-нибудь вкусненького. Но чего? И ничего не могу представить, кроме супа из сушёного лука с сушёной картошкой, заправленного рыбьим жиром.

Эта первая зима была самой тяжёлой. Но вот пришла весна, приехала бабушка. Отцу, как и другим, выделили земельный участок где-то далеко за городом и мы посадили там картошку, так что с осени уже не размачивали сухие американские картофельные кусочки, чтобы сделать из них суп. Потом раз в месяц стали получать американские посылки по спискам. Мой отец был в списках какой-то высокой категории, по которой выдавали очень вкусные и питательные продукты, некоторые я видела первый раз в жизни: банки со сгущёным молоком, сухой яичный порошок, – о нём говорили, что он из яиц черепах, а не от кур. Выдавали иногда большие куски сыра, масло, джем. Мы с утра пораньше старались добраться до магазина, куда приходили посылки, занять очередь и в радостном ожидании толкались там целый день, пока не получали свою долю. А дома устраивали настоящее пиршество!

Покупали мы еду и на базаре. Он был довольно-таки далеко от дома и ходила на базар бабушка, у мамы никогда не было времени. Бабушка кое-что зарабатывала, продавая гвозди, которые она вытаскивала из досок, получаемых отцом на заводе. Доски были от ящиков, в которых приходили из других городов детали для танков. Ящики ломали, содержимое извлекали, а доски раздавали людям – не знаю, кому именно, но к нам они попадали тоже. Бабушка усаживалась у окна и щипцами выдёргивала из них гвозди, а потом стучала по ним молотком, чтобы выпрямить. Выпрямленные гвозди она относила на базар. Раз в месяц она продавала и водку, которая полагалась военным, её получал отец. Он, в отличие от большинства русских, был непьющим. К водке у него появилось отвращение ещё в молодые годы: его отец, плотник-умелец, напивался после работы и однажды умер, замёрзнув в канаве. Мой папа к водке никогда не прикасался ни при каких обстоятельствах, даже вина не выпивал больше полстакана, при этом кряхтел и морщился. Но тогда, в войну, вина не было, а водку отец приносил домой и отдавал бабушке.

На базаре мы покупали овощи и молоко. Зимой оно продавалось в замёрзшем виде и привозили его из деревень в холщовых мешках,

полностью набитых ледяшками, сохранявшими форму глубоких чашек или тарелок. Дома эти куски растапливались в кастрюле на огне. Но я всегда подлизывалась к бабушке и просила её повременить с разогревом. Она не отказывала – знала, как мне нравится соскабливать ложкой желтоватую горку, которая возвышалась над болванкой замёрзшего молока. Это были чистые сливки! Я не могла остановиться, поглощая чудесное мороженое, пока горка совсем не исчезала. Оставшийся кусок, совсем обезжиренный, превращался после таяния в синеватую жидкость.

Мы с мамой на поезде ездили ещё и в деревни, покупали подешевле овощи и мясо. Туши баранов привозили из соседнего Казахстана. На рынке их разделывали и продавали казахи, стоявшие за крытыми прилавками. Девчонки прибегали посмотреть на одного высокого красавца-казаха. Он отличался от всех остальных ростом и внешностью, у его палатки всегда толпилось много народу. Было ли это во вторую мою омскую зиму или уже после войны, когда я немного подросла и стала обращать внимание на молодых людей – не помню. Во всяком случае, мясом тогда торговали только казахи.

Базар – это всегда скопище народа, *толкучка*. Туда несли всё, что можно продать, даже хлебные карточки. Наблюдая, как их покупают, я думала: «А что же продавцы будут есть сами? Да и кто знает, откуда карточки – не ворованные ли?» Но происхождение вещей обычно никого не интересовало.

Помню, на толкучке бабушка быстренько продала мой сарафанчик, когда я немного выросла из него. Его сшили из блестящего подкладочного материала оранжевого цвета, полученного по каким-то талонам. Подкладку пришивать была некуда, а сарафанчик для меня вышел нарядный, но я носила его всего одно лето.

На толкучку же мы, ребятишки, носили учебники после окончания учебного года, и выменивали на другие, для следующего класса. Практиковался как обмен, так и продажа, кому как удавалось. Этим занимались сами ребята, которые лучше родителей знали, какие книжки им нужны, взрослые обычно не вмешивались. Помню, какое удовольствие получали, когда удавалось завладеть учебником, который выглядел совсем как новенький. Но приходилось брать и старые, ничего не поделаешь – раз надо, а другого нет. В школе учебники нам стали выдавать только после войны…

Румыния

Продолжение следует…

Земля Обетованная

Народы, которым человечество обязано больше всего, жили в небольших государствах – Израиле, Афинах, Флоренции, елизаветинской Англии.

Уильям Индж

Мэри Кушникова
О ЧЁМ УМОЛЧАЛ ИОСИФ ФЛАВИЙ, ИЛИ ДИАЛОГ МЕЖДУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ…

Уже который день Иосиф Флавий, известный писатель, римский всадник, сидел на краю опрокинутой кверху дном кровати, как положено по иудейскому обычаю после смерти близкого человека, и, качаясь всем туловищем взад и вперёд, причитал древнее египетское моление, которому научила его полстолетия назад много лет прожившая в их семье его полуегиптянка-полуиудейка кормилица, и уверяла, что оно уже три тысячи лет бытовало в Египте…

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели.

Кому мне открыться сегодня?
Алчны сердца,
На чужое зарится каждый.

Так он бормотал часами напролёт, раскачиваясь всем туловищем по иудейскому обычаю.

И опять:

Кому мне открыться сегодня?
Над жертвой глумится наглец,
А людям потеха – и только!

И в самом деле – кому? Иудеям? Они его презирают. Римлянам? Он им интересен, когда нужен. Хорошо, что нужен часто, а то даже «под крылом» династии Флавиев давным-давно бы не только его имя забылось, да и сам он был бы низвергнут с такой высоты…

Кому мне открыться сегодня?
Злодею – доверье,
Брата – врагом почитают.

В дверь постучали, и он решил, что никого к себе не допустит, и продолжал свои причитания.

Кому мне открыться сегодня?
Бремя беды на плечах,
И нет задушевного друга…

Стук повторился, и он всё же дверь открыл. В проёме показался сосед, хорошо известный в Риме переписчик, который постоянно работал с ним вместе над его книгами.

– Господин мой и учитель, что вижу я? Что приключилось в вашем доме? Почему опрокинута кровать? Зачем голова ваша посыпана пеплом?

– Я потерял сына, – тяжело вздохнул Флавий.

– Но ведь он только вчера вечером вышел от вас свежий и румяный, как наливное яблочко, а когда я спросил, как вы поживаете, сказал, что вас-то как раз он не видел – вы не велели дверь открывать!

– Простите меня, сосед, я не могу больше беседовать с вами…

Сосед учтиво и сочувственно поклонился и ушёл, – видно, умер кто-то из родни Флавия, о ком он не хочет говорить, а про сына – это он помянул в помрачении ума от горя, – подумал.

И тут Флавий встряхнулся:

Что это с ним? Зачем опрокинута кровать? Ведь сын его жив и здоров. Да, они горько поспорили несколько дней назад и вечером Иосиф не велел пускать его в дом. Потому что понял: теперь между ними пролегла незримая черта.

Его «еврейский сын» от той иудейки, которую он некогда в Иерусалиме любил и убил своей же рукой, а потом увёз мальчика в Рим, этот «иудейский сын», Маттафий, названный по отцу Иосифа и уже давно носивший тогу с красной полосой родовитого юноши, пришел к нему и принёс его последнюю

книгу «Иудейская война», которую Иосиф Флавий дал ему почитать, тысячу раз наказав ничем не испачкать и никак не испортить драгоценный экземпляр.

– Ты прочёл мою книгу, сын?

– Отец, я прочёл твою книгу, – сказал юноша, потупив взор, – но не спрашивай меня, понравилась ли она мне.

– Это почему же? – изумился Флавий.

– Потому что я сам не могу себе ответить на вопрос, который меня мучает вот уже несколько дней: отец, скажи мне – кто ты на самом деле?

– Я-то? Я известный писатель, – говорят, пожалуй, даже наиболее известный в наши дни, а ещё я – римский всадник, носитель золотого кольца, и, как тебе известно, приближённый вот уже третьим императором из дома Флавиев, – да будет благословен, – господином нашим, великим Домицианом.

– Всё это я знаю, отец. Но я так и не понял, ты – кто? Внутри себя, в твоей душе, ты – иудей, или ты римлянин?

Иосиф Флавий даже побледнел от неожиданности. Вот так вывод после прочтения его самой дорогой, самой сокровенной книги, которую он писал «кровью сердца», он, очевидец гибели Иерусалимского Храма, и наиблистательнейшей победы римских легионов!… Такого вывода он никак не ожидал.

– А почему ты спрашиваешь?

– Ты, отец, только не гневайся на меня. Ты описываешь то, что видел своими очами, и читатель вместе с тобой ужасается тому, что пришлось претерпеть иудеям, осажденным в крепости Иотапата, ты пишешь о гибели наипрекраснейшего Храма – иерусалимской жемчужины, которую чтят все иудеи мира, но на самом деле ты сочувствуешь римлянам. Ты восхваляешь их храбрость, ты восхваляешь их легионы, ты преклоняешься перед их вождем, генералом Титом, ты даже восхищаешься дряхлым скопидомом Веспасияном, над которым, прежде чем он стал императором, потешался весь Рим. И ты написал, что ты, самый первый, назвал его Мессией? Как ты мог?

– А как я мог иначе? – вскинул брови Иосиф Флавий. – Во-первых, все вы посходили с ума от слова «Мессия». А ведь по-гречески это просто – «помазанник», то есть царь. Не знаю,

кого вы все, иудеи, ожидаете. Но Мессии в том смысле, в каком вы его понимаете, вы не дождетесь никогда. Потому что для этого вам нужно свергнуть Рим и поставить во главе Иудеи нового царя. А вы – малочисленны и бессильны. И, кроме всего прочего, когда я назвал Веспасияна Мессией, я стоял перед ним на коленах в цепях, как сдавшийся пленник, и он вообще мог тут же на месте отсечь мне голову, и это было бы в порядке вещей.

– Но почему ты его так назвал, у тебя что – было видение, или предчувствие?

– Ты задаешь слишком много вопросов, и я не обязан тебе отвечать. Но раз у тебя появилось такое сомнение, твой ли я отец, то есть иудей ли я, – раз ты допрашиваешь меня, кто я на самом деле, иудей или римлянин, то знай, что с сегодняшнего дня ты больше мне не сын и я тебе не отец, и дом мой закрыт для тебя.

Юноша вспыхнул от гнева, ничего не сказал, молча повернулся, и исчез.

О, Иосиф Флавий хорошо знал этот неукротимый нрав всех потомков бен-Мататиагу. По отцу он происходил из древнего рода первосвященников, по матери – от царского рода Маккавеев. Так что, если что сказано – то сказано. Сына он потерял. Ни тот к нему не придёт, ни сам он не станет его искать – считай, что он умер, и в сердцах он опрокинул кровать, снял с ног сандалии, и уселся на пол как положено при трауре, и, покачиваясь всем туловищем, вот уже сколько дней причитал…

Потом встал, провел ладонью по щеке, – за эти дни он оброс щетиной, собственно, как и положено при трауре «шиве», – позвонил в колокольчик, и велел слуге вызвать брадобрея, и уже через несколько часов вряд ли кто узнал бы в нём пожилого иудея, который стонал и причитал, как и далёкие его предки три тысячи лет назад в Египте:

Видишь, имя моё ненавистно
И зловонно, как болотная тина,
Как рыбачье отрепье и невод.

Видишь, имя моё ненавистно
И зловонно, как напраслина,
Которой очернили жену перед мужем.
Видишь, имя моё ненавистно
И зловонно, как навет непристойный
На отрока, чистого сердцем…

С этим покончено. Он потерял Маттафия, своего «еврейского сына», а остальные двое, от жён-гречанок, давно стали для него чужими. И он о них почти не жалел. Греческие жёны были знатны и богаты, к тому же красивы, но он всегда чувствовал: они – чужие. От последней из них у него остался старый кот Харон, которого греческая жена с сильной примесью египетской крови, почитала как домашнего божка, и теперь, он, Иосиф, как почти все иудеи неприязненно относившийся к домашним животным, сохранил всё же Харона, как память о некоем отрезке собственной жизни.

Жизнью он не только дорожил, он любил каждое её мгновение и лелеял всякое новое ощущение – риск и даже прямую опасность.

Он крепко верил в себя, впрочем, вполне оправданно. Уж такой у него был дар. Сердца людей влеклись к нему без всяких его усилий – он это почувствовал впервые, когда ещё юношей 26 лет прибыл в Рим, чтобы вызволить трёх именитых старцев-иудеев, которых римляне увезли в неволю. И отец Иосифа очень гордился, что священники выбрали именно его сына, столь юного, для такого рискового предприятия.

Но Иосиф бен-Маттафий, даже без особых трудов перезнакомился с наиболее знатными и именитыми римскими иудеями – а все они были богачи – и с их помощью проник к жене Нерона, императрице Поппее. Она покорила его с первого взгляда. Похожая на девочку-подростка, наряжённую во взрослое платье и драгоценности, она внимательно выслушала просьбу и, ощущая жгучие и восхищенные взоры юноши Иосифа, распорядилась: вскоре старцев выпустили и увезли в Иерусалим.

Тогда Иосиф и не представлял себе, в какую ловушку втянул всю Иудею. Взамен за освобождение старцев Сенат потребовал

отнять у иудеев очередную привилегию – почти потерянной оказалась Кесарея, и так наводненная эллинами и римлянами, так что самим иудеям там уже было невмоготу. Но пока Иосиф об этом не знал и не спешил вернуться домой, ослеплённый величием Рима и его великолепием, – коварства он не ожидал. Он его просто не заметил. Не хотел замечать. Он всё более влюблялся в Рим и опытные политики – римские иудеи напрасно пытались ему обрисовать кровавую подоплёку мощи Великой Империи. Он всё равно любовался Капитолием, Форумом, Колизеем, Храмом Мира, статуями Богов и императоров, невиданно роскошной баней, термами, но более всего его поразили отхожие места с поставленными рядами стульчаками, с мраморными сидениями и подлокотниками, на которых, справляя нужду, сидящие перекидывались шутками и сообщали друг другу новости.

Окрылённый успехом, Иосиф бен-Маттафий вернулся к отцу и застал в Иерусалиме нешуточную смуту, как раз из-за привилегий, отнятых у Кесареи, в обмен за спасённых старцев.

Иосиф был в смятении. Его приветствовали, его величали за этот подвиг спасения всеми уважаемых стариков-священников, но никто и в страшном сне не смог бы представить, что прекрасная Поппея вскользь намекнула Иосифу, который явился благодарить за оказанную милость, – именно только намекнула, – что тоже попросит у него помощи…

– Вы – не только отважный человек, – сказала она, обворожительно улыбаясь, – но и весьма образованный, – ведь вы по отцу из рода первосвященников, так что всю бедственность положения Иудеи, если бы она вздумала выказать недовольство распоряжениями Рима, – вы, конечно, представляете?

– Представляю, насколько Рим могущественнее Иудеи, но ведь и Рим знает её неукротимость! – возразил, бледнея от волнения, Иосиф.

– Вы искусный собеседник, – усмехнулась Поппея. – Но я говорю, собственно, не от своего имени, а скорее передаю мнение моего августейшего супруга и бога Нерона, который считает, кстати, что вам полезнее было бы остаться здесь, – образованные люди Риму всегда нужны, чтобы наладить отношения с

этим вашим, как вы сказали, неукротимым Востоком. Но я лично считаю, что для Рима вы были бы гораздо полезней сейчас в самой Иудее. Ведь вы – очевидец. Вы узнали величие Рима, его щедрость и богатство, милость императора к вашей просьбе, так что вы, я бы сказала – наш должник…

А что, если бы всё, что вы видели здесь, вы бы рассказали в Иудее и объяснили, как неразумна и губительна была бы смута? Ведь любое недоразумение и любой ущерб можно уладить – возместить, допустим, некой не менее важной привилегией.

Попробуйте, уважаемый доктор Иосиф, – ведь я знаю, что вы получили этот сан, как ученый при Храме, – вас уж точно послушают. Да, впрочем, что мне, слабой женщине, – откровенно, с издёвкой, обворожительно усмехнулась куколка-императрица, – вы лучше меня сообразите, как уладить дело: предотвратить смуту, или исподволь погасить её, если она возникнет. А уж Рим своих друзей не забывает никогда!

От Поппеи Иосиф ушёл ошеломлённый. Это – что? Ему предлагают встать на сторону Рима? Против его Иудеи?

Впрочем, смута на самом деле лишь привела бы к очередным крестам с распятыми на краю дорог. Ещё не забыты три тысячи крестов – так поплатились жизнью те, кто в пустяковой стычке схватили римское знамя и изрубили бронзового орла, изображённого на нём. Так что не так уж неразумно предложение императрицы.

Он подумает. Всегда лучше улаживать миром дела с Римом. Без крестов.

Как? Ну, это покажет обстановка на месте…

Так думал Иосиф тогда, в последний раз увидевший Поппею – больше они не встречались, вскоре она умерла. И поговаривали, что отравил её сам Нерон.

И это тоже был Рим. Оборотная его сторона. Но – фасад, «сторона лицевая», всё ещё не переставал восхищать юношу Бен-Маттафия – тогда…

Но сейчас он думал о другом!

Если разобраться, – что, собственно, имел ввиду мальчик? И имел ли вообще право задавать такой вопрос, ведь он сам,

Иосиф Флавий, пристроил его при дворе, и сын, преданно и даже восторженно, служит жене императора Домициана, госпоже Луции, и сейчас собирался по её поручению в дальний путь – причем поручение-то было пустяковое, – явно, чтобы доставить удовольствие мальчику повидать страны, которые он, собственно, и не знал. Госпожа Луция попросила его привезти из Массилии флакончик духов, которые считались уникальными в мире, поскольку владела ими только принцесса Береника, сестра иудейского царя Агриппы II, которая чуть было не стала императрицей Рима после долгой и печальной связи с почившим братом Домициана императором Титом.

Значит, сын Иосифа Флавия тоже в почёте у римлян, и если поглядеть на него, никак не отличишь от прочих римских юношей придворной элиты.

Так кто же теперь он-то сам, Маттафий, его сын, – иудей, или римлянин?

Долго размышлял этим вечером Иосиф бен-Маттафий, он же и Флавий – фамилию династии Флавиев получил, когда, вольноотпущенником, пришёлся «к душе» будущему императору Веспасияну и его сыну Титу. А уж третий Флавий, Домициан, младший сын Веспасияна, как бы унаследовал эту симпатию к Иосифу от отца и брата, но в очень «разбавленном» виде.

Так что он скорее терпел еврея, чем привечал.

В Рим уже проникали ростки новой веры, а мнительный и суеверный Домициан считал, что эти самые минеи, или христиане, как они себя называли, – почитатели загадочного, мстительного и, главное, не имеющего никакого облика, иудейского бога и его распятого пророка, некоего Христа, и потому несут Риму одни беды.

Иосиф считался мудрецом и видным учёным, знатоком Востока, римская знать почитала его, так что терпеть Иосифа приходилось. К тому же поговаривали, – он, де, прямой потомок царя Давида – глядишь, ещё когда-нибудь потребует себе Иудею…

Нет, к нему надо присмотреться.

И он, Домициан – присматривался…

Так сидел, размышлял Иосиф Флавий и задача его была нелегка. Вскоре ему вновь предстояло по поручению Императора – теперь такие поручения он получал без всяких оговорок и обиняков – отправиться в Иудею – там, де, назревали события. А он, Флавий, – человек испытанный…

Так сказал ему Домициан, наименее привлекательный из троицы Флавиев, наиболее лицемерный и непредсказуемый, так что его благодеяния Иосиф принимал, содрогаясь, – что попросит взамен?…

Разговор проходил на террасе, рядом околачивался любимый карлик императора Бахус, человек пронзительного ума, который сразу же понял, что поручение не из лёгких, и может стоить Иосифу жизни. Потому он заковылял прочь от собеседников, притворно утирая глаза, и как бы содрогаясь от рыданий.

Всё это Иосиф приметил, да он и без того понял, что поездка будет опасной. Может быть, – последней…

Доведётся ли встретиться с сыном – кто знает, и он вновь позвонил в колокольчик, и приказал писцу принести пергамент и хорошо отточенное перо, – нет, в нём, переписчике, он не нуждается – письмо личное, и напишет он его собственноручно. Именно напишет, а не начертит стилом на восковой дощечке. Он хотел, чтобы письмо сохранилось у Маттафия надолго.

Так римский всадник Иосиф Флавий сел писать прощальное письмо потерянному «еврейскому сыну».

Но Иосиф не был бы Иосифом, если бы принялся просто прощаться с сыном. Была у него некая давно лелеемая надежда…

Так что письмо было не просто прощальным, оно содержало и поручение, которое для Иосифа имело немаловажное значение:

«Как видишь, сын мой, я не так уж оторвался от Иудеи. поэтому и прошу тебя, узнай на месте всё, что сможешь, о «Помазаннике». Мне не безразлично, что с ним стало, я немало слышал толков во время Иудейской войны о якобы его распятии на кресте, но столь же много о том, что никакого

распятия не было, и скажу тебе больше: при осаде, когда Храм погиб, но ещё держалась крепость Масада, он даже на мгновение мелькнул передо мною, и многие мне подтвердили, что этот человек в очень зрелых годах, может, даже за 50 или более, и является тем, кого считали распятым в 33-м году, то есть незадолго до того, когда я появился на свет. Впрочем, может, мне всё это и померещилось, а толков и молвы в народе всегда было немало».

* * *

Первый коллега: Есть, есть такие сведения, что Иисус, именуемый Христос, то есть «Помазанник», на самом деле не долго побывал при осаде Масады во время «Иудейской войны». Некоторые даже считали, что он там погиб. Во всяком случае, после 33-го года и своего мнимого распятия он жил, наверное, ещё не менее лет тридцати, и, в конце концов, посетив Кипр и Мальту, поскитавшись по малой Азии и, кстати, побывав даже в Риме в 60-м году, в конце концов ушёл в Индию, где и похоронен в Кашмире.

Второй коллега: Некий австрийский весьма почитаемый автор очень убедительно доказал, что Иисус погиб именно при осаде крепости Масада в 74-м году, поскольку эта непобедимая крепость не сдавалась римлянам даже после гибели Храма. А о погребении Иисуса в Кашмире – скорее, мусульманская легенда. Хотя и в Коране найдено немало любопытного по поводу этого распятия. Там сказано: «Они не убили его и не распяли, но на их глазах его заменили двойником», а Иисус якобы спрятался за выступом стены и видел, как распинали другого. Что, кстати, вполне совпадает с текстами «Рукописей Мертвого Моря».

Но куда интересней другое: в России найден перевод «Иудейской войны» на старославянском языке, примерно 1261 года. И там Иисус описан как «человек и царь, который никогда не царствовал». Притом – такая деталь: Иисус – человек, «имеющий, по образу назареев, черту посредине головы», – вероятно, пробор, разделяющий волосы пополам.

Ни христианам, ни иудеям России XIII века вовсе не выгодно было «очеловечивание» Христа. По версии А. Берендса

(1906) и Р. Эйслера (1929-1930) перевод этот сделан с древнеарамейского экземпляра «Иудейской войны».

В тексте описана беседа Иоанна Крестителя с иерусалимским духовенством и рассказ о Христе, совсем не похожий на евангельский.

Например, вокруг Иисуса якобы собралось 150 человек, которые требовали немедленно восстать против римлян («И веляху Ему, да, вшед в град избьет вся римския и Пилата и царствует над сими»). Но Иисус отказался и Пилат велел привести его, причём при аресте, «изби многиа от народ». Однако Пилат убедился, что назарянин «добродеец есть, а не злодеец», к тому же Христос исцелил умирающую жену прокуратора, так что тот отпустил его. Кстати, сказано ещё, что законники подкупили Пилата и тот, получив тридцать талантов, всё-таки выдал им Иисуса. «Они же распяше Его и чрес (то есть вопреки) отьческий закон и много поругашестя Ему». Кстати, во II веке н.э. между 120-130гг. великий ересиарх и философ Александрийской школы Василид также утверждал, что при распятии Христа подменили.

Третий коллега: И всё же вы ошибаетесь. Иисус погребен во Франции, в Рен де Шато, там ведь и надпись над вратами: «Здесь он лежит»! Это тоже убедительно доказано в документах, найденных во Франции у некоего Соньера, где говорится, что в 45-м году Христос ещё был жив. Хотя, – кто знает…

Когда Домициан велел уничтожить «Иудейскую войну», один экземпляр мог уцелеть и из Византии попасть в Россию. Впрочем, и император Константин эту книгу не жаловал. Ему был нужен Иисус – Сын Божий, чтобы утвердить христианство в Константинополе.

Первый коллега: И всё же: не мог Иисус отправиться во Францию, зная, что там находится жена, трое его детей и брат. Это навлекло бы на них жестокую опасность и, конечно, он попытался охранить их покой.

Ошеломлённый читатель: Как, вы хотите сказать, что Христос не был распят? И, стало быть, не было Воскрешения? И, значит, не было Чуда, и, стало быть, две тысячи лет все мы верили в заблуждение?

Осведомлённый читатель: А как же такой авторитетный исследователь, как Джойс? А ведь в своей книге «Свиток Иисуса» он рассказывает, что когда побывал в Израиле, его попросили вывезти из страны рукопись, украденную при раскопках в Масаде, там, где некогда так отчаянно сопротивлялась последняя крепость Иудеи. Джойс вывезти рукопись отказался, но с документом ознакомился. Его поразила подпись: «Иошуа бен Яакоба из Геннесарета 24 лет от роду». Далее следовало, что подписавший считает себя последним из царей Иудеи. Джойс полагает, что автор документа – сам Иисус Христос.

Ошеломлённый читатель: Вы все сговорились! Вы хотите сказать, что не было, не было и не было ни Распятия, ни Чуда Воскрешения! И, вообще, никаких чудес? А как же воскрешение Лазаря?

Первый коллега: Скажите, апостолу Павлу вы тоже не верите? А вот он пишет в «Послании к Галатам» в 47-м году: «Потом спустя три года ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня» (посл. к Галатам, 1, 18-19). Кроме того, он сообщает, что видел Иисуса живого и тот объяснил ему многие его ошибки, «после чего Павел прозрел». Нет, уж придётся вам примириться, что сведения о живом Иисусе Христе, «сыне человеческом», прослеживаются вплоть до 63-65 годов, а по косвенным сведениям, и позднее – если он погиб при осаде крепости Масада в 74-м году.

Что до воскрешения Лазаря… Очередная шифровка Иудеи: Симон, ученик Христа, служивший в Храме, за многодерзкое поведение – ведь он по убеждениям зелот («разбойник») – был от синагоги отлучён. Это считалось равноценным смерти, если в течение четырёх дней отлучение не будет снято.

Христос любил Симона, и взял на себя неслыханную дерзость: отправился к склепу в Вифании, где, по обычаю, отлучённый ждал «воскрешения», то есть прощения от самого первосвященника. Христос взял на себя такое высокое полномочие и, как сказано в Евангелиях других апостолов, около склепа услышал крик – значит, Симон был жив! – и вывел того из погребения, сославшись на прецедент, – точно так, якобы,

был прощён некогда слуга самого Авраама, по имени Лазарь. И потому Христос стал называть Симона Лазарем.

Второй коллега: Странно, что некоторые так удивлены. Ведь об этом чуть не два века дискутирует пол-Европы, и уже точно выяснено, что распят был не Христос, а некий Симон Киренеанин, которому и поручили загодя нести крест на Голгофу, поскольку сам Иисус был обессилен. А ведь двое остальных осуждённых почему-то несли свои кресты сами!

Да и вообще – Распятие это сплошная загадка! Например, – Варавва: почему его отпустили, и кто он на самом деле? А ведь он – зелот, «человек вне закона». А вне закона – каждый, кто выступал против римской оккупации Иудеи. И таких зелотов набралась целая секта, и многие из них были именно среди учеников Христа. Так почему отпустили именно Варавву?

Третий коллега: Немного лингвистики, друзья! Вар-авва в переводе означает «Сын отца». Но – какой сын, и какого отца? Задавались ли вы вопросом, что представляли собой двенадцать учеников Христа? Это – настоящая политическая партия, жаждущая свергнуть римское иго и основать законное Иудейское государство. Причём большинство из них занимали официальные посты в Великом Храме. А там – первосвященник назывался «отцом». А его заместитель – «сыном».

Вот и Варавва: кто был тогда его «закодированным отцом»? А был им Симон-зелот, «кананит», что значит «фанатик». А «сыном» его, то есть заместителем, состоял Иуда. Тоже зелот, что по-гречески значит «головорез». А как ещё было называть противников Империи?

Потому Симона и пощадили. Видимо, меньше намозолил глаза иерусалимским иудеям, чем остальные два, из коих один – Иуда Искариот, «сын» (в храмовой кодировке) этого самого Симона. Не учитывая «шифровки», – некоторые называли Иуду племянником Христа…

Второй коллега: Значит, подменён-то был не Христос, а брат его Симон, и знаете почему? Не только потому, что если избегнет казни, всё равно сумеет поладить с храмовым советом старейшин, всё же – свой, но и потому что он был из секты ессеев,

и многому ими обучен, и врачеванию, и магии. Нередко его так и называли: Симон-маг.

А поскольку Христа всё-таки распяли, и спасти его надо было, то кто бы мог его излечить и поставить на ноги, как не искусный врачеватель Симон? Вот его-то Киренеанин и заменил.

И, кстати, третьим распятым был – кто бы вы думали? Закодированный «сын» Симона, то есть мнимый племянник Христа, Иуда Искариот. Иуда, пожалуй, самый яростный противник Рима, и воодушевлял всю секту зелотов открыто выступить против римлян немедленно.

И никакие увещевания Христа, который был аристократом и высоко образованным человеком, понимающим несвоевременность вылазки, угомонить его не могли. А отсюда и колебания: Иуда то пререкается, то мирится с Симоном, бывает, ссорится с Христом, упрекает, понукает…

Осведомлённый читатель: Вы, надеюсь, не ставите под сомнение рукописи Ног Хаммады. Они написаны сразу же после падения Иудеи теми, кто бежал в Египет, – то есть «по горячему». В одной из них, «Парафраз Сета», утверждается, что при распятии произошла подмена и даже приводятся слова самого Христа: «Я умер только с виду, это другой был на моём месте и выпил желчь и уксус. Они побили меня тростником, но крест на своих плечах нёс другой, Симон. На другого надели терновый венец… А я лишь улыбался их поведению». Вы ещё сомневаетесь? Но в рукописи такого авторитетного ересиарха, как Василид, сказано то же самое, почти слово в слово. Ему-то вы верите?

* * *

…А Флавий надолго задумался, как бы решая для себя, стоит ли поведать сыну то, что никто, кроме него, не знал, и потому не мог точно описать. Он сам слишком долго варился в иудейском котле, и отец его первосвященник – «слишком много знал», помалкивал, но нет-нет, и начнёт вспоминать!

Если эта его поездка – последняя, он не смеет унести с собой то, о чём многие были наслышаны, но вслух говорить боялись –

упоминания о «царе, который не царствовал» в Иудее, для римлян – как красная тряпка для быка.

И он решился.

«…Итак, сын мой, – продолжил он письмо, – знай, что в Иудее сосуществовали три могущественные секты, и у каждой было своё особое отношение к римлянам и свои особые интересы; сохранить ли их владычество или же открыто с ними бороться. Это были фарисеи, люди спокойные, состоятельные, почти все служили при Храме и пользовались великим почётом в Иерусалиме. С римлянами они неплохо ладили и даже позволили тогдашнему V-му римскому прокуратору, всаднику «золотое копьё», Понтию Пилату почти что ограбить Храм, чтобы построить в Иерусалиме фонтан и водопровод.

Иудеи повозмущались, Пилат был уверен, что толпу на площади легко затоптать конницей, но когда все полегли на землю, крича: «Убивай! Топчи!» – Пилат отступил. Что было неразумно, потому что стало искрой будущего великого восстания. Ибо иудеи поверили, что Пилата сломить можно.

Впрочем, себе лично прокуратор водопровод-таки построил.

Другая секта – саддукеи, была менее миролюбива, но в неё входили люди просвещённые, и почти все из царственного рода Хасмонеев. Они понимали, что сейчас открытое выступление обречено, и ждали удобного момента.

И, наконец, – ессеи и назареи. О, это были странные люди. Люди особые, обладающие великими знаниями и обрекающие сами себя на удивительный аскетизм. Все они именовали себя братьями и сестрами, многие давали обет безбрачия, а чтобы не прекратился людской род, принимали к себе и воспитывали чужих детей.

Одно время даже бытовали такие слухи, будто Иисус, высокородный потомок Хасмонеев, по прямой линии от царя Давида, то есть единственный законный претендент на иудейский престол. Как царь и первосвященник, он был бы желанной добычей для Рима, так что во время одного из многочисленных восстаний его мать Мария спрятала малолетнего сына

среди ессеев, которые приняли на себя его воспитание. Здесь он обучился врачеванию, и гипнозу, причём обладал врождённым даром предвидения. Но это так – может, и просто молва…

Самая же яростно настроенная против Рима секта – это зелоты – крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники, люди необразованные, не умеющие раскладывать политические пасьянсы. И, тем не менее, именно к этой секте поначалу примкнул не только отец Иисуса, Иуда Галилеянин, за что и был распят, но позднее и многие высокородные ученики Христа, «Помазанника», Царя.

Ты, может быть, думаешь, что его отцом был старичок-плотник по имени Иосиф? Это надо не знать Иудею и всех её обычаев, чтобы представить себе, что старику, который уже не может продолжить свой род, Синедрион (совет старейшин Храма) разрешил бы жениться на юной девице. Нет, на покорного старца Иуда Галилеянин никак не походил. За что и поплатился.

Ты, может, думаешь, что распятые тогда же Симон и Иаков были его сыновья от первого брака? И тут ошибаешься. Весь Иерусалим знал, и говорил о том, даже через тридцать лет после мнимого распятия, что Иосиф и Мария принесли сына в Храм для обрезания, как первенца, так было положено, и человек мог поступить так только единожды, а уж братья Христа Иаков и Симон родились позднее.

Теперь ты спросишь меня, почему же я всё это лишь упомянул, но не описал в «Иудейской войне» или в «Иудейских древностях». И я тебе отвечу.

Всё потому же, что чуть не вся Иудея молчала, лишь шепотом поминая такие дивные дела.

Но я решил, что мне, писателю, говорить истину положено от судьбы. Я потому и взялся за поручение Нерона поехать в Иудею и потом рассказать о войне, такой, какой она была. И, попутно, хоть приоткрыть ту таинственную подоплёку иудейского бытия, которую никогда не постигнет – весь из прямоугольников – холодный сверкающий Рим, где над дверями домов – надписи: «Приди, прибыль!» и «Мы заждались тебя, прибыль!».

Мне не нравились эти надписи, мне не нравилась алчность римлян, готовых потреблять и потреблять золото и шелка, и яства, что получали из присоединённых провинций.

Но мне нравилась терпимость Рима к иноземцам, что его наводнили, и к их Богам, которым в Риме строили храмы. Но это – на первый взгляд…

И вдруг оказалось: чтобы остаться честным писателем, сперва мне нужно определить для самого себя: с кем я? Мне предстоял трудный выбор. Римляне были сильны, иудеям не верили, хотя позволяли им богатеть и процветать, но и всячески их задевали по малейшему поводу. А уж в самой Иудее!...

Что стоили 12 щитов с изображением императора Тиберия, прибитых перед Храмом, когда евреям запрещено изображать «то, что на земле, то, что под землёй, то, что на воде и то, что под ней» – только плоды граната и виноградную лозу, символ плодородия, и вязь изречений. Ну, и херувимов, конечно.

Более того, возмутившись, как и все прочие, наглостью римлян, мне пришлось сделать следующий выбор: кто – я?

Честно говоря, я всегда ощущал себя сыном Вселенной и границы между государствами мне лично претят. И потому учение Иисуса было мне по душе, что он стремился объединить всю Иудею и соединить с Римом, то есть со всем миром. Потому что Империя тянется вплоть до конца земли на Запад, а Восток, почти весь, – под её влиянием. Соединить Восток и Запад – великая идея!

О, он был умный политик, этот Христос. Он знал, с какого конца подойти к намеченной цели. Он хотел стать царём Иудеи, и он имел на это абсолютное право, он хотел свергнуть римское иго и завладеть миром, причём не оружием, а просвещением. Разве он не был Сыном Вселенной?

Но для этого ему нужна была сильная опора, и такой опорой были наиболее утеснённые и обиженные, всегда готовые к драке зелоты. Но ещё более сильной опорой была аристократия, и Христос сблизился и с нею. Да что говорить, большая часть его учеников – все его родственники. Но я не о том.

Ему было легче, чем мне. Он точно знал свою цель, и какому делу он служит. И потому выбрал то учение, которое привлекло к нему большинство угнетённых и нищих иудеев, которые всё зло и мерзость жизни видели только в римском иге. Не будет Рима – не будет бедности и бедствий. Так они считали.

Мне было тяжелее. Можно быть гражданином Вселенной, но нужно точно знать – кто ты на самом деле.

У человека должна быть точка опоры, должен быть такой стержень, на который он может опираться, должен быть дом, куда он может вернуться, как далеко, как высоко или низко не вознесёт или не швырнёт его судьба.

Каждому нужно место, куда можно вернуться. После любых происшествий. Когда бы то ни было.

Значит, мне всё-таки нужно было решить: с Иудеей ли я, или с Римом? Я колебался, но выбрал Иудею. Да и мог ли решить по другому!

Куколка-Поппея внятно объяснила мне, хоть и обиняками, ***что*** *ждёт Иудею в случае восстания, и чего ждут от меня.*

Я верил, что смогу иудеев убедить, утихомирить, я не желал им зла. Но они всё-таки восстали. И назвали себя Маккавеями, в память о недавнем былом восстании, когда Иудея заставила Рим содрогнуться.

И я был с Маккавеями, и они чтили меня, за то, что мне удалось спасти тех трёх старцев из темницы. Они так верили в меня, что даже помимо моей воли назвали меня вождём и они подчинялись мне. Знали бы только, во что мне это обошлось…

Долго я размышлял и понял, и пришёл к выводу, не щадя себя,что всё-таки никак не любовь к Иудее влечёт меня к этим повстанцам, а всего лишь тщеславие. Мне нравилось, например, что они назначили меня правителем Галилеи. Ведь я же говорил тебе, что родом из Хасмонеев, и такой же потомок царя Давида, как и сам Христос!

И тогда почему бы мне не стать царём этой страны, – подумывал я, – тем более, люди мне и так поклонялись, и когда я проходил по улице, кричали: «Марин», то есть «властелин», и

даже размахивали пальмовыми ветвями. Не знаю, может, сохранился и по сю пору на одной из улиц уже не существующего Иерусалима отпечаток, отлитый в бронзе от копыта моего коня, на котором я въехал в Иерусалим.

Единственное, чего не знали повстанцы, – это то, что в тайне души я всё же поставил на Рим. И Рим это ценил, и благоволил мне. Да и как иначе – ведь они послали меня в Иудею, именно потому, что началось восстание. Они, римляне, хотели от меня невозможного. Если уж не погасить восстание в зачатке, то повести дело так, чтобы иудеи всё-таки сдались, но не сразу. Римляне хотели, чтобы это была оглушительная победа над такой неуловимой Иудеей. Значит, я должен был воодушевлять повстанцев на чудеса храбрости, а потом всё-таки подвести к отступлению.

Так что, как видишь, не я выбрал Иудею, а римляне за меня её выбрали для меня же. Я мужественно сражался бок о бок со всеми, но когда видно было, что не устоять, уговорил их сдаться. И они прокляли меня, и предпочли поубивать друг друга – и я понял тогда, что значит для иудеев свобода и как они не прощают обман. А иудеям велено было Храмом отлучить меня как прокажённого. Я был проклят и отлучён…

Более того. Все знали, что позднее, во время Иудейской войны я сам вызвался поехать туда, чтобы потом правдиво, как очевидец, описать всё, что происходило. И римляне охотно меня туда послали. Они-то знали, зачем я им там нужен.

А ты как думаешь, зачем? Всё за тем же. Они «внедрили» меня в восстание, чтобы я исподволь уговорил иудеев сдаться. Не сразу. Они хотели, чтобы вспыхнула «громкая на весь Восток война», и чтобы всем стало ясно, что даже никому не покоряющаяся Иудея всё равно ими побеждена. Им была нужна слава, и я должен был им эту славу добыть, – но скажу скромнее – способствовать ей.

Однако чтобы иудеи вновь поверили мне, проклятому, шли за мною и слушались моих советов, я должен был вновь поразить их доблестью и преданностью их делу. И тогда я объявил, что стану удерживать в осаде крепость Иотапату 49 дней. Люди умирали от голода и жажды. Я знал, что они

обречены, и что всё равно Иотапата падёт. Но чтобы мне верили, я должен был сдержать слово, и я его сдержал.

Через 49 дней, когда чуть не половина населения погибла от голода и истощения, я предложил евреям такой выход: уйти потайным лазом в подземелье. А уж если и там настигнут, пусть бы каждый из оставшихся умерщвлял другого – самого себя умерщвлять нельзя, это смертный грех, – только чтобы не сдаться Риму живыми. И они это сделали. И я вышел из подземелья, когда там никого живого уже не было.

Но я и здесь покривил душой. Если бы крепость не продержалась 49 дней, то совсем не таким трубным гласом на весь Восток звучала бы победа римлян. Взять слабую добычу – не доблесть, а вот эту крепость, да такой ценой…

Видел бы ты ликование римлян…

И чтобы ты уже всё знал, я своею рукой заколол твою мать. Её звали Мара. Значит, – «горькая». Так ей было написано в Книге Судеб. Она была иудейкой. И я не хотел, чтобы она стала подстилкой римских легионеров. А ещё она была очень красивой женщиной и в ту пору я сильно её любил. Но я это сделал…

Ты находился в безопасности и, возвращаясь в Рим, я взял тебя в свой дом, потому что ты был мой единственный «еврейский сын». Я как бы платил выкуп судьбе за своё злодеяние.

Ты спросишь, легко ли мне было? И я тебя удивлю: легко!

Потому что самое важное для человека – выбрать цель.

А служа ей, – все средства хороши.

Я выбрал Рим. Я служил ему. Мне нужно было, чтобы Рим одержал победу. Громкую победу! И он её одержал. Я сделал всё, что мог, и сколько трупов осталось позади меня, уже не имело значения.

Каким-то чудом ускользнул от расправы некий, не то Елиазар, не то Лазарь, который помогал мне ободрять евреев, а потом подвигнуть на убийство друг друга. Не знаю, кто он. Потом говорили, что это тот самый, которого когда-то, якобы, воскресил Христос. А некоторые – что на самом деле он был его любимый ученик Иоанн. Ну, да это всё равно…

А теперь скажу тебе более. Чтобы никто не заподозрил, что я был подослан в Иудею, я сдался римлянам в плен, и меня в цепях привели к командующему Веспасияну. И он почему-то не казнил меня сразу, а завёл со мной странный разговор, хотя менее всех мог знать, какова была моя миссия в Иудее.

Он спросил меня: «Ну что, так и не спас ваш Мессия эту злосчастную Иотапату?» И я ответил: «Я не знаю никакого Мессии, мой господин, но я вижу его сейчас перед собой». Тучный, неопрятный Веспасиян и его многолетняя сожительница Кенида, которая тоже присутствовала при беседе, только расхохотались. «Ну и хитрые же эти евреи! – вскричал Веспасиян. – На что только не пойдут, чтобы спасти свою паршивую шкуру».

Здесь же рядом стоял его сын Тит, который очень внимательно вглядывался в меня. У него был крутой лоб, зоркие синие глаза, упрямый подбородок, но лицо – притягательно приветливое. «Отец! – сказал Тит. – Пусть еврей расскажет, почему он так назвал тебя».

«Да, пусть расскажет», – хохотнула Кенида, ей было очень смешно.

Я стоял на коленях в цепях, я знал, что от них зависит моя жизнь, и что здесь нет ни одного человека, который бы мог засвидетельствовать, что меня послал сюда сам Нерон. Поппея не предложила бы мне такой подлости без его согласия. А Нерон – этот мог уничтожить меня просто из прихоти. К тому времени он уже был болен и кроме этих двоих вряд ли кто мог знать об игре с иудейским восстанием, в которую они втянули и меня.

Эти двое не доверяли никому.

И вот я, стоя на коленях, упрямо твердил: «Вы, господин мой, истинный Помазанник и вы присоедините покорённую Иудею и весь Восток к Риму».

Опасная для меня получилась история. Договорились так: если в течение месяца не произойдёт нечто, что сделает Веспасияна императором, то он самолично казнит меня. Если же я окажусь прав – ну, тогда посмотрим, как-нибудь договоримся…

Содержали меня хорошо. Тит явно благоволил мне, он часто беседовал со мной и я удивился, что, в отличие от многих вельмож Рима, он умел бегло писать, и всё время записывал своим стилом на табличке, покрытой воском, всё то, что я рассказывал ему об Иудее.

Что заставило меня назвать Веспасияна Мессией, Помазанником? Я не смогу это объяснить. Может, Иегова, которого, в сущности, я предал, послал мне некое прозрение. Возможно, я был ему, Всевышнему, ещё нужен, ведь никто не знает, для чего рождается на свет, и какая ему определена миссия. Я как бы увидел на челе Веспасияна лавровый венок, а, может, просто уже уяснил себе, что победа Рима неминуема в этой войне, и что – станет или не станет императором Веспасиян, – но уж свой триумф и золотой лавровый венец он в Риме точно получит.

В общем, – «кашья». Вопрос, на который не существует ответа, как говорят богословы.

Я просто хотел жить. И это было последнее средство, как продлить жизнь. Я любил жизнь, и люблю по сей день. И нет такого пути, на который я не вступил бы, лишь бы жизнь, не то что сохранить, но хотя бы продлить.

И случилось чудо. Примчался гонец, и на жезле его было перо – знак беды: не прошло и месяца – Нерон покончил с собой. Недалекого старца Гальбу, а потом Отона и Вителлия легко отстранили от трона и Веспасиян, который почти что уже выиграл Иудейскую войну – не шуточную войну на Востоке, – был тут же всей армией провозглашён императором. А в Риме все перегрызлись, но Веспасияна признали.

И Тит спросил меня: «А что будет со мной?»

И я ответил: «А ты последуешь за своим отцом, когда настанет его время стать Богом, и сядешь на трон, а я буду верно служить тебе».

Тогда с меня сняли цепи, – но я попросил, чтобы сам Веспасиян снял их, и он это сделал, и меня провозгласили вольноотпущенником, и позволили называться Флавием, то есть как бы домочадцем из династии Флавиев. И сейчас, как ты

знаешь, я живу в бывшем дворце Веспасияна, – не очень удобном, – но всё-таки это дар родоначальника династии…

А теперь я, пожалуй, отчасти отвечу на твой вопрос, сын мой! Когда война была уже почти выиграна, Веспасиян предложил мне устроить ему встречу с моей дальней родственницей, тоже из рода Хасмонеев, внучкой царя Ирода Антипы, принцессой Береникой, сестрой царя Тибериады Агриппы II, которого римляне очень ценили.

«Мой еврей, – сказал Веспасиян, – а лучше тебе самому встретиться с ней. Ты сможешь убедить её, ведь в Иудее она общая любимица, ты можешь убедить её, чтобы она повлияла на вожаков восстания в остальных городах, особенно же в самом Иерусалиме, чтобы нам зря не тратить ни денег, ни крови. Пусть бы миром сдались, и мы всех оставим в живых. Надоело, право, прозябать здесь у стен Иерусалима, – в Риме полно дел. Представляю, какой я найду казну после развесёлого правления Нерона!»

И тут вмешался Тит: «Отец, пожалуй, я поеду с господином Иосифом в Цезарею и тоже попытаюсь по мере сил повлиять на эту высокомерную иудейскую принцессу».

Я согласился.

Ты знаешь, зачем я это сделал? Ведь я ставил на Рим, я верил Риму, и Рим верил мне. Но в душе – я ведь всё равно оставался иудеем. Я желал легкой победы Веспасияну, но прежде всего я хотел, чтобы уцелел Храм, и вместе с ним – Иерусалим, жемчужина Востока. Я с детства твёрдо помнил: «Мир это глазное яблоко, белок – море, роговая оболочка – земля, зрачок – Иерусалим; отражение же, что появляется в зрачке, – иерусалимский Храм». Мой отец нередко твердил мне это, чтобы я хорошо запомнил.

Береника меня не жаловала, и было за что. Ведь начал я с того, что, по желанию Поппеи, стал вождём восстания вторых Маккавеев, а кончил тем, что стал домочадцем императора Веспасияна Флавия. Но это было второстепенно. Важно было её убедить, и я почему-то верил, что сумею это сделать.

Однако всё обернулось иначе. Несмотря на высокомерие и даже на некоторую брезгливость, с которою Береника обходилась с

Титом и его свитой, не говоря уже обо мне, Тит без ума влюбился в эту самую загадочную женщину Востока. Которая была намного старше его и уже немало повидала на своём веку. Была женой Архелая, потом женой второго сына Ирода Великого, звали его Филипп. Но отец заподозрил последнего в заговоре – сестра его Соломия так нашептала ему, что он с любимой своей женой Мариамной разошёлся и сыновей от неё отринул от себя, и стал Филипп зваться Фомой, по-гречески «теома», что значит «близнец». Но это – другая история. А Береника вернулась к своему брату Агриппе II, с которым давно сожительствовала на египетский лад.

И всё же пришёл день, когда она явилась ко мне просить совета. Она сказала: «Тит сделает для меня всё, что я пожелаю. Он любит меня, а я – его, но я никогда не соглашусь принадлежать ему, если он не сохранит Храм. Это – моё условие. Как вы считаете, сородич Иосиф, если я это условие выскажу, он отвернётся от меня, или есть надежда, что он выполнит мою просьбу? Вы знаете его лучше меня. Он, что, – легко воспламеняемый, как соломенный огонь, и так же быстро затухает, или же способен на чувства, похожие на длительно и жарко пылающий костёр?»

«Сестра моя, Береника, – ответил я, – вам очень важно сохранить Храм, или же вы хотите услышать от меня доводы, пригодные для самооправдания, чтобы отдаться Титу?»

Она усмехнулась, повернулась ко мне спиной, и молча ушла, и удалилась не спеша, так что я мог вдоволь налюбоваться её неповторимой походкой, о которой говорил весь Восток.

Чего же в сущности она от меня ждала? – задумался я. Чтобы я переговорил с Титом? Мне это не трудно. Я попробую. Я не менее чем Береника дорожу Храмом и Иерусалимом. Я служу Риму, но в душе моей я ведь всё равно иудей. Как это совмещается? Опять же «кашья»...

И тут я понял, что наконец могу называть себя сыном Вселенной, поскольку есть во мне та самая опора, к которой всегда можно возвратиться: Храм!

И ещё я понял, почему учение Христа было мне так близко. Ведь он и призывал к тому, чтобы его Слово превозмогло

границы стран и объединяло народы. А ведь вся его сила была только в Слове. Многие ученики так и называли его – «логос», что по-гречески означает Слово. И было это – Слово Господне. Ибо, как сказано в Писании: «Сперва было Слово», и оно и есть начало всех начал.

Так, может быть, он и был как раз тем сыном Вселенной, каким я считал себя, хотя не был уверен, смею ли.

*И всё же, призна**ю**сь тебе: я ни на миг не забывал, что мы с ним – соперники. И он, и я имели права на Иудейский престол. Но теперь он выбыл из игры, – в Иотапате мне, наверное, померещилось. Хотя могу поклясться, что именно с ним говорил Елиазар, который потом так помогал мне.*

Но Он стоял спиной к башне и вполоборота, так что я могу ошибаться. Во всяком случае, из игры он выбыл.

Впрочем, и Елиазар – тоже личность загадочная. Многие говорили, что он и есть тот Лазарь, которого «Помазанник» воскресил. Но я-то знаю иудейские загадки. Мёртвые не оживают. Отлучили, наверное, этого Елиазара от храма, а Иисус, чтоб удивить людей, дерзнул прикинуться первосвященником, – что в Иудее по закону тот же Царь, – и вывел отлучённого из склепа. И все возопили: Чудо! Что Христу и требовалось – чтобы как можно больше сторонников поддержали его в нужный час и признали Царём. Хотя не это была его главная цель, как я понял много позже.

Впрочем, всё это, как и многое, что говорили о Христе – скорее всего, вымысел. Однако были же такие, которые верили, что он сделает их счастливыми. Если не на земле, так на небе.

Неудивительно, что столько несчастных к нему тянулись. Нелегко было быть иудеем в порабощённом римлянами Иерусалиме. Да к тому же ведь Христос как бы обещал им бессмертие души, раз на небе их ждёт воздаяние за все их страдания на земле. А я что-то не помню, чтобы иудеи когда-нибудь слишком задумывались о бессмертии души. Да и римляне тоже – они больше пеклись о наслаждениях на земле. Но кому не хочется быть бессмертным?

Ну, не знаю, как насчёт бессмертия души, но при покровительстве Флавиев, я был уверен, что смогу, наконец, объединить

Иудею, все эти мелкие царства, на которые рассекли её римляне, посадив везде верных Империи царьков, тетрархов, и вновь, как в Священном Писании, совместить роль царя и первосвященника.

Ибо тот правит Иудеей, кто одновременно и Помазанник, и первосвященник.

Вот и рассуди, что было моей целью – сохранить Храм и Иерусалим? Обеспечить легкую победу Рима? Или престол Иудеи для себя?...

Я, например, на этот вопрос ответа не нахожу…».

«Кашья!» – как говорят богословы.

* * *

Ошеломлённый читатель: Послушайте, римский всадник, носитель золотого кольца, Иосиф Флавий – ведь вы же были хуже Иуды! У того была цель – свергнуть Рим. А вы просто предали Иудею, вы предали и Рим, вы продали вашу родственницу Беренику, и если существует бессмертная душа, то вы предали и её, и, главное, я всё же не пойму, во имя какой цели? И, как вы сами сказали, даже вы не можете ответить на этот вопрос. Я спрошу, как ваш сын: кто вы – Иосиф Флавий, великий историк Рима?

Первый коллега: Вот насчёт Иуды – это вы зря! Иуда не так уж плох. Он был, пожалуй, самым доверенным лицом Иисуса. Просто евангелисты его заклеймили: «предатель», и весь мир две тысячи лет так и твердит. На самом же деле он был просвещеннейшим человеком, его так и называли: Иуда-Книжник. И если хотите знать, то прежде чем стать ярым противником Рима и зелотом, он был родом из ессеев, и придерживался всех их обычаев.

Осведомлённый читатель: Но, может, обратимся к работам профессора Барбары Тиринг, которая целых 25 лет расшифровывала «Свитки Мертвого Моря»? Она четко установила, кем были ученики Христа; итак, это отнюдь не шайка оборванцев, следующих за бродячим пророком, а это «Совет Двенадцати», вождь которых «Помазанник», то есть – Царь.

И – о каждом отдельно:

Симон-зелот, он же – «кананит», что означало «фанатик», возглавлял элиту религиозных философов в Кумранской общине, что стояла за династические права Христа, и мечтала об изгнании Рима из Иудеи. Это был необыкновенно смелый и рисковый человек. После «событий» он прожил бурную жизнь, прошёл, проповедуя, Египет, Африку, всю Мавританию и Ливию. Об этом пишет Константинопольский патриарх, византийский историк Никифор. О чём историк умолчал, так это о том, что Симон-зелот отравил тетрарха Ирода Антипу, так что тот долго и мучительно умирал. В конце сороковых годов Симон последовал за Марией Магдалиной, которая вместе с двумя детьми покинула Империю. Жизнь его окончилась трагично. Он был распят и погребён в Британии.

Третий коллега: Что касается Иуды, то его прозвище Искариот тоже повелось от слова «сикарий», то есть «головорез», то есть «зелот». Он был одним из самых ярых вождей иудейских националистов, ратующих за свержение Рима. Именно под его руководством Иуда Галилеянин (он же Иосиф), отец Христа, основал секту зелотов и созданы были «Свитки Мертвого Моря». Иуда был академически образованным человеком, и притом военным правителем Кумрана.

А ещё он состоял стражем при жёнах тех иудеев, что придерживались обычаев ессеев, когда женщины в течение трех лет оказывались вдали от своих мужей. Его так и звали: «искуситель». Он был красив, перед ним женщинам трудно было устоять, но он оставался безупречен, да и они тоже.

У него была своя цель, он хотел свержения Рима. Но слияние Востока и Запада силой Слова его не волновало.

У Христа своя – он хотел стать царём Иудеи, чтобы объединить Восток с Западом, цивилизацию Империи, её любимое приветствие «Здравствуй, прибыль!», стульчаки с мраморными сидениями, – и одухотворённость древнего Востока, с его невидимыми Богом, непонятными для Рима древними заветами и запретами. Он хотел, чтобы Рим – он же весь мир – проникся мудростью Востока через его Слово.

А свержение Рима было лишь средством.

И – каждый добивался своей цели, как считал наиболее правильным.

Но пришёл момент, когда Книжник Иуда опередил Христа в своих расчётах. Вступление Христа в Иерусалим, как царя Иудеи, – причём обязательно на осле (обычно цари въезжали на муле) – чтобы было видно, что он не кичлив и каждый «скорбный» человек может приблизиться к нему, – это торжественное вступление кончилось провалом.

Иуда понял, что нужно выбрать менее прямой ход: договориться с первосвященниками, договориться с Синедрионом.

Первый коллега: И он мог это сделать, ведь в Синедрионе заседал Иосиф Аримафейский, который считался тайным учеником Христа, но его терпели, – уж очень он был богат. А ведь на самом деле, звался он Иаковом, и был родным братом Христа. Да-да, родным братом!

Просто, по зашифрованным правилам Иудеи, первенец, претендующий на престол, как потомок Давида, звался «Помазанник», то есть Христос, а его брат – наследный принц, считался Иосифом, как бы его ни назвали при рождении.

Это трудно представить сейчас, но имена считались своего рода титулами, согласно Святому Писанию. Так, например, третий брат, как бы его не назвали, должен был стать титульным Симоном. И это оказался тот самый Симон-зелот, заменённый при распятии Киренеанином.

Осведомлённый читатель: Но позвольте, я продолжу: следующий ученик Христа, Фаддей, более 50 лет, с 9 года до н.э., возглавлял Кумранское братство целителей, аскетов, подвижников, пока египтяне не захватили Кумран. Он – соратник Иуды Галилеянина, отца Христа, распятого в 47-м году, и сам тоже в 32-м году участвовал в восстании против Пилата.

А ещё был Яков (не путать с Яковом, братом Христа). Этот – считался вторым сыном Алфея – на самом же деле его звали Ионафаном, и он всего лишь как бы исполнял (по шифровке) роль библейского Якова в своей семье и при Храме.

Матфей Левит оказывается братом Ионафана и с 42-го года был первосвященником, но устранен Иродом Агриппой I. Он

же преемник Ионафана и принадлежит к Левитам, а потому в Евангелиях так и зовётся: Левий Матфей.

Интереснейшей личностью был Фома-близнец. По одной версии, он единоутробный близнец самого Христа. По другой же – сын Ирода Великого и Мариамны II, названный Филиппом.

После расторжения брака родителей, теряет титул наследника престола, власть переходит к его брату Ироду Антипе, а Филиппу выделяют маленькую тетрархию Галилею.

Что до Иоанна Крестителя, то история его такова: Ирод Антипа был женат на Иродиаде, бывшей жене Филиппа (то есть теперь уже Фомы), а Иоанн из рода Седока публично клеймил этот брак – получалось, что Ирод как бы женился на сестре, ведь Иродиада была прежде женой его брата. Ирод Антипа такого поношения ему не простил и, в конце концов, обезглавил.

Ирод же Агриппа признавал Христа потомком Давида, но никак не мешал его родному брату Якову самому разбираться, кто «первее».

Фома побывал в Сирии, Индии и Персии и, в конце концов, был пронзён копьём около Мадраса.

Что касается распятия Симона-зелота, то в 33-м году он исполнял первосвященнические обязанности, то есть был «отец», а его помощником был Иуда, то есть «сын». Так что распятие никак не могло быть в 33-м году, иначе как бы первосвященника Симона приговорили к повешению на кресте?

Первый коллега: Но каков же был политический план Иуды? Он что, – считал, что стоит ему «внедриться» к первосвященнику в Синедрион, и тогда при своём красноречии и учёности он сможет повлиять на фарисеев, чтобы обеспечить царство для Христа?

Второй коллега: Что ж странного? Ведь почему-то же его звали «искуситель». Существует даже версия, и многие её поддерживают, что накануне Пасхи в Гефсиманском саду Христа искушал отнюдь не Дьявол. Просто они с Иудой вели доверительную беседу.

Иуда ему доказывал, что неотёсанные прямолинейные и недалёкие Петр и Павел, и прочая компания, простым натиском

римлян из Иерусалима не выдворят. Он рассказал Христу о своём хитроумном плане и по сути предлагал ему: сделай меня первосвященником, – а ты это можешь, ведь у тебя в синедрионе родной брат, а уж дальше – моя забота, я сделаю тебя царём и владыкой всей Иудеи. Он считал, что именно это – конечная цель Христа.

Вот, собственно, и описанное в Евангелиях предложение Сатаны: он отдаёт Иисусу все блага мира (читай, царство), если тот отречётся от своего учения о райской жизни угнетённых на небесах, которое только и понимало простонародье-зелоты, и прежде всего энергичнее приступит к овладению троном, изгнав римлян...

Первый коллега: Лично я в это мало верю, поскольку полагаю, что Иуда, как самый «книжный» человек, был наиболее близок Христу из всех его учеников и «торг» между ними не считаю возможным. Да и потом, ведь по бокам распятыми на двух крестах оказались Киренеанин, которым заменили врачевателя и мага Симона, и… Иуда Искариот. Поскольку оба были зелотами, то были «лестаи», то есть «вне закона». Отсюда и версия в Евангелии, что казнены были ещё двое разбойников.

* * *

«Знаешь, сын мой, уж слишком много на Иуду свалилось презрения и ненависти. Ведь он, собственно, хотел освобождения своей страны от римской оккупации. И если бы у меня хватило прямоты и смелости и я до конца выбрал бы для себя, в качестве «родины души», – Иудею, то я, наверное, поступал бы точно, как он.

Увидев растерянность Иисуса после его провального вступления в Иерусалим и поняв, что игра его проиграна, но что это вовсе не значит, будто проиграна возможность изгнания римлян, я бы, возможно, поступил как Иуда: предал бы Христа в руки Синедриона – ведь там его родной брат! Как-нибудь его выгородят. Ведь Иаков в ту пору был «сыном» первосвященника, «отца» Ионафана Анны.

Так что доведись мне, я сам взял бы восстание в свои руки.

Если бы – я выбрал для себя Иудею. Но я – выбрал Рим.

Иуда был честнее и выше меня. И мне приятней думать, как я слышал уже в 70-х годах, будучи в Иерусалиме, что Иуда будто бы выжил после распятия и появился, прибыв откуда-то из Армении, где прятался, но – был узнан и побит камнями.

И кем?

Теми, кто сами каких-нибудь три десятка лет до того орали на площади перед Понтием Пилатом: «Распни его, распни», а сейчас садились за стол и брались за еду не ранее, чем осеняли себя крестным знамением…».

* * *

Ошеломлённый читатель: Но ведь две тысячи лет весь мир верит в то, что Иуда повесился на осине от угрызений совести. Вся эта подмена имён, и то, что ученики Христа – аристократы, продолжают служить при Храме, причём даже главенствуют, – всё выглядит, как сказка, ребус, выдумка. А Распятие и Воскрешение – это и есть Истина Истин! Да и потом, всё у вас не сходится. Вы говорили, что в 47-м году был распят отец Христа, некий Иуда Галилеянин и с ним его сыновья Симон и Иаков. Тогда же как он, этот Иаков, не тот канонический, а уже под именем Иосифа Аримафейского, оказался в Галлии и в Британии, последовав за семьёй Христа? И всё-таки почему этот самый Симон-кананит (фанатик) всё-таки считается отцом Иуды? Я так ничего и не понял. Что, – Иаковов было несколько? Нет, Господа, вы сами путаете и усложняете простое и ясное, как хрусталь, каноническое Евангелие!

Первый коллега: Да, Иаков, как и Симон, часто встречаются у иудеев. Это любимые имена. Просто нужно их не путать друг с другом, как нас уже просили. И, кстати, на осине Иуда не повесился. Тому есть много доказательств, что он был третьим распятым на кресте. И вместе с телом Христа сняли и тела остальных двух казнённых. И распятие-то происходило вовсе не на Лобном месте, а в саду одного из богатейших людей Иерусалима, а именно того самого Иосифа Аримафейского, – в его саду была построена семейная усыпальница, куда и принесли Христа для исцеления.

Но мы уже знаем, что Иосиф Аримафейский это, собственно, второй сын Иосифа и Марии, наречённый Иаковом, но по шифровке Святого Писания он как бы «кронпринц», преемник Христа – отсюда и «титульное» имя Иосиф. А Аримафейский состоит из «рам» – высокий и «тео» – бог, то есть – «Высокопреосвященство».

Второй коллега: Удивительно, однако, что Понтий Пилат, который славился своей жестокостью, поступил в этом случае весьма великодушно. Во-первых, по просьбе Иосифа Аримафейского, – а он с ним был достаточно дружен, – велел, чтобы Христу не перебили голени, потому что ведь ему предстояло встать на ноги и явиться перед своими учениками, как он это и предрекал.

Он же, Пилат, велел дать распятому на кончике копья воду, смешанную с уксусом, что обычно давали преступникам, когда тех мучила жажда. Но в этом случае добавили ещё желчь змеи и яд. В очень точной дозировке такая смесь – болеутоляющее и усыпляющее средство, и потому, когда легионер уколол копьем Христа, и убедился, что тот мёртв, то удивился не менее, чем впоследствии сам Пилат: так быстро на кресте не умирали.

А Иисус и не умер, а был просто усыплён, теперь дело было за малым – перенести его тело в усыпальницу Иосифа Аримафейского и призвать, наконец, Симона, мага и врачевателя, которого заменили на кресте Киренеанином. Для этого случая Симон и был нужен.

С помощью особых зелий, а особенно алоэ, которое выводит из крови и желудка вредные вещества, удалось за три дня не только вернуть Христа к жизни, но даже как-то поставить на ноги.

Что же до Иуды, по одной из версий, он споткнулся на краю обрыва в глубине сада, скатился вниз и обессиленный там же и умер. Что вовсе не исключает вероятность его пребывания в Армении: ну представьте себе, полежал, пришёл в себя, – молодой и сильный человек, – поднялся и как-то ползком, ползком, скрылся от преследователей...

Третий коллега: И выдача тела Иисуса Иосифу Аримафейскому (читай, Иакову) вполне естественна: ведь к Пилату обратился

брат, чтобы взять останки распятого. И Пилат выходит из положения. Делает вид, что ослышался, и позволяет забрать не «сома», то есть тело, а «птома», то есть труп.

Первый коллега: Сколько же, однако, легенд за две тысячи лет наслоилось вокруг, собственно, привычной для людей той поры казни на кресте трех «людей вне закона», трёх «лестаи»-разбойников. Легенды… Легенды… А вспомните, коллега, и про Фому Неверующего, – ведь по доказанным данным он был близнец Христа и, собственно, имя его Фома по-гречески «теома», и означает близнец. И почему, когда с ним здоровались, говорили: «Здравствуй, мой второй Христос»? И если это так, то ведь вторым претендентом на иудейский трон был именно Фома – ведь близнец? А уж после него Иаков (по титулу Иосиф Аримафейский).

Второй коллега: Как бы то ни было, а странно, – именно «близнец», этот второй претендент на трон, так упорно не соглашался опознать «воскресшего» Христа, пока не «вложил персты» в рану от легионерского копья...

И разве не менее странно, что брат Иаков то присоединялся к Синедриону и даже принимал в нём участие в облике Иосифа Аримафейского, причём вовсе не стремился публично помочь первому претенденту на трон, Христу. Хотя после распятия, выступая как Иосиф Аримафейский, спас его от смерти и уже много лет спустя, потеряв все позиции среди служителей Храма, увёз в Галлию всю семью Иисуса. Причём интересно, что тогда он снова стал Иаковом, поскольку Христос ещё был жив, а он, второй брат, вновь оказался всего лишь «кронпринцем».

Осведомлённый читатель: Ну, с близнецом Фомой всё очень не ясно. По другой версии, как мы уже знаем, настоящее его имя Филипп, он сын Ирода Великого, который за какие-то провинности изгнал его из царства, а его брат Ирод Антипа женился на бывшей его жене Иродиаде.

Но ведь могло быть и иначе, и он в знак протеста примкнул к этой, можно сказать, «элитной» группе повстанцев, которые окружали Иисуса Христа, будущего царя Иудеи.

Оставаясь тихим тетрархом маленькой провинции, Филипп-Фома вполне мог помогать Иисусу и его ученикам, – вернее,

его партии, – деньгами и связями, ведь он-то был прямо заинтересован, чтобы царём Иудеи был не его брат, а Христос – он-то знал, что тот выжил. Свидетельств было достаточно. Уж апостолу Павлу можно поверить, наверное? А он ведь сообщал, что в Иерусалиме встречался с живым Христом в 47-м году.

* * *

«…Итак, заметь, сын мой, всё, что я рассказываю тебе в письме, я знал и раньше, и я ещё рассказал тебе не всё. Но – решив, что я – римлянин и верно служу Риму, я уже не мог отступить, и когда писал свою «Иудейскую войну», к которой, кстати, очень пристально присматривались Флавии, – особенно же Домициан, который почему-то не очень мне благоволил, да и, узнав, что я из рода Давидова, даже поговаривали, что внёс меня в некий тайный список потомков Хасмонеев, подлежащих истреблению – так вот, когда я принялся за эту книгу, я никак не мог признаться, что назвал Веспасияна Мессией, хотя знал, кто *был истинным претендентом на иудейский трон, поскольку за отсутствием Христа, – ведь я был наслышан о его распятии, – именно* я *теперь престолонаследник Иудеи.*

Знал я, хорошо знал всю эту шайку политиканов, что вилась около Иисуса. Сплошная родня. Два брата, племянник, двоюродный брат. Хорошо знал и про всю его семью. Иудея – большая страна, но всё-таки достаточно маленькая, чтобы за неделю из одного конца в другой донёсся любой слух, так что к моменту, когда я прибыл в Иудею, посланный Поппеей, хотя распятие уже произошло довольно давно, страна просто гудела от отзвуков этого неудавшегося восстания и последовавшей за ним войны.

Слухи про Иисуса Христа были самые разные. О, он был умный политик: потомок царя Давида, вокруг него – вся иерусалимская знать: его жена Магдалина из колена Вениаминова, соединяясь браком с ним (из колена Иудина), образует такую мощную силу, что к ней присоединится вся знать. К тому же она, Магдалина, была ещё и подругой жены царя

Ирода Великого, она дружила и с Саломеей, что стала потом женой Симона. И все они были богаты и постоянно снабжали Иисуса и его сторонников деньгами.

И сколько я был наслышан о знаменитой свадьбе в Кане, где вода превратилась в вино! Но ведь многие тогда считали, что это и была свадьба самого Иисуса с Магдалиной!

А ещё этот Иосиф Аримафейский! Да какой он Иосиф? Братом Христа он был. А сидел в Синедрионе. Римлянам потому и приходилось так трудно справляться с Иудеей, что куда уж им было разобраться в зашифрованной иерархии ещё со времён Моисеевых законов, которая существовала и существует по сю пору. Ведь там каждое имя – не просто имя, а титул.

Надо ж было совсем не знать иудейские обычаи, чтобы величать Иосифом этого всемогущего и умнейшего человека, христова брата, Иакова, который тоже оказался не прочь стать царем иудейским, когда убедился в чрезмерном миролюбии и нерешительности брата. И немало старался, чтобы трон получить, – но вот Иерусалима нет, Храм разрушен, Иудея повержена и надежды рухнули.

Что остаётся делать? Он и ринулся спасать семейство брата, и вывез из Рима. Теперь он опять всего лишь второй претендент и опять – Иаков. Нетрудная загадка. Только, чтобы разгадать все ребусы Иудеи, надо было быть иудеем от рождения, а не римлянином.

Я – Иудею знал. Ведь я тоже начинал с того, что был священником первой череды в Храме, и хорошо разбирался во всей подноготной этой иерархии. Ведь у них, то есть у нас, – ох, я уж и сам путаюсь… у них, в роду Хасмонеев, было так заведено, что Христос, Яков и Иосиф – это титулы. Всё – по Старому Завету. Самый старший – Христос, то есть Помазанник, то есть царь, младший – это Иаков, то есть первосвященник и преемник трона, и самый младший – Симон. И с таким тупым незнанием обычаев ессеев полезть завоевывать Иудею! К тому же вся эта история со смиренным старцем-плотником Иосифом и юной Марией, непорочно зачавшей…».

* * *

Ошеломленный читатель: Но ведь в Апокрифе от Филиппа Иосиф приходит в храм вместе с Марией и просит его освободить от опёки над ней и отпустить её, потому что это его второй брак, у него сыновья от первого брака, а она понесла в его отсутствии…

Первый коллега: Чушь всё это. Ведь в Храм приносили родители только первенца. Иосиф и Мария принесли Христа, но – вот беда, он родился не во время, то есть не в положенное время. Ведь по обычаю ессеев, собственно, об этом пишет смутно и Иосиф Флавий, женитьба происходит в несколько этапов.

После «первой свадьбы», обязательно в декабре, жена удаляется от мужа в некую обитель, состоящую из «дев», которые назывались «алма», – кстати, заметьте, что у тюрков по сю пору одно из любимых женских имён – это Алма, что значит яблоко. Теперь её уже называют «вдова», и она, для соблюдения обряда, должна иногда горько оплакивать мужа.

Так вот, зачавшая после «первой свадьбы» женщина возвращается в эту обитель, которая под присмотром Иуды-Книжника, где все зовут друг друга «сёстрами», – и только после трех месяцев, когда становилось ясно, что не произошло выкидыша, её объявляют «матерью», – но возвращалась она к мужу лишь в августе, когда справлялась «вторая свадьба» после родов. Если же зачатие не произошло, то справляли опять ещё одну «первую свадьбу», опять в декабре, и так в течение трёх лет.

Осведомлённый читатель: В первый раз Мария зачала Христа. Но не в декабре, а раньше. И в Храме всполошились. Значит, соитие произошло ранее «законного» месяца, и вообще – не в порядке вещей. Однако расторгнуть союз Иосифа и Марии – скандальное дело, так что их отпустили с миром, хотя, судя по апокрифам, лишь после «испытания на верность», то есть дали выпить воду, смешанную с грязью, и коли они остались живы, «вопрос» закрыли.

Первого своего сына Иисуса Мария родила, когда ей было 30 лет, а вот второй сын её, Иаков, родился ровно через три

года, вовремя, и, может, поэтому считал себя более «первородным» и законным претендентом на иудейский трон. И, кстати, сколотил вокруг себя немалочисленную партию. Которая довольно агрессивно именно его и поддерживала на этом пути, так что не зря побили его камнями в Храме, как об этом пишет сам Иосиф Флавий.

А Иисус, выросший на заветах ессеев, когда пытался объявить себя царём, возможно, оказался менее активен в это яростное время, потому что знал о своём несвоевременном и потому как бы «незаконном» рождении.

* * *

«Понимаешь, Сын, слишком много было претендентов на этот несчастливый иудейский трон. Одно дело царьки, «назначенные» Римом в Иудею, такие, как Ирод Великий, Ирод Антипа, Ирод Агриппа, Агриппа I, Агриппа II, и вовсе другое дело – потомки царя Давида по прямой линии. Ну, не говоря уже о Фоме, который так и вошёл в Евангелие как «близнец». Может быть, потому что поговаривали, что он – брат Ирода Антипы, и когда отец после семейных неурядиц лишил его титула наследника, всё получилось, как в старозаветной истории с Исавом и Иаковом, когда Иаков продал своё первородство за чечевичную похлёбку. Они были близнецы – те двое. А эти – просто братья.

Но Фому всё равно дразнили «близнецом». Ведь тоже претендент. Так зачем ему было признавать Христа? Он и не признал сперва. Всё это я отлично знал. Да и вся Иудея знала. Так что нечего мне было делать у иудеев. Они мне были дороги, но неинтересны, как давно читаная книга, и притом утомляли своей неразгадонностью и таинственным воспроизведением старозаветных канонов.

Понимаешь, Рим был жесток, прямолинеен, но понятнее, чем Иудея. Вся Иудея – зашифрована. А Рим – вот он, на ладони. И когда я понял, моя карта – бита, я пошёл с Римом.

Когда меня в первый раз послали внедриться в восстание, уговорить иудеев сдаться, я понимал, что сподличал. Хотя – это – как посмотреть. Ведь я присягал Риму. И я верно ему

служил. И Рим верил мне. И я не мог его обмануть. Скажешь, – обманул иудеев? Но им-то я не присягал, я ничем не был им обязан.

К тому же в тайниках души была у меня надежда спасти Храм. Но римляне всё-таки его сожгли. И скорее всего Тит, который так любил Беренику, сам об этом знал, а, может, исподволь и поощрял своих солдат как бы по ошибке спалить эту жемчужину Востока. Ведь в душе он был прежде всего римлянин. Хотя так неистово любил иудейскую принцессу. И потом много лет мечтал жениться на Беренике и сделать её Императрицей. И таки дождался, что она приехала в Рим. Но он понял, что Рим иудейскую Императрицу не примет. И она это поняла. И ласково и пристойно удалилась в Тивериаду, как бы сама отвергла Тита. И это была ещё одна маленькая победа Иудеи: учтиво, но высокомерно отказаться от Римского престола.

Поди, пойми, эту Иудею, – ломали голову римляне.

А женился бы Тит на Беренике – и Иудея бы процветала, и я – исполнил бы свой долг: служил бы Риму, только уже как царь Иудеи. И Запад с Востоком слились бы, объединённые, скорее всего, христианской верой, и какой бы возник гармоничный, мудрый, просвещённый мир!

Но, сын мой: у Христа остались потомки, об этом в Иудее много спорили… И теперь ты, наверное, понял, почему мне важно узнать, так ли это…».

* * *

Первый коллега: Разговор о потомстве Христа актуален по сей день. Это как бы длящийся 2000 лет спор Учеников по поводу его брака. Здесь остаётся только довериться Евангелиям. И каноническим, и апокрифам.

Например, в «Евангелии от Марии» читаем: «Сестра моя, мы знаем, что Спаситель любил тебя больше, чем других женщин. Передай нам его слова, который ты помнишь, которые ты слышала, и которых мы не знаем».

И – один из учеников, скорее всего, Петр, особенно ярый противник Марии Магдалины, возмущается: «Должны ли мы

все слушать её? Действительно ли он предпочитал её нам? Может ли быть, чтобы в наше отсутствие он говорил с женщиной вместо того, чтобы открыто поговорить с нами?

Но Петру отвечает другой ученик: «Я верю этому, ибо Спаситель знал её лучше, чем кого-либо, и потому он любил её больше, чем нас».

Особенно убедительно «Евангелие от Филиппа»: «Их было трое, идущих всегда вместе с Иисусом, – говорит он, – его мать, Мария, его сестра, и Магдалеянка, та, которую называют его подругой». Филипп однозначен: «Подругой Спасителя была Мария из Магдалы. Христос любил её больше, чем всех своих учеников и часто целовал её в губы. Другие ученики обижались на это, не пытаясь даже скрыть своё неодобрение, и спрашивали у Иисуса: «Почему ты любишь её больше, чем любого из нас?» А Спаситель отвечал в свою очередь: «Почему бы мне не любить её больше, чем вас?». Достаточно убедительно?

Но ещё интереснее комментарии Филиппа: «Нельзя отрицать плоть и любовь. Если вы боитесь их, вы станете их рабом, но если вы ими злоупотребляете, они поглотят вас и подавят целиком». И ещё: «Велико таинство брака, ибо без него мир не существовал бы. Существование мира зависит от человека, а существование человека – от брака».

И далее: «Есть сын человека. И есть сын Сына человека. Господь есть Сын Человеческий, а сын Сына Человеческого есть тот, кто создан через Сына Человеческого».

Надо полагать, что всё это относится и к потомству Иисуса Христа, которого Филипп определённо называет Человеком, коему ничего человеческое не чуждо.

Второй коллега: Конечно, в Евангелиях прямо ничего не сказано о династическом браке с Магдалиной. Однако – что такое Евангелия? Их же писали много позже, и каждый по велению своего сердца и по своему разумению. Когда дело уж близилось вновь к серьёзной войне с Римом, Мария Магдалина, которая жила тогда с дочерью Фамарью и сыном Христом II, прозванным «Праведным», была беременна. Оставаться в Иерусалиме не приходилось. Надо было думать, как покинуть Империю и скрыться где-нибудь на самом её краю. А один из

краёв Империи в то время была даже не Галлия, а Британия. И пришлось Марии Магдалине с детьми и с Иосифом Аримафейским отбыть в Марсель. Тому имеются письменные свидетельства и изображение Марии Магдалины с ребёнком на руках, сидящей в челне, даже стало эмблемой эдинбургского порта Лейт.

Ошеломлённый читатель: О, Иосиф Флавий, вы самый прославленный иудейский историк, и вы же – враг Иудеи. Одно бесспорно, вы – провидец.

Вы запечатлели истоки устранения политических противников за пределами Империи. Сегодня это уже никого не удивляет.

В двадцатых-тридцатых годах прошлого века правители новой страны Советов спокойно похищали белых генералов из Парижа – чего стоит один Кутепов – но ведь они не делали этого сами. Они посылали русских, и тоже настоящих патриотов, бывших белых офицеров, присягавших не монархии, а России, обаяв их посулами, а, может, и привлекая романтикой новых свершений, и те, верные присяге, пытались служить России уже в новой ипостаси, точно как вы Риму, и тоже верно служили своим хозяевам, порой ненавидя их, затуманенные сознанием, что так они вновь служат России.

Поистине, как вы говорите, – «кашья». Вопрос, не имеющий ответа.

Но разве же не чудом уцелел сын Троцкого, когда только случай спас его от снайперской пули, и разве не ликвидировали самого Троцкого ледорубом в предалёкой стране, через столько лет! – уж очень не терпел его тогдашний «Император»…

А скольких, так, походя, «убрали»? По принципу: «лес рубят – щепки летят». Чем же мы, нынешние, собственно, лучше смиренных жителей Империи двухтысячелетней давности – с горечью думаю я сегодня!

* * *

«Да, сын мой, я служил цели, и Рим мне хорошо платил, и я был верен ему. Но христианство, как туман, обволокло Империю и как ржа подточило её. Сейчас попытаюсь всё же использовать свой шанс. Как я уже сказал, – собираюсь в Иудею. Я всё-таки потомок Хасмонеев. Едва ли не единственный, причём

достаточно на виду. Теперь моей целью будет престол. И Рим меня поддержит. Свой человек в Иудее, это ли не находка! Тем более, назревают там большие события. И, не дрогнув, я опять встану во главе.

И глупцы вновь будут кричать мне «Марин». Вспомнят, вспомнят ещё, как отлили в бронзе копыто моего коня. И объединению Иудее и Рима я тоже буду служить верно. И, может, тогда на самом деле стану гражданином Вселенной, – если вернусь?»...

* * *

Ошеломлённый читатель: Не станете. Вы – человек продажный. Вас перекупят. Например, тот же Константинополь. Ему тоже снилось величие. И вы будете служить ему. И будете утешать себя: я служу великой цели, я верен присяге.

Сегодня, через две тысячи лет, я не стану более перечитывать вашу «Иудейскую войну». Я вам не верю. И вообще никаким книгам о войне больше не верю. На войне у каждого своя правда. Да и прекращается ли когда-нибудь война? И известно ли стало сегодня, через две тысячи лет, «что есть Истина»? Мог ли бы кто-нибудь ответить Понтию Пилату?

Первый коллега: Потому неудивительно, сколько христианство породило кровопролития! Столько крови, пожалуй, не пролилось во всех войнах мира. Подозревал ли мечтатель Христос, – а как же иначе его назвать, – «царь, который не царствовал», к чему ведёт его Слово?

Хотя… Ведь он сказал, «я несу вам не мир, но меч», и первым делом посоветовал своим ученикам обзавестись мечами, отправляясь в путь. Понимал, значит, что для того, чтобы покориться Слову, а не мечу, надо *дозреть*. А мир ещё далёк до этого. Впрочем, – по сей день.

Так сказать, – «имеющий уши да слышит».

Второй коллега: Причём ведь все служили своей правде и своей присяге. А в общем-то – своей личной цели. Собственно, – своей Истине!

Ватикан не зря стал самой богатой державой в мире. Ему совершенно всё равно, что во Франции поклоняются «чёрной

Мадонне», то есть Марии Магдалине, которая, как дочь Хасмонеев, зачавшая наследника, имела право носить чёрное платье. И во многих городах и монастырях поклоняются Чёрной Мадонне по сей день. И на её захоронение приходят паломники, потому что она – как бы осязаемая легенда.

Осведомлённый читатель: Кстати, читал: сын Христа, Иисус II, «Праведный», объявлен был царем в коринфской синагоге в 53-м году, а в 60-м году побывал в Риме. Может быть, даже тогда, когда там был и сам Иисус. Только они не встречались. Опасно! А Иосифа II, дядя его, Иосиф Аримафейский, – он же Иаков, брат Христа, – увёз с собой в Англию, откуда и пошло там христианство.

Третий коллега: Ну, тут кажется всё доказуемо! По преданию, да и не только, в сотнях книг приводятся сотни геральдических таблиц, из коих следует, что первая французская династия Меровингов ведёт начало от Иисуса Праведного. Также как от Иосифа II, увезённого в Англию, пошла английская аристократия.

У Ватикана же своя цель – сохранить владычество католицизма в Европе. Значит: разве можно объявить Христа просто сыном зелота и повстанца Иосифа Галилеянина, распятого на кресте? И тем более опасно разрушить легенду святости – разве святые могут жениться и иметь детей?

Да и вообще Магдалеянка – это настоящее имя Марии Магдалины – с самого начала была, так сказать, «персона нон грата» среди его учеников. Ревновали к Учителю. Всё сомневались: жена или просто подруга?

Осведомлённый читатель: Но вот что удивительно: ведь Христа все называли равви, то есть Учитель. Однако так имел право называться только тот, кто уже завёл свою семью и уже потому знал, *как* учить, *смел* учить. Неужели это за 2000 лет никого не поразило? Ведь если он к тридцати годам ещё не был женат, так в иных общинах это даже считалось бы смертным грехом, и вообще привлекло бы к нему внимание всего Иерусалима.

Да и с возрастом Христа не так уж всё ясно. Родился он, похоже, в 12-м году д.н.э. Это было его истинное рождение, что легко проверить. Ведь пресловутая перепись населения, затеянная Иродом Великим, приходится вовсе не на «предсказанный»

год рождения Христа, – тогда чего же было убивать младенцев? Разве что всю жизнь Ирод Великий отчаянно боялся потерять власть…

Эта перепись прошла ровно через двенадцать лет после рождения Иисуса. В 12 лет для мальчиков наступало «первое рождение», или Инициация. Именно тогда юношу везут в Храм. Но еще через 12 лет Христу уже 24 года, он хорошо образован, обучен латыни, греческому, жил у ессеев, сведущ в врачевании и, стало быть, не зря так изумил священников в Храме своими знаниями.

Инициация Магдалины приходится на её 14 лет, она моложе Иисуса на 9 лет. Распяли его не в сакраментальном 33-м году, а, вернее, в 36-м, и в 42-м году (ведь он остался жив!) Магдалина родила Иисуса II, а уже за пределами Рима – Иосифа II. Умерла она в 63 года и похоронена в Рен де Шато. Сведения об Иисусе прослеживаются до 63-65гг., когда он посетил Кипр и Мальту, а потом Рим. А уж если верить, что он был в осаждённой крепости Масаде…

Второй коллега: Всё это, возможно, и так, но для дня сегодняшнего – мелкий факт. Можно обратить на него внимание, а можно и нет. Потому что самое важное для Ватикана было сохранить не точную дату смерти Христа, коли это не сакраментальный 33-й год, а понятие Чуда.

Если не было Распятия и не было Воскрешения, а тем более Вознесения, значит, не было и Чуда, и тогда все моря крови пролиты зря.

Ну как дискредитировать этот столь нежелательный для церкви брак Христа? Оставалось лишь объявить Магдалину попросту той самой грешницей, читай блудницей, которую Христос спас от избиения камнями за прелюбодеяние. Что и делается усердно, даже по сей день. Так что раскол былых Учеников по поводу Магдалины за две тысячи лет не прекратился, наверное, ни на год.

Осведомлённый читатель: Итак, – кому это выгодно, кроме Церкви?

Как ни странно, вся эта запутанная история была выгодна даже Наполеону. Именно он признавал Марию Магдалину женой

Христа. Ведь её потомки стали родоначальниками первой галльской династии Меровингов. Эту династию вероломно свергла последующая, Каролингов. Но потомки тех и других продолжают жить в веках по сей день.

Например, Мария Антуанетта, принцесса лотарингская (Австрия) и королева Франции своим браком с Людовиком XVI, который был потомок Каролингов, как бы примирила эту многовековую вражду.

Но вот в 1793 году свершилась казнь Людовика и Марии Антуанетты – путь свободен, и Наполеон исподволь начинает насаждать мнение, что он жаждет восстановить справедливость, и сам – последователь Меровингов, и почему бы ему не стать императором?

Поистине – «История – роман, который был». Так возносились и рушились империи, и так через какие-нибудь пятьсот лет после брака Марии Магдалины с Христом пала Великая Империя Рима.

* * *

«Но запомни, сын мой, – я читал книги Сивилл, там сказано, что римские боги – всего лишь души мёртвых императоров. Рим поклоняется мертвецам. И Рим должен пасть.

Ты скажешь, – ещё сильна рука Рима, а я отвечу: но сердце его отмирает и каменеет. От Рима, мощного, праведного, терпимого и рабски законопослушного, веет смертью. От его дыхания цепенеет мир и нет в этом мире ни покоя, ни радости. И утоление желаний уже не утоляет, а тоска по неведомому гнетёт омрачённые души.

Я знаю Рим, я служу ему, и буду служить до конца, я чувствую его пульс. Правы Сивиллы. Рим дряхлеет. Дряхлеют духом и римляне. Их боги постарели. И ученики Христа станут править миром. Может, его учение – то неведомое, по которому тоскует мир. Кое-где мы уже это видим, да и в самом Риме тоже. Мне, наверное, не доведется описать торжество христианства, хотя так называемые минеи, то есть иудео-христиане (обрезанные христиане) всё множатся. Но ты – увидишь падение римских богов и падение Империи.

А пока, если мне повезёт, – я вновь вяжусь в события, я помогу возрождению Иудеи, и, может быть, наконец, сам пойму, кто я – иудей или римлянин. По степени боли или радости, что меня охватит…

…Сын мой, я очень люблю жизнь. Хорошую, и плохую – люблю. Из плохой мне всегда удавалось для себя сделать хорошую!

Я, в сущности, игрок.

Вот вспомнил, когда впервые попал в Рим, сел играть в кости с весьма почётным господином, и тот всё время выигрывал. Когда же подали ужин, я на мгновение задержался у стола, на котором лежали кости. Одна из них была чуть кривая. Видно, именно она верно служила игроку.

Я эту кость припрятал. И всю жизнь носил с собой. Это мой талисман. Эта кость и сейчас тут передо мной...».

Иосиф Флавий вынул из яшмового ящичка заветные кости и, немного подумав, заменил одну, той кривой, своим талисманом. Так, словно вымаливал у судьбы удачу. Пусть выиграет сам у себя…

Но не успел он кинуть кости, как в дверь постучали.

Нехотя встал он из-за стола, и открыл: там стоял гонец из дворца и протянул ему послание. Домициан писал: «Мой еврей, радуйся! Вскоре твой сан Маттафий вернётся. Пока же он послал для тебя письмо Императрице, госпоже Луции, а она передала мне. Похоже, юный Маттафий завязал на Востоке много разнообразных знакомств, а пойдут ли они ему на пользу, покажет время», – не мог не съязвить Домициан.

Но сейчас это было неважно. А важно, что скоро сын вернётся, и что послал письмо. Значит, сам, первый, идёт на примирение.

Он вдруг заметил, что из глаз его по щекам текут слёзы.

Развернув письмо, прочёл: «Отец мой и учитель! Осмеливаюсь писать к тебе, потому что моя поездка на многое раскрыла мне глаза. Я узнал новых людей, которые сильно отличаются от римлян. Некоторые прочитали твою «Иудейскую войну» – даже в Массилии! – и говорят, что ты, создав эту книгу, сделал для Иудеи большое благо, ибо оповестил мир, не только о великой победе Рима, но и о непревзойдённом мужестве и храбрости жителей Иерусалима и об их, Всевышнему угодном, последнем

жертвоприношении, поскольку Храма уже нет. Они умертвили друг друга и так доказали беспримерную волю к свободе. Это говорят и минеи, с которыми мне довелось повстречаться. А один из них просил передать тебе древний манускрипт, списанный им в Египте с папируса, которому три тысячи и более лет. Когда приеду, – привезу.

Пока же выписал несколько строф, как будто нарочно посвящённых тебе и твоей замечательной книге.

Вот они. Это из притчи «Прославление писцов»:

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы,
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили своё наследство в писаниях,
Поучениях, сделанных ими.

Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания их заставляют вспомнить его
Устами тех, кто передаёт это в уста других,
Книга нужнее построенного дома.
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Разве это не о тебе и о твоих книгах?», – радостно удивлялся Маттафий.

А Иосиф вспомнил, что в самом деле Тит велел выставить в библиотеке Храма Мира его, Иосифа, бюст. Кудрявый, горбоносый, с узкими и всё же плотоядными губами, с круглым упрямым подбородком, стоял он там, пока под каким-то предлогом Домициан не велел его убрать.

«Но читай же дальше, – продолжал письмо сын:

Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,

Написанные, пока они жили.
И память о том, кто написал их,
Вечна».

Теперь Иосиф, уже не стыдясь своих слёз, всхлипнул. Мальчик к нему вернулся. Его драгоценный «еврейский сын». Он понял, наконец, отца. Видимо, ему многое о нём рассказали там, в Массилии, да и, наверное, он немало где побывал и попутешествовал за это время в тех краях. Там много Минеев, где-то там ведь обосновалась некогда Мария Магдалина, так говорили. Впрочем, молва – это всего лишь молва. Но, возможно, очевидцы рассказали сыну о гибели Храма и о яростно стоявшей до конца крепости Масада. Вернётся, – надо всё у него подробно расспросить.

Иосиф ещё не знал, что ко времени, когда письмо попало к нему, его Маттафий, его «еврейский сын», был мёртв.

Несчастный случай, – на корабле сорвался с мачты.

Несчастный случай, на которые великим мастером был Домициан, не простивший упоминания о минеях в письме – ведь он его, конечно же, прочёл.

Но Иосиф пока ничего о том не ведает и, счастливо улыбаясь, возвращается к столу продолжить письмо к сыну, хотя он сам скоро и вернётся.

Но это ничего – письмо можно отдать Маттафию из рук в руки, из него он многое узнает об отце и уж наверняка поймёт его.

Вернувшись к столу, он подбросил кости на ладони, но отложил их и продолжил послание к сыну в небытие:

«*Итак, решено, я рискну.*
Я ещё раз кину кости.
Пусть даже – в последний…
Но, может, я доживу до дня, когда над дверьми римлян по всей Империи от Британии до глубин Востока вместо «Привет тебе, прибыль!» прочту: «Алафия, мир входящему!...».

И, запечатав послание, принялся ждать того, кого увидеть ему было суждено лишь мёртвым. И ещё поблагодарить Домициана за роскошные похороны по римскому обычаю, устроенные за счёт

государства последнему из рода Мататиагу, в благодарность за верную службу его отца, имя которого в этот же день Император внёс вторично в список последних Хасмонеев, намеченных для истребления…

Декабрь 2006г.

Примечания: *При подготовке рукописи были использованы тексты канонических и неканонических Евангелий, апокрифы, сочинения Иосифа Флавия, работы видных исследователей, среди коих хочется особенно отметить Р. Амбелена, М. Байджента, Р. Лея, Барбару Тиринг и Г. Линкольна. Стихи цитируются по изданию: «Поэзия и проза Древнего Востока» (М.: Худ. лит., 1973, раздел «Поэзия древнего Египта» в переводах Анны Ахматовой и Веры Потаповой). Автор благодарит* Алексея Брагина *и* Викторию Кинг *за помощь в поиске источников.*

Валериу Бабански
ПОНТИЙ ПИЛАТ
(Глава из новой книги «Когда пришел тот, кого мы все ещё ждем»)

Спустя тридцать семь лет, карательная армия Тита, старшего сына нового римского императора Веспасиана, а в недалеком будущем и его преемника, используя все возможные виды стенобитных орудий, изобретённых искусными мастерами седой старины или придуманных современными умельцами, наконец, после пяти месяцев яростной осады, прорвали оборону мятежной крепости, обложенной глубокими рвами, высокими валами и палисадами, окружённой и стеснённой отовсюду, и так как её защитники дойдут до полного истощения сил, и не только из-за столь длительного сопротивления более могущественному, да и более опытному врагу, но и из-за междоусобной, братоубийственной резни и особенно из-за свирепствующих чумы и голода, когорты десятого Сокрушительного, пятого Македонского и других легионов проникнут в неё и сожгут её, и не оставят от неё камня на камне, кроме трёх башен во дворце Ирода и части

наружной, западной стены Храма – обширных руин из огромных блоков известкового песчаника, которые сохранятся до наших дней, и по преданию, осенённые в древности благодатью богоявления – «Шехиной Славы», – станут для рассеянных по всему свету иудеев самой великой их святыней, местом их паломничества, мистического очищения от грехов и неистовых молений, а также тяжелых, скорбных, безутешных воспоминаний о трагических событиях многовековой давности.

Иными словами, наступят поистине ужасные дни. Ибо к тому, что всё будет предано огню и разрушению, следует добавить и свидетельство очевидца Иосифа Флавия, а именно то, что в течение осады крепости погибнет около миллиона иудеев, а девяносто семь тысяч, оставшихся чудом в живых, будут уведены в плен. Хотя, если исходить из того, что «гражданин мира» был придворным летописцем, да ещё и весьма угодливым и льстивым, поскольку даже перенял фамильное имя своих августейших покровителей, и под этим именем остался в истории, а не под своим настоящем – Маттунтияху, – если исходить пусть даже только из этого, не говоря уже о том, что и вообще был он фигурой в определённом смысле чрезвычайно одиозной – отступником от веры предков и изменником своего народа, перебежчиком, тогда, скорее всего, цифры, приведённые им в его сочинении «О войне иудейской», слишком завышены, притом, может быть, и умышленно, а потому кажется более близким к истине римский историк Корнелий Тацит, согласно которому осаждённые обоего пола и всех возрастов составят примерно шестьсот тысяч; но, в конце концов, главное здесь не цифры, а исполнение в точности слов Иисуса, сказанных им своим ученикам на Елеонской горе, а также многочисленных ветхозаветных предсказаний, в том числе и пророка Даниила о семидесяти седмицах. К тому же будут и знамения о приближении страшной развязки, происшедшей 29 августа 823 года от основания Рима или 9 аба 3830 года по иудейскому календарю – дня, когда падет Храм, последнее убежище осажденных; знамения эти станут появляться над крепостью в разных местах и будут зловещими, тот же Тацит так опишет одно из них: «На небе бились враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, низвергавшийся из туч огонь кольцом охватывал Храм. Внезапно

двери святилища распахнулись настежь, громовой, нечеловеческой силы голос возгласил: «Боги уходят!» – и послышались шаги, удаляющиеся из Храма».

Но пока Иерусалим – на древнееврейском Ierushalajim, то есть «Обитель мира», или, как называли его греки и римляне, Hierosalima – напоминал собой муравейник. Приближалась Пасха – главный праздник, сам Господь установил его навсегда и определил ему время в середине месяца нисан, месяца колосьев, в память о том, как в стародавние времена вывел Он сынов Израилевых из Египта, из «дома рабства» и привёл их в обетованную землю хананеев, хеттеев, аморреев, иевусеев и ферезеев. Тогда, еще до начала Исхода, Господь повелел Моисею и брату его Аарону:

«Скажите всему обществу израильтян: в десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство.

А если семейство так мало, что не съест агнца, то пусть возьмёт с соседом своим, ближайшим к дому своему, по числу душ; по той мере, сколько каждый съест, расчислитесь на агнца.

Агнец у вас должен быть без порока, мужеского пола, однолетний; возьмите его от овец или от коз.

И пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его всё собрание общества Израильского вечером.

И пусть возьмут от крови его и помажут на обеих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его.

Пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испечённое на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его.

Не ешьте от него недопечённого, или сваренного в воде, но ешьте испечённое на огне, голову с ногами и внутренностями.

Не оставляйте от него до утра; но оставшееся от него до утра сожгите на огне.

Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью; это Пасха Господня.

А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской, и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь.

И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь, и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую.

И да будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу, во все роды ваши; как установление вечное празднуйте его.

Семь дней ешьте пресный хлеб; с самого первого дня уничтожьте квасное в домах ваших; ибо, кто будет есть квасное с первого до седьмого дня, душа та истреблена будет из среды Израиля...»

Так написано в Ветхом Завете, во второй книге Моисея, и, конечно же, стихи эти шокируют многих. Но мы имеем дело со Святым Писанием, о котором еще Ориген из Александрии говорил, что слова его содержат три смысла – исторический, нравственный и эзотерический, а ирландский философ средневековья Иоан Скот Эриген допускал даже бесконечное множество смыслов – столько, сколько переливов у оперения королевского павлина; или, согласно Каббале, Пятикнижие Старого Завета – Тора – вообще зашифрованные тексты, криптограммы, и толкование их возможно лишь при помощи герменевтических приемов, которые состоят, с одной стороны, в вертикальном чтении (так называемом «buestrophedon», что означает «ходом быка», когда первая строка читается справа налево, вторая – слева направо и т.д.), а с другой стороны, в замене одних букв алфавита другими или в сложении их числовых соответствий; более того, по мнению каббалистов, вся Тора не что иное как зашифрованное тайное имя Бога, имя, состоящее, как и его тетраграмма YHWH, из четырех букв, и которое, если кто откроет его и правильно произнесет его над человеческой фигурой, вылепленной, подобно первому Адаму, из красной глины, фигура оживёт, и это будет «голем» – новое творение, послушно исполняющее любые поручения своего создателя, однако неспособное к речи и не обладающее человеческой душой; но как бы там ни было, из года в год, в установленное время, в месяц колосьев, потомки Авраама приносили жертвы Господу Богу, и семь дней ели опресноки, не держали в доме ни крошки перебродившего теста и не делали никакой работы.

И это было как закон незыблемый, как памятный знак на руке и на лбу между глаз у каждого иудея.

Тысячи и тысячи паломников стекались в Иерусалим изо всех уголков Палестины и из других краев; многие, не найдя приюта в чертах города, раскинули свои шатры за пределами крепостных стен, в открытом поле; ночами его окрестности, озаренные лагерными огнями, являли собой захватывающее зрелище как бы отражённого звёздного неба, а в коллективном бессознательном старых людей воскрешали наследственные воспоминания о тех далеких временах, когда, как написано в четвёртой книге Царств, в девятнадцатый год Навуходоносора, царя Вавилонского, пришёл в Иерусалим Навузардан, начальник телохранителей Навуходоносора, и сжёг дом Господень и дом иудейского царя Седекии, и все дома большие, а стены крепости разрушил до основания.

В то же время и это зрелище, и огромное скопление пришлого люда – праздного, шумного, охваченного религиозным экстазом – всё было чем-то обычным, и если пятый римский Прокуратор Иудеи и Самарии Понтий Пилат и перебрался с главными силами своих когорт из Кесарии в Иерусалим, чтобы сподручнее было поддерживать порядок в крепости, то сделал он это не из-за бесчисленных толп паломников, естественных для празднования Пасхи в Святом Городе. Хотя после смерти Ирода Великого Палестина и была расчленена римлянами на так называемые тетрархии, Иерусалим продолжал оставаться сердцем всего края, сердцем пусть и печальным, почерневшим от горя, но всё ещё страстным, ибо здесь была могила того, кто его основал – царя Давида, и что особенно важно, здесь стоял Храм, где хранился ковчег Завета с каменными Скрижалями Откровения, которые были начертаны самим Господом и вручены Моисею на горе Синай в третий месяц после исхода Израилева из Египта. А потому Пилата тревожило совершенно другое, а именно... Но сначала попытаемся воссоздать хотя бы общий и приблизительный портрет этого злосчастного исторического персонажа.

С гладко выбритым прямоугольным массивным лицом, словно высеченным из куска гранита, и в то же время испещренным мягкими, какими-то бабьими морщинами, с выпяченной нижней губой, которую он имел дурную привычку посасывать, с

выпирающимся патрицианским кадыком и обширной, можно сказать, даже величественной, лысиной, словно предназначенной для лаврового венка, с неизменно проступающей в уголках губ особой усмешкой, выражавшей и отвращение, и скептицизм, и надменную смертельную скуку, что-то вроде toedum vitae, гегемон, согласно одним источникам, был потомком самнитов, старинного племени, когда-то населявшего центральную часть Апенинского полуострова, а, точнее, происходил из «gens Pontia», чьи истоки теряются в незапамятных временах римской нации, а согласно другим, тем, которые допускали, что фамильное имя Пилат производное от слова pileatus, он был потомком вольноотпущенников, так как pileus или pileum называлась войлочная шапочка вольноотпущенного раба. И это второе предположение кажется более близким к истине, особенно если учесть и слухи о том, что и саму-то должность прокуратора он получил благодаря известности своего отца, который в качестве командующего одним из легионов прославился в войне с кантабрами, а ещё, и, может быть, даже главным образом потому, что женился на красавице Клавдии Прокуле, внучке Августа и падчерице Тиберия, ибо именно подобными обстоятельствами и объясняется, скорее всего, в свете современной аналитической психологии, его из ряда вон выходящая агрессивность – не животная и даже не нарциссическая, функциональная или приспособленческая, а как подсознательная реакция защиты от чувства собственной неполноценности, никчёмности и беспомощности, чувства, всемерно подавляемого и скрываемого им не только от чужого глаза, но и от самого себя, и даже в первую очередь от самого себя; порой дело доходило до явного садизма, проявлявшегося в страстном желании подчинить других своей воле, поставить их в полную зависимость от себя, всецело властвовать над ними и заставить их страдать как физически, так и душевно, и даже в основном душевно, оскорбляя их, унижая их, сбивая их с толку и ставя их во всевозможные крайне неблагоприятные, тяжелейшие положения. Он был садистом даже в его сексуальных отношениях с Клавдией. Обычно, в начале, его мужское достоинство, вследствие какой-то плебейской паники, не подавало никаких признаков жизни, зато потом, словно в результате какого-то

мистического освобождения, оно обретало чуть ли не сверхъестественную мощь и превращалось в настоящее орудие эротической пытки, и чем громче стонала и кричала Клавдия, чем сильнее выражала она не столько своё наслаждение, сколько, скорее всего, впечатление от боли и тем самым доходила до бреда и умопомешательства, тем прочнее самоутверждался он, и не только как мужчина, как авторитарная особь, но и вообще как существо высшего порядка. И если, по правде говоря, Клавдия не должна была следовать за ним (хотя вековой закон Оппия, который запрещал римским провинциальным сановникам брать своих жен в места исполнения ими своих должностных обязанностей, в последние годы и потерял силу), но Пилат всё же вызвал её к себе, то сделал он это в основном для того, чтобы постоянно иметь её рядом, под рукой, и, каждый раз, причиняя ей боль и страдания на брачном ложе, упиваться своим полным господством и безграничной властью над ней и тем самым снова и снова возвышаться над своей собственной низменной природой.

Тот же садизм определял и обращение Пилата с иудеями. Это проявилось с самого начала его губернаторства. При замене Иерусалимского гарнизона, он приказал легионерам вступить ночью в город со всеми имперскими воинскими знаками: золотыми щитами с отчеканенным на них изображением императора Тиберия Клавдия Нерона и знамёнами, на чьих древках красовались национальные двуглавые орлы, держащие в когтях таблички, с выведенными на них четырьмя священными буквами – SPOR, – то есть Senatus Populasque Romanus, и так как иудейская вера запрещала под страхом смерти любые изображения, поскольку запрет этот содержался в одной из десяти заповедей, написанных огненным перстом Яхве на каменных скрижалях, которые были вручены Моисею на горе Синай дважды – «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и то, что в воде ниже земли», – вся провинция пришла в чрезвычайное возмущение; тысячи взбунтовавшихся иудеев составили колонну, которая бурлящим потоком устремилась из Иерусалима в Цезарейскую резиденцию Пилата, и, окружив стены дворца, потребовали немедленно прекратить осквернение города, а когда на шестой день этой неслыханной осады прокуратор велел

всем собраться на ипподроме и, появившись перед ними во главе целой когорты на белоснежном рысаке, прокричал им убираться, пока живы, ибо не в его характере менять свои решения, скорее они лягут костьми под копытами лошадей, да, скорее, он их растопчет и изрубит мечами, и, в доказательство того, что он не бросает слов на ветер, он отдал приказ солдатам приготовиться к атаке, тогда-то и произошло нечто непредвиденное: люди пали на колени и, в знак того, что Закон предков для них дороже жизни, обнажили свои выи, мол: бей!.. секи!.. И лишь тогда, при виде такого зрелища сановник был вынужден уступить.

Или вот ещё скандальный случай. Когда, также в Иерусалиме, он распорядился вывесить во дворце тетрарха Ирода Антипы двадцать золотых щитов с изображением того же Тиберия, и тогда снова не обошлось без волнения, ропота и гнева распалённой толпы, так что пришлось вмешаться не только его непосредственному начальнику Луцию Вителлию, легату Сирии, в состав которой входила Палестина, но и самому Риму.

А в другой раз, тоскуя по римским термам и фонтанам, и в отсутствие всего этого в Иерусалиме, где не было в достаточном количестве даже питьевой воды и отчасти приходилось рассчитывать на дождевую воду, которая собиралась в специальные подземные резервуары, он задумал построить для этого отсталого города и огромный фонтан, и акведук, при помощи которого можно было бы доставлять много хорошей воды из местности el-Arrub, однако на этапе субсидирования работ не смог убедить иудейских толстосумов добровольно развязать свои кошельки, и тогда, очень кстати вспомнив о консуле Марке Крассе, и о том, как восемьдесят с чем-то лет назад тот решил финансовую проблему при подготовке своего разбойнического бесславного похода против парфян – просто-напросто сделал крюк, вошел в Иерусалим и забрал из Храма все наличные деньги и всё нечеканенное золото, что составило общую сумму в десять тысяч талантов, а к тому же похитил и золотой слиток весом в триста мин или в 750 фунтов, хотя, следует сказать, что подобная его «находчивость» нисколько не способствовала ему в осуществлении его тщеславных мечтаний, которые в своих полётах достигали Бактрии, Индии и даже самого моря, потому что, в конце концов, у Каррхалы, близ

Евфрама, он умер ужасной смертью – парфяне заманили его в ловушку, отрубили ему голову, отослали её своему царю, и Ород велел влить в её разинутый, искажённый последним криком рот ковш расплавленного золота, а спустя несколько дней, во время пира в царском дворце, актёры, играющие «Вакханок» Еврипида, в заключительных сценах использовали эту голову как театральный реквизит, представляющий голову Пентея, растерзанного пьяными жрицами Бахуса-Вакха, то есть бога Диониса; итак, вспомнив об этой несчастной личности, падкой на трофеи и триумфы, но только лишь в одной связи с экспроприацией Иерусалимского Храма, не вдаваясь в подробности дальнейшей судьбы Красса – поражения, бесславной смерти и т.д., Пилат обратил всё своё внимание на священный дом Яхве, однако формально не опустился до явного грабежа. Он якобы взял в долг из казны Храма золота и серебра на сумму весьма значительную и которую он, конечно же, не возвратил, да и не собирался возвращать; и жреческая знать вскоре поняла это, или, что не исключено, она знала об этом изначально, и не преминула использовать это для подстрекательства новых выступлений протеста. Но если в первых двух случаях Пилат больше потерял, чем выиграл, то теперь он возместил свой моральный ущерб с лихвой – его легионеры, переодевшись в восточные платья, которые носили местные купцы, и соответственно загримировавшись, проникли в толпы мятежников, и в условленный час принялись за дело: находясь в разных местах, они вдруг схватились за спрятанные под платьем изрядные дубины и так пошли орудовать ими направо и налево по головам и по спинам несчастных искателей справедливости, что только в одной ужасной давке многие и многие были изувечены и убиты.

И когда вечером в крепости Антония, где размещался римский гарнизон, Пилат, переходя от одной группы солдат к другой и слушая хвалебные рассказы о том, кто сколько «псов» уложил на месте с одного удара, в какой-то миг будто бы воскликнул: «Браво, ребята! Именно так – дубиной, считают латиняне своих подданных, дубиной, а не заскорузлым пальцем, как старый хрыч Моисей...», то тем самым не только оценил по достоинству успех давеча проведенной операции, но и показал глубокое знание

древнего прошлого иудеев, потому как намекнул на конкретный эпизод из их истории – исчисление сынов Израилевых в пустыне Синайской в первый день второго месяца, во второй год по выходу их из земли Египетской, когда, по повелению Яхве, патриарх Моисей в присутствии своего брата Аарона и глав родов исчислил всё общество сынов Израилевых, годных для войны, по родам их, по семействам их и по числу имен, всех мужчин поголовно, от двадцати лет и выше, кроме тех, кто относился к колену Левитову, которым была поручена скиния откровения и все принадлежности её, и всё, что при ней.

По правде говоря, ему очень нравилось кичиться своей эрудицией и вообще напускать на себя какую-то даже сверхпрокураторскую важность; он считал себя исключительной личностью, с некоторых пор читал только биографии великих людей и особенно вновь и вновь возвращался к «Истории Александра Македонского» в изложении Квинтия Куртиуса, хотя, следует сказать, что, воскрешая в малейших подробностях образ непревзойденного завоевателя и подчёркивая своё стремление к правдоподобию, автор на самом деле всего лишь пересказывал всякого рода легенды, предания, небылицы и чересчур увлекался назидательными размышлениями и экзотическими описаниями, а, с другой стороны, даже сны гегемона были ни чем иным, как дружескими глубокомысленными диалогами со знаменитостями, канувшими в лету, такими как Гомер, Демокрит, Цицерон, Аттикус, Овидий, Тит Ливий и в особенности Эпикур, а также ревностный популяризатор и продолжатель учения последнего Лукреций Кар – весьма и весьма существенные детали, которые, рассмотренные с точки зрения уже упомянутой выше аналитической психологии, лишний раз подтверждают наличие у него комплекса неполноценности, ведь и избирательное чтение, и нарочито философские сны являлись просто-напросто известными способами, помогавшими ему обрести себя настоящего, кто знает когда и как утерянного, ибо, например, почти всегда, когда ему снилось, что он общается с каким-нибудь «бессмертным», он обязательно задавался таким вопросом: «Кто я, что я за человек, если даже самые-самые светлые умы беседуют со мной на равных?», и тут же отвечал: «Человек, обладающий не менее светлым умом!», и, задумываясь

над удушливой и враждебной средой, в которой ему приходилось напрасно растрачивать свою жизнь, и над своей должностью, всё же второстепенной и даже третьестепенной, по сути не более, чем кость, которая бросалась старым солдатам или придворным, кость, правда, с довольно жирным куском мяса, но всего лишь кость, он снова и снова чувствовал себя недооценённым, обделённым, отодвинутым на задний план, и в такие минуты ещё сильней выпячивал свою нижнюю губу и тем самым как бы демонстрировал весь свой скептицизм, презрение и высокомерие. Хотя на самом деле был он человеком весьма поверхностным, а эпикурейство его было всего лишь модной маской.

То есть стремление к атараксии, как состоянию наивысшего внутреннего покоя мудрого мужа, познавшего всю полноту истины, убедившегося в материальности мира и в том, что душа преходяща, и тем самым стряхнувшего с себя страх перед смертью, а также стремление к эвдемонизму, как вершины блаженства, являлись для него эпикурейскими положениями, которые он находил привлекательными и которые он всецело принимал или, точнее, был не прочь принять, более того, в основном он разделял даже атеизм Эпикура, который отрицал любое божественное вмешательство в развитие природы, в судьбы мира и человека, но всё же не мог полностью отказаться от богов, а помещал их в так называемые интермундии – пустые и дышащие полным покоем пространства между мирами, где они обитали счастливые и безучастные ко всему, что происходило на Земле, отданной на откуп Его Величеству Случаю, однако, с другой стороны, на протяжении многих и многих лет он почти что совсем не изменился, и как был когда-то грубым, неотёсанным cavaleris-equestris, далеко не блещущим умом, таким же cavaleris-equestris и остался. И не только в каких-то характерных привычках – шаркающая походка или то, как он приближался к своему прокураторскому креслу из черного эбенового дерева, инкрустированного слоновой костью, точно кресло это было норовистым конем и он должен был оседлать его. Философские рассуждения и прочие понятия, относящиеся к мудрости, были для него ещё большей головной болью, чем изысканные манеры, так что, если отдельные идеи греческого мыслителя он просто не мог постичь, как, например, идею о всебытии

Космоса, как бесконечно великой пустоты, в которой, подчиняясь закону тяготения, снуют какие-то атомы – бесконечно малые частицы, лишённые каких-либо качеств, а потому неуловимые для глаза, но именно которые и составляют все тела и миры, и признавал, что подобные вещи выше его понимания, то целый ряд эпикурейских правил, опять же, как, например: «Живи незаметно», «Научись подчинять свои чувственные желания разуму» и так далее, или такие мысли, как: «Всегда тяжело начинать жизнь сначала», «Неумеренный гнев порождает безумие», и в особенности «Высшая цель государства состоит в том, чтобы сделать всех своих граждан счастливыми», он просто отбрасывал, не ставя их ни во что, а крылатые слова, как «Под соломенной крышей человек не чувствует себя хуже, чем под золотой», «Груз плоти, вырастая, угнетает дух» и тому подобное, даже выводили его из себя.

Хотя, исходя из некоторых обстоятельств, можно смело предположить, что и первая версия об его происхождении, то есть версия об его самнитских корнях, имеет все основания считаться правдоподобной, и такое предположение представляет его в ещё более невыгодном для него свете, в свете значительно более мрачном и чуждым его эпикурейским стремлениям к абсолютной внутренней гармонии и, как следствие, к моральному совершенству, ибо, поскольку самниты изображали на своих боевых щитах разъярённого быка, то нужно сказать, что гегемон имел много общих черт с этим диким животным – он нередко был таким же яростным, жестоким и беспощадным, причем, порой, на какие-то мгновения с ним как бы происходило какое-то такое преображение, в котором некоторые просвещённые очевидцы усматривали мифического Минотавра, которого Овидий называет semibovemque virum, semivirumque bovem, то есть человек-полубык, бык-получеловек, а Данте в своей «Божественной комедии» помещает в седьмой круг ада, где мучаются вершившие насилие: «en su la punta dela rotta laca / l'infamia di Creti era distesa / che fu concetta nela falsa vaca», что в переводе звучит так: «а на краю, над входом к бездне новой, / раскинувшись, лежал позор критян, / зачатый вдревле мнимою коровой».

Как бы там ни было, но, по имеющимся свидетельствам, на протяжении более тридцати лет существования в провинции дол-

жности прокуратора pro legato, иудеи не знали более коварного сановника, а отсюда и несчетное число их отчаянных жалоб на него, которые текли буквально рекой в Антиохию – резиденцию легата Вителлия, в метрополию или на остров Капри, где, начиная с 779 года со дня основания Рима, император Тиберий высиживал, словно наседка, в тайне и одиночестве свои пороки.

Даже Ирод Агрипа I, внук Ирода Великого и последний царь Палестины, который и сам-то был настоящей канальей, в одном из своих писем в Рим к будущему императору Калигуле, а именно в письме, приводимом Филоном Александрийским в сочинении «Legatio ad Caium», изобличал его в «лихоимстве, хищениях, насильственных действиях, злоупотреблениях, оскорбительном обращении, непрерывных казнях без всякого суда, бесконечных и невыносимых жестокостях».

И позже, после того как Пилат прикажет перебить в Самарии группу паломников, вся вина которых будет лишь в том, что они подымутся на гору Гаризим в поисках бог весть каких святынь, сокрытых в одной из тамошних пещер ещё Моисеем, после этого кровавого инцидента легат Вителлий отправит его отчитываться за свои действия в Рим, но так как Тиберий умрёт ещё до того, как гегемон достигнет «capus mundi», по утверждению одних его вернут с дороги, но не назад в Цезарею, а куда-то на юг Палестины, и теперь уже лишь в качестве префекта; по свидетельствам же других его сошлют в Галлию, где, как пишет историк Евсевий, он якобы покончит собой, а по уверениям третьих его убьют в самом Риме по приказу императора Нерона, который сменит на троне пятидесятилетнего увечного, с трясущейся головой и заикающегося Клавдия. Но это позже, а пока...

...А пока Пилат был еще верховным правителем Иудеи и Самарии, наделенным «ius gladi» – правом на жизнь и смерть, и чтобы легче погасить всякую искру мятежа, весьма возможного в дни празднования Пасхи, он сосредоточил в Иерусалиме основные силы подчинённого ему воинского состава и постоянно пребывал в крепости, днём и ночью, принимая бесчисленных лазутчиков, перед которыми были поставлены самые разные задачи: одни были его глазами и ушами и следили за тем, что происходило на площадях и улицах города; другие рыскали и

всё вынюхивали во временных лагерях, разбитых вне крепостных стен; затем шли те, которые докладывали ему о том, что творилось в царском дворце, где остановился Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Переи, те, кто шпионил в Храме, в доме первосвященника Анны и т.д. – в общем-то предприняв элементарные меры предосторожности, так как реальную опасность таил в себе не только простой люд, который, мечтая о возрождении Израильского царства во всём его былом величии, с некоторых пор всё чаще и чаще приходил в возмущение и то тут, то там устраивал беспорядки, и это кроме того, что повсюду, как всеразрушительный и смертоносный ветер, неистовствовали террористы партии «зелотов», так называемые «сикарии», поскольку излюбленным их оружием был кривой кинжал, по-латыни sica; не менее опасной была и местная знать. Кажущаяся лояльной и угодливой, подобострастной, на самом деле она ненавидела его лютой ненавистью, плела за его спиной всякие интриги, следила за каждым его шагом, и в последнее время он не мог пренебрегать ею, а тем более идти на открытые столкновения с нею, как он это делал прежде; напротив, теперь у него появилась даже очень веская причина быть особенно осторожным. Сеяна, начальника личной охраны Тиберия, его фаворита и самого преданного ему человека, ибо когда Император вдруг, неожиданно для всех, удалился на остров Капри, в Родос, то именно его он назначил своим наместником в Риме, причём наделив исключительными правами управления всей империей; так вот, как раз этого человека – всемогущего Луция Элия Сеяна, который на протяжении долгих лет оказывал Пилату всяческую поддержку и фактически и сделал его прокуратором, уже не было в живых, слишком много возомнил он о себе, чересчур вошел во вкус власти, настолько, что предпринял попытку государственного переворота, и был казнён. А это несомненно означало, что грозовые тучи сгустились и над его, Пилата, крупной твердокаменной головой, будто нарочно созданной для того, чтобы пробивать ею самые прочные препятствия, воздвигаемые судьбой на его пути. Таким образом, положение его было уже не тем, что прежде, почва под его ногами зашаталась, и ему надо было зорко глядеть во все глаза. И эти новые условия ещё более

усиливали его ненависть к иудеям. И он ненавидел их всем своим существом.

Ненавидел из-за их фанатической веры, потому что если для других народов их боги были, главным образом, средством объяснения непонятных явлений окружающего мира и составляли источник утешения и помощи в обстоятельствах, в которых человек оказывался бессильным, то их иудейский Яхве – бог Авраама, бог Исаака и бог Яакова – был краеугольным камнем всего их существования.

Ненавидел потому, что только в Иерусалиме насчитывалось более двух тысяч их священников, которые получали десятины от всех плодов и от первородков всех животных, в том числе от так называемых ими «чистых» животных – быков, овец, коз – в натуре, а от «нечистых» – деньгами.

Ненавидел потому, что каждый иудей, где бы он ни жил, если был мужского пола и имел свыше 20 лет, должен был ежегодно платить подать, равную половине сикля или двум драхмам, и всё это шло как храмовой сбор.

Ненавидел потому, что сам Храм их был на самом деле чудом из чудес; возведенный на горе Мория, он царил не только над Иерусалимом, но, казалось, и над всем миром. Величественный, он походил на покрытую снегом горную вершину и так ярко сверкал на солнце, что невозможно было смотреть на него, ибо сияние его ослепляло. И немудрено. Золото было повсюду, даже шипы на золотых кровлях, сделанные, чтобы голуби не садились на них и не гадили, были отлиты также из чистого золота.

Ненавидел потому, что они, как зеницами своих очей, дорожили своими синагогами, каждая из которых имела свой ковчег, где хранились свитки Торы и которые, хотя и не были храмами в собственном смысле слова, так как в них не приносились никакие жертвы, в то же время не были и просто домами собраний и молений, а и настоящими школами, учебными заведениями для подрастающего поколения.

Ненавидел потому, что, разбросанные по другим краям, они, словно пауки, ловили в сети своей веры всё новых и новых прозелитов, среди которых были даже монархи: Изат, царь ассирийской Адиабены, Азис, царь Эмесы, и другие. Так что Филон

Александрийский имел веские основания проявлять свой восторг: «Всех людей покоряет себе иудейство, всех зовет оно к добродетели – варваров, эллинов, жителей континента и островов...».

Ненавидел потому, что обрезали крайнюю плоть свою. Забота об обрезании казалась превыше даже заботы о соблюдении заветов Закона. Тот же Филон Александрийский объяснял смысл обрезания тем, что так предупреждаются некоторые болезни, достигается чистота тела, приличествовавшая святому народу, и что ещё важнее, обеспечивается наилучшее приготовление к обильному чадорождению, размножению из рода в род, как песок морской. Но была во всём том и какая-то мистическая тайна, о которой никогда и ничего не было известно даже народу Израильскому и которая касалась лишь странного завета, заключённого Яхве с Авраамом, всемогущим Господом Богом и девяностодевятилетним патриархом, после чего, невзирая на глубокую старость последнего, Сарра, жена его, также преклонного возраста, девяностолетняя, зачала от него и через год родила ему сына Исаака. Во времена великих фараонов было и египетское обрезание, его следы найдены и на мумиях, но египетский обряд не имел почти ничего общего с иудейским. У египтян это действие происходило не на восьмой день от рождения всякого младенца мужского пола, а лишь на 17-м году жизни, перед вступлением в брак и имело исключительно земное содержание, тогда как у иудеев скольжение ножа по крайней плоти означало не только, с одной стороны, Хаанан, «землю обетованную», как вечный дар, и размножение как «песок морской» – Аврааму и его потомству, а с другой стороны – ничем не примечательную крайнюю плоть – дар Господу Богу, потому что сам обряд обрезания был чем-то большим, чем действие: кольцо крайней плоти продольно разрезалось или, точнее, перерубалось, раздваивалось, распаивалось на два более тонких кольца, и из них одно – «край обрезания» – носился человеком до могилы, как «память» и «залог верности», а другое – отбрасывалось куда-то в сторону, причем жестом, полным какого-то неизъяснимого страха и кому-то невидимому, но под которым подразумевался Бог, о чём свидетельствовала и IV-я глава «Исхода», где рассказывается, что, когда дорогою на ночлег Господь встретил Моисея и хотел умертвить его, Сефора, первая

жена патриарха, не растерялась, а, взявши каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросивши её к ногам мужа своего, сказала: «Ты жених крови у меня». И отошёл Господь от него. Вот как это было, а какой оккультный интерес представляло для Яхве кольцо крайней плоти, не знал, может быть, ни Авраам, ни Моисей, и тем более простые иудеи, если только для них и не было никакой надобности знать, что было для Пилата ещё одной причиной ненавидеть их. И он их ненавидел. Ненавидел за это и ненавидел из-за их календаря, в коем летоисчисление производилось от сотворения мира, а дни начинались не утром, когда восходит солнце, а вечером, когда появляется луна и зажигаются звезды.

Ненавидел из-за их Шабата – дня субботнего, будто бы благословлённого и освящённого самим Господом Богом, чтобы вечно помнить его и соблюдать его в честь «сотворения мира», дня, который должен быть заполнен молитвами, чтением специального раздела Торы и пением псалмов в синагоге и дома, и который означал несказанно больше, чем обычный день отдыха, так как включал в себя не только понятие праздника, времени, когда была запрещена любая работа, даже приготовление пищи, но и понятие пространства, ибо также запрещалось удаляться от города или любого другого поселения более чем на 2000 локтей, для чего посредством тщательного измерения устанавливался так называемый *иббур* – прямоугольник, описывающий город или другое поселение, стороны которого соответствовали четырем сторонам горизонта – мировому квадрату, – и на которых строились субботние черты – *техумы*, представляющие собой опять же прямоугольники и у которых одна сторона равнялась соответствующей стороне *иббура*, а другая – 2000 локтям; более того, имелись и иные пространственные ограничения, а к ним относился ещё целый ряд запретов, например, запрещалось переносить любой предмет не только из одной области в другую, но даже в пределах некоторых областей; другими словами, вписанный во время и пространство Шабат представлял собой совершенно особый, идеальный мир, мир, в котором даже предметы были разделены на самые необходимые, как пища и одежда, без которых нельзя было обойтись и которые заготовлялись для этого дня ещё накануне, и

на всё остальное, без чего можно было и обойтись в этот день, а, значит, лежало вне его; такие предметы составляли *выделенное*, но были ещё и другие, которых до наступления субботы вообще не было, как то же яйцо, снесённое курицей именно в сей день; такие предметы так же лежали вне субботнего мира и составляли *родившееся после*.

Ненавидел из-за их тщеславной уверенности в том, что их язык имел хождение ещё до смешения языков в дни Вавилонского Столпотворения, ибо, также как земля заселена одним родом человеческим, как существует один мир и есть один Бог – Яхве, был и один изначальный язык, «святой язык», внушённый Богом первому человеку, и этим языком, стоявшим у самых истоков, был именно их древнееврейский язык, так что, когда Адам постиг не только внешнюю, но и внутреннюю природу всех вещей и живых существ, созданных Богом, и дал названия и имена всем, согласно природе их, то сделал он это, соединяя и разъединяя, и перемещая одну за другой буквы именно древнееврейского алфавита, а по утверждениям некоторых иудейских книжников выходило, что, сочетая тем или иным образом, то есть в том или ином порядке, 22 буквы этого алфавита, Яхве и сотворил весь мир.

Ненавидел... ненавидел... ненавидел... Ненавидел их, наконец, потому, что знал: в свою очередь и они ненавидели его той же лютой ненавистью, обзывали его «необрезанным псом», «противником Бога», и теперь, в канун пасхальной недели, их национальные высокопоставленные «шакалы» могли в любое время спровоцировать волнения в Иерусалиме, а всю вину свалить на него. Но нет, ничего у них не выйдет! «Nunquam! O misera servum pocus!» – то есть: «О, жалкое стадо рабов!» Он, Понтий Пилат, пятый прокуратор Иудеи и Самарии, наместник самого кесаря в этой азиатской проклятой части света, гегемон, облечённый высшей военной и гражданской властью, он не позволит, чтобы какие-то шелудивые недоноски вдруг, в один миг, разрушили все укрепления, которые он строил с таким трудом годы и годы, и тем самым поставили под удар его планы на будущее, которые... но нет, о планах, проектах, мечтах – ни слова! Уж слишком они дерзки и являются его тайной тайн, даже Клавдия ничего не знает о них, или если и знает, то лишь в общих чертах, весьма и весьма

приблизительно, а, скорее всего, и не знает, только догадывается, только предполагает кое-что своим куцым женским умом, и на этом шатком основании всё прохаживается на его счет, всё насмехается над ним, патрицианка, куда уж!.. Начиталась Горация, Пропенция, Овидия и просто бредит их стихами, не говоря уж о «Буколиках» Вергилия – книге, полной цветов и трав, тихих, умиротворённых закатов и других очаровательных видов мифической Аркадии, края бога-свирельника Пана, где среди нереальной, сказочной природы царит, конечно же, любовь, пусть порой и неразделённая, безответная... а одна из эклог, четвертая?.. пятая?.. двадцать пятая?.. даже как бы совсем свела её с ума, поскольку она то и дело трещит ему о грядущем рождении какого-то чудо-младенца, которому предстоит жить жизнью богов и с которым на смену веку железному век золотой, благодатный, наступит, когда козы сами домой понесут молоком отягчённые вымя, и грозные львы уже не будут страшны стадам, когда колосом тучным поля зажелтеют без того, чтобы человек трудился на них в поте лица своего, с невозделанных лоз виноградных повиснут спелые гроздья, дуб засочится мёдом росистым, а баран сам, по желанию, то в пурпур нежно-багряный, то в золотистый шафран руно своё перекрашивать будет, и когда, добавляла она с особым воодушевлением, больше не будет вообще никаких преступлений, а память о прошлых бесследно исчезнет, в том числе никто уж и не вспомнит о кощунственном убийстве Ромулом своего брата Рема, все это будет стерто из памяти людей, и тем самым мир навсегда избавится от постоянного страха. Более того, с некоторых пор она ещё и повторяет чьи-то чужие слова о том, что этот божественный младенец, которого по предсказанию пророчицы Кумской должна родить некая дева, уж и родился давно, и вырос, и возмужал, и это ни кто иной, как сам Иисус Галилеянин, плотник из Назарета, о котором ходят столько противоречивых слухов: одни утверждают, что он пророк и даже обещанный Яхве Мессия; другие же кричат, что, наоборот, он жуткий обманщик, пытающийся низвергнуть или, по крайней мере, перевернуть вверх ногами великие истины подлинных пророков былых времен, и нарушает закон и древние обычаи; одни считают, что он небесный

посланник, принёсший Евангелие – Благую Весть о Царстве Божием, тогда как другие возражают им: он глашатай не Evangeliona, не Благой Вести, а Avengilaona – Зловестия и даже Avongilaona – Власти греха; или же одни были в восторге от него: он творит чудеса! Слепым возвращает зрение, калекам – способность ходить, прокажённых очищает от проказы, а из бесноватых изгоняет бесов; кроме того, кого-то будто бы даже и воскресил из мертвых, об этом передают по секрету, из уст в уста, в то время как другие возмущаются: только Всевышний может совершать настоящие чудеса, галилеянин же маг, заклинатель и шарлатан; или вот ещё: по словам одних, он проповедник любви, которая превращает смерть в жизнь, а согласно другим – он мечтатель и сумасшедший.

Все это Пилат знал опять же от своих информаторов, но в их донесениях он не видел для себя какой-то проблемы, ибо знал и другое: дороги Востока буквально кишат пророками, святыми и учителями, целителями и чудотворцами, так что одним больше, одним меньше, ничего не меняет; тем паче, что, хотя Галилеянин и собирал многотысячные толпы черни и одурманивал их своими притчами и другими россказнями, всё же был он человеком мирным и кротким и нисколько не опасным для империи, человеком, может быть, и действительно праведным, как назвала его однажды Клавдия, или, может быть, и действительно мудрым, поскольку он вмешивался разве что лишь в дела священников и вообще постоянно воевал с ними, и в особенности с фарисеями и книжниками, которых он презирал из-за их лицемерия и был беспощаден к ним... Но это устраивало и его, Пилата, потому что все они представляли собой огромный клубок ядовитых змей и могли навредить ему. Он не очень-то обращал внимание даже на чрезмерный интерес, который Клавдия проявляла к этому странному иудею и к его учению, интерес, который она и не скрывала от него, а, наоборот, даже всячески как бы подчёркивала его, хотя и без этого было видно, что тут нечто большее, чем обыкновенное любопытство; всякий раз, когда она что-либо говорила ему о Галилеянине, все в ней – и блеск глаз, и какой-то трепет в голосе, и многое другое указывало на то, что она не играет, не притворяется, а на самом деле увлечена им.

А когда, однажды вечером, он сказал ей, что первосвященники Храма, фарисеи и книжники, и дряхлые пердуны из Синедриона следят за каждым шагом Галилеянина и уже решили убить его, она даже вскрикнула, и тут же спросила его, как о чём-то само собой разумеющемся: «Но ведь ты защитишь его, не так ли?» И поскольку он ответил ей фактически вопросом на вопрос: «А смогу ли я сделать это?», и был искренен, и не только, или, точнее, не столько потому, что, собственно говоря, ему было всё равно, что случится с каким-то иудеем, притом ещё и откуда-то из Галилеи, которая и не находилась под его юрисдикцией, а относилась к ведомству Ирода Антипы, а потому, что действительно был уверен: дни галилеянина сочтены, и он никак не может защитить его, не ко времени, чтобы браться за грудки с иерусалимскими интриганами в таком деле, которое относится сугубо к judaica superstitio – области, в которую он вообще не имеет никакого права вмешиваться, так вот, тогда, услышав его ответ, Клавдия даже не то что вздрогнула, а содрогнулась, в любом случае так ему показалось, но он как бы проигнорировал и это, лишь подумал: «Ещё одна мечтательница. Ещё одна взбалмошная, как и множество римских матрон её ранга, которые давно уж не играют в куклы, но от скуки придумали себе новую игру – игру в восточные верования и обряды, и просто помешались на мистериях Митры, Озириса или так называемой Великой Матери.

Но сейчас он был в ярости и от её очередной выходки. За ужином она опять заговорила о своем ha Notzri, о своем Назарянине, и на сей раз не то что спросила его, а как бы даже приказала: «Ты защитишь его!.. Ты обязательно защитишь его. И только так, наконец, сделаешь себе имя, выйдешь из безвестности и войдёшь в историю. Благодаря личной заслуге, а не чьему-то покровительству...» – совершенно необдуманные слова, которыми она лучше бы подавилась, но мысль об этом, то есть о том, что лучше бы она ими подавилась, была в тот миг его единственной мыслью. Ещё в полдень у него стала ужасно болеть голова, и он знал, что если выйдет из себя, если потеряет хладнокровие, ему станет ещё хуже. Так что сразу же после этой мысли он притворился, что будто бы и не слышал, что она сказала или, точнее, каким-то сверхусилием воли тут же выбросил все её глупые слова из своей головы.

Однако, надо отметить и следующее: ему лишь показалось, что он их выбросил. Он ещё вспомнит о них. И в особенности через шесть дней, в пятницу 14-го нисана, ранним пасмурным и душным утром, когда Иисус, стоя перед ним, так ответит ему на вопрос, почему его народ и первосвященники привели его к нему, Пилату: «Они ненавидят меня, ибо я говорю истину о них и о плохих делах их», и он услышит себя словно бы со стороны: «Истину?.. А что есть истина?..», и поймёт, что, спрашивая, что такое истина именно того, кто, насколько он знает, сам выдаёт себя за Истину с большой буквы, он пробормочет: «Это уж слишком!».., именно тогда он и вспомнит о сказанном ему Клавдией во время ужина, и сначала подумает, что по существу всё, чего он добился в своей жизни, не более чем пыль на ветру, даже его прокураторская должность, ибо великое ли дело выдавать себя за Юпитера Капитолийского в какой-то жалкой провинции на самой окраине империи, и притом ещё и иметь дело с народом окаянным и фанатичным, вздорным и завистливым, но с чрезмерными притязаниями, считающего себя избранным и даже святым?..

Да, первая его мысль будет об этом. Вторая же вот о чем: «А, может быть, она и права?.. И имя его если и переживёт его и останется в анналах истории на годы и годы или даже на века, то лишь потому, что он беспристрастно вёл этот идиотский судебный процесс, но был вынужден чрезвычайными обстоятельствами вынести обвинительный приговор стоящему перед ним более чем странному иудею, который держится превыше всех других людей – hiper ton anthropon?..» После слова «процесс» он чуть было не подумал: «во время которого он защитил...», то есть как раз о том, о чём и просила его Клавдия, но не подумает так, а подумает, как и подумал: «но был вынужден...» и т.д. И пойдёт он на эту замену как бы назло своей благоверной. Или потому, что тогда же он вот ещё о чём подумает: «А, может быть, ничего и не случится?.. Может быть, его патрицианка и ошибается насчет сверхъестественных качеств этого царя им же придуманного фантастического царства?..» После чего: «Если бы знать наверняка! Но человек почти никогда ничего не знает наверняка заранее... Даже в тех редчайших случаях, когда ему намекается на что-то конкретное, в том числе посредством неких знамений, как Юлию

Цезарю, перед его убийством, в курии, у ног статуи Помпея: таинственные сны, приснившиеся ему и его жене Кальпурнии; предупреждение авгура остерегаться опасности, которая ожидает его не позже мартовских ид; птица королёк с лавровой ветвью в клюве, преследуемая стаей других птиц и, в конце концов, растерзанная ими в той же курии Помпея...» И от этой мысли он опечалится. Хотя из Евангелия от Иоанна мы и знаем, что сразу же после своего дурацкого вопроса: «А что есть истина?» он выйдет к иудеям и скажет им: «Я никакой вины не нахожу в нём». Но всё это произойдет спустя шесть дней, утром 14-го нисана.

Нынче же, вспомнив оскорбительные слова Клавдии, его как опалило огнем, и он уже не мог сдержать себя: «Глупая, изнеженная женщина! Поставить его в зависимость от какого-то бродячего фантазёра!.. Его, Понтия Пилата, homo-nous – нового человека, который сделал свою карьеру совсем не так, как она надменно заявляла ему и в другие разы, намекая на чьё-то покровительство или чуть ли и не на её собственное старание, и даже не благодаря его «семье», ибо какой бы достопочтенной ни была его «семья», она всё же не входила в число тех тридцати-сорока старинных gentes, что составляли закрытую касту и на протяжении нескольких веков правили всем во имя своих корыстных интересов и извращённых страстей; да и сам он никогда не пытался убедить других в том, что ему помогают боги, как это делал, кажется, один из Сципионов, тот, кого прозвали Африканским, распространявший слух, будто бы он сын таинственного змея, которого, якобы, многие видели в спальне его матери; он поднялся среди надменной, заносчивой и сварливой знати, которая беспечно прожигала свою жизнь и тратила свою энергию в распутстве и всяких интригах, в погоне за деньгами и почестями.., да, да, он возвысился среди этой «золотой пены» общества только и только благодаря личным заслугам, как и Цицерон, прибывший в Рим откуда-то из Арпиума, где его отец был обыкновенным ткачом... И неважно, что в последнее время некоторые произносят homo nous с кривой усмешкой, словно речь идет о каком-то глумливом прозвище; важно другое – суть этого словосочетания, а, исходя из его сути, он на самом деле новый

человек по сравнению со всеми малокровными отпрысками родовитых патрицианских семей, давным-давно пришедших в упадок, но всё ещё держащихся на плаву – всяких там Корнелиев, Фабиев, Фулвиев и Теренциев, потому что он человек решительных действий, а не летаргического сна, для него понятие судьбы, которая, якобы, правит миром, ничего не значит, так, пух одуванчика, или, по крайней мере, если судьба и предполагает, то решает всё же только сам человек, кажется, ещё кто-то из древних сказал: «Faber est suac qusque fortunale» – каждый сам творец своего счастья... И пусть эта слишком много о себе воображающая особа говорит, что ему просто не дано стать известной фигурой на ager publicus – на общественном поприще, ну, не дано и всё тут, хоть разорвись он на части... да, да, пусть она говорит всё, что взбредёт ей в её куриную голову, наступит час, его час! и он докажет ей, что он вовсе не то, что видят её слепые глаза, а прежде всего то, что сокрыто в его сокровенных мыслях...»

Так разговаривал сам с собой Пилат из Понтия, верховный сановник Иудеи и Самарии, в ночь 9 нисана 716 года от основания Рима, в часы второй стражи. Он приказал вынести свое складное кресло на террасу, и там сидел, уставший и ожесточенный.

Спустя почти две тысячи лет, Михаил Булгаков напишет в своём романе «Мастер и Маргарита»: *«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.*

Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и всё теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета...»

Так напишет спустя почти две тысячи лет этот большой, очень большой художник слова. Но хотя его шедевр, впервые опубликованный в журнале «Москва» лишь посмертно и в варианте, изрядно искромсанном цензурой, несомненно одно из самых удивительных произведений мировой литературы, всё же следует сделать и небольшое уточнение. И речь не о том, что автор помещает иерусалимскую резиденцию Пилата во дворец Ирода

Великого, а не в крепость Антония, которая находилась на горе Мория, на том же плато, где был расположен и Храм, и которая ещё до её реконструкции Идумянином была ни чем иным, как незначительной хасмонейской цитаделью и называлась Барис, а после её реконструкции и после изменения её имени в честь триумвира Маркуса Атония, господствовала даже над Домом Господним; в этом отношении нет никакой достоверности, существует несколько гипотез, и если Булгаков выбрал именно гипотезу с дворцом Ирода и отверг традицию, это его дело, он воспользовался своим неоспоримым правом. Речь идет о другом, и вот о чём: запах розового масла стал преследовать прокуратора не с рассвета четырнадцатого нисана, а несколько раньше и даже много раньше, а, точнее будет сказать, ещё в ту занимающую нас ночь девятого нисана, и всё связано с его давешним жутким сном, из-за которого он фактически и проснулся и поспешил выйти на террасу...

Перевод с румынского Валериу Бабански.
Редактирование Мирославы Метляевой-Лукьянчиковой

Виктор Голков
Я РОДИНУ ВЫЖЕГ ЖЕЛЕЗОМ КАЛЁНЫМ...
(Стихи из Израиля)

* * *

Я Родину выжег железом калёным,
и в столбики пепла свернулись поля.
Не нужно уже притворяться влюблённым
в эти акации и тополя.

И кладбище, отческий дом или школу
горящая воля моя рассекла.
И рухнуло всё, стало пусто и голо,
и вырвалась в мир первозданная мгла.

Вот я – бунтовщик, уничтоживший звонкий
храм, коему может быть тысяча лет,

стою на краю исполинской воронки,
следя, как вокруг стекленеет рассвет.

* * *

Крах моей души свершился,
если души – это явь.
Тополиный пух кружился,
по земле пускался вплавь.

И теперь второстепенно
всё, что связано с судьбой:
на другом краю вселенной
горек кислород рябой.

В этом новом измеренье,
где рука висит как плеть,
будет лишь стихотворенье
флагом издали белеть.

* * *

Бессильней, чем травы дрожащий локон,
пугливый свет.
Уходит жизнь, как поезд мимо окон –
мест больше нет.

В разброде чувств, как молния мгновенном,
в живом кольце,
куда, блуждая по слепым вселенным,
придти в конце ?

Там в тишине, забытой и нездешней,
в саду пустом
висит туман над сломанной скворешней
часу в шестом.

И дремлет пруд, как молодость белея,
а за спиной
в сырой траве сплетается аллея
одна с одной.

* * *

Акация в чёрных разломах,
нависшая словно скала...
И я был среди насекомых,
ютившихся в складках ствола.

Впитавший чужую идею,
неслышно возник и исчез,
и белый цветок – орхидея –
раскрыл надо мной свой навес.

Но мизерный в мире великом,
песчинка земной голытьбы,
стоял я пред огненным ликом
и яростным оком судьбы.

Чтоб в прорву, которая снизу
толкает свои жернова,
швырнуло бессмысленный вызов
тепло моего естества.

ГОЛОС

Мы красили ограду в серый цвет
и вытирали руки то и дело,
а краска застывала и твердела,
и мы жалели, что бензина нет.

И вдруг откуда-то из глубины
донёсся звук, тягуче и фальшиво
запел старик, и в голосе визгливом
весь утонул звенящий гул весны.

Не умолкал пронзительный фальцет,
и с ветром прочь мотив не уносился.

Как тот, кто мёртв,
обратно в жизнь просился,
а бога нет и вечной жизни нет.

Клубился май в сиреневом цвету,
любить и верить
без конца способный,
а голос рвался на куски, подобный
на злом ветру дрожащему листу.

* * *

Тополя вырастают из туловища земного,
шарят корни под спудом, в горячих
потёмках земли.
Расстилается степь, живое растёт
из живого,
и по мозгу миражи путешествуют,
как корабли.

Ни концов, ни начал – лишь биение
мерное вёсел,
паутины пушистое, вибрирующее волокно.
Коль забыл обо всём, словно тяжкую ношу
отбросил,
будешь жить и любить сто рождений подряд
всё равно.

Для добра и для зла нет иного судьи,
кроме веры.
Рядом с чистой гармонией хмуро маячит
разброд.
И из самой бессмысленной, самой безумной
химеры
возникает легенда, прозрачная,
как кислород.

* * *

Тяжеловесный свет на части землю режет,
морщинами изрыт со всех сторон курган.
Таинственная жизнь, я узнаю твой скрежет,
в который иногда вплетается орган.

Уходят в высоту стволы глухонемые,
в чешуйчатую зыбь оделся чёрный пруд.
Всё то, что я люблю, сейчас беру взаймы я,
но страшно оттого, что завтра отберут.

Сияющий Эдем, дворец из паутины,
горбатый коридор как каменный подвал.
А в узеньком окне лишь контур бригантины,
плывущей в те края, где я не побывал.

* * *

Как будто заперты в чулан,
и матово белеют лица.
Мы – беженцы из разных стран,
нам не дано договориться.

Из пеплом затканных эпох
сошлись во имя и во слово.
Спеши, народ – чертополох,
взойти из мёртвого былого.

Лишь боль поди утихомирь,
в душе растущую некстати,
как заключённая в квадрате
нули глотающая ширь.

* * *

Когда, одурев от невроза,
Ты гадок себе самому,
Великий маэстро Спиноза
Не даст тебе кануть во тьму.

Он учит, что Бог неизбежен –
Везде его крылья парят.
Твой внутренний ад обезврежен,
Есть вечность – тебе говорят.

Проблему познанья решая,
Всю ночь я смотрю в потолок.
Ведь вечность такая большая,
Пусть выделит мне уголок.

Устал я от скуки и прозы,
Мне в горло не лезет кусок.
Великий маэстро Спиноза,
Твой тоненький голос высок.

* * *

Если что-то есть во мне,
то оно пришло оттуда,
где узоры на окне
или детская простуда.
Где ещё живой мой дед,
мерно досточку строгает,
и косой, блестящий свет
ночь на блики разлагает.
Там, где утро, первый класс,
материнский взгляд вдогонку.
Всё, что по закону масс,
разом ухнуло в воронку.
И стоишь как Гулливер,
персонаж из детской книжки.
Бывший юный пионер,
задыхаясь от одышки.

* * *

Остров Израиль – горящий барак,
Чувствуешь, как надвигается мрак?

Коль по степи на машине не едешь,
Снайпера вряд ли в ночи обезвредишь.

Слышишь, он в небо молитву вознёс?
Жаль, что ты череп ему не разнёс.
На голове твоей жёлтая каска,
А на лице его чёрная маска.

Тихо вползаем мы, просто враги,
В чёрный Хеврон, где не видно ни зги.
Враг, ты косынку пятнистую носишь,
Ты никогда меня в море не сбросишь.

И я разбитой клянусь головой
В том, что мой прадед святее, чем твой.
Не зашвырнёшь ты мои чемоданы
В жёлтую, мутную глубь Иордана.

* * *

Полезет в ноздри газ угарный,
А пыль набьется в рот.
Так вот он – год мой календарный,
Двухтысячный мой год.

В конце времён пришлось родиться,
А не пасти свиней.
И опыт предков не годится
Для этих грозных дней.

Дорога светлая, прямая
Нас вывела ко рву.
И я уже не понимаю,
Зачем же я живу.

Возможно, ради этой ветки,
Какую ветер гнёт.
Пока мои слепые клетки
Он в ночь не зашвырнёт.

СТАРИННЫЕ ПОРТРЕТЫ

В том зале, где тени скользят над паркетом,
блуждает мой взгляд по старинным портретам.
Слой лака покрыл, незаметен и тонок,
надменные лица панов и панёнок.
И я созерцаю спесивые позы
и скрытые в тонкой насмешке угрозы.

Луч вынырнул, как бы случайно, из мрака.
Охотничья нюхает воздух собака.
Узор на камзоле, колье и мониста
сверкают светло, равнодушно и чисто.
Нет, здесь ни один не слыхал, безусловно,
о сумрачной страсти и пытке духовной.

И вздрогнул я в страхе, почти суеверном:
так много знакомого в жесте манерном.
И я с удивленьем следил молчаливым
за этим лицом, притягательно-лживым.
А жадные губы, казалось, готовы
шепнуть мне одно ядовитое слово

* * *

Убывают чувства понемногу,
превращаясь в жалкое рваньё.
Только страхи возвращают к Богу,
по ночам вопя, как вороньё.

Это правда: я устал бояться,
по привычке жизнью дорожить.
Если страхи в сердце не роятся,
смысл теряет ощущенье «жить».

Может, лучше в зыбкости рассветной
из вагона в блёстках конфетти
безбагажно, тихо, безбилетно
на последней станции сойти.

* * *

Две фигуры чёрных у дороги,
где машин сплошная толчея.
Всюду люди... Но и мы не боги,
ничего не сделаешь, друзья.

Как свой путь прокладывают реки
к морю, приближаемся к концу.
Что известно, брат, о человеке
нам с тобой – ребёнку и слепцу?

Чуял век войны и крови запах,
не считал бессмысленных утрат.
Мы, как встарь, застыли в чёрных шляпах:
не заметно благодати, брат.

* * *

Жизнь сузилась до рамок полусна.
Я, ощущая, бодрствую, конечно.
Но связь явлений напрочь смещена,
настолько время стало скоротечно.

Оно кометой ринулось вперёд,
вгоняя в транс материю живую.
А мой будильник равнодушный врёт
про то, что я, как прежде, существую.

Нет, прежний Я действительно иссяк,
и это – вывод, аксиома, теза,
как то, что режет предрассветный мрак
пронзительная нежность полонеза.

Хоть мерзостен судьбы переворот,
я не боюсь скользнуть в его воронку,
когда, как тать, подкравшийся разброд
кривым ногтём колотит в перепонку.

* * *

Свободы страшное лицо
явило бледность восковую.
Стоят народы вкруговую,
друг друга заключив в кольцо.

Стучат огромные сердца,
чернеют братские могилы,
и рвутся мировые силы
разъять друг друга до конца.

И опаленная душа
коросту страсти обдирает
и всё никак не помирает,
горючим временем дыша.

* * *

Оскалило время клыки
с коричнево-желтым налетом.
Над пропастью и над болотом
машин раздаются гудки.

И бельма уставив во тьму,
слепцы собираются в стадо,
и пена незрячего взгляда
ползёт по лицу моему.

Задвигались: гомон и крик,
я чувствую тел колыханье,
горячее слышу дыханье:
мужчина, ребёнок, старик.

Как будто другой Моисей
связал их верёвкой свободы.
Как плевел, изъят из народа,
один я средь Родины Всей.

* * *

В этом тихом движении вбок
моё место на самом краю,
чтоб начищенный чей-то сапог
не споткнулся о душу мою.

Но скрипят и скрипят сапоги,
длится ночи глухая возня,
потому что не видно ни зги
и на шаг от тебя и меня.

Вот я предал, и стало легко,
и чужая земля под ногой.
Это где-то во мне, глубоко
тяжело шевельнулся другой.

* * *

Всё таинственно и дико
И нацелено вперед
Только сердце безъязыко
В немоте своей умрет.

И завертится по кругу
Неизведанных идей,
Где тождественны друг другу
Русский, эллин, иудей,

Где для воли нет предела
И ни в чем не виноват
Тот, чьё суетное тело
Слепо веровало в ад…

Божьи люди

Сущность всякой веры состоит в том, что она придаёт жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

Лев Николаевич Толстой

От составителей. *Наша новая рубрика посвящена тем, кто безгранично предан своей вере; тем, о ком мог думать Лев Толстой, когда писал, что «вера – это согласие воли с совестью».*

В главе «О монахах» из рукописи сибирского обывателя Ивана Семёновича Конюхова, «учинённой» в 1867 году, рассказывается о двух подвижниках, Зосиме и Василиске, которые исходили чуть не всю Россию и, наконец, в конце XVIII столетия обосновались в Сибири, и обитали под Кузнецком до 1820г. Причём в литературоведении бытует версия, что означенный Зосима – прототип одноименного персонажа в «Братьях Карамазовых» Достоевского; великий писатель мог узнать об отшельниках от своей первой жены М.Д. Исаевой – она несколько лет прожила в Кузнецке.

Трудно пришлось в Сибири Зосиме и Василиску: «Перенесли великую нужду и едва не лишились жизни от голоду и холоду». Последователи их были весьма немногочисленны, идеи монахов на сибирской мёрзлой земле не прижились, «монастырь» прекратил своё существование и отшельники, промыкавшись здесь почти четверть века, вернулись в Европейскую Россию. «Мы жизни их не могли понять и оценить», – признаётся Иван Конюхов и добавляет, что «некоторые граждане и сельские жители называли их беглыми предтечами Антихриста».

Кто знает, как сложилась бы судьба этих необыкновенных людей, если бы они обосновались не в Сибири, «съевшей» их лучшие годы, а завели обитель в Молдавии, которая когда-то казалась им особенно притягательной. Столь же притягательной – как монастырь Святого Николая «Баламуч» (бывший схит Ситару, в 50 км от Бухареста) для нашего автора Елены Дульгеру.

Известно, что сибирское небо не оказалось ласковым и для протопопа Аввакума. Некоторым особенностям его «Жития» посвящает свой материал Татьяна Таянова, который она представила на недавнем симпозиуме в Бухаресте. Почему в Бухаресте? Не в последнюю очередь потому, что там чтят традиции православия, изучают их; известно, что последователей русского старообрядчества в Румынии ныне больше, чем во всех сибирских областях, вместе взятых.

Итак, – «божьи люди», представляющие разные времена, страны и «ветви» верования…

Иван Конюхов[1]
О МОНАХАХ

Между 1797 и 1800 годов в Кузнецкий округ пришли из России два монаха, избрали себе местопребывание вниз по реке Томи, на правом берегу оной, от городу около 50 вёрст, в вершине 3-х называемых курьях, от последней от города деревни Терехиной верстах в 20-ти, а от реки Томи верстах в 3-х, над озером в пустом месте. Именами в монашестве называли Василиск и Зосима; первый из них, Василиск, родом Тверской губернии, Клязенского уезда, деревни Ивелишь экономический крестьянин Василий Гаврилов, бедного состояния, женат, оставил жену, ушёл в монашество с согласия жены, проживал несколько времени у разных пустынножителей по паспортам, пострижен в монашество иеромонахом Андрияном, жил один в пустыни и претерпел много искушениев. Напоследок по просьбе Андрияна, который его постригал, вызван был из пустыни в Петербургскую епархию и монастырь Коневец, где присоединился к нему Зосима и из Коневца удалились оба, в пустыню, за три верста от монастыря, и там прожили 10-ть лет, где Василиска весьма почитали. Он же, не терпя славы, желал удалиться в незнакомую сторону, просил настоятеля монастыря уволить его из монастыря в Афонскую гору, или Молдавию, на какой-нибудь остров необитаемый, но тот, любя их, не соглашался отпустить. Напоследок Андриян переехал в Москву в Симонов монастырь, постригся в схиму и дал им благословения удалиться из монастыря и советовал идти в Сибирь, а они имели желание в Афонскую гору и три раза пускались в путь, но Господь не допустил. (*Из книг о жизни и подвигах схимника Зосимы, издано в 1849 году в Веденской пустыни, сочинение Козельского, выписано кратко*).

Зосимы родитель был знаменитый и богатый боярин Василий Данилович Верховский, был воеводою в Смоленске; как он, так и супруга, люди были весьма благочестивы, строили церкви,

принимали странных, помогали бедным, в одно время Василий ночью молился Богу и вдруг ему голос: «У тебя родится сын, не учи его светским наукам, а лишь Закону Божиему» и 24 марта 1767 года родился сей младенец Захарий, старше его были два брата и 6 сестер. Однажды прогуливался Захарий верхом на братниней хорошей лошади, поравнялся с церковью и услышал следующие слова: «ты сам пойдёшь в монахи» (*о сём пространно написано в моей памятной записке*); будучи 19 лет, служил в гвардии поручиком и получил отставку, оставив всё житейское.

И потом они с упованием на Бога пошли по совету иеромонаха Андрияна, но решились наперво поискать место в Малороссии, были в Киеве, в Моздаке, Таганроге, в Астрахани, но не нашли для себя удобного места поселиться и пустились в Сибирь; в Тобольске явились преосвященному Варлааму, он им дал позволение, а г-н губернатор билет, где изберут первый в его епархии, а последний в его губернии для себя жительство, тут бы и поселились, отправясь из Тобольска; были в округах Ишимском, Каинском, Томском, Енисейском, Красноярском, и, наконец, Кузнецком, и поселились в вышесказанном в начале сей записки месте, где прожили 24 года. Первую зиму до настоящего водворения зимовали в черне, по наступлению весны по недостатку хлеба пошли в селения, перенесли великую нужду и едва не лишились жизни от холоду и голоду. Я стал знать их лично с 1813 года, первый из них, Василиск, преклонных лет, 70 или более, очень воздержанного жития, согбенный старостию и сух плотию от воздержания, носил на голом теле железные вериги, молчалив, в руках чётки, в устах молитвы, сидит, повеся голову, мало что говорит; Зосима, по виду 50 лет, крепкого телосложения и добрый в силах и походке, словоохотливый (*о сем и ниже сего я знаю лично*).

По водворении их в Кузнецком округе приходили они в первые года в город в Успенский пост для исповеди и приобщения святых тайн, а впоследствии по приказанию протоиерея Арамильского, ездил к ним с святыми дарами для напутствования села Подгороднего священник Фёдор Баженов. В тот же Успенский пост для жительства у них построены были деревянные небольшие кельи, разные, у каждого своя, отстоящие одна от другой около 100 сажан, у Зосимы была ещё отдельная келья, отстоящая от

прочих версты на три, в глухом лесу, в которую он удалялся во время постов и проживал иногда по месяцу один, и в келье этой я у него бывал.

Впоследствии времени начали уходить к ним на жительство: 1-й кузнецкий мещанин Алексей Алексеев Полусухин около 1800 года, 2-й родитель мой мещанин Семён Дмитриевич Конюхов в 24 число декабря 1813 года, и как и Полусухин, так и он, по увольнению только общества, но без увольнения начальства, 3-й и 4-й села Ильинского крестьянин Фёдор Иванов Бычков с сыном своим Иваном около 1815 года, а ещё имел намерение удти к ним крестьянин же деревни Сидоровой Александр Иванов Паренов, но общество и начальство их не уволило, потому и Бычковы, прожив у них года 3, возвратились в своё жительство, 5-й служащий в кузнецкой гарнизонной роте унтер-офицер Петр Алексеев Мичурин, уроженец Кузнецкого округа, редута Сарачумышского, получил отставку по просьбе, ушёл к монахам в ноябре месяце 1818 года, проживал жизнь под руководством Василиска, прилежал послушанию, посту и молитве, проживал без пищи неоднократно по 10 дней, с благословения и позволения наставника своего Василиска, простаивал на молитве целые ночи; в одну зимнюю ночь стоял на молитве на открытом воздухе с поднятыми вверх руками, которые у него от стужи ознобились, и он вообразил в мыслях: «Если я буду нетерпелив, то как сподоблюсь любви Божией», и со слезами стал взывать к Господу. Вскоре начал ощущать в сердце своём усладительную молитву, и воскипело сердце его, и потоки теплые, как вода, потекли во все суставы его, и от сего действия весь согрелся и болезнь ознобная прошла, не повредя рук. Нередко во время молитвы приходил в восторг, а иногда слезно плакал и громко вопиял: «Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»; когда старец его о сём спрашивал, почему он при молитве громко кричит, а не тихо молится, он отвечал: «Не могу терпеть, как бы вижу пред собой Господа Бога, как его жиды терзают и мучат, всего окровавленного и истерзанного, и всё, что с ним происходило». И все движения сердца своего всегда он открывал наставнику своему, напоследок просил у старцев благословения на сорокадневный пост, чтобы пробыть без пищи, но старец на сие не согласился, а благословил его пробыть

10 дней. И он во время сего поста (который он держал в Петров Пост) рубил дрова, посёк себе ногу, от чего истекло у него много крови, не оставлял он и в болезни подвига молитвы, удручал себя постом, молитвою и трудами, выдержал пост, провёл 10 дней без пищи и после сего поста на другой день помер, преклоня голову к столу, как равно заснул, помер же в июле 1819 года.

Из чего видно, что он прожил у монахов хотя и немного, только 8 месяцев, но подвиг его о спасении души своей был велик, там и похоронен, и теперь прах его там покоится в пустом, никем не обитаемом месте, вечная ему память.

Потом Зосима принял намерение завести женскую обитель, Василиск ему не советовал, но он не оставил своего намерения, согласил на это в городе из женского полу главных, вдову надворного советника Матвея Григорьевича Максимова, Настасью Николаевну, и дочь её, девицу Наталью Матвеевну, а за ними последовали и прочие, до 6 человек, в числе которых брата моего сродного жена, Анисья Ивановна, по мужу Конюхова; в 1818 году в деревне Сидоровой при доме крестьянина Александра Паренова устроил кельи, обнёс оные оградою, как следует быть монастырю, и сам для наставления их в монашеской жизни более тут находился, нежели в прежнем своём обиталище. Но, как видно, Божием смотрением показалось ему устраивать тут монастырь неудобно, в 1820 году поехал в Москву, выпросил у московского митрополита упраздненный в городе Туринске Николаевский мужеский монастырь, который в 1822 году переименован женским. И в 1821 году монахи Зосима и Василиск с избранным женским полом уехали из Кузнецка в Туринский монастырь, а жившие у них Алексей Полусухин уехал в Томский мужской Алексеевский монастырь, там и помер (*всё это по собственному моему знанию*). А родитель мой, Симеон Конюхов, возвратился в свой дом и помер в оном в 11 число июня 1823 года, хотя их Зосима и Василиск приглашали ехать с собой, но они не согласились.

По приезде в Туринск старец Василиск проживал до октября месяца 1823 года в пустынной маленькой келейке, отстоящей от монастыря в 8 верстах, предузнал свою кончину и по причине холода перевезён был в монастырь в ту келью, в которой

проживал отец Зосима за монастырскими огородами (Зосима же по некоторым неблагоприятным обстоятельствам от монастыря будучи удален), был болен одну неделю, предузнал за два дня своей кончины день и час оной. Накануне же смерти исповедался и приобщился святых тайн, и пособоровался, и помер в 1823 году, стоя на коленях, в молитвенном положении. В 7-е сутки его похоронили, Зосима же призвал живописца и с мёртвого велел списать портрет, похоронили же его в монастыре при церкви за алтарём с северной стороны.

Проживал несколько времени отец Зосима в Туринском монастыре, где уже собралось немало сестёр, но враг душ человеческих посеял вражду в сердцах г-ж Васильевых, дочери с матерью, к отцу Зосиме. Они сделали на него донос в разных пунктах тобольскому Преосвященному, от Преосвященного же наряжена была двухкратная комиссия для исследования дела, и он удален был из монастыря, вызван в Тобольск, по ходатайству сильных людей, жительствующих в Тобольске, родственников Васильевых. И хотя по доносу Васильевых ни в чем не завинён, по решению Святейшего Синода удалён из Туринска. Васильева же Наталья Матвеевна, по пострижению переименованная Рахилью, изобличаемая совестию в несправедливом поступке и доносе на отца Зосиму, пришла в раскаяние, слёзно плакала и просила со слезами у отца Зосимы и прочих сестёр прощения в несправедливом своём поступке, что от них и получила, и даже подала Тобольскому Преосвященному прошение, признавая в оном свою вину, но уже поздно, потому что дело было отправлено в Святейший Синод, чем Преосвященный весьма оскорбился.

По удалении же его Святейшим Синодом, по решению дела, из Туринска, уехал в Москву и за ним последовали 20 сестёр, более к нему приверженных, в числе коих уехала и вышеупомянутая моя невестка и сноха Анисья Конюхова. В Москве принят был одною благотворительною особою, г-жой Бехметовой, вообще со всеми приехавшими с ним сёстрами, которая благотворительница г-жа Бехметова отдала владаемое ею место и с помещением под устройство пустыни за Сергиевской лаврой, где он, отец Зосима, по благоволению Божиему устроил новую женскую обитель на пожертвованной для оной г-жой Бехметовой

земле. По смерти уже его, по Высочайшему утверждению, обитель возведена в штат общежительной пустыни, наименована Святотроицкой Одигитриевской Зосимоновской, где он и скончался в 24 число октября 1833 года 67 лет, сидя, поддерживаемый служащей ему племянницей и имея в руках икону Божией Матери, которой благословил его духовный его отец иеромонах Андриян в Коневской обители. Эту икону при самой смерти лобызал и крепко прижимал к устам своим и при самой кончине сказал племяннице своей: «Теперь я уже в надежде умираю, оставив по себе наставницею старшую свою племянницу», а впоследствии времени над его могилою сооружена каменная церковь.

Пред смертию же отец Зосима велел придти сестрам прощаться; когда все собрались, он сделал краткое последнее наставление, чтоб они ушли в любви и смирении, и не расходились бы и предсказал, что «по моему исходите, Господь даст, что и церковь у Вас будет, и обитель утвердится, Матерь Божия, коей я вручаю Вас, прославит имя своё на месте сём и удивит на Вас милость свою», что и сбылось. Еще относительно предсказаниев его, во время смут сибирских часто говаривал сёстрам: «Потерпим, возлюбленные, придёт час воли Божией, и мы воспоём песнь победную, подивимся Богу, сотворившему дивные чудеса мышцею высокою». Ноября 20-го года 1826 вступили все они в обетованную землю, то есть в новоустроенные келейки, отправляли всенощное бдение, тогда при пении первого ермоса, песни победной, вспомнили все слова отца своего и удивились, как ни прежде, ни после, но именно в тот день Бог привёл их вселиться в сию пустынь, в коей то сам отец Зосима, прохаживаясь по лесу, воспевал часто: «Процветала есть пустыня яко крин, господи».

Близ сей пустыни есть селение Рыжкова и в оном чудотворная икона Божией Матери, в 1812 году во время нашествия французов на самом этом месте, где устроилась пустынная обитель, жители селения скрывали в чаще леса свою чудотворную икону и по очереди сторожили её, однажды какой-то седенький старичок, проходя мимо их, сказал: «Матерь Божия прославит здесь имя своё».

Монах Афонской горы Парфений уведомил меня письмом от 14 октября 1854 года из Сергиевской Лавры и, между прочим, пишет, что монах Зосима почивает в Изосимоновской женской пустыни, отстоящей от Москвы в 60 верстах, и что от гроба его начинают происходить чудеса, игуменья той обители, родная племянница Зосимы Вера, и 116 сестёр, живут весьма благочестиво и воздержно, и что из обители сей по благочестивой их жизни начинают требовать в другие обители наставниц, сноха же моя, Анисья Конюхова, уехавшая из Кузнецка с отцом Зосимою, пострижена в схиму и просила его, Парфения, меня уведомить.

В описываемой мною сей тетради о городе Кузнецке, хотя бы и не следовало помещать о монашеском житии, как не принадлежащем к городу, но сие учинил я потому, первое, что означенных монахов Василиска и Зосиму я знал лично, второе, что родитель мой проживал у них восемь лет, третье, что все жительствующие у них мужчины мне были известны, равно и женщины, уехавшие с ним в Туринск, а напоследок некоторые и в Москву, описание чего мною учинено частию из личных моих сведений, частию от разных моих же памятных записок, а также изучено сокращенно из читанной мною книги о подвигах монаха Зосимы и прочих с ним, почему описание и вышло пространно; и четвёртое, ещё более, потому что город наш хотя и в округе, но неподалеку от себя имел, хотя на время, такой высокой и благоугодной жизни людей, что, видно, Господу Богу неблагоугодно было, чтобы они остались здесь до своей кончины, чрез которых могли бы в наших краях учредиться монастыри мужской и женский, и мы жизни их не могли донять и оценить, как поняла и оценила г-жа Бехметова, и я ещё знаю, что даже некоторые граждане и сельские жители называли их беглыми и предтечами Антихриста, и ещё помню, в каком-то духовном журнале читал, что Митрополит Московский Филарет освящал в означенной женской обители каменную Свято-Троицкую Одигитриевскую церковь около 1860 года и в речи своей, напечатанной в книге, 3 части, лист 170, кратко изъяснил все странствования Зосимы, труды, подвиги, досады, огорчения, злословия. И что рука сильных извращает правосудие, и что чрез смуты, но по благоволению Божиему шагнул он, Зосима, из отдаленной Сибири внутрь России, где и почил от трудов своих, но

всё это я почёл излишним поместить в сию тетрадь, а поместил лишь нужное для сведенья будущим любознателям старины.

г. Кузнецк
1867-1881гг.

Елена Дульгеру[1]
МУШИНА ДОЛИНА
Паломничество в монастырь Св. Николая «Баламуч»[2]
(Субъективный репортаж)[3]

Жила-была девушка, звали её Муша. Она получила в приданое долину. Долину стали называть Мушиной долиной (Валя Муший). Из слияния румынского языка со славянским говором, «В» превратилось в «Б», согласные смягчились и название объединилось в одно слово. Сейчас люди называют и поселок, и скромный монастырь, уже за много веков находящийся здесь – Баламуч, и никто не помнит почему. Легенда этого имени хранится до сих пор в летописях церкви села Греч.

Маленький, кругообразный мир в середине леса, в сердцевине поля, в руках Богоматери. Чисто-белый. Всегда свеже побеленные стены. Дубы и березы, высокие-высокие – две благородные породы. Продолговатые стволы. Их короны, далеко в облаках. Осень. В руках Богоматери. Шагаю. С косынкой на голове, по прямой тропинке, отходящей прямо от деревенского трактира, там же и автобусная остановка. Несколько человек в трактире, мой одинокий вопрос, потом тишина. Ни единой души во всём чертополоховом поле, на заброшенной машинотракторной станции. Комбайны, полуразрушенные стены, трактора. Обрывки перекрёстков дорог, вот уже почти полдень, ветер показывает мне путь. Надо будет идти лесом. Это – время святой литургии. Смотрю назад, откуда пришла: всё так же, ни единой души. Свет становится слабее. Матушка Божия, обережёшь ли Ты мой путь и теперь, когда погружаюсь во тьму?

«Сестру Флорику или матушку Евгению, от Марии. Я – подруга её, которая…», – повторяю про себя.

Встречает меня, в самый полдень, пустой двор. Церквушка, утопающая в цветах, побелённые стены. Я – дома. Шагаю, будто по двум раскрытым ладоням. Благодарю Тебя, Боже, что Ты благополучно меня привёл! Прими меня, как Тебе угодно, в Твой сад, Пречистая Богородица! Колени – чело – земля – поцелуй.

За столом четыре женщины. *«Она здесь!»* – монах выходит. *«Которая из вас Сестра Флорика?»* – спрашиваю. Все взгляды обращаются ко мне. *«Садись сначала и покушай!»*.

Отдыхаю. Узенькие и чистые коридоры. *«Когда я познакомилась с Марией, она взяла меня к себе. Теперь ты будешь жить со мной»*. Старинная пишущая машинка! – мы в монастырской канцелярии, мне говорят. Неужели я буду спать здесь?! Мышь! Или это мне показалось? Я не боюсь мышей!

«Завтра будешь прибирать во храме – ковры и иконы, вытирать пыль. А пока отдыхай!».

Бродячий цыган. Входит в кухню, не спрашивая, но есть отказывается. Через час появляется снова. *«Кого вы ищете? Батюшки сегодня не будет»*. Воры здесь развелись, некому приглядеть. *«Ты отнесла свои вещи в комнату?»*

Полдень в саду. Несколько иноков, очень молодых и необыкновенно красивых, старый батюшка на скамье, две монахини. Душеполезное слово. О румынском королевстве и королях, о неизученной (в школе) истории. Получаем благословение.

«Кабы кто тебя постриг, сказал бы, что золото!» – брат Александр. Чистый отрок, почти ребенок, как паж королевский. Такой красивый, что смущаюсь на него смотреть. («Ты кто: девочка, или мальчик?» «Я – цветок!»).

Всенощная, всенощная, всенощная! Бьют в клепало[4] (било). Открываю окна кельи, чтобы лучше услышать. Чтобы не заснуть. Трепещущее, африканское. Как кровь. Знают ли монахи, что я чувствую? Холодный воздух. Колени во храме. Я таю от сна. Как тёплое масло, в меня проникает сон. Открываю глаза. Певчий читает совершенно другое: опять заснула. С какой сладостью, с какой сладостной бездной, как якорем, меня тянет в сон! Свет совсем погас. Только две свечи возле двух икон. Два-три человека во храме. И двое-трое певчих. «Вся наша правда перед Тобой как выброшенная тряпка».

«Выросла я сиротой. Научилась грамоте в сорок лет. В школе попросила, чтоб мне дали аттестат об окончании четырехлетки, чтобы поступить на работу крановщицей. Они мне дали, а я даже читать не умела. Всё в жизни я делала с помощью Богоматери. Она меня научила читать. Я взяла книгу у моей напарницы крановщицы, попросила Матушку Божию просветить мне ум и начала читать».

«А кто вам пояснил буквы? Кто вам сказал, что А – это А?». Она меня осматривает круглыми глазами, удивленная, как будто только сейчас понимает чудо. *«Не знаю, так было»* – сестра Анна. Кроткая, говорливая женщина. Ей было тоскливо спать одной, так что она рада, что я с ней в комнате. Она белит все паперти монастыря. С помощью Божией Матери. *«Она меня научила делать правильный раствор извести. Попробуйте: слезает?»*. Нет, не слезает.

В понедельник она работала с утра до вечера, побелила около 15 метров стен, вместе с потолками. Отказалась кушать, еда её утяжеляет, когда работает. *«Как лень мне было сегодня утром! Было холодно и шёл дождь. Совсем не хотелось браться. Но я помолилась Божией Матушке, чтоб Она дала мне любви, дабы сделать всё так, как надо. Я не хотела, чтобы Владыка, когда придёт, увидел бы дело незаконченным. А теперь вот и солнце выглянуло!»*

Любовь. Верую и умиляюсь. «И не будь неверующим, а верующим».

Солнечный полдень. Гроздья винограда, покрытые голубизной, созревают, нетронутые. Как приданое царевен из-за тридевяти земель. Откровение благодати. Никем не тронутые, только солнцем. Откровение девственности. Девственность – благодать – протоистория. Поэтому мы теперь ничего не понимаем. Девять морей, девять земель, одно чудо.

(В мире, суждённом кончине, плод надо потребить, чтобы спасти от разложения. В мире бессмертия и вечной молодости, виноградные гроздья могут найти свой смысл в общении с Солнцем. Вот почему мы не умеем ценить целомудрие, потому что веруем в смерть, а не в Жизнь).

Поскольку я не задаю вопросов, каждый хочет мне высказаться. Собираю рассказы, недуги, тревоги, чудеса.

Второе всенощное бдение. Матушка Евгения берёт меня и одного инока, чтобы проверить склады. Воруют дрова. Инок идёт вперёд и исчезает в темноте. Мы продвигаемся не спеша, через хозяйственные пристройки. *«Я не боюсь, когда я не одна»*. Ждём, почти затаив дыхание. *«Не зажигай фонаря!»*. Проходят длинные минуты. *«Это вы свистнули?»*. Инок возвращается.

«Кто будет есть грибы?». Лес полон грибов. Брат Климент собрал целый мешок. Он их ломает на две части, моет прямо под краном, бросает на накалённую сковородку, вместе со сладким перцем. Пока еда кипит, он рассказывает. Монастырь старинный, ему несколько сотен лет. *«Здесь был остров. Добирались только на лодке. Сам старец Клеопа*[5] *повествует в своих воспоминаниях, как он сюда на лодке добирался. Озеро давно иссякло, осталась только часть, на расстоянии около 1 километра от села. Рыба там не очень водится. Вам покажет брат Александр. Дно бывшего озера простирается на сотни метров в лес. Оно заросло деревьями, лес разросся»*. Крепкий, румяный, в расцвете сил, брат Климент живет здесь уже лет двадцать.

«Здесь собирались гайдуки и прятали своих лошадей. Чего здесь только не бывало! И тюрьма была какое-то время. Потом пришла секуляризация[6] и у нас отняли лес. Теперь покупаем дрова у лесника».

Златовласый, лицом со славянскими чертами, брат Александр бросил школу после девятого класса и пришёл в монастырь. Даже не выбирал. Пришёл прямо в Ситару. Вот уже три года как здесь находится и не жалеет. Любит пасти коров, любит чистый воздух, да и времени остаётся достаточно для чтения Псалтыри. Но послушание не делаешь там, где хочется. На этой неделе он дежурный на кухне. Что привело его сюда? Дурные лицейские «тусовки», домашние грехи, жажда чистой жизни. Смеётся. Рассказывает о типичных конфликтах с преподавателями – *«хотя я не был из самых худших»* – допрашивает меня об НЛО, о воссоединении православных с католиками, рок-музыке, гомосексуалистах, сатанистах. По поручению брата Климента, он меня водит по лесу за грибами и кизилом. Помогает собирать, но сам ничего не пробует. Светлый и искренний, у него нет ничего от сурового взгляда иных монахов. Находит среди листьев олений рог. Даёт

его мне. *«Вот, сделайте себе ручку для ножа!»*. *«Олени едят кизил прямо с дерева. Вы знали? Этот потерял свой рог»*. Любит краски. Очень желал бы писать иконы. (Но желания – это от «мира»…)

Здесь ещё рассказывают о монахах, ушедших в мир, заведших семью. Мучением была им жизнь вне стен монастыря.

Внезапно меня одолевает чувство заботы и боязни, как тогда, когда держишь в руках тонкий фарфор, и желание предупредить об опасностях. Но будто он сам не знает? Может быть, слабая – это я.

Возвращаемся. Цветы провожают меня к воротам. *«Когда придёте ещё? Надо было бы побыть до воскресенья. Обязательно приезжайте на Новый Год, здесь очень красиво! Привезите с собой и сестру Марию!»*. Кроткая, матушка Евгения дарит мне домашний кефир и куличи. *«Сколько вас дома? Надо было взять бутылку побольше. Вы поели что-нибудь на дорогу?»*. Несу домой с собой всё изобилие. Неисчерпаемую тишину. И солнце, почившее в цветах монастыря.

«Солдат так же, как и поэт, не имеет личной жизни» – говорил Никита Стэнеску[7]. Прибавляю: так же, как и монах.

Татьяна Таянова[1]
ЧУДО – СИМВОЛ, ЧУДО – РЕАЛЬНОСТЬ И ЧУДО –ХАРАКТЕР: *житийные чудеса сквозь призму «старой» веры протопопа Аввакума*

Не секрет, что жанр жития предполагает обязательное присутствие в нём категории чуда. В сознании верующих святой без чудес не существует. Уже в начале любого жития присутствует чудо, как правило, предшествующее рождению святого; чудом житие и заканчивается – знаменитые чудеса возле гроба святого. Вспомним хотя бы одни из самых любимых на Руси житий – жития Сергия Радонежского и Николая Мирликийского. Житие Сергия начинается с описания следующего чуда: он, будучи ещё во чреве своей матери, трижды «возгласил» в

церкви во время божественной литургии, заявив этими возгласами, что со временем станет истинным служителем Святой Троицы. В Житии Николая, как и в Житии Сергия, святой сразу после рождения начинает вести себя сверхъестественно. Например, в среду и пятницу не принимает молока матери, отказываясь от него и тогда, когда случалось матери «вкушать» мясную пищу. Возможно, «прототипом» всех этих «детских» чудес была евангельская история о том, как во чреве матери Елизаветы «взыграл младенец радостно». Речь идёт об Иоанне Крестителе и его поведении в тот момент, когда Елизавету посетила дева Мария (Лук, 1, 41-44). Этот вариант «благовещения» – чудесного предсказания славной будущности ещё не родившемуся ребенку – стал общим местом многих житий.

В «Житии» Аввакума мы сталкиваемся с тем, что его автор намеренно отходит от традиционной схемы-перечня чудес. В его книге не только отсутствует чудо рождения, но и рождение героя представляется читателю обычным, описывается простыми, будничными словами: «*Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати Мария, инока Марфа. Отец мой прилежаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию*» (1, с. 32).

Итак, чудо рождения здесь отсутствует, присутствует реальная жизненная ситуация, причем противоречивая. Именно с живого противоречия – обычной семейной драмы – начинается жизненный путь Аввакума. Рождение героя не воспринимается как начало исключительно Богом заданного существования. Жизнь берёт верх над чудом, герой изображается в реальной (семейно-бытовой), а не чудесной (мистической, вечной, бытийной) ситуации.

Всё сказанное не означает, что в «Житии» Аввакума отсутствуют традиционные чудеса, хотя они в большинстве случаев близки житийной традиции лишь формально. Содержание же традиционных чудес переосмысливается Аввакумом часто со здешней, земной точки зрения, причём, иногда до такой степени, что чудо превращается в жизнь, неземное – в быт, мистически-эфемерное – в зримо-конкретную ситуацию, а ангел – в человека. Оригинальность понимания чудесного Аввакумом состоит ещё

и в том, что автор «Жития» иногда пишет о простом, вполне реальном и обычном происшествии как о чуде.

«Житие» протопопа Аввакума богато чудесами. Мы рискнули разделить их на несколько разновидностей, которые условно можно обозначить так: чудо – символ, чудо – реальность и чудо – характер.

1) Чудеса формально традиционные, но переосмысленные (либо прочувствованные) как реальная ситуация, изображенные в реалистическом ключе – не «овеществлённые», а именно «реальные» чудеса.

2) Чудеса символы, которые в основном связаны с исцелением бесноватых.

3) Чудеса, обусловленные способностью Аввакума видеть в земной жизни, в любых даже самых малых её проявлениях чудесное. Это мировоззрение, это характер, это выстраданный и глубоко личный взгляд на чудо реальности. Он в какой-то мере «пантеистичен» – преисполнен любовью к Богу во всём – в каждой мелочи земного Бытия.

Рассмотрим перечисленные разновидности чудес подробнее. Первое чудо, с которым мы сталкиваемся на страницах «Жития» протопопа Аввакума, вроде бы вполне традиционно, даже стереотипно. Без «сонных видений» не обходится ни одно житие. Главное, что обращает на себя внимание в «тонком сне» Аввакума, – это цвет первых двух кораблей – золотой – явная аллегория сияния божества, святости. Находятся же на этих кораблях отнюдь не причисленные к лику святых, а всего лишь духовные дети Аввакума – простые смертные Лука и Лаврентий. Однако в глазах Аввакума они приобщились к святости, так как приняли мученическую смерть: «*Пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато…*» (1, с. 33). Учетверённое сияние исходит от простых людей. Аввакум соединяет человеческое с ангельским, то есть бесплотным, невещественным, тем самым преодолевая оппозицию вещественного и духовного, характерную для религиозно-философской парадигмы Средневековья.

На третьем корабле – Аввакума – находится «юноша светел»: «*Юноша светел на корме сидя, правит, бежит ко мне из-за*

Волги…». Автор не указывает, кто перед нами: ангел или человек. Есть одна примета надмирности – «светел». Но ведь и духовные дети протопопа представлены читателю сияющими (четыре раза повторен эпитет «золотой» в их небольшой характеристике). Поведение юноши, правящего третьим кораблем, описано как обычное человеческое, а не ангельское: *«…на корме сидя», «правит»*… Ангела – существо духовное, бесплотное, одаренное могуществом – трудно представить сидящим на корме, ведущим корабль. На наш взгляд, данная характеристика юноши-ангела способствует тому, что чудо (видение, «тонкий сон») теряет часть своей чрезвычайности, приобретает оттенок возможности, простоты.

Следующее не совсем сверхъестественное чудо – явление то ли ангела, то ли человека в темницу к Аввакуму. *«И сидел три дня, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю – на восток, не знаю – на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно… во исходе третьих суток захотелось есть мне, после вечерни ста передо мною, не вем – человек, не вем – ангел, и по се время не знаю. Токмо в потемках сотворя молитву и взяв меня за плечо с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки дал, и хлебца немношко, и штец дал похлебать, – зело прекусны, хороши… И не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало»* (1, с. 37). Мы не можем согласиться с исследователем В.В. Кусковым, который считает, что это чудо, как и «все чудеса», описываемые Аввакумом, не выходят за пределы реального бытового плана (2, с. 262). По нашему мнению, реальный бытовой план постоянно сталкивается в восприятии автора «Жития» с духовным, невещественным. В чуде (как его изображает Аввакум) оба эти плана присутствуют почти всегда. В приведённом фрагменте бытовые подробности описания темницы (мыши, тараканы, блохи, лавка, ложка, «хлебец», «исти») явно перевешивают детали и подробности нематериальные (*«двери не отворялись, а ево не стало»*). Однако чудо было: *«чюдно только – человек, а что ж ангелу – ино везде не загорожено»*. Показательны следующие слова: *«ста передо мною, не вем – человек, не вем – ангел, и по се время не знаю»*. В этих словах содержится очень

нетрадиционное для XVII века и характерное для Аввакума стремление к преодолению противостояния вещественного и духовного, «тварного» и «нетварного». Возможно даже, что для протопопа не так уж важно, ангел ему являлся или человек: главное – помог, то есть совершил акт любви и сострадания, «по-ангельски» поступил. Основные оппозиции Средневековья, выступающие как абсолютные границы, разделяющие божественное и человеческое, смертное и бессмертное, Аввакумом в какой-то мере примирялись. Такова была его мировоззренческая установка – глубоко религиозная по своей природе – везде и всегда видеть мир цельным, единым, какие бы исторические, социальные, политические катаклизмы не проносились над взбудораженной расколом страной.

Во всех традиционных житиях является общим местом такое чудо, как «знамение» – явление святых самым достойным из живущих в «тонком сне» (в основном тем, которые этого святого при жизни не видели). Есть несколько подобных чудес и в произведениях Аввакума. Правда, от своего стремления к правдолюбию и правдоподобию он не отходит и «является» только к тем людям, которые его знают. Эти явления изображены так реалистично, что почти ничем не отличаются от простого свидания наяву. Вот пример, когда Аввакум является мучителю своему – келарю Никодиму: *«“А ты де сам, приходя и покидая, меня пожаловал, поднял; что де запираесся! Ризы – де на тебе светлоблещущия и зело красны были!”. А келейник ево (Никодима – Т.Т.) говорит: “Я, батюшко-государь, тебя под руку вел ис кельи проводя, и поклонился тебе”»* (1, с. 57). Итак, чудо налицо; но у читателя не возникает ощущения сверхординарности происходящего, потому что, кроме светлых риз, ни внешность Аввакума, ни его поведение не отмечены ничем сверхъестественным. Аввакум не является келарю, а приходит к нему; не исчезает, а уходит, провожаемый келейником Никодима, который ведёт его «под руку». Естественное и сверхъестественное в данном чуде опять примиряются.

Вторая разновидность чудес в «Житии» Аввакума носит, на наш взгляд, тоже довольно нетрадиционный характер – символический. Чудеса-символы – это прежде всего исцеления бесноватых. Они всегда лишены праздничности чуда, насыщены

приметами будничности, рутинности трудной работы. Исцеляя, Аввакум чаще ощущает себя не чудотворцем, а врачом. Писатель много раз употребляет слово «пользую» при характеристике своего труда: «*А я их словом Божиим пользую и учю*». Безусловно, данная группа чудес тесно соприкасается с группой чудес «реальных». Например: «*Да и в темницу ко мне бешаной зашел, Кирилушком звали, московский стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз и платье переменил: зело вшей было много… Он, миленький, бывало сцыт под себя и серет, а я ево очищаю… У правила стоять не захочет… и я чотками постегаю, так и молитву творить станет и кланяется за мною стоя… Дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я закричу, так и сядет… Перед обедом "отче наш" проговорю и ястие благословлю, так тово брашна и не ест – неблагословеннова просит. И я ему напехаю силою в рот, так и плачет, и глотает… Бес в нем вздивиячится, а сам из нево говорит: "Ты же-де меня ослабил!"… Жил со мною месяц и больши. Перед смертью образумился*» (1, с. 68).

Этот отрывок прежде всего интересен тем, что чудо в нём ничем не отличается от тяжелого ежедневного труда целителя или сиделки. Чтобы бес ушёл и человек исцелился, чудотворцу Аввакуму уже недостаточно просто прочитать молитву и осенить крестом бесноватого, нужно ещё и стричь его, менять ему платье, очищать от вшей и нечистот, кормить (иногда силою), поить, «стегать чотками» за ослушание, учить и воспитывать. Однако в «Библейской энциклопедии» мы находим совершенно противоположное описание чудес – это «суть дела, которые могут быть сделаны ни силою, ни искусством человеческим, но только всемогущею силою Бога» (3, с. 789). Аввакум же делает чудо своими руками, по крайней мере, описывает его как процесс именно такого делания-деяния: «*Остриг его аз и платье переменил: зело вшей было много*». Таким образом, традиционное чудо – исцеление бесноватого (которое действительно произошло) – выходит за рамки традиции и становится «несверхъестественным» чудом. Теперь попытаемся объяснить, почему мы склонны причислять чудеса-исцеления к особой группе чудес-символов.

Для агиографов давно не секрет, что самой распространённой разновидностью чуда в житиях является чудо-исцеление.

Эта традиция восходит к Евангелию. Господь Иисус совершил свыше тридцати чудес, причём главные из них – исцеления (двадцать чудес). Вслед за Христом все святые творят подобные чудеса. Главное, что нас интересует, это то, что большинство исцелений в данном случае – исцеления физических недугов. Иисус Христос лечит прокаженных (Марк, 1, 4-45), расслабленных (Мф, 9, 1-8), слепых (Мф, 20, 3—34), глухих (Мф, 9, 32-33), сухоруких (Мф, 12, 10-13), глухонемых (Марк, 17, 31-37), страдающих водяною болезнью (Лук, 14, 1-4). Таких чудес в Евангелии насчитывается около двадцати, и всего пять – чудес исцелений бесноватых.

Исцеления именно физически больных преобладают и во всех житиях. Например, в «Житии Петра и Февронии Муромских» (XVI век) говорится, что князь Петр был тяжело болен («*имея болезнь тяжку и язвы. Оструплену бо бывшу ему о крови неприазниваго летящего змия…*»), но его исцелила девица праведная, Феврония. В «Житии» Аввакума ситуация резко меняется. Основное количество чудес, сотворенных Аввакумом, – это исцеления бесноватых. Беснуются в «Житии» и старые, и молодые; и богатые, и бедные; и женщины, и мужчины. Их так много, что иногда складывается ощущение, будто весь окружающий протопопа Аввакума мир «взбесился», сошёл с ума. Иногда автор будто нарочно располагает сцены-исцеления друг за другом, ещё более нагнетая и без того тяжелую атмосферу умирания духа в «Житии». Буквально на двух страницах произведения он умудряется рассказать по порядку о «бешаных» Кириллушке-стрельце, о Филиппе московском, о Фёдоре из Тобольска («*жесток же был бес в нем*»), о молодой вдове Евфимии, о двух Василиях, об Анне, на которую бес «*наведе печаль о Елизаре*».

Такое сгущение красок, на наш взгляд, довольно символично. До аввакумовского вряд ли было житие, которое знало бы подобное количество бесноватых. Всё дело, безусловно, заключается в восприятии писателем окружающего. Мир, принявший никонианскую веру, по Аввакуму, – мир взбесившийся, бешеный, бесноватый. Действительность, другими словами, стала одержима бесами – Злом; люди, соответственно, тоже в большинстве своём оказались под властью нечистых духов. Символичность

исцелений в «Житии» мы трактуем следующим образом: лишь представитель «старой» веры не запятнан злом, не одержим, потому способен изгнать зло из других, приобщая их к своей вере. Именно приобщение к «старой» вере – основа «целительной практики» Аввакума-чудотворца. Например, бесноватая Анна после ряда ошибочных шагов всё-таки приходит к правде: «*Аз же простил и крестом ея благословил, и бысть здрава душею и телом. Потом на Русь я вывед ея, имя ей по иноцех Агафья. Страдала много веры ради, з детьми моими на Москве, с Ываном и Прокопьем*» (1, с. 73).

Итак, символичность чудес-исцелений бесноватых в том, что Аввакум-старовер ощущает себя, творя эти чудеса, целителем душ людей, отравленных новой верой, заражённых ею, целителем «взбесившегося», одержимого бесами, неистового мира. В отличие от церковной трактовки причин недуга беснующихся, причина, по Аввакуму, лежит в мире, а не только вне мира.

Третья разновидность чудес, выделенная нами в произведениях протопопа Аввакума, возможно, вызовет сомнения. Однако мы рискнем предположить, что в «Житии» протопопа присутствуют чудеса, имеющие языческую, пантеистическую основу. Утверждение с христианской точки зрения нелепое. В православной «Библейской энциклопедии» читаем: «*Отрицает чудо пантеизм: для него немыслимы явления, причина которых лежала бы вне мира, так как пантеизм, подобно материализму, кроме этого мира ничего не знает и не признаёт*» (3, с. 789).

Но Аввакум изображает чудеса, причина которых, на первый взгляд, таится только в мире земном, здешнем. Писателю присуща удивительная способность творчески, «детски» смотреть на мир и видеть в обычном – необычное, в «тварном» – прекрасное и чудесное. Эта способность обусловлена почти интуитивным, глубоким и искренним убеждением в том, что любое проявление материальной жизни имеет божественный характер (будь то дерево, сверчок или собачка). Аввакум очень любит природу, зверей, птиц, постоянно любуется и восхищается ими. Внимание к животным в житиях (правда, не в такой степени) наблюдалось и до Аввакума. Достаточно вспомнить «общение» Сергия Радонежского с медведем. Автору этого жития было

важно показать настоящее чудо, имеющее внеземную природу: сильный и агрессивный зверь не причинил зла святому. Аввакум вводит в своё произведение образы зверей не для этой цели. Например: «*…кинули в студеную тюрьму, соломки дали немношко… Что собачка, в соломе лежу на брюхе, … караульщики по пяти человек одоль стоят. Щелка на стене была, собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня. Яко Лазаря во гною у вратех богатого, пси облизаху гной его, отраду ему чинили, тако и я со своею собачкою поговаривал, человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют…*» (1, с. 43). Перед нами настоящее чудо – чудо жизни, сопричастности, умиления, которое Аввакум смог разглядеть «сердечными очами» и передать читателю. Наверное, потому, что писатель верит в такие чудеса, «Житие» нельзя назвать пессимистичным произведением. Чудо в данном случае состоит в том, что покинутому всеми человеку, страдающему от одиночества и отверженности, помогает божья тварь – собачка, которая – и в этом всё чудо – просто приходит посмотреть на него. Способность одного живого существа поддерживать другое живое существо, по Аввакуму, чудесна. Он с восхищением и благоговением об этом пишет, а, сравнивая себя с собачкой, он приобщается к ней. Это приобщение-сопричастность – тоже чудо.

Аввакум способен искренно привязаться к «низшему» существу. В своей черной курочке он, полюбив её, увидел чудо жизни: «*Курочка у нас была черненька, по два яичка на всяк день приносила… Ни курочка, ништо чюдо была. А не просто нам досталась…*». А досталась она семье протопопа чудом, молитвой и любовью (Аввакум излечил кур боярыни). Потеря курочки вызывает у Аввакума сожаление, наверное, не меньшее, чем вызвала бы потеря человека. Способность привязаться к живому существу, пожалеть его проявилась ещё в детстве. Как-то, будучи ребенком, он пожалел о смерти соседской скотины и долго, плача, не мог успокоиться.

Чудом, по Аввакуму, является весь мир природы, Богом задуманный и исполненный: «*Около его (берега – Т.Т.) горы высокия, утесы каменныя, и зело высоки, двадцеть тысящ верст и*

больши волочился, а не видал нигде таких гор… Чеснок на них и лук растет больше романовского и слаток добре. Там же ростут и конопли богорасленные,… травы красны и цветны, и благовонны зело. Птиц зело много – гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавает… А все то у Христа наделано человека ради, чтоб успокояся хвалу Богу воздавал…» (1, с. 63). Перед нами мир природы Сибири во всей своей полноте, пестроте, многообразии. Вызывает интерес то, что Аввакум помещает описание таких мелочей, как «чеснок» и «лук», рядом с описанием «акиана», «гор высоких», «утесов каменных». Дело тут, конечно, не в игре с масштабами, не в неупорядоченности восприятия и хаотичности визуального ряда. Дело в том, что, по Аввакуму, в каждой живой подробности мира заложено божественное произволение; в этом – её чудесность, в этом же – её равноправие с другими приметами мира. Вспомним, что когда Аввакум пишет о собачке, он и себя (два раза) называет собачкой, подчеркивая этим – всё едино, во всём Бог. В таком провозглашении чуда жизни заложен несвойственный житиям пафос: пафос не святости чудотворца, а святости, «обоженности» мира. Из этого «обоженного» мира, следуя системе ценностей Аввакума, исключены только никониане и всё, что их окружает (даже Церкви).

Итак, если большинство житийных произведений содержат чудеса удивительные, «невозможные», величественные и поучительные, то в «Житии протопопа Аввакума» чаще всего получается так, что именно чудеса становятся доказательством подлинности всего описываемого, они правдивы, подчас лишены нравоучительного пафоса, откровенны и человечны. Аввакума в чуде меньше всего интересует удивительность и чрезвычайность. Он к жизни подходит как к чуду, к чуду – как к жизни. В аввакумовском понимании чуда содержится преодоление средневекового противостояния вещественного и духовного, тварного и нетварного. Аввакум, даже когда творит чудеса, постоянно подчёркивает свою «тварную» сущность, а творя чудо, – и свою приобщённость к Богу, «нетварному началу». Чудеса протопопа Аввакума лежат не только в «том» мире (или вне мира), но и в мире «этом», который он со всей присущей ему страстностью и горячностью так жалел и любил.

Доспехи для души

Стихи всегда – доспехи для души!
Их стрелы Бытия не пробивают…
Петр Кузнецов

Пётр Кузнецов
ИЗ СБОРНИКА «ТАЙНОПИСЬ ЛЮБВИ»

* * *

Осколки прошлого не в силах
Изрезать душу до крови!
Пусть образ вещий сном постылым
Стук сердца оборвёт в груди…

И, падая в объятья ночи,
Успею твой услышать крик,
Исторгнутый из бездны плоти
Последний раз, в последний миг!

НЕЗНАКОМКЕ

Улыбка девственной вуалью
Коснулась губ её слегка!..
И бронзовел алмазной далью
Паук – в петле воротника…

Она следила в мутных стёклах
Одной ей видимый узор…
Но радость вдруг её поблёкла
От взгляда моего в упор!

И чёрные взметнулись брови,
Взломав зрачки в колодцах глаз!..
…Но волны трепетные крови
Объединили с прошлым нас…

* * *

Кармен ушла, стряхнув с богатой шубы
Наивные осколки Бытия…
Но дрогнули накрашенные губы,
Когда в перчатку пряталась рука!

Грущу с тех пор о той заветной встрече,
На небе видя грозовые облака…
Был или не был тот волшебный вечер –
Иль это злые бредни *миража*?!.

НАДЕЖДА

Вот снова осень выжелтила клёны
И мелкий дождик моросит с утра…
Иду по улице по-прежнему влюблённый
В ритм мелких капель – прозу Бытия!..
О, прав был Пушкин, говоря устало,
Что *осень Жизни* – лучшая пора!
…Но я хочу опять начать с начала
Мир познавать с картинок букваря…

г. Кемерово

Свет рампы

Автор пишет одну пьесу, актеры играют другую, а зрители видят третью.

Шарль Баре

Валентина Кизило
ЛЮСЯ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ
(пьеса в 2-х действиях, четырех сценах)

Действующие лица:

Люся, 39 лет.
Денис, ее сын, 22 года.
Полина, 27 лет.
Герц, 50 лет.

Действие происходит в Москве и в Петербурге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая. Москва

Однокомнатная «хрущёвка» на окраине города. В комнате – единственной для двоих – художественный беспорядок. Половина комнаты женская, половина – мужская. На «мужской» на стене висит фотография улыбающегося мужчины с ребёнком на руках, на женской – тщательно выписанный портрет Люси, рядом – огромный настенный календарь, на котором хозяйка размашисто перечеркивает каждый уходящий день красным или черным, в зависимости, как прожит.

Раннее утро. Люся и Денис спят каждый на своей «территории». Как только звякнул будильник, Люся тут же, будто поджидала, отключает его, некоторое время молчит, потом негромко зовет.

Люся. Деня! Деня! (*помолчав, неуверенно*.) Ты просил разбудить... Хотя и глупо... Деня, ты спишь?

Денис (*сонно*). Сейчас.

Люся. Не хочу быть виноватой, потому и бужу. Деня! (*Денис сонно мычит*.) Чтоб не быть виноватой опять... А то спи? Пришёл в два ночи, нашумел, будильник потребовал на пять... Оно и есть пять... Деня! Я будила, ты не проснулся – договорились?.. Без обид. Спи!

Денис. Я в Питер еду.

Люся. Спи, спи, договорились же.

Денис. Ты не создавай сонное царство. Мне, мать, в дорогу.

Люся. Какой ещё Питер?

Денис. Ни истории, ни географии не знает. Темная ты.

Люся. И собака эта. Зачем ты её привел? Из жалости или как символ? Если это символ, я не понимаю. Особенно я не понимаю в пять утра! (*Смеется.*)

Денис (*капризно*). Не надо меня понимать, лучше чайник поставь.

Люся (*продолжает лежать*). Это вы только говорите так – не надо. А сами всю жизнь вынуждаете понимать вас и разгадывать.

Денис. Ты чайник можешь поставить?

Люся (*быстро встаёт, выходит на кухню, тут же возвращается*). У меня предчувствие, Деня...

Денис. Прими горячий душ.

Люся. Не поможет. Это всё вороны, я поняла. Такие нахальные, противные. Совсем распустились. Раньше на наших окраинах не было, а теперь с ветки на ветку: кар-р! кар-р! И не уснуть, и не проснуться... Ты разве не слышишь, как они стали: кар-р! кар-р! (*Смеётся.*) А похоже, да? Кар-р!.. А ты сможешь?

Денис (*смеётся*). Ты вот что, ворона... Не каркай. Собаку лучше покорми.

Люся. Где ты её взял? В два часа ночи пришёл. Она грязная вся.

Денис. Навязалась. И жалко, живое...

Люся. Живое всегда жалко, да.

Денис. Хочешь, оставь себе. Сторожем. Чтоб ворон не пугаться.

Люся. А выгуливать кто? Я лично категорически не собираюсь!

Денис. Будешь, как дама с собачкой. Здорово.

Люся (*смеётся*). Я сама как собачка... Он, видите ли, куда-то собирается в пять утра...

Денис. В Питер.

Люся. ...а ты тут оставайся и живи с чужими собачками. (*Выходит на кухню, возвращается с чайником.*) Я разгадала твою символику. Это намёк. На мою дальнейшую собачью жизнь. (*Хохочет.*). Васятка тоже пытался сломать меня по своему образу и подобию, но я...

Денис (*резко вскакивает с раскладушки*). Ты соображаешь, мне весь день за рулем?.. Символы, собаки, вороны!.. Ну выгони собаку, если жалости нет, распугай ворон, чтоб вокруг пусто, чтоб никто тебе не мешал, а ты центр мироздания одна!.. И в центре!

Люся. Я не в центре и не одна, Деня!

Денис. Отстань ты от меня!

Люся. Не смей орать на все этажи! Люди спят ещё в такое утреннее время!

Денис. А ты не смей называть отца Васяткой!

Люся. Подумаешь, оскорбление!

Денис. Вместо поздороваться, «доброе утро» сказать, покормить, чаю горячего, она сама с утречка заводится и всех заводит! Собака ей не понравилась!.. Всем собака друг, а ей помеха в жизни!.. Хочешь, чтоб руки у меня дрожали? Чтоб разбился я где-нибудь под Новгородом, да?.. Новгород, кстати, севернее?

Люся. Севернее чего?.. (*Помолчав.*) И вот не надо мне ежеминутно подчёркивать, как ты боготворишь своего папеньку, это как собаке хвост по кускам!.. Хочешь, чтобы тебя понимали, а сам...

Денис. Да не надо понимать! Никогда и не смей даже меня понимать, слышишь? Я возражаю! Надоело! (*Уходит в ванную, закрывается.*)

Люся (*вслед*). Всем надоело! И на все этажи кричать, соседи слушают!.. Смеются...

Подходит к ванной, прислушивается к шуму воды. Затем идет к зеркалу, рассматривает себя, пытается придать лицу доброжелательное, счастливое выражение, улыбается, гримасничает. Резко поворачивается к мужской фотографии на стене и грозит кулаком. Опять смотрится в зеркало.

Доброе утро! (*Раскланивается.*) Утра вам доброго! (*Улыбка.*) Добренького вам всем утречка, несмотря на карканье ворон!.. Вы, кажется, говорили об отъезде? В Питер? О, путешествия всегда привлекательны для души человека, счастливого вам пути, родные мои, поезжайте, а мы тут без вас как-нибудь, с собачечкой вдвоём, заживем, всё у нас роскошно, не сомневайтесь ни мгновения, уезжайте, уезжайте! Мы рады! (*Поёт.*) «Опустела без тебя

земля… Как мне несколько часов прожить???»... Доброе утро! С нами так и надо распоряжаться, иначе где порядок? Покой тот где? С нами так вот и надо, и правильно!

Услышав, что шум воды стих, отскакивает от зеркала, готовит бутерброды, наливает чай, улыбается. Входит Денис, не глядя на Люсю, садится, ест. Некоторое время оба молчат, первой не выдерживает Люся.

Люся (*вкрадчиво*). Утро начинается. Умытенькое, радостное, чистенькое со сна... Доброе утро, Дениска!

Денис (*миролюбиво*). Отстань.

Люся. А скажи ты мне, ты... ну, в Питер... на машине едешь?

Денис. Угу.

Люся. У тебя там дела, да? Командировка?.. А бензина хватит? Надо же обязательно заправиться, ты в два ночи пришёл... Не успел... Ты ешь, ешь...

Денис. В дороге заправлюсь.

Люся. Где-нибудь под Новгородом, да? Это новый такой город, Нов-город... Я никогда не была.

Денис. Это древний город.

Люся. Я о самом слове, как произошло... Вот был пустырь, холод, тоска. А потом – новый город... Представляешь, как интересно, когда вдруг ни с чего в каком-то чистом поле город вырастает, сначала крохотный, потом он все растёт, разрастается, обрастает подробностями разными, душами, жизнями, любовью... А я никогда не была!

Денис. Ты дальше Подмосковья не выезжала, и что с того? Тебе хватило жизней и подробностей... Помолчи, а?

Люся. Ну, вот если ты, допустим, отправляешься в путешествие...

Денис. Отправляюсь, и что?

Люся. Тебе еды с собой дать, бутербродов? В дороге нужно же пикник на обочине... Поесть... Так собрать бутерброды?

Денис. Как хочешь.

Люся. А вернёшься когда?

Денис. Никогда.

Люся (*смеется*). Никогда! Никог-да? Никог-да-никог-да-когда-да-всег-да-на-на-всег-да-всег-да-да... Как курица яйцо несет… (*Помолчав*). Никогда – это завтра ночью? Или дня через три?..

Денис. Никогда – это никогда. Ты значений слов не понимаешь? Прямого смысла?

Люся. У нас там никого нет, где ты жить будешь? Ты не вернёшься через три дня?

Денис. Как получится.

Люся. Получится что?

Денис. А что ты смотришь?

Люся. Я улыбаюсь... Как я смотрю?

Денис. Будто у меня изо рта вместо слов жабы прыгают!

Люся. Точно, что жабы: что ни слово, то ква и ква. Красивое получается кваканье.

Денис. Пойми, я взрослый мужик! И не обязан!..

Люся. Мужик пришел ночью, с собакой символической, таится от меня, прячется, будто не сын мой... Но ты не можешь меня обмануть! И вечная глупость мужчин – прятаться! Вы этим смешны.

Денис. Я не прятался. Просто пришёл, а ты спала.

Люся. Симулировала. И всё слышала.

Денис. Всё?

Люся. А то! Тебе пересказать?

Денис. Чекистка.

Люся. Именно.

Денис. Ну, начинай допрос.

Люся. Зачем тебе Питер?

Денис. В Эрмитаж.

Люся. Зачем?

Денис. Странный чекистский вопрос. Все человечество едет в Эрмитаж...

Люся. Все человечество меня не интересует. С чего тебе вдруг в пять утра приспичило знакомиться с сокровищницей мировой культуры?..

Денис. Соскучился по сокровищам рукотворным и решил посетить.

Люся. Тогда скажу я: я тоже соскучилась и хочу!

Денис. Нет!

Люся. Все хотят в Эрмитаж, а ты всё равно на машине, а в машине четыре свободных места для пассажиров, так неужели же...

Денис. Без меня когда-нибудь поедешь.

Люся (*помолчав*). Ладно, Эрмитаж. У тебя там есть, где остановиться? Или ночевать в машине и потом мятым разглядывать «Мадонну Литту»... «Завтрак аристократа»...

Денис. «Завтрак аристократа» не в Эрмитаже.

Люся. Ну, там у голландцев рыбы всякие есть... натюрморты... Мы с Васяткой однажды... То есть я хочу сказать, что тоже хочу видеть. Питерские музеи под ихним низким небом.

Денис. Ты дошла до низкого бесстыдства.

Люся. Да нет, плевать на низкое небо. Главное культура, я понимаю.

Денис. А мне есть, где жить?

Люся. Ты имеешь в виду...

Денис. Жить! Ты никогда об этом не задумывалась?

Люся. Жить в смысле жизни вообще?

Денис. В смысле жизни на земле.

Люся. Ну, земля такая огромная, Дениска, а мы такие хрупкие, как яичная скорлупа... И каждый может нас обидеть, раздавить. Поэтому...

Денис. Поэтому я живу вот где, вот! Закуток с раскладушечкой, нечем дышать! Даже дивана приличного нет, раскладушка с рождения, потому что земля огромная. А мне места в ней отвелось так мало!.. Лежу на своём местечке и любуюсь твоей молодой красотой на портрете!

Люся. Давай купим диван!

Денис. Или у меня есть интересная работа с горением-кипением, как ты призывала? Или ты всерьез считаешь, что заниматься извозом – моя заветная мечта?

Люся. Но ты же любишь езду, любишь свою машину...

Денис. Ты ещё добавь: «И какой же русский не любит быстрой езды!!!»

Люся. Но это же временно – извоз... Так сложились обстоятельства, тебе не повезло... Ты пробьёшься, Дениска... Ты у меня умный!

Денис. Ты пойми: у меня одна жизнь, и она моя! Только моя!

Люся. Конечно, у каждого своя и каждому своё, да... Я понимаю.

Денис. А я до сих пор не живу.

Люся. Как это – не живешь? Мы живем!

Денис. Держусь за твою юбку и жду, когда якобы временные трудности кончатся и грянет наконец жизнь настоящая, с небом и музыкой! А она утекает!

Люся (*удивленно*). Ты заметил?

Денис (*испуганно оглядывается*). Что?

Люся. Что жизнь утекает?

Денис. Заметил, да.

Люся. Когда?

Денис. Вчера.

Люся (*утешающе*). Ты у меня умный, я всегда знала. Рано осознал. Надо же, вчера... (*Помолчав.*) А я долго не замечала, меня стукнуло, когда Васятка сбежал… (*Испуганно поправляется.*) Отец твой.

Денис. Если б ты не кривлялась, он бы не ушёл.

Люся. Ушёл. Он себя со мной исчерпал навек.

Денис. Мама, хочешь честно? Я давно уже понял...

Люся (*чутко*). Ты понял что?

Денис. Ты сама виновата, сама, вот что.

Люся. В чём?

Денис. Отец на порог, а ты ему – сцену очередную романтическую, со словами-выражениями. Он и ушёл в покой.

Люся. Должна же я была с кем-нибудь разговаривать. А с кем мне поговорить, если не с мужем? О том, что болит, что былобудет... Обо всём! С мужем, в котором подразумеваешь родную душу, поговорить?

Денис. Все твои разговоры пропитаны ядом. В тебе много яда, пойми. Даже для меня избыточно. Ты не замечаешь, как обижаешь, потому что это твоё нормальное состояние – людей обижать.

Люся. Как это не замечаю? Замечаю. Но справедливость дороже личных счетов, согласись. Я люблю, когда справедливо и честно, вот и говорю.

Денис. Сама жаловалась: у тебя в доме цветы не приживаются, чахнут. А почему? Всё поэтому. И отец ушёл поэтому.

Люся. Это почему же поэтому?

Денис. Из-за яда.

Люся. Ты защищаешь его, потому что он ушёл и стал твоим праздником. А я осталась учить тебя скучным ежедневным делам: чистить зубы два раза, умываться-улыбаться поутру, руки перед едой мыть, не лгать, не хамить, не...

Денис (*перебивает*). А отец плавать меня научил! Я помню: на море ездили, мне было четыре года, и мы все вместе ещё... Ты такая нарядная, яркая. Как инопланетянка, смеялась неостановимо, финики покупала... Самая красивая мама на море. Рядом с отцом. Самая красивая мама. И рядом.

Люся (*смеётся*). Маленький лицемер!

Денис. Я хорошо помню, как всё у нас было, не думай. С отцом была жизнь, он умел! И никакой он не Васятка, запомни!

Люся (*после паузы*). Надо купить тебе диван, да. Цвета морской волны, цвета шторма, цвета южного ночного неба...

Денис. Зачем мне?

Люся. Ну как же, у всех должен быть свой отдельный диван и удобства.

Денис. Ты не понимаешь. У меня ничего своего нет.

Люся. У тебя есть дом.

Денис. Это твой дом.

Люся. Нет, это наш общий дом, и мы в нём спасаемся от временности и холода жизни. И никто не знает, как нас по утрам тошнит от беспомощности и страха, только эти стены, к которым мы прислоняемся в ночи... А когда мы из них выходим, и идём легкой походочкой по улице, такие красивые – а ты у меня настоящий красавчик, все оглядываются в метро, – такие яркие, уверенные, в своём праве, никто даже не заподозрит! (*Смеётся.*) Все думают: новые люди идут! Для этой новой жизни!.. А когда ты возвращаешься – я тебя жду. А ты ждёшь меня с работы. Мы семья. И мы как в амбразуре за этими стенами!

Денис. В амбразуре – это отстреливаться, что ли?.. Семья! Какая мы семья? Семья – это когда у ребенка есть отец и мать! У женщины есть муж! У взрослого сына жена! А у нас как? Угол у тебя, угол у меня... Вместе дружная семья!

Люся. Зато меня на работе уважают! И письма читателей мешками лично Людмиле Петровне, не дедушке на деревню!.. Ты сам

знаешь, какие я душевные очерки пишу про жизнь!.. Да, я работаю! А Васятка думал, я без него погибну, сгнию от мокрых слез в своём углу-уголочке! А я нет, выжила! Тебя вырастила, и на работе ценят, почёт ото всех и каждого... И у нас прекрасная семья вдвоём, обошлись! И купим диван, и разведём цветы, много живых цветов!

Денис. Так зачахнут.

Люся. Буду любить их, поливать, разговаривать с ними... Проснусь утром: как там мои цветочки, фиалочки мои, хризантемы, мои гортензии?.. Доброе утро, родные мои! Утречка вам добренького! А голос ласковый-ласковый...

Денис. Вот и хорошо, что с цветочками разговаривать будешь. А я уезжаю.

Люся. Куда?

Денис. Говорил уже: в Питер.

Люся. Конечно, тебе нужно отвлечься, а то всё дома, не общаешься. Круга своего нет, это так важно – иметь свой круг и впечатления от жизни и молодости... А то у тебя я и машина, машина и я. А жизнь утекает. Поезжай.

Денис. Ты бутерброды в дорогу обещала.

Люся. Дам и бутерброды, и материнскую слезу на грудь... Поезжай, в самом деле, а то мы засиделись, затухли с тобой. Сувенир мне привези, какую-нибудь мелочь вроде Исаакиевского или Никольского голубого морского собора. Пусть у тебя случится путешествие из Москвы в Петербург. Как у Радищева.

Денис. У Радищева наоборот: из Петербурга.

Люся. Ну да, наоборот. Зато Радищев наш первый интеллигент считается, вот поехал в путешествие и душа страданиями людскими уязвленная стала. Как отправился в то путешествие, так и открылись вещие зеницы, и увидел всю нашу Родину, всю жизнь с нищетой и войнами, и сразу заболел!... Я читала. Всю классику прочла! Не надо болеть!

Денис. Читала она. А зачем. Зачем ты читаешь?

Люся. Как это – зачем?

Денис. Никто давно не читает, никому не нужно, скучно, даже в метро только детективы и газеты. А тебе зачем?

Люся. Нужно.

Денис. Нужно зачем?

Люся. Так в книгах же всё написано!

Денис. Прям всё?

Люся. Абсолютно.

Денис. И обо мне?

Люся (*смеется*). Подумаешь, неведомые миру бездны и глубины! Конечно, о тебе. Обо мне. Обо всех, о жизни как есть. Бери и читай, всё открыто знание!

Денис. Тогда скажи... Почему, если там написано, ты так остро живёшь?

Люся. Это видимость. Равнодушный поверхностный взгляд со стороны, а на деле...

Денис (*упрямо*). Вот висит у тебя календарь, перед глазами маячит. И все числа – чёрные. Это как?

Люся. Там и светлые есть. Чёрный просто в глаза бросается, потому что более отчетливый и однозначный.

Денис. Ладно. А сегодня какой будет? Чёрный?

Люся. Сегодня ещё не закончилось, Деня. Утро в разгаре...

Денис. Но я уезжаю!

Люся. Вот ты уедешь в Питер...

Денис. Уеду! А ты?

Люся. А я буду ждать тебя. Приезда твоего, благополучного возвращения в родной дом. С сувениром, из Петербурга всегда сувениры привозят родственникам и знакомым, потому что там сплошной музей. (*Жалобно*.) Я не умею оставаться одна, ты же знаешь...

Денис. Ничего я больше не знаю! Кончено! И не надо, не надо обременять людей своей дурацкой жизнью! Своим ожиданием! Своими книгами, цитатами на любой случай!.. Портретом своей яркой насыщенной молодости!.. Не надо душить! Вымогать!.. Ну зачем ты повесила на виду календарь и раскрашиваешь?

Люся. Чем тебе помешал мой календарь?

Денис. Я, может, из-за этого никого в дом не могу привести, стыжусь!

Люся. Ты не стыдишься!

Денис. Календарь под названием «Дни её трагической жизни»!

Люся. Не стыдишься. Тебе просто некого привести, не-ко-го! Потому что ты устранился!

Денис. Не твоё дело!

Люся. Я и молчу! Но молчаливо понимаю – устранился!

Денис. Понимать – не твоё дело! Ты лучше ответь – зачем тебе это? (*Показывает на календарь*).

Люся (*растерянно*). Чтобы помнить.

Денис. Чёрные дни?

Люся. Всякие. Всю жизнь, какая она есть.

Денис. Вот ты умная.

Люся. Да.

Денис. Красивая.

Люся. Да.

Денис. На работе тебя ценят.

Люся. Есть за что.

Денис. А если в книгах, как ты говоришь, всё написано, почему они тебя ничему не научили, не защитили?

Люся. Так они защищают потом. Когда уже свершится, и ты начинаешь думать.

Денис. Человек должен сам, пойми! Один! Стоять и биться. И пробиваться, сражаться, делать свою жизнь! А ты что?

Люся. А что я?

Денис. Как только я хлопну дверью и уеду в Питер, обведёшь этот день черным...

Люся (*поспешно*). Нет, красным обведу. Красным. Вот сейчас, при тебе и обведу, хочешь?.. (К*идается к календарю*.)

Денис. …И сядешь у окна ждать! И не можешь, не хочешь понять, что этим вот так и терзаешь, так и дергаешь меня за душу! А я тебе ничего не должен, пойми! Запомни это: ничего я тебе не должен, ничего!!!

Люся. Но ты же любишь меня?

Денис. Погибель ты моя!

Люся. Не любишь больше?

Денис. И не смей вымогать, поняла? Черные дни у неё в календаре!

Люся. Привязался к календарю… В конце концов, это мои дни!

Денис. Но ты ухитряешься сделать их нашими общими днями!

Люся. Мы же вдвоём семья... Живем, ничего...

Денис. Я сам по себе! Без тебя! Сам! А ты остановилась, спряталась и не хочешь пробиваться!

Люся. Ты молодой, вот и пробивайся. Как отросточек из фасоли. Как птенчик из яйца. А дальше ввысь, ввысь, как луковка – к синему небу!.. В Питере, между прочим, у Спаса на Крови купола похожи на наши, мы с Васяткой видели, когда он еще Ленинградом назывался... Как глянула, испугалась: думаю, спьяну ли, как в «Иронии судьбы», в Москве опять очутились?.. И луковки все ввысь, к небу...

Пауза.

Я стала ресницы синей тушью красить, ты заметил?

Денис. Зачем?

Люся. Это чтоб к небу ближе. Синее, глубокое, загадочное... Влечёт. К куполам. А ты меня обвиняешь.

Денис. По-моему, вульгарно. Для женщины под сорок.

Люся. В Питере женщины за сорок сплошь в беретах, а наши гражданочки в шапочках-шляпочках... И метро там страшное на «Маяковской» – закрытый тоннель, двери скрежещут, поезда не видать, мне плохо стало, Васятка вывел меня и потом уже только на такси ездили... Давно было, мы юные были, беспечные. В Ленинграде тем летом.

Денис. Мам, я жениться хочу.

Люся. Правильно, жениться, пока молодой. Я знаю, так надо. Это жизнь. Молодые всегда женятся, на то и юность нам дана. Оно всё быстро кончается, внезапно, непостижимо. Не замечаешь, как становишься вульгарной из-за того, что хочешь быть ближе к небу...

Денис. Так вот: я женюсь и буду жить.

Люся молчит.

Я женюсь и буду жить в Питере, где женщины ходят в беретах и лязгают двери в метро на «Маяковской». Мне это должно понравиться.

Люся молчит.

И давай не будем обсуждать, всё решено!.. Ты слышишь? Я взрослый и намерен жениться, и не смей меня отговаривать, и не говори ничего, молчи, и... Я уезжаю сейчас, ты поняла?..

Люся молчит.

Мама, ты меня слышишь? Я в Питер уезжаю! Я... женюсь!

Люся хохочет.

Мама, вот не надо этого! Я серьёзно с тобой разговариваю, как никогда не говорил! Что ты засмеялась? Что смешного я сказал?

Люся. А! Как он!.. Хочешь, как Васятка?.. И не надо делать страшные глаза, он именно Васятка, нет ему другого имени, не возражай мне!.. Сбежать хочешь от меня? Но это же смешно! Смешно!.. Неужели ты не видишь, как всё похоже и как всё смешно?.. Он тоже проснулся утречком, ранним-ранним, вот как ты, как будто на работу, и стал, глаз не поднимая, собирать вещички… (*Показывает.*) Так вот ходил по комнате, взор потупив, и очень осмотрительно, подробно собирался... О, он ничего не забыл, даже пижаму новую, ненадёванную, к рождению ему купила... Он любил пижамы – я купила, а подарить не успела... В клеточку, мягкую, фланелевую пижаму мужскую, нашёл своим пристальным соколиным взором и унёс... Меня ненавидел, боялся, в глаза не смел взглянуть, скромник, а подарочки из немилых нелюбых рук очень даже принимал...

Денис. Ты никогда не мелочилась, что за поэма о фланелевой пижамке, мам?

Люся. А это образ бегства! Пижама. Образ бегства! Мужчина унёс ее, мягкую, уютную, – чтоб тепло было спать с другими. Ушел навек и унёс. А я три года в депрессии!

Денис. Не понимаю, чего ты добиваешься сейчас? Сейчас вот что тебе нужно, скажи?

Люся (*продолжает*). Но выжила, но выкарабкалась из той пропасти, из той грязной мутной ямы, в которую он меня столкнул... А могла захлебнуться в ней с головой! Так легко пропасть было! А теперь ты???

Денис. Ты добиваешься, чтоб я стал на колени и попросил: отпусти ты меня!!! Дай мне уйти! Дай мне возможность жить! Дышать чистым воздухом бескрайних вольных просторов!.. Вынуждаешь ползать на коленях и умолять: разреши мне жениться, мама! Мама, я вырос, я хочу без тебя! Я что, своего права не имею?

Люся. Вы имеете все права мира – и никаких обязанностей! Но будете наказаны!

Денис. Мама, убери свой прокурорский обвинительный тон!

Люся (*торжественно*). Я тебе не мама! Ты не мой сын, нет, не мой!.. Составил целый заговор, сплел интригу, и мимоходом, у двери, объявляет о какой-то там женитьбе в Питере, где такое страшное метро и можно с ума сойти... А он собирается туда на вечное жительство, с глаз материнских долой, из сердца вон?.. На колени передо мной? Ха! И после этого дни моей жизни должны быть светлыми? (*Подходит к календарю, густо зачеркивает черным число.*) Нет, бесчестного сына я не растила!.. Их не устраивает мой тон! А какой, какой интонацией я должна с вами разговаривать? (*Уходит на кухню.*)

Денис (*вслед*). Это я не должен был с тобой разговаривать, ни словечка! Замолчать навек! Уйди ты из моей жизни! Уйди! Дай мне дышать свободно!.. Я давно понял бесполезность слов с тобой!.. Да, я хочу уйти, уехать, раствориться в другом городе, исчезнуть, хоть в деревне, хоть на Северном Полюсе, только бы от тебя подальше! Кривляний твоих не слышать! От твоих бессмысленных текстов у тебя даже цветы не приживаются, а ты хочешь, чтобы твой сын...

Люся (*из кухни*). Ты не сын!

Денис. Ну не сын, значит, не сын! И прекрасно! И оставайся здесь, живи, а я уезжаю!

Люся (*возвращается*). Нет, ты сын.

Денис (*затыкает уши*). А-а-а-а-а! Надоела! Я больше не слышу тебя! От тебя только и спасенье, что уши затыкать, как в детстве! Видишь, я не слушаю тебя! (*Смеется.*) Ты говоришь, а я не слушаю!

Люся. Прекрати истерику, Деня.

Денис. Не хочу разговаривать! Никогда! Отец плохой, сын плохой... Пусть.

Люся (*мягко*). Вы хорошие. Вы замечательные. Но вы хотите, чтобы я вас понимала молча. Чтоб догадывалась, улавливала, чувствовала-предчувствовала, сны видела и молчала, молчала... Но так не бывает, Дениса. Ты меня слышишь? Услышь меня, потому что люди должны разговаривать, если хотят продолжить отношения. Ты слышишь? Люди должны разговаривать! Чтобы быть понятыми! Если боятся потерять! Должны!

Денис. В книжках вычитала?

Люся (*смеется*). Сама догадалась. В третьем классе училась, и вдруг поняла, открылось: ничего другого не придумано, чем сказать. Сформулировать чувство. Объяснить мысль. И когда я это поняла – а я тихая была, косноязычная, застенчивая, – я встала перед зеркалом и заговорила! Мне было девять лет, и я сказала:

Я красавица! Я роза!
Я бела! Прекрасна так,
Что не вяну от мороза,
И красивее, чем мак!

И началась совсем другая жизнь, понимаешь? Когда я заговорила! Научилась выражать!

Денис. И с тех пор остановиться не можешь.

Люся. Между прочим, Вавилонское столпотворение потому и случилось, что люди перестали понимать, куда какой камень складывать. Стали за пазуху прятать, оно и обернулось разрухой. А так была бы башня до неба, для общей радости и гармонии. А всего-то и нужно: слово сказать, слово выслушать... (*Внезапно.*) Ты правда женишься?

Денис. Женюсь.

Люся. И именно в Петербурге, чтоб от меня подальше? Здесь приличной партии не нашлось?

Денис. С тобой никогда не построишь башню до неба! Да, от тебя подальше! Потому что ты у нас вечная красавица и роза! И можешь в чём хочешь подозревать и уличать!

Люся (*спокойно*). Тебя не в чем уличать. Ты бесхитростный получился.

Денис. А ты вот хитрая!.. Лживая! Надо же, роза она!

Люся. Я хитрая и лживая вместе со своей страной. Как она, так и я. Я работаю. Живу.

Денис. А мне и дела нет. Я сам по себе, пойми. Ну что ты выпытываешь? А понять не хочешь, что мне неинтересно с тобой разговаривать, спорить! Мне важно сейчас одно, и можешь навек запомнить! Через несколько минут я распрощаюсь с тобой. С этой комнатой, с этой жизнью, и уеду с Полиной! Мне интересна только она!

Люся (*помолчав*). Полина. Понимаю.

Денис. Что ты опять понимаешь, что?

Люся (*весело*). Ты у меня романтический дурачок, а тут имя такое – Полина... И ты женишься на Полине из Петербурга!

Денис. Женюсь, да. На Полине.

Люся (*помолчав*). Полина, Полина. Полина из Петербурга. Мне нравится.

Денис. Что?

Люся. Имя нравится. И вообще... Красиво.

Денис (*недоверчиво*). Ты серьезно?

Люся. Я никогда тебя не обманываю, ты знаешь. Если мне нравится, я так и говорю: нравится... И вы с Полиной будете жить... Жениться и жить... в Петербурге?

Денис. Я так решил. Я так хочу, мама.

Люся. А Полина?

Денис. Они меня ждут. У меня прекрасное чувство дороги. И я везу их на машине в Питер, домой.

Люся. Их? Домой?

Денис. Полину и Машу. В Петербург. Они там живут.

Люся. А Маша – кто это? Подруга?

Денис. Дочь.

Люся. Чья?

Денис. Моя.

Люся (*смеется*). Да ты сам ребенок! Откуда вдруг дочь?

Денис. Дочь Полины. И будет теперь моя. Я её полюбил.

Люся. Так ты что, на ребёнке женишься?

Денис (*доверчиво и вдохновенно*). Они, мама, обе – Полина и Маша, обе удивительные, маленькие, хрупкие, беспомощные... Мы на каруселях катались, и Машка прильнула ко мне, такая

живая, теплая – у меня сердце зашлось, будто она без меня в жизни пропадёт, будто она давно моя единственная дочь, будто я её отец и обязан её защищать, понимаешь?

Люся. И Полина без тебя пропадет?

Денис. Полина – настоящая Дюймовочка, такая тоже малышка беспомощная, они как сестры... И хочется защитить, укрыть, помочь...

Люся. Вы... на каруселях познакомились?

Денис. На вокзале. Им надо ехать. А билетов нет, лето на исходе, все едут...

Люся. Вокзал вся жизнь. А что ты делал на том вокзале?

Денис. Я как увидел их – так рот и открыл! Сердце защемило... Показал им Москву, потом отправились на карусели... Втроём, как настоящая семья, мама! Манечка прижимается ко мне, хохочет, визжит, и Полина рядом смеётся, и счастье. И покой... Меня впервые захлестнуло счастьем! Ты представь: они маленькие, и я рядом, как сказочный великан, который может всё! Защитить от сквозняков, головокружений, оградить от холода и ветра... И весь вчерашний день ездил по городу, и думал всё, думал, и сердце дрожало, и я понял, что они – моя семья, я хочу, чтоб они были моей семьей, заботиться о них, работать для них, жить для них... Карусели эти и знакомство наше были не случайно, мама, были для меня задуманы, подготовлены... Я был весь какой-то темный, душный, мутный, а как прижал к себе этих двух девочек, так и ожил, мир так и озарился...

Люся. Понимаю. После одного дня знакомства он прозрел. Безумец. И что, после этих качелей-каруселей ты сделал им предложение? Голова закружилась?

Денис. Да ничего я не сделал – струсил. Испугался. Это я тебе только говорю. Как матери...

Люся. А Полине не сказал, что мир вокруг тебя озарился и зацвел?

Денис. Ну как так сразу можно?.. Сама подумай! Полину я пообещал отвезти на машине в Питер. У неё отпуск кончился, а билетов нет.

Люся. То есть встреченная тобой на вокзальном сквозняке Полина не подозревает, что ты собираешься на ней жениться?

Денис (*испуганно*). А думаешь, откажет?

Люся (*тоже испуганно*). Почему вдруг откажет? Тебе? Откажет?.. Кто же может тебе отказать, Деня? Разве ты косой? Кривой? Пропащий?

Денис. Она согласится, уверен! Ты же знаешь, если я что решу... если захочу, то умею сражаться, побеждать, добиваться своего. Я всё продумал: я её заинтересую, увлеку. Выплесну на них океан нерастраченной энергии... (*Помолчав.*) А почему ты считаешь, что не откажет?

Люся (*решительно*). Я должна их увидеть – Полину и Машу. Немедленно. Как ты мог прятать их от меня целый день, таить, в дом не ввести, будто я враг? Ты боялся, Деня, да? Думал, не пойму про карусель? О, ты плохо меня знаешь! Совсем не знаешь свою маму, которая для тебя готова всё, всё... Я увижу Полину, Машу, и... полюблю их сильно-сильно! Да, полюблю, как ты полюбил. Полюблю, я знаю, я чувствую... Ты ведь покажешь мне их, Деня, да? Покажешь маме?

Денис (*капризно*). Нет, ответь: почему ты так уверена, что не откажет?

Люся (*увлеченно*). Потому что ты молодой. Красивый. Добрый. Смешной. Главное – молодой. Это дар. Она ведь старше тебя, да?.. Не стесняйся, ведь да? Значит, оценит твою молодость, твой темперамент необыкновенный, какого не бывает... У твоего отца был – всех зажигал... Васятка, когда хотел что-нибудь заполучить, весь загорался. В сиянии ходил, как языческий бог. И всегда свое хапал, не упускал, да ещё чужое мимоходом прихватывал – авось пригодится. И уж потом пользовался, пользовался, пока не стухал. Быстро так, как бенгальский огонь. Пах – и стух, а ты стоишь в растерянности и малодушии: не показалось ли? Было ли? Сплошное самодурство...

Денис. А зато с ним радость была, верно?

Люся. Ага. По пальчику мне загибал и ломал: хрусь! хрусь! Видишь, какие руки корявые остались в наследство?

Денис. Опять ты начинаешь?

Люся (*торопливо*). А в тебе вот нет его жестокости. Сплошная нежность, и щемление сердца, и так хочется счастья для тебя! И даже больше скажу: ты меня потряс! Я горжусь! Потому что

жениться на женщине с ребёнком – это поступок! Это много сердца и души иметь нужно, чтобы так вот, как ты... Захотеть прижать... почувствовать... Ты герой!

Денис. Думаешь, она согласится?

Люся. Да если б меня такой, как ты, позвал, я бы на край света! Босиком, ползком, не ела-не пила бы, в железных сапогах, железные хлебы жевать, только б рядом быть!

Денис. Это ты просто пристрастна ко мне.

Люся (*смеется*). Пристрастна, да! Потому что я тебе всё отдала, до последней капли живой крови! Ты единственный оказался любимый мужчина в моей жизни! Я всё же для тебя!..

Денис. Я тебя тоже люблю, ты не думай. Я бываю горяч, кричу. Слепну, обижаюсь несправедливо, срываюсь... я знаю.

Люся. А если любишь – довези до Эрмитажа. Приобщи к сокровищам.

Денис (*легко*). А что? И поехали!

Люся (*счастливо*). Берёшь маму с собой?

Денис. С утра самого интригуешь, я вижу... Только быстрее собирайся. Полина ждет.

Люся (*носится ветром по комнате, собирается*). А у твоей Дюймовочки есть где жить?

Денис. Ну не на телеграфном же столбе она живет с ребенком!

Люся. А муж? У нее был муж или так?

Денис. Она вдова.

Люся. О, даже так!

Денис. Зачем вот ты опять выспрашиваешь?

Люся. Должна же я знать!

Денис. Ты и в машине будешь играть в клуб знатоков? Башню строить?

Люся. Деня, неужели ты меня стесняешься? Ты же знаешь, что твоя мама умеет вести себя как должно, когда нужно... Я же с людьми всю жизнь работаю, презентации всякие переживаю... Если скажешь, я всю дорогу, до самого Эрмитажа, молчать стану... Скажи только... И как скажешь, так и будет! Ты же меня знаешь!

Денис. А зачем ни с того ни с сего о жилплощади вдруг спросила? Как-то нехорошо это, корыстная ты!

Люся. Ну... Вдруг эта Полина на болоте в кувшинке живет? И будем мы как жаба-мать с сыночком вокруг Дюймовочки: ква! Ква! Представляешь, приезжаем в Петербург, там Медный всадник на дыбах, соборы, пропорции, линии, а мы с тобой, как из заколдованной сказки: ква! ква!

Сцена вторая. Петербург

Автостоянка на окраине города. Люся нерешительно подходит к сторожевой будке.

Люся. Можно спросить?

Герц (*выходит из будки, разминается*). Можно. Если знаю, отвечу. Хотя я не справочное бюро, заметьте.

Люся. Я о сером «Москвиче».

Герц. Здесь много серых. А зачем вам?

Люся. Давно жду и совсем устала.

Герц. Бродите вокруг, как красный кардинал.

Люся (*радостно*). Заметили меня, да? Я не хотела в глаза бросаться, наоборот... Вот тут, на лавке хоронюсь. И там, по аллее.

Герц (*сверяется с часами*). Ровно три часа двадцать минут шестнадцать секунд, как я вас засёк. Мелькаете, не слепой. Да ещё в красном. Тревогу вселяете.

Люся. Я вас тоже видела. Вы выходили из будки.

Герц. Разминался.

Люся. Но как-то не решилась окликнуть. Надеялась, обойдется.

Герц. Караулите?

Люся. Вон та машина, рядом с черной. Я подумала: у вас тут работа, документы, квитанции... Когда её заберут?

Герц. Не знаю.

Люся. Но у вас должно быть отмечено, когда. Вы же на работе.

Герц. Работу свою знаю, не сомневайтесь. Только вам не скажу.

Люся (*смеется*). Государственная тайна?

Герц. А то!

Люся. Странно.

Герц. Я мужиков не закладываю. Дело чести.

Люся. Но мне очень нужно!

Герц. Всем нужно, ясное дело. В этом пейзаже просто так никто часами не станет разгуливать, не центр с достопримечательностями. Скука и однообразие.

Люся. Да нет же!

Герц. Охотничий азарт?

Люся (*умоляюще*). Я вам объясню. У меня исключительный случай. Давайте сядем.

Герц (*садится на лавку*). Присесть дело не хитрое. А сказать не скажу. Вдруг ты стекла бить кинешься? А это моя территория. И в мою смену люблю порядок, чтоб ничего такого, никаких исключительных случаев. Притом машина ласку любит.

Люся. Да вы взгляните на меня, разве я похожа на которые стекла бьют?

Герц. А я навидался: как раз непохожие и бьют. Тихонечко так стоят, совсем неприспособленные, в кружевах и ожогах и ранах. Жалкие. Дождутся вот так зябко, когда их мужчина явится, и начинается – крик, визг, демонстрация отвергнутой любви... Ну, когда за космы мужика, ещё можно стерпеть, а машину зачем калечить? Машина-то что сделала? Оттаскай ты его, сама получи в ответ, а в машине душа, машину не тронь... А Герц разнимай. Я во всём порядок привык. Зачем мне?

Люся. Герц?

Герц. Герц Иванович – это я.

Люся. Какое странное имя – Герц. От Герцена, что ли?

Герц. Я привык.

Люся. Про ожоги и раны в душе вы остроумно заметили. А вот косм у нас нет, у нас кудри атласные, и нежная-нежная кожа ранимая, Герц Иванович... Не то что таскать, дышать затрудняюсь... (*Показывает*.) Вон та машина, с московским номером. Вы меня не бойтесь, Герц.

Герц. Я свое давно отвоевал-отбоялся... Гастролер, значит?

Люся. Мы москвичи, путешествие у нас. Мне на работу утром, ехать надо... Видите ли, я очень ответственно отношусь к работе... в журнале для железнодорожников... Договорились здесь встретиться, он обещал, обнадёжил, слова сказал... И... я не знаю, что. Видите, руки дрожат непоправимо.

Герц. Истеричка. Не сочувствую.

Люся. Обстоятельства так свело, а вообще я веселая, Герц.

Герц. Человек должен быть в любых обстоятельствах.

Люся. Я в любых веселая, со мной весело.

Герц. Не заметил.

Люся. Герц! Герц! Герц! (*Хохочет до тех пор, пока Герц не улыбнулся.*) Вот видите! И никто не может устоять, когда я смеюсь, это заразительно получается, правда?.. Меня на работе любят и ждут...

Герц. В Москве?

Люся. Ну да. Если он не появится, мне не найти его в вашем городе, Герц. Я без адреса, без денег бродячая собака, придётся по шпалам в Москву, как Радищев... Разве не смешно?

Герц (*задумчиво*). Хитер мужик... Из Москвы в Питер завёз и бросил? Что-то новенькое...

Люся. И завёз, и бросил! Всю дорогу, пока ехали вон в том, сером, автомобиле, вела себя замечательно, упрекнуть не в чем...

Герц. Старалась? Чтоб весело было?

Люся. Да я тише травы! А как в город въехали, вот сюда, как начались дома, жизнь, метро...

Герц. Так он тебя и высадил? Не взял на праздник?

Люся. Я сама настояла! Не хотела больше, не могла сидеть в машине и молчать, молчать... Я физически задыхалась, меня прямо тошнило от этой жизни и... Вот здесь, на стоянке, оставили машину и разъехались в разные стороны, как чужие, как враги!.. У каждого ведь своя жизнь, правда? И я выскочила из его жизни, и пошла-побрела... В Эрмитаж.

Герц. А кавалер твой?

Люся. Клятву с него взяла, что отвезёт меня в Москву, что бы ни случилось! Договорились встретиться здесь. И вот я здесь стою, а где он? Нет его.

Герц. Клятвы бывают – пустые слова. Как и женщины пустые. Небось, сама навязалась?

Люся. Вы не понимаете: если пообещал быть здесь к десяти – значит, должен стоять! Обещал отвезти в Москву – отвези!.. Вот вы же сами сказали, во всём должен быть порядок! И я считаю, что должен! Во всем!

Герц. Я не люблю, когда на моих глазах война и рушатся судьбы.

Люся. Мало ли, вы не любите – а она идёт. Надо просто ответственно относиться.

Герц. Мужчина всегда прав.

Люся. Никогда!

Герц. Я знаю. Он не может вытерпеть сверх того, что способен вынести. А вы обрекаете. Потому мне тебя и не жалко – как класс. Как врага. У меня к женщинам жалости нет.

Люся. И у него ко мне жалости нет. Как врагу, даже адреса не оставил, где будет жить, в чужом городе! Конечно, я допускаю, он не успел... Я выскочила из машины неожиданно, как огонь, даже не простилась, побежала. Будто меня гнал кто... Со всех ног побежала подальше, подальше!.. Но ты или обещание сдержи, или адрес скажи, где тебя искать!

Герц. Адреса не оставил, чтоб ты не пришла и праздник не испортила.

Люся. Со мной, значит, будни тоскливые, а праздники – с другими?

Герц (*утвердительно*). Враг и есть. Надо на расстоянии держать, не подпускать. Ведь ты для чего мужика ждёшь?

Люся. Мне на работу, в Москву!

Герц. Чтобы испортить, вот для чего... Поэтому и враг.

Люся (*помолчав*). Вам, наверное, от жизни досталось. Если такие мысли.

Герц. Досталось, да. Две жены, и обе злые. Истоптали. Как ни старайся, ни суетись, – всё не так. Пилят, требуют. Претендуют на сочувствие. А Герц терпи.

Люся. Вот видите, вы терпеливый человек. Значит, и добрый.

Герц. Вначале одна доброту заездила, потом вторая. Вторая была тысяча и одна ночь кошмаров. Еле оторвался. Стал один. И понял простую вещь наконец... И как понял, так и началась жизнь, только тогда.

Люся. Скажите, может, и я пойму ту простую вещь? И у меня жизнь начнётся?

Герц. А всё просто: нельзя к вам, женщинам, душой прикипать. С пониманием нельзя, с чувством. Ни верить, ни доверять.

Люся. Понимание каждому нужно, иначе зачем же?

Герц. Потому что если вам доверишься, вы топчете. Убиваете-уничтожаете. Тут один финал – вышка. А надо устроить так, чтоб не вымораживала душу, а собачьими глазами смотрела. Чтоб каждое слово ловила...

Люся (*подсказывает*). Как кость?

Герц. Да! Я проверял! К ноге – и всё тут! Знай, кто хозяин!

Люся. Ногой. Ногой!

Герц. Палкой!

Люся. Раздавить её, гадину!

Герц (*удивленно*). Что?

Люся (*заискивающе*). Вы, я вижу, с опытом, мудрый человек, и имя такое приятное носите – Герц. А я Люся.

Герц. В конце концов, вернулся к матери, на Сенную. Всё им оставил, махнул рукой, утёр слезу и ушёл. Это уже после войны... Мать и накормит, и пожалеет, и промолчит где нужно... Вот разве б мать показала мне руки дрожащие? Да никогда! Тут извините! Это у вас нервы и припадки, а у матери ничего, только чистая родниковая любовь к своим сынам и страх, что убьют... (*Помолчав.*) Мать схоронил, долг отдал. Один живу. Ничего! Стряпать научился, стираю, убираю – порядок. Ничего. Пенсия, подрабатываю опять же... А ласки захочется, тепла и прочей лирики поговорить – пожалуйста! Но унизить меня теперь нельзя!

Люся. К ноге?

Герц. К ноге. И главное, никакой души, всё в себе одном, весь мир, сам по себе, никаких обещаний-обязательств! И ведь как миленькие!

Люся. Карабас.

Герц. Да. С плеткой. И вы – как шёлковые тогда! И даже с благодарностью, потому что умею презирать. А жениться, прикипеть – это, извините, не надо мне вас.

Люся. Барабас.

Герц. До свидания, решайте свои духовные и жилищные проблемы без меня...

Люся. Значит, война?

Герц. Суровость до полного уничтожения!.. Да что рассказывать, сама будто небитая? У тебя у самой такой же. Война.

Люся. Нет, у меня не такой.

Герц (*смеется*). Завёз в другой город и бросил, как кошку. Сбежал. И молодец.

Люся. Он не такой. Он по жизни нежный и беспомощный.

Герц. Мы все по жизни беспомощные. Все нуждаемся. Но скрываем. Потому что не будешь таиться – на шею усядетесь, ножки свесите, всех собак спустите... Я сам, знаешь, какой хрупкий внутри?

Люся. Хрупкий. Уязвимый.

Герц. Души мне рядом хочется?

Люся. Хочется души, всем хочется.

Герц. А подумаешь разве со стороны?

Люся. Невооруженным глазом видно.

Герц. Да ни за что!.. Так и надо, чтобы снаружи одно, а внутри своё, тайное...

Люся. А я скажу – скрыть нельзя! То есть можно, конечно, притвориться, но не до такой же степени, чтоб не разгадать при желании. Я сама перед зеркалом репетирую, с третьего класса...

Герц. Нет, ну посмотри внимательно на меня! Разве о чём догадаешься?

Люся. Сразу видно. Вы вот скрываете, наговариваете на себя, а глаза – в них всё написано.

Герц. И что там написано?

Люся. У вас замечательные глаза, Герц. Добрые. Глубокие, калеченные... ранимые глаза, с тоской. Не глаза, а бездна... Если честно, я, как только увидела, споткнулась на ваших глазах, и ещё на этих вот девичьих ресницах...

Герц (*смущенно*). Ну уж и девичьих...

Люся. Длинных, как крылья бабочки! Ах! Взмах! И пыльца! Что же могут скрыть крылья бабочки? Доброту скрыть нельзя, она, как слёзы, наружу...

Герц. Да нет. Я волк. Одинокий волк. А вы нам капканы расставляете. По всей стране. По всем городам.

Люся. Волки, ха! Да вы знаете, что волки добрые и умные, умнее нас? Я пока по городу вашему в ожидании избыть слонялась, в музее Арктики видела. Там волк стоит и улыбается.

Герц. Так то муляж. Музейный экспонат.

Люся. Мне объяснили, они все такие.

Герц. Какие?

Люся. Улыбчивые. Потому что много пережили и понимают ну буквально всё!

Герц (*помолчав*). В Москву, говоришь?

Люся. На работу завтра. Вы улыбнитесь, Герц.

Герц. А муж у тебя есть?

Люся. А муж меня бросил.

Герц. Все-то тебя бросают. Требовательная очень?

Люся. Что вы! Я давно снизила уровень до пола, никаких требований. Кроме улыбки.

Герц. Но если тебя бросают, значит, с тобой неуютно. Если б с тобой комфортно, никто бы не разбрасывался. От хорошего не уходят, я знаю.

Люся. Значит, если я некомфортная, то пешком до Москвы? (*Поёт*.) «Я буду долго гнать велосипед!..» А?

Герц. Ты у меня спрашиваешь?

Люся. Так больше не у кого, Герц.

Герц. Навязываешься?

Люся. Как сказать...

Герц. И во всём городе никого-никого?

Люся. Кроме вас, Герц. Такое имя странное – Герц. Звучит как герцог, ну, будто не имя, а титул произносишь...

Герц (*после напряженного размышления*). В таком случае, ты будешь долго гнать велосипед, воробушек... Голодная?

Люся. Привыкла здесь. Как из Москвы выехала, так и привыкла, а дорога долгая, 600 километров, ехали и ехали. А я молчала, молчала, чуть не лопнула от безмолвия, аж в ушах шум: у-у-у-у-у! А он веселился за рулем, сиял, везя свой драгоценный груз...

Герц. Я спросил: голодная?

Люся. Наверное. Просто не успела подумать, некогда.

Герц (*строго*). Не перечить! Сидеть!

Уходит в будку. Как только он ушел, Люся вынимает зеркальце, пудрится, подкрашивает губы, улыбается, декламирует.

Люся.

Жили-были три мартышки,
Три мартышки ели книжки.
Мать их, мартышка, нисколько не злилась,
Наоборот – вместе с ними резвилась!
Ангел, видение, будет вам сказка:
Мама попросит у Герца колбаски!

Герц (*возвращается с пакетом*). Будем вместе обедать, раз ты так... свалилась из Москвы.

Люся. Вы не военный командир случайно?

Герц. Лётчик. Но давно спустился на землю.

Люся. Вы так выразительно скомандовали: сидеть! Я и обмерла.

Герц. Понравилось? С вами только так, иначе непорядок... Выпьешь? (*Люся отрицательно качает головой*.) Воля ваша. (*Пьет из фляжки, достаёт из пакета еду, раскладывает*.). Я посмотрел. Кавалер твой утром записался забрать машину, до одиннадцати.

Люся. Значит, помнит и придёт... А я глупая. По всему телу дрожь непроходимая...

Герц. Куда он денется, машина-то здесь? Но не обязательно сегодня.

Люся. Как это?

Герц. Потом доплатит, и нет проблем.

Люся. Выпью, пожалуй, немного... совсем чуть-чуть... Вы не подумайте только… (*Выпивает*.) Такое приятное знакомство, Герц. Спасибо. Ах, да. Я не представилась.

Герц. Красный кардинал.

Люся. Людмила Петровна.

Герц. За знакомство, Людмила Петровна. Воробушек маленький. Крылья-то в дороге помялись, в чужом северном городе.

Пьют по очереди из фляжки, вглядываются в друг друга.

А теперь я тебя кормить буду, галчонок. Открывай рот. (*Люся покорно ест с ложки*.) И что же ты, Людмила Петровна, совсем одна?

Люся. Одна. Как вырастила сына, так он меня безжалостно бросил вчера. Всю жизнь ему, для него... Левая ручка, правая ручка, покажи, малыш... Родимое пятно на левой. Такой свет светлый, чистый такой мальчик, впечатлительный. Чуткий, как ветра порыв. И тошнота... Это наша тайна, но вам я скажу: понимаете, его тошнит от жизни. От страха перед ней. Каждое утро тошнит, когда из дома выходить нужно... И от этого страха и ужаса его заносит, захлёстывает, уже захлестнуло, а никто понять не может, что то от тошноты... Как во время качки, метание такое: туда, сюда...

Герц. Это молодое тело гулять просится, а когда сдерживаешься, дичаешь. Вот и тошнит.

Люся. Правда? Вас тоже так тошнило?

Герц. Сына, пока не женился.

Люся. У вас, значит, тоже сын?

Герц. Один я.

Люся. Ваш сын тоже женился?

Герц. Выпьешь? (*Пьёт*.)

Люся. Выпью. (*Делает глоток, поёт*.) «Нарву цветов, и подарю букет той девушке, которую люблю...» Мой мальчик женится на первой встречной женщине с ребенком, и собирается дарить ей все букеты мира, понимаете?..

Герц. И пусть. Цветов на всех хватит.

Люся. Нет, вы только представьте, что ваш сын от тошноты жизни кидается к первой встречной и женится на ней в другом городе!

Герц. Не будем о моём сыне. Не надо трогать. Все женятся однажды. И твой пусть поживет.

Люся. Как это – пусть?.. Как вы не понимаете, что нельзя наших невинных, наших маленьких сыновей во время этой жизненной качки и неустойчивости так вот... отрывать от матерей.

Герц. Они не давали обета безбрачия.

Люся. Конечно, понять можно. Он красивый, ласковый, с руками, молодой, кожа нежная, прозрачная, дурачок... Кто же от сильного яркого тепла молодой жизни, от свечения откажется? Всякая хапнет ухоженного, отглаженного, начищенного, с неуверенной тошнотой, хапнет и разрушит на твоих глазах! Вы же вот сами говорили...

Герц. Ничего я не говорил.

Люся. А ты сиди и смотри, как его обольщают, и молчи, хотя внутри всё крутым кипятком закипает от несправедливости! Герц, не буду скрывать: я ненавижу эту женщину! Герц, пожалейте меня. Я никогда не полюблю её, я это осознала сразу же!

Герц. Это все матери так: думают, нет достойной пары для их замечательных сынов... А был бы с изъяном, с ранением, ты рада бы любой невестке. Взяла бы в помощницы.

Люся. Она мне не помощница! Она никто, никакая! Я сразу увидела, а он ослеплён, глаза закрыты и не видит, какая она кикимора пошлая... Я с ней десять часов, плечом к плечу, в замкнутом пространстве... и не о чем даже поговорить!

Герц. Ты о себе лучше думай. Ты красивая, яркая, молодая женщина. А сыны сами по себе.

Люся. Не хотите меня пожалеть?

Герц. Я объяснял уже, что волк. Не умею и нужным не считаю.

Люся. Я нуждаюсь.

Герц. Ты запомни на будущее: не люблю, когда меня склоняют и принуждают.

Люся. Все похожи, все одинаковы. Муж мой тоже жалости не знал. Жестокий пьяница был, пил и пил невыносимо, неостановимо. Дениске три годика, а он ему ключицу сломал, представляете? Малыш к нему с бабочкой подошёл, игрушка такая детская, бабочка с яркими подвижными крыльями, на колесиках... Подошёл малыш и ударил его этой бабочкой, в шутку, конечно... Это я научила, чтоб веселее: пойди, говорю, стукни папку по башке этой неземной красотой!

Герц. Бандитка какая.

Люся. Я умею воздействовать на людей. Вот на работе, например: как засмеюсь, так и все хохочут, никто не удержится... (*Хохочет*.) Заразительно, правда?

Герц. Ты уже показывала хохот. Что там с бабочкой дальше стряслось?

Люся. Бабочка, да. Ребёнку три годика, он подходит, маленькую свою ручонку поднимает и легонько так лежащего на диване папеньку по башке: бух! А тот как взовьётся, как схватит дитя,

как заорёт!.. Ключицу сломал! Потом, правда, испугался, на руки схватил, прижал, такси, ночь, больница... До сих пор на погоду болит... Я вот всё думаю, Герц: может, из-за этой сломанной ключицы у него и энергии для жизни нет, а? От этого хребта переломанного, от всех этих ран и ушибов? А теперь эта гадина горло оплела, задушит... И десять часов подряд ей: Полинка то, Полинка сё...Именем заворожила, мымра болотная провинциальная...

Герц (*напрягается*). Полинка?

Люся (*поначалу не замечая его напряжения*). Полина! Полина Виардо, певица такая была, и Тургенев, писатель, из-за неё оказался на всю жизнь при чужом гнезде, у Полины свой дом, и муж, и концерты, и голос дивный, а он умирал в полном одиночестве, и сухотка ела, и спина болела, подняться не мог, лежать не мог... А теперь и мой мальчик! Покатался на каруселях, голова закружилась и... (*Внезапно*.) Я вижу, вам неприятно, что я так осуждаю Полину?.. (*Герц молчит*.) Я, может, лишнего наговорила сгоряча, показалась вам злой?.. Что вы так смотрите? Я вас обидела словами?.. Вы молчите, но я чувствую, как вы напряглись, и даже кормить меня перестали...

Герц (*строго*). Как ты здесь оказалась?

Люся (*недоумевая*) На машине приехала.

Герц. На какой такой машине?

Люся (*игриво*). На летающей тарелке. С соседней звезды упала.

Герц. А кавалер твой?

Люся. У меня нет кавалера, я звезда. У звёзд не бывает. Сейчас ни у кого не бывает. Ни мужей, ни кавалеров. Все врозь.

Герц (*кричит*). Не надо глумиться надо мной! Я запрещаю! Я предупреждал!..

Люся (*испуганно*). Да я нисколечко не смеялась, это у меня голос такой ядовитый, комнатные растения от звука погибают... Я больше не буду!

Герц (*яростно*). Не будешь что? Что ты не будешь?.. Тёртый я, знаю! Ты ведь не случайно ко мне подошла?

Люся. Не случайно.

Герц. Тебя подослали?

Люся. У вас взгляд добрый, я робела, а потом и подошла, спросить... А нельзя было? Вопрос задать?

Герц. Вопросы задаю я, а ты отвечай! Ты все это специально подстроила?

Люся. Что?

Герц. Сама знаешь, не прикидывайся!

Люся (*жалобно*). Просто волк и ягненок какой-то получается... Не понимаю!

Герц. А я тебе объясню, если ты такая непонятливая овца! Ишь, сжалась, не понимает! Я тёртый, я понимаю! Со мной не пройдёт! Пришла, прикинулась, заманивает в сети... Причём до такой степени, что готов был поверить! И даже пожалеть! Но вы себя, Людмила Петровна, выдали!

Люся. Я?

Герц. Себя! Выдала!

Люся. Вы сами виноваты! Кормить стали с ложки, расспрашивать... Я доверилась... Когда тебя ласково кормят так, невольно выложишь всё, что кипит... Хотя я о себе никому, никогда, даже на работе о своём молчу!.. Вы сами позволили быть откровенной и доверчивой... Как в поезде со случайными попутчиками... И теперь сгораю от стыда, что раскрылась!

Герц. Гори, гори, сгори совсем!.. Надо же сочинить: мужик, мол, завёз её из Москвы и кинул одну без средств, голодную! Беспомощной прикинулась! Овца!

Люся (*холодно*). Мне кажется, вам доставляет удовольствие повторять, как я всеми брошена. Вы это уже в третий раз…

Герц. Да я тысячу раз готов! Кому ты нужна такая?

Люся. Я такая вот.

Герц. Лживая! Нарядилась, обольщает, как быка красной тряпкой!

Люся. Насколько я помню, мы с вами не договаривались на «ты». Заметьте, я держу дистанцию, а вы распоясались!

Герц. Потому что я вам действительно поддался. Людмила Петровна. На ваши глаза, и речи, чары и уловки купился. Чуть было не протянул руку помощи навстречу, чуть ключ от собственного дома не вручил с сердцем в придачу, вот до чего у нас с вами дошло, вот что обидно. Уши развесил. Вы так правдоподобно лгали: мальчик с тошнотой и переломанной ключицей, бабочка, ресницы, Полина Виардо, умирающий писатель Тургенев...

Люся. Повторю ещё раз: вела себя неосмотрительно. Доверилась. Каюсь.

Герц. А потом проговорились: никакого кавалера у вас и нет.

Люся. Вам-то что?

Герц. Да мне дела нет! Только в душу ко мне не лезьте таким вот хитроумным способом, иезуитским! Запомните: я никого не собираюсь пускать в свою жизнь, мне и одному очень даже неплохо! Я доволен!

Люся (*царственно*). А мне ваша жизнь и не нужна… Идите в свою будку, лётчик с нелепым именем Герц, и сидите там, соблюдайте порядок на земле!

Герц. А это не ваша забота. (*Собирает остатки еды в пакет*.) И даже имя моё забудьте! Москвичкой прикинулась! Знаем мы вас, москвичек ушлых заезжих! (*Уходит*.)

Люся (*одна, вынимает зеркальце, смотрится*). Хам! Неврастеник! Земной летчик! Имя его забудьте! Да на черта ты мне сдался? У меня жизнь в сыне, никакие Герцы мне не нужны, герцы-мегагерцы-милигерцы... Полина – это имя, да. Полину я не забуду. Это гангрена души. Появилась и всё у меня отняла, всё разрушила, нечем жить... Деня, сынок! Я тут униженная со всех сторон сижу, а ты обо мне... забыл, да? Никогда не забывал, заботлив был, нежен был, добр ко мне, а появилась Полина – и ты забыл? Приворожила? Булавку она тебе воткнула в волосы, что ли? Ненавижу Полину, я её ненавижу... Хоть бы на часок к матери отпустила, сука, так нет же, вцепилась, впилась в молодое необласканное тело... (*В небо*.) Бог, а, Бог! Сделай так, чтоб он бросил эту Полину! Я не хочу её, я чувствую, что будет нам с ней горе... Сделай так, чтобы ничего у них не получилось, чтобы он на ней не женился... А ещё лучше сделай, чтоб она провалилась куда-нибудь! Ты слышишь, Бог?!!

Герц (*появляясь*). Вы ещё здесь, Людмила Петровна? (*Люся молчит*.) Язык проглотили?

Люся. Вас больше не существует. Я закопала в ямку ваше нелепое имя.

Герц. А я живучий. И что вы здесь делаете, обломавшись?

Люся. На лавке сижу. Богу молюсь.

Герц. Ждёте кого?

Люся. Жду.

Герц (*торжественно*). Не дождётесь!

Люся. Не каркайте. Вы не можете знать.

Герц. Потому что нельзя дождаться того, кого нет. Кого вы из своей головы выдумали. Не буду кривить душой – вы, конечно, женщина эффектная, яркая, с фантазией. Если не спохватишься, вы до смерти можете заразить своими сказками, как Шехерезада!

Люся. Это вы говорите, а я молчу. Вы.

Герц. Подозреваю, что и сына у вас никакого нет.

Люся. Как это нет?

Герц. Просто. Вы под мою биографию подстраивались. Приём такой.

Люся. Сдалась мне ваша биография.

Герц. Уж не знаю, кто вам рассказал. Вы и выдумали. И про сына. И про Полину. А на самом деле никого у вас нет.

Люся (*кричит*). Пошёл вон, болван!!!

Герц (*радостно*). Угадал? Угадал! Нет у тебя сына! Никого нет! Ловить меня пришла, а сама же и попалась!

Люся. Не сметь! Сын мой! Мой! Вон он сейчас придёт, и увидишь, окаянный...

Герц. Как же, сейчас на крыльях из Москвы примчится! Ты ведь москвичкой вроде продекларировалась?

Люся (*не слушая его, продолжает*)... какие бывают красивые сыновья! Думаете, он бросил меня и забыл? (*Хохочет*.) Нет, мой сын не из таких! Он чувствует меня, он знает, как я жду, и никакие Полины в мире не остановят его, не задержат в пути... И если я жду своего сына, значит, дождусь!

Герц (*растерянно*). Сына? Ты здесь... сына ждешь?

Люся (*торжествующе*). Сына! Машина-то чья стоит? Наша! Он обещал меня в Москву на работу доставить, когда мы прощались тут вчера? Обещал! Так и будет, я знаю! Мне Бог с неба ответил!

Герц. А я думал – ты кавалера ждешь... Значит, сына? С ключицей? Правда?

Люся. Ха! А ты думал, чужого дядьку? Сына, он мой, он сын!

Герц. Я... да, думал. Ты сама сказала – кавалера.

Люся. Да я сроду мужиков не ждала! Я как царица Тамара – гордая! Никого не жду!.. Не дождётесь, чтобы я ждала!

Герц. Извини… А я так понял, ты на меня глаз положила... Ну, такой способ приблизиться изобрела... Я ведь волк, вот ты и подошла издалека, чтоб не спугнуть...

Люся (*смеётся*). Чтобы я да приехала из Москвы в Петербург на автостоянку обшарпанную жениха ловить?

Герц (*робко*). Ну да. Подумал, выведала биографию мою, подробности жизни, что один, квартира... И явилась.

Люся (*смеется*). А я понять не могу: то с ложки кормил, а потом как разобидится! Раскричится!.. Волчище!

Герц. А что я должен подумать был? Понимаешь, слушаю тебя, и как-то слишком много совпадений... Будто обо мне всё, про мою жизнь... И чем дальше, тем острее... Ну не может же так быть! Вот и заподозрил обман, уловку...

Люся. Да на что вы мне? Разве только сторож машины моей, места встречи с сыном моим...

Герц. А Полина? Откуда взялась?

Люся (*плачет*). На каруселях познакомились, закружились, в один день свершилось, женщина с ребенком, поженятся. Головушку юную слабую околдовала... Булавку вколола, и память потерял, разум потерял…

Герц. Значит, и Полина здесь?

Люся. Да не знаю я, где! Пусть хоть на телеграфном столбе, нам её жилплощадь не нужна. У нас всё своё есть, чужого не надо вовек!

Герц. Ты не плачь, ты что это?.. Не плачь. Слышишь меня?

Люся. Я не плачу. Это так... Тушь потекла. Синяя, как небо... Хожу в вашем Петербурге нечёсаная, немытая, существую, путешествую по закоулкам... Плохо выгляжу, да? Жалкая?

Герц. Ты будешь слушать или тебя по башке бестолковой стукнуть?

Люся. Стукнуть, да... Стукнуть по башке.

Герц. Вот тебе ключ, садись на метро и поезжай ко мне пока, отдохни, приведи себя. Смена кончится – разберёмся.

Люся. Мне ни на шаг отсюда нельзя. Я на карауле.

Герц. Я покараулю, а ты бери ключ и топай. Вот адрес. (*Пишет и подает бумажку.*)

Люся. Я даже не знаю...

Герц. Ты знай одно: молчи. Всё остальное за тебя знать буду я. Согласна? Пенсия приличная, жилье. Не пропадёшь, если прислонишься.

Люся. Это предложение?

Герц. А чего медлить?

Люся. Но я никогда ещё... не прислонялась... Я не умею...

Герц. Ты ещё не жила, воробышек... Отдохнёшь, куплю билет, отвезу тебя в Москву. И не думай ни о чем. Думать буду я.

Люся. А сын? Дениска?

Герц. Не пропадёт, не маленький. Пора оторваться... И потом. Ему сейчас не до тебя.

Люся. А вам до меня? Я вам нужна? Зачем?

Герц. И я тебе нужен, и ты мне нужна. Я потому и разозлился, что уж очень ты оказалась такая... для меня.

Люся. Для вас?

Герц. Такой московский воробышек... по сердцу...

Люся. А сыну я не нужна?

Герц. Ты ему нужна потом. Как надежный тыл. Вместе и обеспечим тыл ему.

Люся (*блаженно*). Я, конечно, утру кровавые раны его своим сердцем, утешу, прижму к себе, как в детстве, вот так! (*Обнимает Герца, плачет, смеётся.*) Вот так, да? К ноге!.. Послушай, а я действительно вам... тебе… так сразу понравилась?

Герц. Смешная ты. И жалко.

Люся. И ты будешь обо мне заботиться?

Герц. С ложки буду кормить!

Люся. А знаешь, я ведь плохо готовлю.

Герц. Я сам тебя накормлю.

Люся. А ты говорил, что волк.

Герц. Все мы волки и волчата... Иди. Как выйдешь из метро, сразу наискосок дом зеленый, вторая лестница, четвёртый этаж. Иди, отдыхай пока. Я скоро.

Люся. А если уйду, сын меня не осудит?

Герц. Ты не его собственность, запомни. Запомни, ты должна жить своей отдельной жизнью. А он – своей отдельной, какая есть... Не щенок на поводке. Пора отпустить. Всё поняла? Ну, ступай. Не думай ни о чём. Я разберусь.

Люся (*благодарно*). Как ты скажешь, так и будет... Я так устала сама, Герц...

Герц. Хочу вернуться домой, и чтоб ты меня встретила.

Люся. Я ушла ждать тебя! (*Уходит и тут же возвращается*.)

Герц. Что такое? Так ты выполняешь приказы?

Люся (*испуганно*) Он идёт! Дениска... Он идёт! Ой, Герц, что делать? Что мне делать?

Герц. Ничего не меняется. Я тебя ночным поездом отвезу, утром будешь на своей работе... Ну, что ты дрожишь?

Люся. Как лист перед травой, как зверь перед охотником... Ты ему пока ничего не говори обо мне, о нас... Я сама!.. Я спрячусь, вот что! И будто мы с тобой незнакомы, и меня здесь не было никогда!.. Пусть не думает, что жить без него не могу, что глаза выплакала... синей тушью крашенные...

Люся прячется. К скамейке подходит Денис. Осматривается, садится. Закуривает.

Герц. За машиной?

Денис. Что? А, да.

Герц. Серый «москвичонок»?

Денис. Да.

Герц. Хорошая машина.

Денис. Хорошая машина уход любит. Помыть надо. (*Уходит к машине*.)

Люся. Видел? Кудри атласные, мальчик мой. Пришёл! Вспомнил о матери!

Герц. И долго ты в засаде сидеть будешь?

Люся. А пусть теперь он понервничает, помучается, как я ждала... Растерялся, что меня нет, ты заметил? (*Счастливо смеётся*.) Я ж говорила, не может он забыть обо мне... Это он только с виду такой суровый, неприступный, а на самом деле... кисель! В детстве стихи мне сочинял: «Жили-были три мартышки, три мартышки ели книжки...» Талантливо, правда?

Герц. Подурачилась, и хватит. Выходи.

Люся. А ты заметил, что мальчик мой невесёлый? Ничего у них с Полиной не вышло, я чувствую! Обычно, когда любовь

обрушивается, человек светом светится-наливается, и на голове корона сияет... А в нём нет света. Да и откуда? Ну, покатались на каруселях. И только.

Герц. Он сам по себе, а ты со мной. До ночного поезда. Я тебя отвезу. Всё уже решено.

Люся. Герц, ты серьёзно делаешь мне серьёзное предложение?

Герц. Тебя за руку вытащить и отшлёпать? Я же тебе ключ дал от квартиры, куда серьёзнее!

Люся (*после паузы*). Я, конечно, человек благодарный, ты не думай, я... Мне на работу завтра, и... Я ведь ответственно отношусь... Нельзя же ребёнка ошеломлять... Как гроза... Ни с того ни с сего в гости к незнакомому человеку до ночного поезда, что он подумает? Мать должна быть непогрешима, как у Цезаря, я читала... (*Выходит из укрытия*.) Ты не вмешивайся, я сама всё скажу, сама... Возьми ключ, и вот, на всякий случай, мой телефон в Москве (*отдаёт*)... Учти, мы незнакомы, я будто только что появилась... Так эффектнее... Ты только не вмешивайся, прошу!.. А, увидел меня... Идёт ко мне сынок мой, свет мой. Волнуется...

Денис (*подходит*). Сколько можно ждать?

Люся (*беспечно*). Давно ждёшь, Дениска?

Денис. Вечность. Поехали.

Люся. А я увлеклась в Эрмитаже, атлантов смотрела, Амура и Психею, малахитовый зал... Всего не успеть за день. Может, ещё погуляем? А вечером поедем?

Денис. У меня дел много.

Люся. А я могу ночным поездом уехать, Деня...

Денис. Тебе на работу, забыла?

Люся. Заботливый! (*Герцу*.) Здравствуйте! А мы... уезжаем вот.

Герц. Слышу.

Люся. Нам просто в Москву нужно. А город у вас замечательный. И люди отзывчивые, и погода прекрасная, и волки улыбчивые, и никаких ненастий... Я благодарна (*кланяется*).

Денис. Ты когда-нибудь сядешь в машину?

Люся. Не кричи на меня!

Денис. Сейчас один уеду, будешь знать!

Люся (*медленно*). Деня, Полина тебе отказала?

Денис. Считаю до трёх!..

Люся. Должна же я знать... Отказала, да?

Денис. Согласилась! Заявление подали! Что тебе ещё рассказать?

Люся (*Герцу, растерянно*). Согласилась, и он такой мрачный... И что же теперь будет?

Денис. Так ты едешь или нет?

Люся (*Герцу*). До свидания!

Герц. Прощайте, Людмила Петровна! (*рвёт бумажку, которую дала Люся*).

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена третья. Петербург

Полгода спустя. Квартира Полины, по всей квартире – воздушные шарики, и под потолком, и на полу.

Денис (*одевается*). Тоскливо как-то... Погуляю.

Полина. Уходишь?

Денис. Если мать позвонит, скажешь ей...

Полина. Вот сам и скажи... Не ходи, Денис. Дождь хлещет.

Денис. Она не позвонит. Гордая.

Полина. Сам позвони. Если так беспокоишься.

Денис. Я не беспокоюсь.

Полина. Всё о ней да о ней, как маленький.

Денис. Зачем мне думать о ней? Мне и без неё прекрасно. Без неё спокойно. Просто знаю её характер... Потому странно, что не звонит. Вот и всё. Ладно, ушёл.

Полина. Там дождь, слышишь, стучит? И ветер.

Денис. И пусть. Душно здесь у тебя.

Полина. У нас, Дениска.

Денис. Как на адской сковородке. Ты хоть духовку выключи. Бесконечные какие-то сухари сушишь... К блокаде готовишься, что ли?

Полина. Потому что холодно, и ветер в окна. А они не заклеены. Давай, пока выходной у меня, утеплимся? Я ухо простудила, совсем не слышу. И болит голова от ветра.

Денис. До Эрмитажа дойду. Полгода живу, рядом, а атлантов так и не видел. (*Напевает*.) «Атланты держат небо на каменных руках...»

Полина. Мы ходили с тобой в Эрмитаж, не помнишь?

Денис. А атлантов не видел. Как заколдованное место. Хочу, а забываю, теряюсь. Мать на один день приезжала, и то видела... Она молодец... Я пойду?

Полина. Да. (*Ложится на диван лицом к стене*.)

Денис. А ты спать?

Полина. А я плакать.

Денис. О чём?

Полина. О том, что я не похожа на твою мать... Мы с тобой почти не разговариваем. Наверное, просто не о чем... Разница в возрасте, другие интересы.

Денис. Я считаю, человек имеет свободу помолчать.

Полина. Если молчание угнетает, то не имеет. Меня угнетает, как ты молчишь со мной, Денис.

Денис. Полинка, я обыкновенно молчу.

Полина. Ты выразительно молчишь, артистично. Будто наказываешь меня молчанием, выжидаешь, как я поведу. А я от этого скукоживаюсь и... болею.

Денис. Хочешь честно?

Полина. Хочу.

Денис. Я думал, ты весёлая. Там, на каруселях, в Москве.

Полина. Здесь не Москва.

Денис (*раздевается*). Хорошо. Если хочешь, давай. Давай поговорим.

Полина. Полгода жду.

Денис. Я скажу. Ты... Ты не весёлая, нет. Мать моя весёлая. Живая, я привык. А ты нет. Она приходит и всё собой заполняет, всё пустое пространство... Понимаешь, с ней интересно.

Полина. А я для тебя неинтересна, да?

Денис. Я тебя хочу постоянно. Я тебя люблю. Не в этом дело.

Полина. Ты нас всё время сравниваешь. Не в мою пользу.

Денис. Не обижайся. Она и кричит, и глупости говорит, и цитаты бесконечные какие-то, но она тёплая вся...

Полина. А я холодная.

Денис. Ты... тяжелая, непонятная для меня, непробиваемая...

Полина. Купи мне шубку беличью. Я согреюсь, стану мягкой и теплой – утонешь в мехах моей нежности.

Денис. Куплю... Куплю, когда заработаю... Но когда ты с таким неудовольствием смотришь на меня, мне хочется скрыться, убежать, не быть!

Полина. Беги. Я тебя не держу. Беги!

Денис. Куда бежать-то? Ты моя жена. У меня и нет никого, кроме тебя... Куда я побегу?

Полина. В Москву, к маме.

Денис. Мне хорошо с тобой, ты не думай. Только дни стали какие-то тусклые. Климат, что ли, у вас тут такой? Небо давит?

Полина. И климат. И Людмилы Петровны рядом нет. Ты не привык.

Денис. У неё есть манера такая – дни раскрашивать красками, дурацкая такая привычка, как отец ушёл... А теперь и думать обо мне забыла, выпроводила в другой город с тусклой погодой, и не звонит, не пишет... Но не в этом дело! Мне с тобой хорошо, Полинка! Помнишь, катались на каруселях, и ты смеялась, и Машка рядом, и ветер брызгал?

Полина. Карусели – одно. А вместе завтракать – совсем другое. Особенно когда в доме булки нет...

Денис. А, вот она, опять разница! У вас, питерских, хлеба попросишь – вы черный подаёте, никогда белый. Белый для вас – булка. Смешно. Булка – это же что-то сдобное, сладкое... Булка! Никак не могу привыкнуть, извини.

Полина. Какая разница, чего нет в доме – нет хлеба, нет булки.

Денис. Да у тебя на три года вперед сухарей наготовлено!

Полина (*настойчиво продолжает*). Если ветер дует в окна, их надо утеплять, понимаешь? Всё просто. А ты бежишь, избегаешь, глаза прячешь... Наверное, я кажусь тебе слишком старой, неромантичной, приземлённой...

Денис. Я люблю тебя.

Полина. Да, я не похожа на Людмилу Петровну, и рада, что непохожа! Сухари сушу, да! Потому что борюсь за существование, за кусок хлеба, или, как ты любишь, булки, потому что никто не подаст, а у меня ребёнок на руках, и дни тусклые, ты говоришь...

Потому они тусклые, что каждый день макароны, макароны, макароны! Людмиле Петровне, может, на это наплевать, а для меня важно и это! Быт, жизнь – как есть!

Денис. Ты меня упрекаешь?

Полина. Я тебе объясняю про тусклые дни.

Денис. Но я же работаю! Разгружаю по ночам!

Полина. Верно. Ты приносишь хлеб, я сушу сухари. И всё?

Денис. Я ищу работу, ты знаешь! Не складывается пока.

Полина. Можно всю жизнь прятаться за чужие спины и искать.

Денис. Хорошо. Я никуда не пойду. Давай клеить окна. Давай, если ты от этого повеселеешь. Если ты так хочешь.

Полина. Я хочу дружной жизни вместе, и чтоб никто не мешал.

Денис. Я тоже хочу вместе! Кто нам мешает? Когда я прихожу из своей булочной, ты уже спишь...

Полина. А что же мне делать? В четыре утра?

Денис. Я разгрузил горячий хлеб, пришёл, весь дрожу, зуб на зуб не попадает, раздеваюсь и ложусь рядом, хочу согреться твоим теплом, быть с тобой... Но ты спишь!

Полина. Разбуди. Скажи ласковые слова.

Денис. Я пытался! Но тебе же нужно выспаться!.. А потом звенит будильник, и ты уходишь... Полина, мне кажется, я схожу с ума! Лежу, как убитый, в этих холодных простынях, и весь день жду тебя, и опять весь дрожу, теперь уже от ожидания... Минуты считаю. А ты приходишь усталая, раздражённая, злая, и опять тебе не до меня, тебе всегда не до меня! Ночью спишь, утром торопишься на работу, вечером усталая и хочешь спать... Такая вот карусель, Полина...

Полина. А пока я в этой карусели кручусь, ты лежишь в своих простынях и демонстративно молчишь, обиженный. И пока я готовлю, кормлю, мою, стираю, ты у нас молча страдаешь, обиженный навек!

Денис (*подходит к окну, начинает оклеивать-утеплять*). Сейчас. Сейчас я заклею все окна, и тебе будет тепло. Спрячемся, закроемся... Полиночка, тебе будет тепло!

Полина. Ты сказал, ждёшь меня с работы?

Денис. Места не нахожу. Жду! Понимаешь, мне вообще тяжело дома одному. Не привык. Всю жизнь мать была.

Полина. Странно. А я думала, ты ждёшь не дождёшься, когда я уйду.

Денис. Почему ты так думаешь?

Полина. Ты такой напряжённый, раздражительный.

Денис. Я всегда такой, с детства... Мать с отцом ругались, дрались, а я переживал.

Полина (*иронично*). У тебя было тяжелое безрадостное детство. Это тяжёлое наследство. Поэтому прижиться не можешь. Как капризное дитя.

Денис. Послушай, давай Машку заберём, а? Обещаю – буду работать, как зверь, пойду трамвай водить или автобус, права у меня есть... Или давай в Москву смотаюсь, машину свою пригоню, буду зарабатывать! Забери ты Марию!

Полина. Ей пока у мамы лучше, чем здесь на макаронах.

Денис. С Машкой мы хоть шутили, смеялись...

Полина. Голодали. Ребёнку нужны фрукты и соки.

Денис. Но я же сказал – пригоню машину из Москвы! Полинка, ну потерпи ещё немножко, я освоюсь! Придумаю!

Полина. Я стараюсь. Кран вон на кухне почистила, как старое золото сверкает, а ты даже не заметил. Как-то все мимо нас. Я терплю, но я уже нахлебалась романтики до тебя, ты знаешь. Хочется уюта и покоя.

Денис. Вот, готово тебе окно! Тебе уютно? Скажи, теперь тебе хорошо, Полиночка? Или опять плохо?

Полина. Ты никогда не повзрослеешь!

Денис. Но ты же улыбаешься – значит, тебе хорошо? Любишь меня, да? Я хороший муж?

Полина. Иногда я думаю – может, тебе в Москву, к Людмиле Петровне вернуться? Она тебя понимает и тонкую душу твою ценит. А мы здесь останемся... Как-нибудь.

Денис. Да ты что? Как тебе в голову пришло?

Полина. Человек должен жить там, где ему хорошо. А с ней тебе тепло и без заклеенных окон. И можно не прилагать усилий.

Денис. Да если хочешь знать, я от матери и сбежал! Я не мог с ней уже! Она погибель моя, погибель!

Полина. Ты не от неё сбежал. Ты полюбил меня и переехал, разве не так?

Денис. Так, конечно же так, Полинка!

Полина. Сбежать от неизбежного нельзя.... Как говорится, не убежишь, так хоть согреешься...

Денис. Что мне до неё? Пусть она не звонит, не пишет, пусть сидит одна в квартире и любуется своим прекрасным портретом!.. Послушай, Полиночка. Ты вот что. Ты не обижайся. Ты мне нужна, ты моя семья, вы обе – ты и Маша. Мы втроём. И ещё родим ребеночка, всё равно, мальчика или девочку, всё равно... Только не повторяй о макаронах! Я накормлю! Всех. Мальчика с кудерьками... Девочку с косичками. Чтоб вот так смешно косички торчали и носик, как у тебя... Мы с Машкой станем колясочку катать, в Таврическом саду, там много детишек, весело, трава зеленеет... Роди мне девочку, а? Я обеспечу, смогу, сутками буду вкалывать, ни в чём нуждаться не будете, купим тебе беличью шубку, чтоб животик зимой не замёрз... Большой, круглый такой животик получится (*обнимает её, целует*), славный такой, живой... Мой...

Полина. Дениска, ты такой... То холод, то жар...

Денис. Холод – это так, нервы. Милая моя, единственная! Родишь мне ребёночка, да? Ты ведь моя? Со мной?

Полина. Я стараюсь. Я... Людмилы Петровны боюсь.

Денис. Так где она, а где мы?

Полина. Образа её боюсь...

Денис. Моя... Моя... Никого, кроме тебя... Ты моя броня, мой смысл, мое всё, без тебя я пропаду... Потерпи, я приживусь, пообвыкну, и будем жить...

Целуются. Входит Люся с огромной сумкой. Она помолодела, расцвела и вся – сплошное сияние.

Люся. Не жизнь, а сплошное целование. Здравствуйте, деточки!

Денис (*раздражённо*). Вечно ты неуместно…

Полина. Здравствуйте, Людмила Петровна.

Люся. Голуби на крыше. Пикассо. Красиво. Полина, вы очень похорошели. Расцвели. Светитесь вся.

Полина. Спасибо.

Люся. Оно и правильно. Человеческие отношения должны развиваться, иначе тупик.

Полина. Они или развиваются, или прекращаются.

Люся. Ну да... Жизнь проходит. В тупике никому не хочется остановиться, хочется качаться на облаках, на качелях-каруселях!

Денис. Что это баул такой огромный?

Люся (*смеётся, будто не замечает суровости сына*). Это не баул огромный, а я маленькая, как воробышек... Еле дотащила. Одежду тёплую тебе привезла, ботинки. Зима, а ты в туфлях и без шапки, замёрзнешь...

Денис. Ничего мне не нужно.

Люся. Обои привезла.

Денис. Какие ещё обои?

Люся. Порядок навести. Я у себя ремонт сделала, ну и вам заодно, пока руки помнят... Увидите, и двух часов не пройдёт, как всё засияет! Я изобрела новый способ, как быстро украсить жизнь!

Денис. Ты когда-нибудь оставишь меня в покое? Прямо наказание! В другом городе достала! Ну зачем ты?..

Люся. В командировку, на конференцию. Соберу тут сплетни, слухи, сенсации – и в Москву, у меня и билет обратный есть. И номер в гостинице, чтоб вас не стеснять. Правильно, Полина? (*Вынимает из сумки рулоны.*) Посмотрите, Полина. Красивые? Недорого и благородно. У меня такие же.

Денис. Когда уезжаешь?

Люся (*смеётся*). Не успела войти, а он уже гонит! Завтра.

Денис. И какие обои?..

Люся. Успеем: вы будете мазать, а я клеить. У меня волшебный клей, мигом все. Да, Полина?

Полина. Красивые обои.

Люся. У меня вкус! Тили-бом, тили-бом, мы украсим этот дом!

Денис (*внезапно бросается к ней, обнимает, подхватывает на руки, кружит*). Мама, мама приехала! Полинка, мы только что говорили о ней, а она вот она – Людмила Петровна приехала!

Люся (*смеётся*). Дошло наконец? Отморозился!.. Не надорвёшься? Не тяжело? Похудел, истаял, как свечечка!

Полина. Он и был свечечкой.

Денис. Почему не звонила? Я так ждал, так ждал!

Люся. Телефон отключили... Пламя хрупкое, синее, а сильный! Ручищи-то!.. Ну, спускай меня с небес на землю, закружил.

Полина. Вы прическу изменили. Вам идет.

Денис. Почему так долго не ехала? (*Отпускает её, всматривается.*) А я забыть успел, какая ты у меня красивая... Духами вкусными пахнешь... незнакомыми...

Люся. Нравится? Подарок.

Денис. Вся какая-то новая, как китайский фарфор, продуманная.

Люся. Жизнь течёт, всё на дыбах, трясусь в разные стороны, интервью, материалы, тружусь... Соскучился, значит?

Денис. А то!

Люся (*нежно*). Где правая ручка? (*Денис показывает.*) Дай поцелую. (*Целует руку, Полине.*) Он левша, по родимому пятну в детстве определял, где какая рука... Вы, Полина, тоже, по-моему, будто похудели? Но вам идёт.

Денис. Расскажи, расскажи ещё, мам! Я люблю тебя слушать, как ты говоришь, голос твой, слова...

Люся. Голос мой ядовитый любишь? И впрямь соскучился!

Денис. Люблю! (*Снова бросается к Люсе. Подхватывает, напевает, танцуют вальс.*) Полинка, вот единственный человек в мире – мать моя, о ком я могу сказать, что она для меня на века! Как памятник! Она ради меня всё: горы свернёт, луну достанет, землю перевернёт-украсит... (*Люсе*) Зачем такие тяжести тащила, сам бы приехал, я и то собрался уже ехать, ты не звонила и не звонила...

Полина. Вы, наверное, устали с дороги, Людмила Петровна?

Люся. И нет. Я в «Красной стреле», бесплатно. Третья власть! (*Смеётся.*) А когда едешь на любовное свидание, не устаёшь! На крыльях несёшься!

Денис (*подозрительно*). Какое любовное свидание? С кем это?

Люся. С тобой. С Полиночкой. С Машенькой. Я ей подарочек привезла, не забыла... Все дети любят подарки. Где Маша?

Полина. Она у мамы моей гостит.

Люся. Гостит? Зачем это?

Полина. У Дениса были сложности с устройством на работу. Город другой, люди, небо, обстоятельства. Мы решили так пока.

Денис. Заберём, она нам не лишняя, ты не думай, мам. Представляешь, папой меня зовёт! Говорит: ты мой любимый папа Дениска!

Люся (*смеётся*). Любимый папа Дениска! Любимый папа должен быть у всех! А ей мишку привезла, мягкого, рыжего, как ты любишь.

Денис. А поесть не привезла?

Люся. Вечно голодный ребенок! Не сообразила, надо было курицу прихватить по пути... Погодите-ка (*роется в сумке*), вот бутерброды... Ешьте! А это газовые баллончики, каждому по штуке, у меня тоже есть... Берите, мне подарили... Для самозащиты, чтоб не так одиноко вечером ходить... Мало ли.

Денис. Ну ты прямо гангстер... До зубов... В Москву охота! Рассказывай, как Москва.

Люся. А ты как три сестры, Деня: Москва, Москва... Небось, смотрите телевизор: подсиживают, интригуют, мафии сражаются, стреляют, мы с баллончиками от страха дрожим...

Денис. Москва для меня – ты. Как ты?

Люся. На работу хожу. Цветы поливаю.

Денис. Цветы? В доме?

Люся. Цветы! Нефролепис, птерис, глоксиния, фиалка узамбарская, гибискус китайский... Помнишь, у нас был цикламен?

Денис. У нас кактус – и тот погиб, не вынес. Я помню, как он скукожился и зачах.

Люся. А теперь я книжку купила и ухаживаю, как по науке положено, как должно! И они растут, цветут, чудо настоящее... Нефролепис, птерис, фиалка узамбарская... Главное – поливать вечером и ласково разговаривать, и чтоб свет и воздух... Гибискус китайский цветёт... Цикламен…

Полина. Вам нравится разводить цветы?

Денис. С чего это такое увлечение вдруг?

Люся. Захотелось красоты, и чтобы зелено и уютно. Во всём должен быть порядок, правда? Цикламен чтобы цвёл… Ты ешь, ешь бутерброд...

Денис. Ешь, Полинка. Мать приехала – она накормит, борща наварит на неделю!

Полина. Я умею варить борщ. Если есть из чего. А если не из чего...

Люся. Тогда варим из топора!

Денис. Мам, Полинка умеет, всё умеет!

Полина. Цветами я не увлекаюсь. По-моему, скучно. По-моему, если старость, то пора разводить цветы в горшочках. Когда себя больше некуда деть и неудовлетворённость невостребованности.

Люся. С цветами не дом, а сад, райский сад. Ковёр из зелени. Зима, снежно, холод, а зато в горшке роза цветёт... (*Строго*.) Надо сходить купить вам продуктов.

Денис. Людмила Петровна волшебница, фея! Всё наладит, всё устроит. Она умеет.

Люся. И денег. Я вам денег привезла. Вот, Деня, возьми.

Денис (*берёт деньги*). Откуда вдруг?

Люся. На меня посыпалось!

Денис. Нет, правда. Где взяла? Опять назанимала?

Люся. Золотым дождём пролилось. Бери, бери. Вам сложно, пока ты тут устроишься, обживёшься. А я на месте.

Денис. Ещё как сложно, мам. Я, знаешь, решил съездить в Москву, тачку забрать. Буду извозом подрабатывать.

Полина. Ты города не знаешь.

Денис. Шубу Полине куплю. Беличью. Как ты мечтала. Заработаю и куплю. И тебе потом куплю тоже... И будет совсем другая жизнь. Заберём Машку, купим новый диван...

Полина (*Люсе*). Когда Денис рассказывает о другой жизни, я не понимаю, что это такое, о чём это он. И не пойму никогда. Жизнь, по-моему, всегда одна.

Люся (*осторожно*). От нас зависит. Можно украсить цветами, а можно заморозить.

Денис. Мам, Полина хорошая, добрая. Кормит меня, заботится... Только не хватает шума твоего, энергии, темперамента... Ведь вот ты вошла, и тебя так много сразу! Духи, цветы, баул, еда!.. Жизнь! Я и Полинке твержу: Полинка, ну оживись ты! Ну хоть голос повысь! Крикни! Разбей что-нибудь!

Полина. Мне кажется, ты навсегда останешься ребенком, Денис.

Люся. Полина петербурженка, Деня. Здесь не кричат, как мы. Всем известно – другая культура. Они в музее живут, им положено контролировать себя, манеры иметь. Спину ровно держать, потому что за их спиной – вся наша культура…

Денис. Полинка, видишь, с Людмилой Петровной не заскучаешь! Сколько от неё радости, чувствуешь?

Полина. Чувствую. И духи замечательные.

Денис. А жизнь она прожила нелегко. И никто ей не помогает, одна.

Люся. Я не одна.

Денис. Спущусь-ка я в магазин, еды куплю, раз денег дали. Что мы, в самом деле, едим, как цыплята.

Люся. У меня за пазухой ещё сюрприз!

Денис (*смеётся*). Как всегда! Факир!... Полинка тебя боится, ма... Ты её разубеди, ты умеешь. Поговорите пока. Мать у меня замечательная, Полинка: все сплетни знает, книжки читает...

Полина. А я давно перестала читать. Устаю на работе, глаза слабеют после компьютера.

Денис. Потерпи, скоро ты не будешь надрываться, я тебя уволю... Мам, я вина куплю, а? Немного красного, как ты любишь. (*Уходит*.)

Люся (*вслед*). Совсем немного, только для радости! Ты не заводись, Деня. Тебе нельзя. Помни пример отца. Пьяное чудовище. (*Полине*.) У Дениски на глазах спивался. Безобразничал с размахом. Травмировал ребенка. Потом бросил нас.

Полина. Денис рассказывал.

Люся (*распаковывает рулоны с обоями, Полина ей помогает*). А Денис всё равно его любит... Вот с этого пустого угла и начнем украшать. Он вернётся, а у нас все изменилось!

Некоторое время работают молча.

Полина. Денис вас очень любит.

Люся. На руках носил! Вальс танцевали... Мы два года не танцевали... Соскучился. Мы ведь никогда не разлучались, всегда вместе, вдвоём, зимой и летом, одним цветом... Как орешек в скорлупке. Как Васятка ушёл от нас, мы закрылись.

Полина. Хорошо, что вы приехали. Он развлечётся.

Люся. Вы целовались, когда я вошла.

Полина. Моя зависимость от него сильна, Людмила Петровна. Я чувствую себя беспомощной. И как с этим бороться?

Люся. Не надо бороться. Надо целоваться как можно чаще, пока молодость. Срастаться. Жизнь быстро проходит.

Полина. Это так тяжело, когда мужчина входит в твою кровь. И ты без него уже не можешь. Не существуешь.

Люся. Но это же всегда взаимно происходит. Он в твою, ты в его. Циркуляция.

Полина. Любить очень трудно. Всё время хочется держать человека в руках. В буквальном смысле. А он ускользает.

Люся. Я, Полина, человек бесхитростный. И Деня тоже. Говорим, что думаем, думаем, что чувствуем. Без подтекстов, словами. А вот вы человек с тонкой душевной организацией. И умная.

Полина. Я не умная.

Люся. И умеете молчать. Это хорошо, что вы умная, Полина. Дениска ведь у меня дурачок, вы заметили? Кидается, вспыхивает. Но зато ласковый, правда?.. Он ведь ласковый, да?

Полина. У него нежная и тонкая кожа.

Люся. Он с детства впечатлительный. И привязчивый. Я рада, что вы так хорошо его чувствуете и понимаете. Ему именно такая женщина и нужна: умная, чуткая, серьёзная. Маяком быть привлекающим... Я рада, что вы появились в его жизни и сможете ввести его в берега.

Полина. А я думала, вы меня невзлюбили.

Люся. Вам показалось, что вы. Вы прекрасная пара! Я заметила, какими глазами вы на него смотрите, как он ответно вам в глаза заглядывает... И целованья эти...

Полина. Он скучает со мной, Людмила Петровна.

Люся. Как это он скучает? Ничего он не скучает... Это от климата, наверное. Климат-то другой, небо низкое....

Полина. Он садится у окна, и молчит, и смотрит, смотрит... А на что там смотреть? Двор-колодец, ни деревца, ни простора, неба кусочек...

Люся. Я и говорю: небо у вас низкое, надо привыкнуть.

Полина. И назвать его глаза не умею, но... страшно становится.

Люся (*беспечно*). А вы отвлекайте его от окна. Гулять ходите. Целуйтесь. Вы же умная, придумайте что-нибудь.

Полина. Я и думаю постоянно... Людмила Петровна, а в Москве он в окно не смотрел?

Люся (*смеётся*). Вы что же, полагаете, мы там без окон, без дверей, как огурцы?.. Ну как же не смотрел?

Полина. Я имею в виду... Такими стеклянными глазами?

Люся. Вы, Полина, тонкий человек... Слишком тонкий для моего понимания. Говорите прямо, если хотите спросить. Я не понимаю! И как у живого человека могут быть стеклянные глаза?

Полина. Это я виновата. У нас не заладилось. С самого начала.

Люся (*торопливо*). Я помогу. Вам сейчас пока трудно материально. Поездом денег пришлю, с проводником, чтоб не голодали, как цыплята.

Полина. У нас любовное голодание, Людмила Петровна. Вот вы говорите: Дениска такой, Дениска сякой, трогательные истории детства, ключица, бабочка, нежный, привязчивый, глаз не сводит, добрый... А он другой. Он закрытый. Все время куда-то убегает, места не находит, прячется. Вроде рядом, а будто его и нет. Как волк на цепи! И я никак не могу выманить его оттуда, где он прячется... И эти глаза, как он в окно смотрит, будто тесно ему, будто воли ищет и вот-вот завоет... Оно не зацеловывается, понимаете? Ни днём, ни ночью. А давит, давит...

Люся. Ну, какой же он волк... Он не волк.

Полина. Волчонок, который остался без матери.

Люся (*помолчав*). Я вижу, вы его любите.

Полина. Люблю, да. Но не справляюсь.

Люся. А когда любишь, стараешься, чтобы было хорошо... Чтобы он всегда прав... Нужно закрывать глаза и прощать.

Полина. Я устала. Потому что всё повторяется.

Люся. Повторяется что?

Полина. У меня был муж. И тоже из дома бежал. Пока не погиб.

Люся. Я вас научу. Все мужчины одинаковы, Полина! Все – дети. Ищут нас, чтобы прильнуть (*смеётся*). Прикидываются волками, а сами дети. Младенцы. Романтики. Абсолютно все.

Полина. Не все. Бывают другие.

Люся. Ну, если вы других встречали, вам повезло. А я не встречала. Мужчине нужно что? Чтоб он на порог, а у нас в скорлупке чисто, прибрано, жратва на столе, подающие руки, в глазах понимание, покой. Чтоб он сбрасывал на нас свои мужские взрослые

проблемы, а мы бы его вдохновляли, утешали, сглаживали, равновесие удерживали. Мужчина – ребёнок, и относиться к нему нужно как к ребенку.

Полина. Да не нужен мне ещё один ребенок, у меня Маша есть. И потом, дети вырастают, а мужчины – нет. А мы старимся в этой борьбе. Вот он сидит и смотрит в окно, а мне страшно! Жизнь проходит, а я вечная нянька в ней?

Люся. Он податливый. Сделайте из него мужчину, Полина. У вас получится.

Полина. Разве с помощью вот этого газового баллончика.

Люся. Это плохое оружие. Женщина не должна вооружаться и воевать, это против голоса природы. Мы должны беречь своих мужей, Полина. Чтоб ни один волос с их головы. Лелеять, нежить. Ухаживать за ними. И если мы будем поливать их по правилам, они распускаются, как цветочки. О, теперь я знаю! Теперь я научилась, как надо, чтобы в мире был порядок. И вы научитесь постепенно.

Полина. Я не хочу постепенно, я хочу сейчас, я живу сейчас! И жизнь проходит!

Люся. Вот и растите сейчас себе мужа, Полина. Поливайте свой цветок. Там благодарная почва, он зацветёт пышным цветом, поверьте. Я вас научу... Я умею теперь...

Входит Денис, вынимает из сумки вино, продукты, ставит на стол.

Посмотри, сынок, у нас почти все готово! Нравится тебе?

Денис. Праздник! У нас сегодня настоящий праздник, да, Полинка? Ты рада?

Садятся к столу, Денис наливает вино.

Люся. Ты себе чуть-чуть, Деня, тебе нельзя... Полине налей полнее.

Полина. Я не пью.

Люся. А я выпью. За вас. Берегите друг друга, заботьтесь, понимайте с полувзгляда-полувздоха... Полина, вы такая красивая

пара вместе! Денис, ты должен изо всех сил беречь свою жену! Она красивая, умная!

Денис. Знаю. Полинка – лучше всех.

Люся. Мне нравится, Полина, что вы не пьёте вина. В доме должна быть трезвость, иначе дом разрушится.

Полина. У меня желудок.

Люся. У всех желудок, а все почему-то пьют. Дениске вот совсем нельзя, у него отец... Дурная наследственность.

Денис. Тебе тоже нельзя. Ты буйствовать начинаешь.

Люся. И мне нельзя... А знаете, Полина, Денис в детстве букву «л» не выговаривал. Вместо «в» произносил: Повина, Повина...

Денис (*подхватывает*). До шести лет. А потом артистом решил стать, как отец... Он у меня талантливый мужик, отец. Спился потом. Я выпивать опасаюсь, чтоб не увлечься, как он... Я ведь на него весь похож, да, мама?

Люся. Однажды прихожу с работы, а Дениска навстречу кричит: лампа! Что случилось? Какая лампа? Разбил? Сломал?.. Потом только дошло, что ребёнок букву «л» говорит, чистый такой звук: лампа!

Денис (*смеётся*). Лампа, да! Заставил себя, и научился, сам. Родителям не до меня было, я сам... А отец был замечательный всё равно. И кое-чему я у него научился.

Люся. Вино пить. Разбудить ребенка ночью и налить ему стаканчик. Для компании поговорить.

Денис. Ага, я выпил, представляешь, Полина? Вкусно было. Только рвало потом.

Люся. Совсем забыла! Я же вам кольца привезла, вот (*роется в сумке*). Вот, серебряные. А внутри имена ваши. Чтоб навек вместе.

Денис. Сюрприз за пазухой?

Люся. Не сюрприз. А просто подарок... Ну-ка, примерьте, Полина... Вы такая молчальница у нас...

Денис. Нет, мам, она бывает весёлая! Да, Полинка?

Полина (*примеряет кольцо*). Великовато чуть-чуть. Потеряется.

Люся. Нежные ручки, как у принцессы. Вы, Полина, вообще вся красивая, гармоничная. В вас сразу влюбляешься. И навек. Теперь я тоже влюбилась в вашу невыразимую словами красоту!

Денис. А что я тебе говорил? Я говорил, что Полина необыкновенная!

Люся. Да, теперь я вижу, что необыкновенная! Именно такая жена тебе и нужна.

Денис. Ты правду говоришь?

Люся. Я всегда говорю... Полина, вы должны беречь свою красоту и гордиться ею. Потому что красота – дар, который вы несёте в мир. Как потрясение для окружающих, как света источник. Для меня. Для Дениски. Для всех, кто к вам приблизится...

Денис. Никому, никому её не отдам!

Люся. Дениска, тебе повезло. У тебя жена и красивая. И тонкая. И нежные ручки.

Денис (*прижимает Полину к себе*). Знаю, всё знаю. Я ценю! И добьюсь! Ты, Полинка, не обижайся: я бываю резким, грубым, взрывным, я знаю... Как отец... Я потом сам же страдаю, как тебя обижу, как будто ребёнка обидел... А ты такая хорошая у меня! Жена моя!

Полина (*беспомощно*). Если бы вы знали, Людмила Петровна, как я завишу от этих перепадов! Как на каруселях: вверх-вниз... Дух захватывает!

Люся. Карусели укрепляют душу, ничего... Я научу, я умею кататься на этих каруселях... Поделюсь с вами всеми секретами... Только живите дружно.

Денис. Две самые мои дорогие женщины рядом – и поладили, и вместе... Нет, Манечка ещё... Немедленно заберём Манечку, слышишь? Папой меня зовет, девочка моя, доченька... Все вы мои доченьки, а я... добрый великан, и так хорошо мне!

Полина. Да. Да. Ты тоже не обижайся на меня. Все получится. Я... буду стараться.

Денис. Мы вчетвером, вместе, семья, и никого больше нам не надо...

Звонок в дверь.

Люся. Наконец-то мой сюрприз!

Денис. Твоя лягушонка в коробчонке во время царского пира, да? Ну, мама, ты фокусница!

Люся. Что же вы? Открывайте дверь, встречайте сюрприз. Или я сама?

Полина. Я открою.

Идет к двери, открывает. Входит Герц.

Да что же это? (*После паузы*). Проходите... сюрприз.

Денис. Мама, я не понимаю...

Полина. Людмила Петровна, вы очень остроумны!

Люся (*счастливо смеётся*). Пришёл! А я в секрете держала. Волновалась, вдруг не получится... Познакомьтесь, это Герц Иванович. Мой самый лучший, самый сказочный друг!

Денис. Твой фотокорреспондент?

Люся. Мой! Единственный!.. Видишь, Герц, он тебя не узнал. А ты боялся.

Герц. Это ты боялась. А я жизни не боюсь, отступать не привык. За спину не прячусь. Тем более за женскую.

Люся (*смеётся*). Витязь! А вот попробуйте угадать, кто у нас Герц Иванович по профессии? Даю подсказку: а) к моему журналу он не причастен; б) я сразу догадалась, кто он... Ты скажи что-нибудь, Герц, чтоб они поняли, кто ты есть.

Денис (*враждебно*). Кто он – у тебя на лице написано, фокусница... Надо было сразу понять...

Люся. Узнал? Тогда молчи, пусть Полиночка скажет... (*Полина молчит*.) Герц, ну скажи им что-нибудь! У тебя хорошо получается!

Герц. Что же вы молчите, Полина? Испугались?

Люся (*смеётся*). Ага! Тепло, тепло...

Полина. Почему я должна бояться? Я вас не боюсь.

Люся. Видишь, какая у тебя храбрая жена, Дениска! Так и надо. Женщина не должна бояться мужской тоски, она должна выжимать её из мужчины... По капле, как у писателя Чехова!

Денис. Я узнал... Вы на лавке сидели, когда я в Питер на машине приезжал, да? Летом зелёным на солнышке грелись, да?

Герц. Так точно. А ты возражаешь?

Люся (*Полине*). Ни в коем случае не бояться, страх заедает до бесчувствия!

Герц. Людмила Петровна, ты не права. Женщина должна бояться. Иначе всё будет нарушено. Весь порядок мира. Так заведено.

Люся. Это мы с Полиной о своём, девические секреты... Мы подружились, правда, Полина? Она меня пленила, она умеет... Герц, садись к столу. Я вас познакомлю. Мы вино пьем!.. Это Полина, замечательная моя невестка. А Дениска... Представляешь, на руках носил, до того соскучился!

Денис. Перестань ты вибрировать!.. (*Люся замирает*.) Откуда у тебя этот глупый смех появился?

Люся. Глупый?

Денис. Глупый и фальшивый: хи-хи! Ха-ха! Хи-хи-хи! Слушать противно! (*Наливает себе вина, пьёт*.) Хи-хи-хи! И речь другая. И запах. Всё чужое.

Герц (*осматривается*). Что-то я не вижу хрустальных бокалов. Вино нужно пить красиво. Водку хоть из стаканов, хоть из банки, но вино...

Люся (*благодарно*). Мне так нравится это в тебе, Герц! Как ты любишь во всём порядок. Нам всем недостает упорядоченности, а ты появляешься, и становится, как должно. Устроитель!

Полина. Хрустальных бокалов нет.

Денис. А почему они должны быть? Всё-таки, пусть если и о порядке говорить, то каждый по-своему понимает. У каждого свой порядок. В одном буфете есть бокалы, в другом нет.

Люся. Герц считает, что общая гармония состоит из маленьких, малюсеньких таких мелочей. В квартире мне ремонт сделал, двигал-двигал, примерялся, менял ракурс – и добился таки уюта! А я цветы опять воплотила, и даже традесканцию, и они у меня теперь не гибнут! Я и орхидеи ещё разведу или что-нибудь такое же нежное... Можно лимоны – и лимоны будут жить! Потому что Герц меня научил всему, научил, как надо... Живу как перед большим светлым праздником: всё на местах, всё блестит, а в душе скрипочки поют – нежно так, благодарно...

Денис. В нашей с тобой квартире скрипочки?

Люся (*смеется*) В душе, Дениска, в душе моей!

Денис. Он что же... Герц этот... у тебя проживает?

Люся. Ремонт сделал, обои новые поклеил... Не знаю, как бы я без него в пустоте...

Денис. Вы что же... И мой письменный стол передвинули?

Люся. К окну. Так удобнее. Правда, Герц?

Герц. Да, стало гораздо светлее.

Денис. Но ты же знаешь, что я люблю свободный подход к окну! И терпеть не могу, когда роются в моих вещах! Могла бы хоть угол мой оставить в покое! Угол!

Герц. А мы ликвидировали все углы. У вас всё из углов состояло, а теперь стал дом для жизни.

Денис. «Мы»! Они называют себя «мы»! Да кто вы такие, чтобы трогать чужое?

Люся. Деня, не заводись. Ну что плохого? Мы только ремонт. Чтоб чисто было.

Денис. Чистоту вдруг полюбила, да? Не любила, не любила, разбрасывала всё, раскидывала, а на старости лет взяла вдруг и полюбила?

Герц. Она не старая для жизни.

Денис. Старая! Старая! Старая!

Люся (*после неловкой паузы*). Пусть и старая. Но именно теперь я научилась, как сделать человека счастливым. Дать ему что-то такое важное, что помогает жить.

Денис. Когда всё стерильно, как в операционной, это, по-твоему, счастье? Какие страшные перемены в тебе случились!

Люся. Раньше мир вокруг был в порядке, а теперь война, разруха, грязь, нищие в переходах... Хочется, чтобы хотя бы в собственном доме, в скорлупе этой был порядок и цвела гармония. И не только у меня, но у всех, у молодых и старых, у каждого чтоб всё, как положено: тёплый очаг, уют, дом без острых углов, цветы... Помнишь, сам же учил меня: проснулся – скажи «доброе утро».

Денис. Как прекрасно вы устроились! Ладно, раньше в жизни был порядок изначально, и вы в нём жили. А у нас порядка нет изначально! У вас идеалы и разговоры на кухне, а нам – ненормированный рабочий денёк, и не из высоких идеалов-пристрастий, а ради денег, чтоб не унизительно было жене и детям в глаза смотреть. Работай, работай, работай! Так? А жить когда?

Герц. Вы молодые, всё ещё будет для вас. Правда, Полина?

Полина. У меня уже всё есть, спасибо.

Денис. Хорошо, мы молодые. Перед нами пути-дороги. Кто поудачливее и побашкастей – в бизнес, дело своё заводит... ну, неважно, можно до смерти извозом на хлеб для продолжения жизни добывать, я машину люблю. Пусть так, согласен. Но если мы все, молодые, займёмся бизнесом, извозом, обслугой – все, всё поколение как один, то кто будет покупать и кого мы станем возить? Вас? Так вас нам не надо!

Герц. Я и не завидую молодости. На вас все новшества и эксперименты. Хотя уверен: вы что-нибудь придумаете, найдете выход из этой западни. Быть не может, что выхода нет.

Денис. О порядке рассуждаете, а разве порядок, что вы матери так голову морочите?

Люся. Он не морочит, Деня. Он заботится обо мне.

Герц. Людмилу Петровну я ничем не обидел и не обижу. Сам рассуди: должен же ей кто-нибудь помогать. Я помогаю. Одной трудно быть. Вот и Полина скажет. Хрусталь бьётся, а купить некому.

Денис. Людмила Петровна всю жизнь одна, и ничего!

Люся. Я не одна, мы вдвоём всю жизнь, Дениска!

Денис. Ей не трудно справиться, она умеет!

Герц. Но всегда хочется найти опереться на кого. Я прав, Полина?

Денис. У Полины есть я! Что вы лезете к Полине? У Полины всё прекрасно! (*Люсе*.) И смех твой новый меня просто раздражает... Неловко за тебя.

Герц. Матери стыдиться нельзя.

Полина (*внезапно*). Хрусталь бьётся, да. А купить некому. И не только хрусталь, и не только в нём дело. И... пожалуйста, ешьте. Можно выпить вина.

Люся (*с облегчением*). Действительно, давайте выпьем вина... (*Герц ухаживает*.) Полине не наливай, она не пьёт.

Полина. Отчего же. Выпью.

Люся. Герц всегда говорит мне смешной тост: со свиданьицем!

Полина. Со свиданьицем.

Денис. Если мама хочет, чтоб ей помогали и чтоб она не одна...

Люся (*смеется*). Я очень этого хочу, ежечасно, ежесекундно!

Герц. Все женщины мира хотят. Вы ведь тоже, Полина?

Полина (*с вызовом*). Разумеется. (*Люсе.*) А я разгадала ваш смех. Вы смеётесь, как смеются любимые женщины.

Денис. Я не возражаю.

Герц. Спасибо.

Денис. Нет, я даже... Рад, да.

Люся. Вот видишь, Герц, он согласен!

Денис. Меня только удивляет, что, оказывается, вы давно уже... помогаете ей справиться с одиночеством. А я один, как чужой посторонний, не знаю ничего, беспокоюсь, почему она не звонит. А она просто влюбилась и забыла, что у неё есть сын.

Люся. Сын! Мой! Как я могу забыть?

Герц. Взрослый женатый сын, который содержит свою отдельную семью.

Денис. Не успел освободить помещение, как вы всё переставили, изменили, угла лишили... Странно как-то. Скоропостижно. И считаете это в порядке.

Герц. У тебя есть возражения? Предложения?

Денис. Да нет... наверное, ты хороший мужик, Герц Иванович. Стратегический. Основательный.

Люся. Очень даже основательный!

Денис. А поскольку Людмила Петровна мне не чужая тётка на улице в берете, я не люблю, когда её притесняют. Тут уж извини! Тут я очень даже возражаю!

Люся (*ухаживает за Герцем*). Ты, Дениска, не бойся теперь... Ты видишь, он славный. Надёжный. За ним, как за крепостной стеной – такой покой и уверенность. И думать ни о чём беспокойно не надо.

Денис. Что я, не понимаю? Понимаю. Сын мешал, ты его женила в другой чужой город подальше от себя, сама не совсем ещё старая старуха, и с квартирой. Бабское счастье короткое: ещё года два, и на тебя никто не позарится, никому нужна не будешь, надо торопиться, хватать... Я понимаю.

Люся. Все понимает, милый! Дай я тебя поцелую. (*Целуются.*) Герц, Полина, видите, какой он добрый мальчик у меня, вырастила, и всё-то он понимает, всё!

Денис. Полинка, посмотри, как Людмила Петровна кормит своего мужчину! А ты сидишь, как каменная глыба... Можешь вот так же покормить меня?

Полина. Нет, я так не умею.

Герц. Вырастешь, поймёшь, что почем – и за тобой ухаживать будут.

Денис. А, заслужить надо, да? Дождаться, когда голова лысеть начнёт, а тогда уж грянет, да?

Люся. По-моему, мой сын меня немножечко ревнует...

Герц. Не просто ревнует – оскал показывает, так бы и разорвал.

Люся (*подходит к Денису, оглаживает, шепчет что-то*). Дениска добрый, Дениска не ревнивый, Дениска пригласил меня на танец.

Танцуют; в танце увлекает его на кухню. Герц и Полина, оставшись одни, некоторое время молчат.

Герц. А где Маша?

Полина. У моей мамы. Зачем вы пришли? Думаете, мне приятно?

Герц. Думаю, тебе очень неприятно.

Полина. Вот и не надо было.

Герц. Три года ты была безутешной вдовой, не способной выслушать.

Полина. Я и теперь не собираюсь ничего обсуждать. Ни с вами. Ни с кем. Никогда.

Герц. Но сейчас ты уже не похожа на убитую горем. Тебя неплохо утешают, как я погляжу?

Полина. Вам-то что?

Герц. Я всё думал: как она сможет жить после всего. После того, что случилось.

Полина. Не знаю, что вы там себе думали. А выживала я одна, с ребёнком на руках. Коркой никто не поделился. Я сама.

Герц. Полина, дело в том, что я всё знаю.

Полина. Что?

Герц. Я знаю, кто убил моего сына.

Полина. Мне это безразлично.

Герц. Я давно хотел прийти и сказать. Даже не прийти, а встретить тебя случайно на улице, в метро, в парке, посмотреть в глаза и сказать: я всё знаю, Полина.

Полина. Ну, если вам так хочется, говорите.

Герц. Это ты убила моего сына.

Полина. Вы прекрасно знаете, что его убили в поезде хулиганы.

Герц. Да. *Так* ты его не убивала. Ножом его ударили хулиганы. В поезде, в вагоне. Но почему он оказался в том поезде?

Полина. Он ехал ко мне. Домой.

Герц. Он ехал с тобой разводиться, Полина. Да, он любил тебя и Манечку. Но вы ведь не могли больше вместе, да? Ты такая маленькая и хрупкая, о тебе хочется заботиться, прижать к себе, не отпускать... Ты обманула его, Полина. Потому что когда к тебе подойдёшь очень близко, оказывается, что никакая ты не хрупкая, а стальная и холодная, как острый нож. Настойчивая. Агрессивная... И когда он приблизился и беспомощно понял это, ты его убила. Он хотел от тебя нежности, тепла и покоя, а ты не могла ничего этого дать, потому что не способна ни о ком заботиться...

Полина. Вы забываете о Маше.

Герц. Да, ты родила ему Манечку, но вас это не укрепило, наоборот, ты стала его шантажировать, выгонять, не пускать к дочери... И эти его путешествия по городам, этот разъездной бизнес… Ведь он зарабатывал деньги, чтоб хоть на час, хоть на минутку купить, выторговать у тебя немного любви, так?

Полина. Какую нежную и трогательную историю вы рассказали, прямо невольная слеза катится... А известно ли вам, что он меня бил? Настоящими своими тяжёлыми ручищами? По почкам? Не говоря уже о словесных оскорблениях!

Герц. Думаю, ему хотелось разбить твой лёд, твое великолепное бесчувствие... Увидеть, что ты живая.

Полина. Я живая!

Герц. Да живи ты, я ничего... Я просто хотел сказать, что всё знаю. Чтоб ты знала, что я знаю. Вот и всё.

Полина. Не всё. Пусть я холодная, расчётливая и от меня надо спасать людей. А если так надо, то почему вы не пришли и не спасли своего сына? Почему, кроме меня, он был никому не нужен?..

Герц. Ты знаешь, где я был.

Полина. Да, вас не было рядом, вы воевали за мир в мире где-то за пределами, за рубежами, а его убили здесь! Без войны! Какой в этом порядок?.. Почему вы его не уберегли, если вы

такой сильный и умный, опора слабым и поддержка? Почему сын ваш, как колючка безродная, по жизни мыкался?.. Молчите? Только и умеете обвинять! И называете это порядком жизни! А я не убивала, не убивала, не убивала вашего сына!

Герц (*удивленно*). Нет, конечно, ты не убивала.

Полина. И я живая! И буду жить!

Герц. Я не против... Живи.

Полина. А вы пришли мне помешать!

Герц. Что ты, живи... Я понимаю.

Полина. А Дениска – мой! И мы будем вместе! И ни вы, ни Людмила Петровна, никто у меня его не отнимет! Я не отдам! Мы ребёнка родим! У нас будет семья, и двое детей, и мы их будем растить и учить музыке на скрипочке!.. И мне безразлично, что вы думаете обо мне!

Герц. Никто и не собирается отнимать у тебя твоего…

Полина. Вот зачем вы пришли и мучаете нас, Дениса дразните, провоцируете? Рогатые олени! Он мечется, места для жизни не находит, а вы ведёте, как хозяева жизни!

Герц. Ничего я не провоцирую. Это совпадение, что Людмила Петровна со мной встретилась. Ты не думай, у нас всё честно... Закономерно.

Полина. Какая честность – слабого обижать? Вы же видите, он маленький сын, видите, как он любит Людмилу Петровну – и дразните его!

Герц. Нельзя всю жизнь за юбку матери держаться. Ей тоже жить хочется.

В это время на кухне параллельно идет сцена Люси и Дениса.

Люся (*нежно*). Ты что, дурачок, обиделся? Разве можно на маму обижаться?

Денис. Почему раньше не сказала про Герца?

Люся. Так сюрприз же!

Денис. И не обиделся, а стыдно за тебя.

Люся. Стыдно? Чего же тебе стыдно?

Денис. Как ты сидишь и заискиваешь перед ним! Ты с отцом так не была, ни с кем не была... Кормишь его, сюсюкаешь, взгляд ловишь... Как рабыня.

Люся (*смеётся*). Это сладкое рабство.

Денис. И смех этот дурацкий! Шамаханская царица. Хи-хи-хи, ха-ха-ха! Весь насквозь фальшивый, и вся ты фальшивая, вот что. Ты была человеком. С тобой поговорить можно было, а теперь? Прикинулась бабёшечкой и сидит, с ложечки кормит чужого лысого дядьку!.. Это не ты, мама!

Люся (*скромно*). Это я.

Денис. Не узнаю. Понимаешь, гляжу во все глаза и не узнаю... Лживая, фальшивая... Может, ты и замуж собралась?

Люся. А ты против?

Денис. Значит, вон как далеко зашло.

Люся. Ты возражаешь?

Денис. Да мне дела нет! Только чтоб мне вас не видеть никогда! Не надо вот мне демонстрировать, как моя мать неизвестно перед кем унижается и пресмыкается!

Люся. Какой ты смешной. Да ни за что. Мне приятно, когда ему приятно.

Денис. И живите. Мне-то что? Ты там, в Москве, я в Питере!

Люся. Спасибо, родной.

Денис. Мы с тобой теперь каждый сам по себе... Угол мой разорили, окно загородили... Живите, пользуйтесь... Я только съезжу в Москву, даже в дом заходить не буду, порог не переступлю... В гараже тачку заберу, и – свободна! Хохочи себе, сколько выдержишь!

Люся. Я знала, ты меня не осудишь. Ты хороший.

Денис. А то! Заберу машину – и к Полинке. Буду здесь вкалывать. У меня жена, дочь. Манечке витамины, фрукты нужны, воздушные шарики... Видишь, сколько я ей шариков уже купил?

Люся. Ты добрый. Я горжусь тобой.

Денис. Ты в гараж не ходила, не проверяла, как там? Без машины мне нельзя: Полина меня разлюбит. Да и соскучился по ней. Лучший друг, последний мой друг... Да, надо ехать в Москву.

Люся. Хочешь сюрприз?

Денис. Не надо больше.

Люся. Выгляни в окно.

Денис. Хватит. Один сюрприз ты уже преподнесла.

Люся. Вон, стоит твой друг, твоя красавица, любимица твоя... (*Денис изумленно смотрит на неё. Люся смеётся.*) Так мы же на машине и приехали!

Денис. Приехали... на моей машине?

Люся. Она барахлила, а Герц её разобрал всю, починил, подправил, как новенькая стала...

Денис. Он... трогал... мою машину? Разобрал?.. И ты допустила? Да кто вам позволил? По какому праву вы так со мной? Что за подлость такая? Пришёл оккупант, ограбил, забрал мать, дом, машину... У меня же ничего своего не осталось! Может, он и на Полину глаз положил? А?

Люся. Никто не претендует, Дениска. И перестань драматизировать, не кричи на все этажи.

Денис. Меня лишают всего, грабят, а я молчи? Сиди с ним за одним столом и наблюдай, как тебя раздевают?

Люся. Ты просто яростно ревнуешь!

Денис. Я не хочу, чтобы Герцы распоряжались твоей жизнью! И моей! Ишь, присосался... Ты давай, выбирай: я или он! И если ты с ним, то у тебя больше нет сына, запомни!

Люся (*быстро*). У меня есть сын!

Денис. А если есть у тебя сын, тогда иди и скажи ему, пусть уходит. Пусть вынимает из своих поганых рук ключи от моей машины и катится отсюда, поняла? Или я, или он!

Люся. Ты, конечно, ты!

Денис. Ты все поняла?

Люся (*после паузы*). Как ты скажешь, так и будет.

Возвращаются к Герцу и Полине.

Герц!

Герц. Да, моя радость?

Люся. Герц, ты должен уйти.

Герц. Куда?

Люся. Навсегда. Мы расстаёмся.

Герц. Ты это только сейчас придумала? А... За тебя решили.

Денис. Она подумала.

Герц. Помолчи!

Полина. Денис, зачем ты?

Денис (*Герцу*). А ты не командуй. Видали мы командиров.

Люся. Герц, я всегда предупреждала, что у меня сын!

Герц. Ты так это произносишь, будто во всём мире у одной тебя сын. А мы... безродные колючки.

Денис. Не сметь оскорблять мою мать!

Герц. Это он тебя вынуждает?

Люся. Да... Нет. Я сама. Ни к чему нам.

Герц. Одна ведь останешься, Людмила Петровна. Пробросаешься.

Люся. Сегодня у ребят заночую, а завтра Дениска проводит в Москву... У меня собака у соседей некормленая и цветы... Я почти физически слышу, как они меня зовут: «Люся! Мы есть хотим! Мы пить хотим!» Мы, Герц, с тобой не должны...

Герц. Это мы *им* ничего не должны. Мы *им* все долги заплатили. На зубок положили, чтобы они – кусь! Пусть теперь сами. Пойдем! (*Пытается её увести, Люся растеряна.*)

Денис (*напряженно*). Мама!

Люся (*плачет*). Ты иди, Герц, один... Наводи в мире порядок. А я с детьми... Моё путешествие закончилось... Долгое такое путешествие, как сон... Я спать хочу.

Денис (*гордо, в своём праве*). Моя мать никогда меня не предаст! Я никому не позволю её обижать, никогда!

Герц. Да никто, кроме тебя, её и не обижает... Ладно, Людмила Петровна... Не ваша воля... Не виноваты вы ни в чем, раз так.

Денис. А ты думал, за тобой побежит? От сына откажется?

Герц. Я думал, ты взрослый, а ты маленький мальчик с игрушечной бабочкой... Прощайте, Людмила Петровна. (*Полине, ласково.*) Ты живая, Полина. Живи. Береги себя.

Денис. Полинка, что ему от тебя нужно? Он к тебе приставал?

Герц. Нужно мне только от тех, кто в моём вкусе. А чужого мне не надо.

Денис. А мать моя в твоём, да? Думал, отломится попользоваться? Думал, её защитить некому?

Герц. Да, мне всё в ней дорогое, всё по сердцу. Кроме тебя, волчонка.

Люся. Ты иди, Герц. Иди. Не надо разговаривать.

Денис. А я и не собираюсь тебе нравиться. Кто ты такой? (*Бросается на Герца, получает ответный удар, падает.*)

Люся (*кричит*). А-а! Вы что же это? Ты... сына моего ударил? Гадина какая!

Герц. Пусть проснётся, оглядится вокруг, ногами о землю обопрётся. Понимать научится. Пора!

Люся. Не сметь! Не сметь! (*Хватает газовый баллончик.*)

Герц. Сердечная вы женщина, Людмила Петровна. Ласковая. С вами как на облаке летаешь.

Уходит. Люся бросается к Денису.

Люся. Больно тебе? Сильно он тебя ударил?

Денис (*поднимаясь*). Козёл! Видела теперь?.. А ты всем веришь, все у тебя хорошие, дура ты доверчивая... Нужна ты ему, как же! Попользоваться только чужим!

Люся (*суетится вокруг Дениса, они ведут себя, как в первой сцене первого действия, будто ни Полины, ничего не было*). А думаешь, он мне нужен? На облаке он со мной летал! Да он не стоит мизинца...

Денис. Повтори.

Люся. Он будет на моего сына руку поднимать, сволочь такая! Да я его ненавижу! Надо было газовым баллончиком в бесстыжие глаза!

Денис. Видела, как он поспешно? Потому что понял, что я раскусил его замыслы! Сбежал!

Люся. И пусть себе убегает! Догонять не собираюсь!.. Не больно? Давай руку разотру, компресс... Ты приляг, сынок, ты устал... (*Укладывает его на диван.*) Может, врача? Нет ли сотрясения?.. Такие травмы ребёнку, вечные раны... Только и умеют, что раны наносить, зачем они нам? Пусть все уходят, а мы вдвоём, я тебе помогу, я тебя спасу... (*Ложится рядом.*) Покажи ручку, не больно? А левую?.. Сынок мой, Дениска мой драгоценный... Не надо было нам уезжать из Москвы, жили бы и жили...

Денис (*спохватываясь*). Полинка, этот Герц поганый тебя не обижал? Не приставал?

Люся. Такие, как он, не пристают. К таким сами булавкой пристегиваются.

Денис. Так я и подозревал, что ты сама навязалась. Сама? Навязалась?

Люся. Я? Да он у меня... В ногах лежал! Клятвы разбрасывал!

Денис. Утешитель нашёлся, помощник одиноким пожилым тёткам!

Люся. А я не нуждаюсь, правда? Я ему так и сказала: у меня единственный любимый мужчина в жизни – сын!

Денис. А зачем сюда притащила козла?

Люся. То была игра. Всё игра, развлечение, от начала до конца... А ты всерьёз? Неужели поверил, будто я...

Денис. А плакала зачем?

Люся. Фокус. Слёзы были ненастоящие. Фокус-покус, игра воображения, обман. Иллюзия. Единственное настоящее моё – ты.

Денис. И Полина. И Манечка.

Люся. Конечно, и Полина, и Манечка. Всё остальное пустое, как резиновый мячик... Помнишь, Васятка купил голубой мячик, как небо?.. Ты с ним даже ночью не расставался, так дорожил, так берёг...

Денис. Полинка, иди сюда, ложись.

Полина не реагирует.

Люся. Идите к нам, Полина, я вас обниму, мы прижмёмся, согреемся и уснём... Устала, спать хочу. И вы спите. Мы спасёмся, я знаю.

Денис (*капризно*). Расскажи сказку!

Люся (*кротко*). Жила-была девушка, и все её любили...

Денис. Принцесса?

Люся. Просто красивая девушка. А злой колдун позавидовал, что всеми она любима, и превратил черными своими чарами в белую лань. И стала она жить ланью, по лесам, по полям путешествовать... И такое это оказалось долгое путешествие... (*Умолкает*.)

Денис. А дальше?

Люся. Пришёл охотник, хотел убить, вдруг видит – перед ним не лань вовсе, а девушка красоты необыкновенной, как царица Тамара. А это колдун заколдовал так, что трижды лань может спастись, опять стать девушкой, но если три раза обманется в любви, то уж навек останется ланью путешествовать по жизни... (*Умолкает*.)

Денис. Мам, не спи!

Люся. ...И вот охотник увидел девушку-лань, пленился красотой, женился на ней... Она ему сына родила, пригожего такого да хорошего ребеночка... И стали жить. А потом он разлюбил её и бросил. И она опять стала ланью.

Денис. А сын?

Люся. А сына колдовство не касалось, он сам по себе, сам и отдельно отправился в странствия судьбу пытать...

Денис. А она?

Люся. И вот она опять белою ланью скитается. Второй охотник был настоящий принц с нежной кожей, поэтому не захотел в итоге жениться на лани, ему подавай принцессу из соседнего королевства... И вот настал час третьего охотника... А лань уже изнемогла в пути и поисках, похудела, подурнела, нервы сгорели в борьбе... (*Умолкает*.)

Денис. А дальше? Мама!.. Спишь?.. Вечно на самом интересном засыпает, всю жизнь... Никогда до счастливого конца ни одной сказки не скажет, рухает в сон... Полинка, иди сюда, что ты там одна?

Полина (*с расстановкой*). Я давно одна.

Денис. Я хочу, чтоб ты была рядом, как белая лань. Всегда рядом. Хочу, чтоб ты всегда была моя.

Полина. А я не хочу.

Денис. Шутишь?

Полина. Нет, обдумала. Не хочу.

Денис. Как это? Хотела-хотела, а теперь вдруг? Что случилось? Почему?

Полина. Потому что ты не муж, а вечный мамин сын. Ты только для неё создан, а она – для тебя. Вас двое в мире, и больше никто вам не нужен! Зачем вы сюда понаехали? Если вам никто не нужен?

Денис. Неправда, ты мне нужна... Я твой муж, мы семья!

Полина. Нет. У вас с Людмилой Петровной неразрывная семья на двоих, а люди вокруг только мешают вашей любви и привязанности друг к другу.

Денис. Никто нам не мешает, кто нам может помешать?

Полина. Кто поближе подойдёт, того вы и топчете! Вам без разницы. И даже не замечаете, потому что всё для вас игра, фокус-покус...

Денис. Ты нужна мне, Полина! Нужна!

Полина. А если мы вокруг и нужны вам, то только как подпитка – подпитать вашу на двоих великую любовь, сына и матери, матери и сына... Вы больны этой любовью, она вас выела!.. И ты никого не видишь, кроме Людмилы Петровны, потому и глаза у тебя такие слепые... Волчонок!

Денис. Ты мать мою не обижай, а то ведь и ударить могу сгоряча! Она о тебе заботилась, забыла? Кольцо подарила! А ты вот как? Белая она лань!..

Полина. Да не надо мне вашего ничего! (*Снимает кольцо, бросает*.) Возьмите всё, только уходите отсюда! Уходите, уезжайте!

Денис. Ты... выгоняешь меня? Куда? На улицу, как приблудную кошку?

Полина. В Москву! К маме! Вместе с мамой!

Денис. Я... ударю тебя, замолчи.

Полина. Ударишь, укусишь, да! Ты кусачий. Всех покусал, кто приблизился к тебе и к Людмиле Петровне... Приехали, всю радость из дома выдули!.. А у нас климат другой, у нас дожди и тускло, неба и так не видим из-под зонтиков, а тут ещё вы загораживаете!.. Живите вдвоём, посторонитесь, не подходите к людям! Не раньте нас! Раны – это не красные розы, это живая боль! Не игра! А от вас раны сплошные, укусы на сердце...

Денис (*растерянно*). Все ты врёшь... Это он виноват, не я... Мы жили хорошо, а он пришел и отнял – мать, дом, машину мою... А пока его не было, всё у нас с тобой хорошо!

Полина. У тебя навек невыросшая душа, Денис. Тебе без мамки-няньки никак нельзя. С тобой не может быть никому

хорошо. Потому что тебе самому с собой плохо. Пойми это, и не мешай людям жить.

Денис. А, мешаю... Я тебе помешал!.. Я тебе что, небо твоё тухлое, вечно плачущее закрыл? Место занял? Да ты... Ты не женщина, ты амёба примитивная, ты матери моей мизинца не стоишь!

Полина. Пусть амёба, но я живу на земле. И небо какое есть люблю и хочу видеть. Я под ним родилась, привыкла жить. И выживу. А с тобой нельзя выжить! С тобой можно только умереть!

Денис (*кричит*). Мама! Мама!

Люся (*сонно*). Герц? Вернулся? Я знала, знала, что воротится...

Денис. Не нужна ты ему! Мы никому не нужны! Всем мешаем! Вставай! Нас выгоняют, понимаешь ты это? Выгоняют! Мы уходим!

Люся. Я к Герцу должна... Он зонтик вот забыл, надо отнести... Как он без зонтика будет?..

Полина. Уходите, уходите, Людмила Петровна!

Денис. Не трогай мать мою! Мы сами знаем, как нам!.. (*Люсе*.) Пошли!

Люся. Полина, что произошло? Дениска вас обидел? Вы поссорились? Все сегодня кричат и ссорятся вместо спать.

Денис. Ты глупая, да? Мы не поссорились – мы разженились! И... если ты сейчас же не осознаешь, я её ударю! Что она позволяет себе, амёба примитивная, фиолетовое ничто молчаливое...

Люся. Нет, ты не мой сын... Бить людей, кидаться с кулаками – я тебя этому не учила... Куда вы нас гоните, Полина?

Денис. В Москву! В Москву она нас гонит! Мы ей небо закрыли-заслонили собой!.. Ненавижу этот город, ненавижу Полину, ненавижу себя!.. Долго ты будешь меня мучить? От вас с ума сойти можно, все друг другу враги... Я сойду с ума, слышите?

Люся (*быстро встает, берёт сумку*). Я готова, Деня.

Денис мечется по комнате, собирает вещи. Постепенно его движения становятся всё медленнее. Наряжается в строгий, «свадебный» костюм, тщательно причёсывается, завязывает галстук, на

глазах превращается в преуспевающего делового человека. Женщины молча наблюдают за ним.

Денис. Вы мои две любимые женщины, и я между вами. Ты, мама, учила разговаривать, чтобы построить башню до неба. Хочу поговорить!.. Я не думал, что всем вокруг мешаю и нет для меня нигде места. Небо закрываю собой. Считал, просто не получается устроиться... Голова есть, образование, руки-ноги, а работы нет, и думал, всё дело в этом, потому что мужчина непременно должен работать, чтоб что-то значить, чтоб его уважали. А и не в этом оказалось. Во мне самом. Во мне нет ствола жизни, полёта, какая-то тяжесть мешает взлететь... И вам жить мешаю. Да, мешаю! Ведь вот уехал я из Москвы с этими вечными гирями на ногах, на сердце, в печенках, и ты, мама, сразу ожила, обустроилась, цветы посадила, угол мой сгладила, мужа нашла... Ты не думай, я не возражаю – живи! Ты свободна от гирь! (*Даёт Люсе воздушный шарик*.) Хорошая ты у меня! Натерпелась со мной. И ты, Полина, хорошая... Старалась для меня, пыталась согреть... Всё ты правильно поняла, и правильно гонишь меня, чтобы я не раздавил тебя, хрупкую, своей тяжестью (*Даёт Полине шарик*.) И это справедливо, потому что кому же охота согнуться под бременем и рухнуть? Я должен вначале сам, сам построить башню до неба! Должен, потому что иначе задохнусь, душно мне (*открывает окно*), душно!

И вот я что подумал: если человек для всех тяжёлый и земля не хочет его носить, он должен летать! Если он хочет добиться мира, построить башню до неба, – должен снять с себя гири, освободиться и взлететь до самой её верхушки, показать миру фокус! Я вам покажу этот фокус, хотите? (*Забирает у них шарики, как ребенок, прыгает с шарами по комнате*.). Вот так, вверх! К небу!.. Пока плохо получается, но я научусь! Вырасту, стану большой великан, и всё смогу! И вы увидите мой прощальный фокус!

Быстро подходит к окну и прыгает. Шарики взлетают в небо. Из распахнутого окна слышен шум улицы и звук отъезжающей машины.

Сцена четвёртая. Москва

Квартира Люси, вся в цветах. Люся одна, перед зеркалом.

Люся. Детей нельзя любить. Их нужно кормить, растить до взрослости и отсекать. Иди в свою взрослую мужскую жизнь, женись, рожай детей, строй свой дом! А у матери своя жизнь, свой дом, свой муж! Так устанавливается порядок жизни. А если вся твоя жизнь брошена к ногам единственного сына, ты невольно воруешь у него свободу, ты пеленаешь ему ножки своей любовью так туго, что он задыхается на взлёте, и жизнь превращается в войну и гибель. Нашей любви оказывается слишком много, мы заполняем ею все прорехи и всё пространство, а наши сыновья отвечают на это беспомощностью и ненавистью, и уходят от нас навек... Где ты, сын? Куда улетел?

Я виновата. Теперь поняла. А поздно. Слишком любила своего мальчика, слишком одаривала. Он вначале сопротивлялся, пытался противостоять, но как можно вырваться, если ты маленький, а перед тобой гора?.. И он покорился, привык жить за горой. Наши дети привыкают брать подсовываемые нами сладкие кусочки, брать и кусать кормящие их руки! И кишки наши наматывать на свои маленькие ручки, на эту беспомощную левую – не ударься, сынок, бери всё! Я зацелую боль, пусть не болит твоё, пусть моё болит, ведь твоя жизнь – это моя жизнь, в которой я сильнее, выносливее, живучей... И получается ложь. Конечно, сын маленький, и ты защищаешь его ложью: ты самый лучший, самый красивый, самый добрый... И если ты это делаешь, то знай: наступит день, и сын твой затопает ногами и крикнет, что ты погубила, задушила его молодую жизнь; распахнет окно и улетит в небеса, за облака... Потому что не лги! Не лги! Потому что других не так много, они не могут столько дать, к ногам его принести, в них нет этой безусловной, безоговорочной нашей привязанности к нашим сыновьям, к нашим нежным мальчикам, и они не лгут, а требуют. Они ждут от него тепла, а он не умеет дать, он ждёт их встречного тепла. Ждёт и не получает. И злобится, злобится на тебя... на кого ему ещё злобиться? Мир, который его не принимает, – чужой, а ты – родная мать...

Живёт со мной, моим всем – и меня же за это ненавидит. Я должна была исчезнуть, чтоб ему облегчить, снять портрет со стены, посторониться... И тогда в этот дом вошла бы женщина... Пусть Полина вошла бы... А я заняла чужое место, меня оказалось слишком много для него, всех вытеснила, заслонила собой... Гора и гора... Надо было уйти и не вернуться. Оставить ему дом, к которому он привык, место, стол письменный не передвигать к окну, оставить как есть, только без меня, чтоб не было в этом пространстве меня... (*Со стены падает Люсин портрет, она вздрагивает, некоторое время молчит.*) Да, надо освободить ему пространство для жизни, чтоб он не задыхался в ней... А он задыхался, мальчик, от моей любви, от моей щадящей лжи... Я читала, что сыновья, которых слишком любишь, вырастают победительными... Ложь! Они улетают в небо на лёгких воздушных шариках, потому что своей любовью мы переламываем им хребты, и они не могут ни противостоять миру, ни прижиться в нём, наши победительные сыновья, мы своей собственной волей замедляем их в развитии, и они так и не успевают вырасти...

Нельзя привязывать и опекать своих хрупких мальчиков, потому что из-за этого они не умеют взлететь, и за эту незащищённость и ранимость ненавидят нас... Когда догадываются, что это мы с ними сотворили... Теперь я знаю: надо освобождать, отсеивать от себя ваши юные жизни, отдавать вас миру, Полине, городам, детям – живите!

Прежде чем углубляться в любовь, нужно спросить: а будет ли им хорошо от твоей любви? Нет, не так. Спросить: а кому от твоей безусловной любви хорошо? От твоей невозможной огромной любви?.. Я теперь знаю – ненависть остановить можно, а любовь нельзя. Любовь, как война, – когда её много, она разрушает, и каждый день не знаешь, выживешь ли, погибнешь ли, погубишь ли?.. Дениска! Где ты? Вернись! Я сама тебя отпущу! Ты вернись, а я отпущу... По доброй воле, легко... Сынок! Я знаю: чтобы в мире был порядок, цветы нужно поливать... Пусть в мире будет порядок!

Появляются Герц, Денис, Полина, Манечка, собака, окружают Люсю и застывают, как на семейной счастливой фотографии.

Конец

Думитру Круду
НИЧЕЙНЫЕ ЛЮДИ[1]

От автора. *Этот текст основан на реальных историях, какие происходят и сейчас, а потому актуален. Я написал его после многих встреч с теми, кто отправился за границу на заработки на самую чёрную работу, и прочитав статью Георге Быткэ в газете «Тимпул», ставшую отправной точкой для сочинения пьесы. Я опирался также на другие публикации, появившиеся в нашей прессе.*

Действующие лица:

Александру
Марко
Мария
Первая женщина
Вторая женщина
Третья женщина
Четвертая женщина
Старушка, не желающая возвращаться домой
Юноша
Итальянец неопределенного возраста
Сильвия
Виталие

Сцена первая

Площадь перед автовокзалом. Автобусы отъезжают один за другим. Народ толпится у входа в автобус, отправляющийся в Рим. Среди пассажиров и Александру.

Александру (*указывая на окружающих его людей*). Все уезжают из этой страны. Все. Никто не хочет ждать лучших времен. Весь народ уезжает: мужчины, женщины, молодые, старые, медики, инженеры, агрономы, архитекторы, продавцы, водители.

Есть сёла, в которых остались одни старики! Скоро мы станем страной без населения. Сколько денег делают ловкачи за счёт нас – тех, кто уезжает. Сколько их обогатилось просто на изготовлении

фальшивых паспортов, виз, контрактов на несуществующую работу, отправляя нас нелегально в Европу. Многим выгодно, что мы уезжаем, очень многим, потому что уезжаем мы, вечно голосующие против, недовольные и возмущенные, те, кто хочет хоть что-то изменить, кто мыслит и хочет жить хоть немного по-человечески, кто болеет туберкулезом, у кого нет зубов, у кого дома старики-родители и безработные жёны, у кого маленькие дети, у кого – ни работы, ни ночлега.

Кому-то выгодно, что мы уезжаем. Потому что – всем известно! – «нет человека – нет проблемы».

Смена кадра. Автовокзал, но уже в Риме, куда въезжают десятки автобусов из Молдовы. Люди выходят из них чуть испуганные, но в то же время счастливые. Обнимаются. Кто-то падает на колени, обнимая землю.

Александру. Честно признаюсь – своим родным я даже не сказал, куда еду. А направился сюда, в Италию. Сделал себе левую визу, и вот я в Италии.

Пока что, однако, мне не удалось заработать здесь ни гроша.

Сцена вторая

Площадь в Риме. Мужчина неопределённого возраста толкает коляску, в которой сидит старик, одетый в пижаму и шлёпанцы.

Мужчина неопределённого возраста. Allora, ragazzi! Questo e il mio padre. Signori, attenzione, questo e il mio padre. Ho bisigno di qualcuno per curarlo**.**

Первая женщина. Что он говорит?

Вторая женщина. А этот что ищет?

Третья женщина. Кто-нибудь знает, что ему надо?

Виталие. Мне кажется, что…

Четвёртая женщина. Что тебе кажется?

Виталие. Нет, мне ничего не кажется.

Итальянец неопределённого возраста. Questo e il mio padre. Signori, attenzione, questo e il mio padre. Ho bisigno di qualcuni per curarlo.

Виталие. Он говорит, что это его отец и что он нуждается в ком-то, кто будет за ним… ухаживать, мне кажется, что он это сказал.

Мария. Но ты не уверен?

Виталие. Не очень-то.

Первая женщина. А я думаю, что он сказал именно это. Господин, я хочу ухаживать за вашим отцом.

Вторая женщина. Господин, я могу ухаживать за вашим отцом!

Сильвия. Господин, возьмите меня, прошу вас, меня!

Третья женщина. Лучше возьмите меня! Я разбираюсь в уходе за стариками. Я накопила огромный опыт, ухаживая за своим отцом, который не поднимается с постели и которого я оставила одного дома.

Четвёртая женщина. Да возьмите лучше меня!

Весь народ напирает на итальянца неопределённого возраста.

Итальянец неопределённого возраста. Calmi, calmi, ragazzi! Abiate pazienza! Paghero molto bene.

Первая женщина. Что он сказал? Мне кажется, что он сказал что-то важное?

Вторая женщина. А по мне – он сказал, что берёт меня.

Третья женщина. Что он сказал? Говори поскорее, что он сказал?

Виталие. Он сказал, что платит…

Первая женщина. И дальше что он сказал?

Виталие. Только это и сказал.

Вторая женщина. Но он сказал ещё что-то.

Александру. И я как будто слышал, вроде он сказал ещё что-то.

Третья женщина. Мужчина, не пытайтесь скрыть от нас что-то, а то вам несдобровать.

Виталие. Он сказал, что заплатит очень хорошо.

Весь народ напирает на итальянца неопределённого возраста.

Итальянец неопределённого возраста. Calmi, calmi, ragazzi! Abiate pazienza! Purtroppo, o devo partire per un anno per i problemi di lavoro.

Четвертая женщина. Что он сказал?

Первая женщина. Ничего от нас не скрывайте, мужчина, а то очень пожалеете.

Виталие. Он сказал, что уедет на год в Испанию, по службе…

Вторая женщина. Уехал бы побыстрее.

Третья женщина. Мне-то что за дело, куда он едет! Пусть – хоть в Африку!

Виталие. Говорит, что не может оставить отца одного в Риме, потому что очень любит его.

Итальянец неопределённого возраста. Non posso lasciarlo da solo, gli voglio molto bene. Per me I soldi non contano un cazzo.

Первая женщина. А теперь что он сказал? Что он сказал теперь?

Виталие. Он сказал, что деньги для него не проблема.

Первая женщина. Господин, возьмите меня!

Вторая женщина. Меня возьмите, господин!

Третья женщина. Лучше меня никто не будет ухаживать за вашим отцом. Я могу даже ноги ему мыть!

Весь народ атакует со всех сторон итальянца неопределенного возраста.

Итальянец неопределённого возраста. Ma ce un problema: lui e pazzo…

Первая женщина. Он возьмёт того, кто умеет делать пиццу? Я умею делать пиццу, господин! Я умею готовить пиццу!

Вторая женщина. Ты не умеешь готовить пиццу, Вера! Зачем врёшь? Signori, я умею готовить пиццу!

Итальянец неопределённого возраста. Non pizza lui e pazzo, lui e malato di mente, poverino. Si puo buttare dil balcone in ogni momento. Otal oppuze ti puoi rovare impovisamente colpito con una sedia in testa.

Первая женщина. Ну а теперь что он говорит?

Виталие. Он говорит, что его отец сумасшедший. И что он чуток буйный и может в любой момент спрыгнуть с балкона или пустить тебе в голову табуреткой, когда ты этого меньше всего ждёшь.

Первая женщина. Как, он ненормальный?

Виталие. Да, Вера, он ненормальный.

Вторая женщина. Господин, возьмите меня, ведь я была санитаркой в Костюженах!

Третья женщина. Даже в Италии нет спасения от сумасшедших!

Итальянец неопределённого возраста. Ci vuole un bel cane da quardia per lui.

Виталие. Однако ему нужна собака.

Итальянец неопределённого возраста: Ho bisigno di qualcuno per curarlo con un bel cane da quardia per lui.

Виталие. Да нет, ему нужно, чтобы кто-то ухаживал за ним, как собака.

Итальянец неопределённого возраста: Mio padre, vui e pazzo. Vui e malato di mente, poverino. Allora, ci cono dei volontari? Nessuno?

Александру. Господин, я хочу ухаживать за вашим отцом!

Первая женщина. Но ведь я была санитаркой в Костюженах!

Александру. Вера, извини, но я первый сказал. Господин, я хочу ухаживать за вашим отцом!

Все исчезают. Итальянец неопределённого возраста движется с коляской в сторону Александру. Торопливо смотрит на часы.

Итальянец неопределённого возраста. Benissimo. Sono molto contento. Ma ce ancora un altro problema: con lui e meglio din non comunicare. Non reagisce a nessuna parola, ora non capisce neanche I italiano, anche se tempo fa, parlava perfetamente quarto lingue.

Александру. Было бы здорово, если бы я ещё понимал, что ты мне говоришь, но я ничего не понимаю.

Итальянец неопределённого возраста. Reagisce solo alla frequenza della voce: quando e alta vuol dire che non sei contento di lui, quando e bassa, invece, sei contento. L ultimo infermiere ha finito in ospedala – gli ha lanciato una bottiglia in testa. Vi lasci qualche soldo per la spece. Lo stipendio ve lo mondo ogni mese. Buono fortuna, e molta pazienza. Ciao! Abbiate cura di voi! Ci sentiamo per telefono.

Александру. Было бы очень здорово понять, что ты сейчас мне сказал, но вроде бы я нашёл себе работу, а это – главное!

Итальянец неопределённого возраста торопливо смотрит на часы, поворачивается, открывает двери и уходит, не оглядываясь.

Сцена третья

Лестничная площадка, на которую выходит много квартир. Из одной раздаются шум и крики. Кто-то разбивает в доме всё, что попадает под руку. Слышно, как ломаются о стену стулья. Очень четко слышен звон сброшенных на пол бутылок и треск брызнувших в разные стороны осколков. Затем двери открываются и кто-то, в испуге, выскакивает наружу.

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*)**.** На помощь! На помощь!

Стучит в дверь слева, но никто ему не открывает, потом стучит в дверь справа – никакого ответа.

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*)**.** Помогите! Прошу вас, помогите!

Никакой реакции на лестничной площадке.

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с побледневшим лицом обращается к зрителям*)**.** Помогите! Прошу вас, помогите мне!

Открывается дверь слева. Мелькает чья-то голова.

Кто-то, кто прячется за дверью и готов сейчас же её захлопнуть. Что случилось?

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*)**.** Он бросил в меня стул!

Кто-то другой, кто прячется за дверью и готов сейчас же её захлопнуть. А чем мы можем тебе помочь?

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*). Он хочет убить меня!

Кто-то, кто прячется за дверью и готов сейчас же её захлопнуть. Но чем же тебе помочь?

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*)**.** Он сумасшедший.

Кто-то другой, кто прячется за дверью и готов сейчас же её захлопнуть. Заходи скорее и спрячься здесь! Быстрее!

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*). Да не хочу я нигде прятаться!

Кто-то, кто прячется за дверью и готов захлопнуть её сейчас же. А тогда что ты хочешь?

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*)**.** Чтобы вы мне помогли!

Кто-то, кто прячется за дверью и готов захлопнуть её сейчас же. Но как?

Александру. Прошу вас, помогите успокоить его, чтобы он не разбил всё, что есть в доме, особенно ценные вещи. Его сын никогда мне этого не простит и заставит платить за убытки.

Кто-то, кто прячется за дверью и готов захлопнуть её сейчас же. Послушай, ты, успокой своего ненормального, мне ну никак не в кайф, чтобы сюда явилась полиция. Давай, сам успокой своего сумасшедшего, или мы успокоим тебя.

Кто-то другой, кто прячется за дверью и готов захлопнуть её сейчас же. Заходи к нам и спрячься! Быстрее. Вера, скажи ему, чтобы зашёл к нам! В конце концов, брось его.

Кто-то, кто прячется за дверью и готов захлопнуть её сейчас же. Куда, к нам? Ты понимаешь, что говоришь?

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*). Я не хочу нигде прятаться и не могу его бросить.

Кто-то другой, кто прячется за дверью и готов захлопнуть её сейчас же. Боишься, что тебя найдут?

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*). Нет, не боюсь. Я хочу, чтобы вы помогли мне успокоить его. Меня зовут Александру. Я из Молдовы.

Какая-то женщина (*первая, которая выглянула из-за дверей, но не вышла наружу, теперь выходит на лестничную*

площадку). И мы тоже из Молдовы. Меня зовут Вера. Я была санитаркой в Костюженах. Мы ехали в Рим в одном автобусе. Не помнишь?

Александру (*слегка прихрамывающий мужчина с бледным лицом*). Ах, да, вспоминаю, мы приехали в одном и том же автобусе. Вы сидели рядом с шофером?

Первая женщина (*первая, которая выглянула из-за дверей, но не вышла наружу; теперь выходит на лестничную площадку*). Точно, я сидела рядом с водителем.

Кто-то другой, кто прячется за дверью и готов захлопнуть её сейчас же. А почему ты его не бросишь?

Александру (*чуть прихрамывающий мужчина с бледным лицом*). Потому что я ухаживаю за ним, и мне за это платят.

Вторая женщина (*та, вторая, которая высунулась из-за края двери, а теперь тоже вышла наружу, на лестничную площадку*). Ничего себе, службу ты нашёл – ухаживать за сумасшедшим!

Александру. А что было делать, если не нашлось ничего другого, что было делать?

Первая женщина. Но ты хоть искал что-то другое?

Александру упирается спиной в дверь, чтобы сумасшедший не вырвался наружу. Тот всё-таки толкает дверь, а Александру блокирует её спиной.

Вторая женщина. Ты хоть пытался искать иное?

Александру. Конечно, пытался. Я толкался повсюду, но никто не хотел меня устроить.

Третья женщина. Извините, но и нас работа ждёт. Пора двигаться, у меня столько дел!

Четвёртая женщина: И мне не до разговоров!

Александру продолжает придерживать дверь спиной, чтобы сумасшедший не вырвался наружу. Но тот бьётся в дверь, а Александру упирается в неё спиной.

Александру. Прошу вас, не уходите. Прошу, не оставляйте меня одного. Я уже не могу удерживать дверь. Боюсь, что он выскочит

наружу. Десять минут назад, в присутствии сына он набросился на меня со стулом. Боюсь, чтобы он не набросился и сейчас. Боюсь, чтобы и сейчас у него не было чего-то в руках. Может, – ножа.

Первая женщина. Что ты там болтаешь? Господи!

Александру. Он же сумасшедший.

Сумасшедший толкает дверь. Александру падает. Обе женщины взвизгивают. Сумасшедший бежит к выходу из здания.

Александру. Он хочет удрать из дома. Помогите мне его поймать. Если он убежит, я не знаю, как и где его найти и останусь без работы. Ловите его! Перекройте ему дорогу! Не выпускайте его из блока! Здесь так тяжело найти работу. Если я останусь без этой службы, кто меня возьмёт на другую? Кому нужен человек из Молдовы, чужак?

Открываются ещё две двери. Появляются мужчина и женщина.

Александру. Если поможете мне его поймать, я поставлю вам вареники с брынзой и настоящим «Негру де Пуркарь».

Все бросаются в погоню за сумасшедшим. Бегут по ступеням блока.

Александру. Ловите его! Прошу, не выпустите его из помещения.

Сильвия. Закройте входную дверь!

Виталие. Я его поймал. Врезать ему?

Александру. Не надо. Прошу, помогите мне затащить его домой.

Первая женщина. Он не хочет идти.

Сумасшедший всячески отбивается и пытается вырваться из рук преследователей. Затем двери приоткрываются, и народ вываливается за ним.

Александру. Наваливайся на него.

Виталие. Хватайте его за руки и за ноги. Теперь врезать ему?

Александру. Нет, умоляю, не надо, упаси Бог, это же мой источник заработка.

Александру открывает двери квартиры, и вся команда вваливается внутрь.

Виталие. Оставим его здесь?

Александру. Лучше втащим в гостиную.

Первая женщина. Но как оставить его несвязанным?

Вторая женщина. Он может наброситься на нас или снова сбежит.

Александру. Я закрыл дверь.

Первая женщина. А если он нападёт на нас?

Сильвия. Свяжем ему руки за спину?

Виталие. Хорошая идея!

Второй мужчина заламывает сумасшедшему руки за спину и связывает их. Тот уже не двигается. Успокоился.

Виталие. Эй, где обещанные вареники и вино?

Александру. Принесу сию минуту.

Первая женщина. И что, так каждый день у тебя?

Александру. Да, почти каждый день.

Вторая женщина. Каждый день он тебе устраивает такие представления?

Александру. Да, почти каждый день. Особенно перед или после посещений его сына.

Сильвия. Странное совпадение.

Виталие. И как ты так живёшь?

Александру. Не знаю как, но видишь – живу. А что остается делать? Мне просто некуда деваться. Если б мне что-то предложили, я б удрал прямо сейчас, но ничего другого не светит. Сегодня в Риме очень трудно найти работу.

Первая женщина. И каждый день это дерьмо хочет тебя прикончить?

Александру. Да, почти каждый день. Но особенно перед приходом его сына. Не знаю, почему, но что-то тут есть.

Второй мужчина собирается дать сумасшедшему пощёчину. Александру хватает его за руку.

Александру. Не надо, не трогайте его.

Виталие. Он же хотел убить тебя.

Александру. Всё-таки, благодаря ему я имею работу.

Вторая женщина. Но почему он хочет тебя убить?

Александру. Понятия не имею. Без всякой причины.

Александру угощает их варениками и вином.

Сильвия. Надо бы тебе его бросить.

Александру. А куда мне идти. Здесь худо-бедно у меня есть угол. В первые дни, когда я приехал в Италию, я спал в заброшенном автобусе. В один прекрасный день этот автобус двинулся и я проснулся у черта на куличках. На второй день меня вышвырнули из кафе, где я работал сторожем, потому что вовремя не явился на смену.

Виталие. Значит, у тебя была ещё работа?

Александру. Да, но я потерял её прямо на второй день. И найти что-нибудь ещё, кроме как ухаживать за этим ненормальным, мне так и не удалось после этого.

Первая женщина. А зачем ты уехал из Молдовы?

Александру. Денег заработать. А вы, вы сами зачем уехали из Молдовы?

Вторая женщина. И мы всё потому же и уехали.

Александру. И что вы тут делаете?

Первая женщина. Я ухаживаю за толстухой.

Вторая женщина. Я официантка, а в этом доме снимаю одну комнату.

Третья женщина. Я портниха.

Четвёртая женщина. А я безработная.

Виталие (*указывая на Сильвию и себя*)**.** А мы только сегодня завалились сюда. Будем жить в семье с первого этажа.

Сильвия должна им готовить и заниматься стиркой. А я – я ещё не нашёл никакого занятия.

Все пьют вино.

Первая женщина. Дадим и ему стаканчик.

Александру даёт стакан вина сумасшедшему.

Вторая женщина. Как его зовут?
Александру. Марко.
Третья женщина. Марко, давай чокнемся!

Чокаются. Сумасшедший пьёт до дна.

Сильвия. Он ещё умеет чокаться.
Четвёртая женщина. Мы не знали, что чокнутым наше вино по вкусу.

Александру развязывает сумасшедшего.

Сильвия. А не боитесь, что он снова на вас нападёт?

Сумасшедший разглядывает какую-то фотографию в рамке на стене.

Александру. Нет, всё, он уже успокоился. Когда он разглядывает эту фотку на стене, – значит, затих, верный признак.
Вторая женщина. А что это за фотография?
Александру. Это фото его жены, она бросила его четыре года назад.
Первая женщина. Вообще мне бы надо сейчас посмотреть, что там делает моя толстуха.
Вторая женщина. Мне тоже.

Все расходятся.

Сильвия. Если вам ещё понадобится помощь, зовите нас!

Сцена четвёртая

Александру кормит сумасшедшего варениками, насаживая их на вилку.

Александру. Только бы ты не спрыгнул с балкона, Марко, а то я останусь без работы. В этом Риме так сложно найти себе работу, Марко!

Александру кормит сумасшедшего варениками, орудуя вилкой.

Александру. С чего бы у тебя начался этот приступ, Марко? Что тебя зацепило? Мне кажется, кролик. Каждый раз, когда я тебя кормлю крольчатиной, – начинается. Позавчера, когда я разделывал кролика, ты замахнулся на меня бутылкой молока. У тебя бешеная реакция, когда я хочу накормить тебя крольчатиной. Ты что, не выносишь кроличьего мяса? Не можешь видеть мёртвого кролика? Не знаю, может, мне следует перечитать Фрейда, может, он поможет мне понять тебя. Знаю, что всю жизнь ты был адвокатом и не имел никаких дел с кроликами. Жена от тебя удрала, но не с кролиководом же. Не понимаю, какая связь между твоей жизнью и кроликами. Потому что в остальном ты нормальный человек. Хорошо, больше я тебе крольчатину не предложу. Но, может, здесь кроется что-то другое, ведь твои приступы возникают перед приходом твоего сына. Сегодня ты столкнулся с ним, когда он выдавал мне зарплату. Ты ведь взорвался как раз, когда он пришёл. До того ты был спокоен. Может, твой сын причинил тебе какое-то зло? Как-то не верится. Твой сын любит тебя. Иначе с какой стати он нанял бы меня ухаживать за тобой?

Александру ходит вокруг сумасшедшего, который держит в руках фотографию своей жены.

Александру. Может, ты меня ненавидишь? Ты меня ненавидишь? Скажи откровенно. Наверное, ненавидишь, хотя не вижу никаких причин для этого.

Александру ходит вокруг сумасшедшего, который держит в руках фотографию свой жены.

Александру. Слушай, пойми и ты меня. Ты думаешь, что я от хорошей жизни уехал из дому? Как бы не так! Ты думаешь, что я не хотел бы сейчас быть рядом со своей женой и сыном? Конечно, хотел бы. Здесь никто не знает, почему я приехал в Италию. Только тебе я скажу, потому что ты ни фига не понимаешь.

Александру ходит вокруг сумасшедшего, который держит в руках фотографию своей жены.

Александру. Я уехал, когда узнал, что болен, когда узнал, что заболел…

Александру ходит вокруг сумасшедшего, который держит в руках фотографию своей жены.

Александру. Я уехал, когда понял, что уже ни на что не годен, когда медики запретили мне подымать даже ведро воды. Мне положено было находиться в постели, Марко, а моим родным ухаживать за мной: кормить и покупать лекарства. Вся любовь моей жены ко мне тут же улетучилась, Марко. Она, понятно, не требовала, чтобы я уехал, но постоянно скандалила и я её понимал: именно тогда она тоже осталась без работы.

У меня был выбор: стать обузой для семьи, или попытаться справиться самому. Я выбрал второй вариант. Я уехал, когда узнал, что болен, Марко.

Александру ходит вокруг сумасшедшего, который держит в руках фотографию своей жены.

Александру. Я приехал трудиться чернорабочим в Италию, Марко, чтобы самостоятельно заботиться о себе. Понимаешь? Ни фига ты не понимаешь, и поэтому я тебе всё это рассказываю. Я приехал

трудиться чернорабочим в Италию, чтобы освободить своих от лишних расходов. Вначале я даже хотел окончательно порвать с ними.

Александру ходит вокруг сумасшедшего, который держит в руках фотографию своей жены.

Александру. Но после того, как я нашёл эту работу, я стал им помогать (*кашляет*). Каждый месяц я посылаю деньги жене, которая стала безработной, и моему мальчику, который учится в школе, и живут они в проклятом общежитии при цементном заводе, где все окна в коридорах разбиты и полы покрыты свинцовой пылью. Знаю, что могу умереть в любой момент, но всё-таки хочу помочь им выбраться из нищеты. Хочу помочь им купить себе квартиру. Думаешь, – такое удовольствие возиться с сумасшедшим? А что остаётся делать? Скажи, чем мне ещё заняться? Молчишь? А ты ответь! Заговори и ты хоть разок, и не молчи всё время, как будто я твой должник. Я тебе ничего не должен. Ничего. Понял?

Александру трясёт его за плечи.

Александру. Спишь? Уснул. Очень хорошо, что ты уснул. Как не устать после такого денька? Перенесу-ка я тебя в постель. Давай, я уложу тебя в кровать и укутаю. Доброй ночи, хотя на улице ещё белый день.

Александру укрывает сумасшедшего. Слышен стук в дверь. Александру приближается к двери. Видно, что он очень взволнован. Стук повторяется. Александру смотрит в глазок. Он очень испуган. И всё-таки он открывает дверь. Виден проезжающий на велосипеде мальчик.

Мальчик. Папа, мама стала пить ещё сильнее, когда ты уехал. Сегодня я вернулся из школы и нашёл её посреди двора, головой на цементном бордюре – так она спала. На улице дождь, папа. Я попробовал затащить её в дом, но не смог, папа. Что мне делать, папа? Почему ты молчишь, папа?

Сцена пятая

Перед фасадом блочного здания: Игорь и двое его друзей избивают Виталия.

Игорь (*наносит удар*)**.** Что, не верил, что я найду тебя в Риме?
Виталие. Не верил.
Игорь (*нанося удар*)**.** Что же ты не торопился отдать мне деньги? Почему не отвечал на мои телефонные звонки? Думал, что не найду тебя. Но я тебя нашёл. Теперь я не оставлю тебя в покое, пока не вернёшь деньги. Нет. Мне не нужны чужие деньги, хочу, чтобы ты отдал мне мои.
Виталие. Но я ещё не нашёл никакой работы, Игорь. Будь человеком, дай мне отсрочку хоть на месяц.
Игорь (*нанося удар*)**.** Но и мне нужны деньги позарез. Чтобы вложить в другие дела. Я тебе одолжил, а не дал навсегда. Я тебе одолжил на три месяца, а прошло полгода.
Виталие. Подожди ещё месяц, и я тебе всё отдам.
Игорь (*нанося удар*)**.** Нет, месяц – это долго. Я хочу, чтобы ты вернул весь кусок, который ты мне задолжал. Завтра в девять я приду за денежками. Если не вернёшь всё, тогда я поговорю с тобой по-другому.

Игорь со своими друзьями сбивают Виталие на землю, избивая его ногами. Затем Виталие с трудом добирается к квартире, в которой живет с Сильвией. Нажимает на звонок. Дверь открывает Сильвия.

Сильвия. Заходи быстрее, а то нас увидит Итало.

Торопливо они заходят в комнату в глубине. Сильвия, нервная и обеспокоенная, закрывает двери.

Сильвия. Ты с кем-то дрался?
Виталие. Наверное.
Сильвия. Ты весь в синяках.
Виталие. Да, меня избили…

Сильвия. Кто?
Виталие. Игорь, у которого я одолжил деньги, чтобы приехать сюда.

Сильвия вытирает кровь с его лица мокрым платком.

Сильвия. Но за что?
Виталие. Потому что я эти деньги ещё не вернул.
Сильвия. Господи, Игорь в Риме!
Виталие. Да, в Риме. Приехал за деньгами.
Сильвия. Но ведь у нас ни копейки. Зарплату я получу только через месяц.
Виталие. Господи, и зачем я тебя послушал, когда ты настаивала одолжить деньги у Игоря и приехать сюда!
Сильвия. Но ведь ты сам говорил, что больше не можешь выносить эту проклятую жизнь на квартире с единственной кухней и единственной ванной на весь этаж. Ты сам говорил, что сыт по горло и устал жить всю жизнь на квартире.
Виталие. Да, говорил. Но уехать – была твоя идея. Побудем, мол, несколько месяцев в Риме – заработаем деньги. И купим дом. Дом с кухней и ванной, дом с садом. Это ты убедила меня отправиться в Рим, но если бы я знал, что нас здесь ожидает, я бы не тронулся с места ни за что на свете.
Сильвия. Но ведь и ты плакался, что мы не можем выйти вечером в город, потому что всегда не хватало денег, и ты всегда ныл, что не можешь позволить себе кружку пива, потому что тогда останемся без ужина. Ты сам каждый день вздыхал, когда и у нас будет собственная квартира? Когда же нам жить, как люди, если не сейчас? Когда и мы сможем есть докторскую колбасу, если не сейчас? Когда? Через двадцать лет, когда мы станем развалюхами, которые не смогут двигаться дальше своего стула? Ты говорил так? Говорил? Или забыл?
Виталие. Да, забыл. Говорю тебе, я тоскую по нашей последней квартире. И я остался бы в ней и дальше, если бы ты не уговаривала уехать в Рим, чтобы разбогатеть. Что, разбогатели? Черта с два.
Сильвия. Умоляю, хотя бы не пей.

Виталие. Не могу не пить. Завтра в девять Игорь придёт за деньгами. А тут ещё наш мальчик, которого мы оставили у нашей соседки, заболел гепатитом.

Сильвия. Как, заболел наш мальчик?

Виталие. Да, Лариса мне позвонила и всё рассказала.

Сильвия. Когда она звонила?

Виталие. Сегодня.

Сильвия. И что она тебе точно сказала?

Виталие. Просила срочно выслать деньги, чтобы можно было положить мальчика в больницу.

Сильвия. Значит, я должна согласиться.

Виталие. Не хочешь ли и ты стаканчик водки?

Сильвия. Не хочу.

Виталие. А я выпью. С чем ты должна согласиться?

Сильвия. С тем, что я сделаю. Итальянец сделал мне одно предложение, я отказалась, но…

Виталие. И что, он увеличит тебе жалованье?

Сильвия. Да.

Виталие. И сколько ты получишь всего?

Сильвия. 3000 евро.

Виталие. Ну и прекрасно!

Сильвия. И ты даже не интересуешься, о чём речь?

Виталие. И знать не хочу. Знаю, что ты должна согласиться, что бы там тебе ни предложил этот итальянец.

Сильвия. Согласиться…

Виталие. Говори потише, чтобы нас не услышали соседи, Александру и Мария.

Сильвия. Тогда выйдем на улицу.

Виталие. Там мы можем столкнуться с полицией.

Сильвия говорит шёпотом.

Сильвия. Значит, ты предлагаешь мне сказать «да».

Виталие. Точно.

Сильвия. А ты не догадываешься, о чём идет речь?

Виталие. Не знаю, и это меня совершенно не интересует.

Сильвия. Тот, который меня нанимает, хочет, чтобы…

Виталие. Ничего не хочу слышать. Иди прямо сейчас и скажи, что ты согласна! Я прошу тебя, Сильвия.

Сильвия. И тебя не страшат последствия? А они могут быть ужасными. И для тебя тоже.

Виталие. Мне наплевать на последствия.

Сильвия. И тебе, правда, не страшно?

Виталие. Нет, мне не страшно Хуже, чем сейчас, уже не будет.

Сильвия. А, может, и будет.

Виталие. Не верю.

Сильвия. А я – знаю.

Виталие. Иди и скажи, что ты согласна.

Сильвия. А тебе меня не жалко?

Виталие. Жалко.

Сильвия. Не видно. Ты говоришь, чтобы я согласилась, а даже не спросил, что он потребует от меня!

Виталие. Ну ладно, скажи, что потребует от тебя итальянец?

Сильвия. Не могу тебе сказать.

Виталие. Не можешь?

Сильвия. Налей и мне стакан водки!

Виталие наливает ей стакан водки.

Сильвия. Как я буду смотреть тебе в глаза после этого?

Виталие. Слушай, сейчас не до сантиментов, Сильвия. Иди и скажи «да».

Сильвия. Значит, ты предлагаешь мне согласиться на любое предложение?

Виталие. Если откажешь, нас выбросят на улицу!

Сильвия. Да, выбросят.

Виталие. И где ещё мы найдём работу, за которую бы так платили?

Сильвия. Понятия не имею, где.

Виталие. И где мы будем спать?

Сильвия. Не знаю, где.

Виталие. И как мы вернём деньги Игорю? Завтра он придёт за деньгами.

Сильвия. И ты хочешь их вернуть ему после моего «да»?

Виталие. Не знаю, неужели нельзя по-другому?

Сильвия. По-другому.

Виталие. Я пробовал по-другому. Каждый день выхожу на площадь, обиваю все пороги, ищу работу, и что? Ничего.

Сильвия. Но ведь другие женщины нашли себе более достойные занятия – они портнихи, домработницы, прачки. Мария ухаживает за какой-то толстухой, Александру – за этим сумасшедшим, Лучия – официантка, Виктор работает на стройке, Василе моет машины. Может, мне лучше сказать «нет»?

Виталие. Таких денег ты больше нигде не получишь, Сильвия. Не найдёшь ты такой работы.

Сильвия. Значит, ты считаешь, что я, твоя жена, должна сказать «да»!

Виталие. У нас нет другого выхода. Завтра позвонит Игорь и потребует отдать деньги. Завтра мы должны вернуть их полностью. Иначе будут большие проблемы. Господи, что с нами станется, если мы не расплатимся с Игорем? Всё! Нам – конец! Он меня убьёт, Сильвия! И вспомни о нашем мальчике!

Сильвия. Виталие, ты сам скажи – что мне сейчас делать?

Виталие. Не знаю, Сильвия, не знаю. Это ты меня уговорила одолжить деньги у Игоря и ты же настаивала уехать в Рим и оставить мальчика Ларисе до нашего возвращения, так что теперь выпутывайся, как знаешь. Пока что я налью себе ещё стаканчик водки. Хочешь?

Сильвия. Да, и я хочу.

Пьют водку, не чокаясь.

Сильвия. Значит, я соглашусь. Налей-ка ещё стакан.

Пьют водку, не чокаясь.

Сильвия. Да, завтра мы вернем Игорю все деньги.

Виталие. Что ты сказала?

Сильвия. Я согласна на предложение итальянца. Налей-ка ещё стакан.

Пьют водку, не чокаясь.

Сильвия. Виталие, мы избавимся от этого долга.

Виталие. И тогда заживём, как люди?

Сильвия. Конечно. Хватит изводиться. Налей-ка мне ещё.

Пьют водку, не чокаясь.

Сильвия. Принимаю предложение итальянца. Хватит мучиться! Всю жизнь прожили в нищете, не вылезали из долгов. Не хочу больше ни у кого занимать деньги. Хочу иметь собственные и тратить их, как вздумается. Пошлю денежки Ларисе, чтобы устроить нашего мальчика в больницу. Может, избавится от этого проклятого гепатита. Конечно, избавится! Налей-ка мне стаканчик. Я пойду в соседнюю комнату и скажу им, что согласна, но с одним условием: чтоб мне заплатили за три месяца вперёд, авансом, тогда бы я смогла вернуть все деньги Игорю и выслать что-то и Ларисе.

Пьют водку, не чокаясь.

Виталие. На деньги, которые ты заработаешь, и на те, которые, надеюсь, получу и я, мы купим, наконец-то, собственный дом и не будем жить на квартире. Всю жизнь мы жили в чьем-то доме. Всю жизнь мы спали в чьих-то кроватях. Всю жизнь мы ели из чьих-то тарелок. Всю жизнь мы пили из чужих стаканов. Всю жизнь мы выглядывали сквозь чужие окна. Я сыт по горло, Сильвия, всё время сидеть на чемоданах. Хочу, чтобы у нас был свой дом, Сильвия. Хватит. Я не могу больше так жить.

Сильвия. Налей-ка ещё стаканчик.

Пьют водку, не чокаясь.

Виталие. Пятнадцать лет мы не были на море. Пятнадцать лет! Я забыл, какое оно, море, Сильвия!

Сильвия. Налей-ка ещё стакан.

Пьют водку, не чокаясь.

Виталие. Хочу на море, Сильвия. Хочу собственную квартиру. Хочу иметь свою кухню. Хочу иметь свою ванную, и чтобы в ней мыться, не наливая воду из тазика, а стоя под душем. Представляешь, стоять сколько хочешь под горячим душем, и вода льётся и льётся на голову, льётся на всё моё тело, Сильвия.

Сильвия. Налей-ка ещё стаканчик.

Пьют водку, не чокаясь.

Виталие. Осточертела мне эта дерьмовая жизнь, Сильвия, когда постоянно затягиваешь ремень потуже. Когда нам жить, как люди, если не сейчас? Когда? Через десять лет? Через двадцать? Когда, Сильвия?

Сильвия. Согласна, чтобы… налей мне стакан… налей-ка мне ещё стакан… налей мне полный…

Виталие. Когда ещё мы будем жить в этой жизни, Сильвия? Когда мы будем иметь наш дом, Сильвия, и сад, полный цветов? Когда и мы сможем увидеть море, Сильвия? Мы должны радоваться этой жизни сейчас, а не через 10 или 20 лет, Сильвия!

Сильвия уходит в соседнюю комнату. Виталие остается один.

Сцена шестая

Александру толкает коляску, в которой расположился Марко. Александру разговаривает с сумасшедшим, который только-только проснулся.

Александру. Боже, сколько народу из Молдовы здесь! Иногда мне кажется, что молдаване повсюду. Будто пол-Молдовы переселилось в Италию. Куда ни двинешься, натыкаешься на молдаванина: на площади, в магазине, в парке. Некоторые, кстати, живут и в этом доме, например, Мария или Вера, а сегодня сюда перебрались Сильвия и Виталие. Удивительно, ведь я ехал в Рим в одном с ними автобусе! И каждый день приезжают всё

новые и новые. Ежедневно их привозят автобусом и оставляют в центре Рима – выпутывайся, кто как сможет. Сколько обманутых! Столько проводников исчезают вместе с паспортами и деньгами, а молдаване снова и снова едут, и приезжает их всё больше и больше. С каждым разом больше, чем с прошлым рейсом. Прямо нескончаемый поток. Столько народу без толку ищет работу! Сколько врачей, журналистов, поэтов, актёров, лесников, архитекторов, агрономов, продавцов, водителей спят в заброшенных домах, под мостами, на вокзале, на берегах Тибра, в парках! Сколько университетских преподавателей подметают улицы! Сколько инженеров продают билеты! Доктора математических наук штукатурят стены, хирурги таскают раствор, художники разносят пиццу по домам.

Сколько же их уехало из Молдовы! Боже, сколько сейчас мест, где остались только старики. Даже во время голода или войны не было такого. Даже после премьеры спектакля «Седьмая кафана» или фильма «Лили навсегда», люди не перестали уезжать! Даже после того, как журналистка из «Седьмой кафаны» спросила у пострадавших девушек, почему они, рискуя жизнью, так жаждут попасть в Европу, покидая дом и семью, – они не перестали уезжать!

Видно, многим выгодно, чтоб мы уезжали, мы, больные лейкемией, туберкулёзом, раком, астмой, потому что уезжают те, которые не могут содержать себя, у которых нет ни работы, ни жилья, которые этим летом остались бездомными после наводнения. Очень многим выгодно, что мы уезжаем. Ведь уезжают те, у которых старики-родители, жены безработные, дети, больные диабетом. Уезжают те, которые думают и голосуют против, хотят что-то изменить и ничего не могут, и тогда уезжают. Кому-то выгодно, что мы уезжаем. Разве не так? Известно: «нет человека – нет проблемы»!

Александру укутывает сумасшедшего. Раздается стук в дверь. Александру приближается к двери. Видно, что он очень напряжён. Стук повторяется. Александру смотрит в глазок. Он очень напуган. И всё-таки открывает дверь. Виден мальчик, проезжающий на велосипеде.

Мальчик. Папа, сегодня я впервые не почистил зубы, и на улице дождь и грязь. Мама пила всю ночь. Она и теперь пьёт и говорит, что ты нас бросил. Сегодня она хотела выброситься с балкона. Что мне делать, папа? Почему ты молчишь, папа?

Сцена седьмая

Улица перед фасадом блочного здания. На дороге большое движение машин.

Мария. Signora Elisa, dove siete?

Мария ищет синьору Елису. Обнаруживает её посреди улицы.

Мария. Cosa fate. Calmatevi, signora Elisa!

Мария пытается оттащить синьору Елису с середины улицы. Слышны тревожные сигналы машин.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Отойди, Мария. Дай мне броситься под машину, потому что все обо мне забыли. Никому я больше не нужна.

Мария. Но я же о вас не забыла, сеньора Елиса! Вы мне нужны, сеньора Елиса!

Старушка, не желающая возвращаться домой. Ты, ты, Мария, ничего не понимаешь. Для чего мне жить, если у меня нет никакой радости от этой жизни?

Мария. Госпожа, прошу, умоляю вас, не делайте меня безработной!

Мария убеждает сеньору Елису сесть на скамью.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Maria, portalo anche una bottigli del vino!

Мария. Signora Elisa, но это уже вторая бутылка.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Ну и что, что вторая бутылка? Или, может, я пью на твои деньги? Молчи и пей вместе со мной.

Мария. Госпожа, но я не пью.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Пей. Хоть стаканчик! А то я рассержусь.

Мария. Хорошо, я выпью. Но после этого дайте мне слово, что мы пойдем домой.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Я не хочу возвращаться в этот пустой дом, где нет ни души. Просто не желаю. Мне тошно от этого пустого дома.

Мария. Signora Елиса, возьмите меня в sua casa. Если бы у меня был такой дом, как этот, ни за что на свете я бы не приехала в Рим.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Я не забыла, что это мой дом, но он мне опротивел.

Мария. Синьора Елиса, пойдёмте домой, уже поздно. Vi prego, andiamo.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Все меня забыли, Мария. Моя дочка заходит ко мне только по праздникам. Все меня забыли, Мария. Меня гложет тоска от одиночества. Я даже не видела в лицо её последнего ребенка. Садись и пей со мной! Я не пойду домой, пока моя дочка не явится сюда.

Мария. Госпожа, прошу вас, пойдёмте домой, вы ляжете, поспите, а завтра позвоните вашей дочери, и она придёт повидать вас. Я уверена, что она придёт повидать вас. Давайте зайдём в дом.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Нет, я не желаю идти в дом, где столько одиночества! Там все кровати, стены, ванная, кухня, тарелки, ложки, прихожая покрылись плесенью от одиночества.

Внезапно вскакивает на ноги и направляется к дверям своего дома.

Старушка, не желающая возвращаться домой. La mia casa! La casa mia!

Старушка произносит эти слова, будто обращаясь конкретно к кому-то.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Когда-то этот дом был полон людей. Полон музыки. Все танцевали и слушали музыку. Ежедневно в этот дом приходили десятки людей, некоторых я почти не знала, но всех принимала с отрытой душой. Мне нравились незнакомые лица, мне нравилось разговаривать с ними и слушать их. Но я постарела и вдруг, очнувшись, увидела, что я одна, совершенно одна. Все забыли обо мне. Меня больше не навещали даже те, которые приходили сюда просто поесть или посплетничать. На улице они не отвечали на моё приветствие, потому что я просто-напросто постарела и потеряла красоту. Однажды я взяла в руки телефонный справочник, хотела сама позвонить им, но потом я забросила его в какой-то угол. Зачем звонить, если они не желают, чтобы я их видела.

Мария. Синьора Елиса, пойдёмте спать. А завтра, я уверена, что дочка придёт повидать вас.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Не верится, что она придёт. Нашла она тебя, и ты готовишь мне, стираешь, и она думает, что решила проблему. У моей дочки своя жизнь: вечеринки, балы, встречи с друзьями, театральные и оперные спектакли, банкеты. Когда ей вспомнить обо мне? Когда? Мария, preparami il letto!

Мария. Immediatamente, signora!

Звонит телефон Марии.

Мария. Алло, кто это? Это ты, Ирина? Привет, Ирина! Что делаешь? Как я рада, что ты позвонила! Для меня это такая радость!

Старушка, не желающая возвращаться домой. Мария, что ты там всё болтаешь? Maria, preparami il letto!

Мария. Immediatamente, signora! Что? Павел? Как? Сегодня? Но я же вчера разговаривала с ним! Андрей нашёл его в саду? Боже! Но почему он это сделал? Ведь ради них я уехала на заработки. Неужели ему сказали, что у меня кто-то есть? Что за глупость! Никого у меня нет, Ирина. Почему он мне не доверял? Почему?

Старушка, не желающая возвращаться домой. Maria, dai smetti di parlare?

Мария. Un momento, signora.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Marie, riempi il catino com I acqua e vieni qua!

Мария. Ora, signora. Non, non poso venire.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Non puoi venire?

Мария. Non le dicevo. Parlavo con qualcuno da casa. Андрей рядом с тобой? Андрей, мальчик мой, я не могу сейчас приехать. Знаю, что остался один. Знаю, что тебе страшно одному в опустевшем доме и ты боишься ночевать там. Андрей, мальчик мой, тётя Ирина возьмёт тебя к себе. А я приеду через месяц.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Maria, давай riempito il catino?

Мария. Быстрее не могу.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Быстрее не можешь?

Мария. Да, госпожа. Не могу.

Старушка, не желающая возвращаться домой. Allora portalo, Мария.

Мария. Si, lo porto subito. Сейчас не могу. Я ещё не собрала столько денег, чтобы расплатиться с долгами. А если я приеду домой, я уже никогда не смогу вернуться в Италию, – у меня просроченная виза. Я приеду через месяц, когда получу зарплату. Подожди меня ещё месяц, Андрей. Только месяц, Андрей. За тобой присмотрит тётя Ирина. Только месяц подожди меня, Андрей, только один месяц. А теперь дай мне тётю Ирину. Ирина, делай всё, что нужно. Послать тебе немного денег? Сейчас у меня нет, но завтра найду. Завтра я вышлю тебе деньги, Ирина. Завтра я тебе вышлю!

Старушка, не желающая возвращаться домой. Наконец-то ты закончила, Мария. Помой мне, пожалуйста, ноги. Ты плачешь? Тебе не нравится мыть мне ноги? Нравится? Я рада. Мария, мне совсем тоскливо от одиночества. Мария, расскажи мне что-нибудь весёленькое. Развесели меня, Мария, чтобы я забыла о моём одиночестве, чтобы я забыла, что моя дочь не вспоминает обо мне, чтобы я забыла, что всеми забыта! Расскажи мне что-нибудь весёлое, Мария, чтобы я забыла, что у меня болят ноги и голова,

и печень, и плечи, и сердце. Развесели меня, Мария, чтобы я забыла, что эта жизнь бессмысленна и не доставляет мне больше никакой радости! Мария, ну скажи мне что-нибудь весёленькое! Развлеки меня, Мария!

Сцена восьмая

Квартира Марко.

Александру. Сейчас ночь, хочешь, чтобы мы прогулялись по парку? Но ты и впрямь сумасшедший, Марко, как тот персонаж из «Людей и мышей» Стейнбека или как князь Мышкин. Моё единственное желание сейчас – поспать, я жду сна как спасения, как будто это самое великое событие моей жизни. Ты киваешь головой, будто понимаешь, что я тебе говорю. Но ты ничего не понимаешь. Я хочу спать и забыть обо всем. Забыть, что могу умереть в любую минуту. Забыть, что у меня снова температура, тошнота и головокружение. Забыть, что все деньги, которые я отправляю своей жене, она пропивает, а мой сын дошёл до того, что спит в парках. Хочу забыть, Марко, что все мои жертвы во имя их будущего были напрасны. Хочу забыть всё это, но не могу, Марко. Поверь мне, когда приходит ночь, у меня нет никакого желания даже зажечь свет. Жду, чтобы скорей опустилась темнота и я забрался под одеяло, закрыл глаза и забылся. Хочу уснуть и забыть все. Хочу забыть, что три года не был дома. Хочу забыть, что дома меня никто не ждёт. Самые счастливые мгновения – когда я засыпаю и забываю обо всём. Но я так редко засыпаю. Потому что ты в тот момент, когда я закрываю глаза, просишь стакан воды, или хочешь есть, или хочешь пойти погулять. Из-за тебя я не могу забыться хоть на минуту. Я постоянно как та девчонка из рассказа Чехова «Спать хочется».

Ладно, пойдем прогуляться по парку, Марко, давай прогуляемся.

Александру трясет его за плечи, но Марко уже спит.

Александру. Ты уснул, Марко? Лягу и я. Но всё равно не верю, что мне удастся уснуть.

Кто-то стучится в дверь. Александру, очень испуганный, открывает её. Виден мальчик, проезжающий на велосипеде.

Мальчик. Я сегодня не мог зайти в дом, папа, потому что дверь была закрыта, а мама ушла неизвестно куда. Я сегодня впервые спал на скамейке в парке, папа! И я не знаю, где буду спать завтра ночью, папа!

Сцена девятая

В сквере у фасада жилищного блока. Четыре женщины ждут чего-то. Появляется Сильвия.

Сильвия. Чао, девушки!

Первая женщина. Чао, Сильвия.

Вторая женщина. О, вот и Сильвия!

Первая женщина. Ты так хорошо выглядишь, Сильвия! Ты это платье купила в Риме?

Сильвия. Да, в Риме.

Вторая женщина. И эти туфли тоже в Риме?

Сильвия. Да, тоже в Риме.

Третья женщина. А я ещё ничего не смогла купить себе в Риме.

Сильвия. У тебя всё впереди.

Четвёртая женщина. Я слышала, тебе подняли зарплату.

Сильвия. Да, повысили.

Первая женщина. И как это произошло?

Сильвия. Я ведь сейчас уже не домработница. Я и бонна и… делаю всё по дому. Я его парализованному отцу вытираю… от дерьма… задницу.

Первая женщина. Только задницу?

Сильвия. Да, потому что только задница у него и осталась.

Вторая женщина. Это правда, что ты получаешь кучу денег?

Сильвия. Да, не могу пожаловаться. А вы всё с теми же заработками?

Третья женщина. При всём при том, что я буквально загибаюсь, драя полы в этой швейной мастерской, никому и в голову не приходит платить мне больше. Я вбухала столько башлей в эти силиконы и… всё напрасно: зарплату мне не подняли.

Наташа. А я безработная.

Сильвия. Бедная ты, бедная.

Первая женщина. Говори, дорогая, на румынском.

Наташа. А мы здесь не в Молдове.

Вторая женщина. Она до сих пор не научилась по-румынски!

Наташа. А что, если я не говорю in romana, я не человек?

Появляется Александру, сопровождая сумасшедшего на прогулку.

Александру. Умоляю, хоть здесь не ссорьтесь.

Наташа. Я потеряла работу, когда издохла одна из тех черепах, за которыми я ухаживала, не знаю, может, вам рассказал об этом Борис Кремене. Эта черепаха стоила кучу денег. Из-за этого меня ищет полиция. Не представляю, что и делать!

Первая женщина. Смотри-ка, она знает румынский! А полиция ищет тебя за другое, дорогуша. Не из-за черепах.

Сильвия. Я тоже не могла найти работу так, сразу, с первого дня.

Наташа. Чего бы я ни дала, чтобы быть на твоём месте.

Сильвия. Я тебя понимаю.

Наташа. Не всем везёт.

Вторая женщина. Надеюсь, настанет день, и я тоже не буду мыть полы в этой швейной мастерской. Надеюсь, в один прекрасный день выстрелят и мои силиконы!

Сильвия. Ну, конечно же, выстрелят.

Третья женщина. А я надеюсь, мой муж найдёт мне работу и я смогу переехать к нему в Португалию, где он вкалывает на стройке и так надрывается, таская бетон, что аж крыша у него едет. Уже три года как я нахожусь в Риме, а он – в Мадриде. Надоело.

Сильвия. Желаю вам удачи, девочки!

Раздаётся сигнал машины.

Первая женщина. Машина прибыла, девчата. Чао, Андрея. Чао! Пошли, девочки, что вы все стоите? До завтра, Сильвия!

Девушки уходят. Появляется Виталие. Заходит в дом.

Виталие. Все тебе завидуют.

Сильвия. Вижу.

Виталие. Я горжусь тобой. С завтрашнего дня и я начну трудиться.

Сильвия. Не переживай так сильно, милый!

Виталие (*кушая*)**.** Бывшего хирурга из городской больницы, Алексея Васильевича, помнишь?

Сильвия. Конечно, помню.

Виталие. Он мне сказал, что поговорит со своим хозяином, чтобы тот взял и меня подметать улицы. Говорят, это очень порядочный итальянец.

Сильвия. Не беспокойся, что работаю только я, а ты нет. Ничего страшного…

Виталие. Каждый день иду на площадь, и всех вокруг меня нанимают, а меня – никак!

Сильвия. Дорогой мой, не будем больше об этом.

Виталие. Я себя чувствую не в своей тарелке, что только ты работаешь.

Сильвия. Не думай об этом.

Виталие. Даже Андрей нашёл себе работу садовника у одного итальянца, а мне не удаётся.

Сильвия. Ничего страшного, если ты до сих пор ещё никуда не устроился. Виталие, хочу тебе сказать, что…

Виталие. Слушаю тебя.

Сильвия. Со вчерашнего дня я стала трудиться сверхурочно...

Виталие. Прекрасно, Сильвия!

Сильвия. Со вчерашнего дня я стала трудиться сверхурочно, Виталие.

Виталие. Синьора, не мешало бы выпить за это.

Виталие выпивает стаканчик.

Сильвия. Вчера я легла с Итало.

Виталие. Легла с типом, у которого мы квартируемся?

Сильвия. Это те самые «сверхурочные», о которых я говорила.

Виталие. Что?!

Сильвия. Вчера, вроде бы, ты мне советовал согласиться.

Виталие. Я ничего не помню.
Сильвия. Потому что был мертвецки пьян.
Виталие. Я тебе такое сказал?
Сильвия. Да, сказал. Но прошу тебя, хоть сегодня не пей.
Виталие. Слушаю тебя. Продолжай.
Сильвия. Он позвал меня в соседнюю комнату, схватил за руку и потащил в постель, когда ты смотрел по телевизору футбольный матч.
Виталие. К чёртовой матери, а ты мне сказала, что идёшь за покупками!
Сильвия. Что я могла тебе сказать…
Виталие. И как, хорошо потрахались?
Сильвия. Какое это имеет значение?
Виталие. Имеет.
Сильвия. Даже очень хорошо.
Виталие. Что, он разбирается?
Сильвия. Да, разбирается.
Виталие. Лучше меня?
Сильвия. Не хочу вас сравнивать.
Виталие. И всё-таки?
Сильвия. Да, лучше.
Виталие. А его жена?
Сильвия. Тебя интересует его жена?
Виталие. Да, его жена?!
Сильвия. Его жена присутствовала рядом.
Виталие. Рядом?
Сильвия. Она сидела в кресле и наблюдала за нами…
Виталие. Сидела в кресле и смотрела на вас?
Сильвия. Да, сидела в кресле и смотрела на нас, а он в то время, как раздевал меня, говорил ей, что любит её. Он обнимал меня, а ей говорил, что любит её. Он говорил ей: «люблю тебя, моя роза, солнце моё, люблю тебя», кричал ей, что любит её, когда спускал в меня.
Виталие. А она?
Сильвия. Она отвечала ему теми же словами.
Виталие. Боже, как ты могла на такое решиться?
Сильвия. Потому что ты посоветовал мне согласиться.

Виталие. Странно. В тот вечер Итало пригласил меня перекинуться в карты, но ничего такого подозрительного я в нём не заметил. Да, он был немного встрёпанным и раскрасневшимся, но мне и в голову не могло придти, что он тебя поимел. У меня немного болит голова со вчерашнего. Надо похмелиться. Боже, как у меня болит голова!

Виталие наливает себе стакан водки.

Виталие. Ты не хочешь?
Сильвия. Не хочу.
Виталие. И Итало даст тебе деньги авансом?
Сильвия. Да, даст.
Виталие. И когда он тебе даст денег?
Сильвия. Вот они.

Сильвия бросает деньги на пол.

Виталие. В любой момент может ввалиться Игорь…

Виталие собирает деньги с пола.

Сильвия. Виталие, я себя чувствовала шлюхой.

Виталие собирает деньги.

Виталие. Чудесно.
Сильвия. Я себя ощущала надувной куклой.
Виталие (*пересчитывая деньги*)**.** Замечательно.
Сильвия. Я ощущала себя тряпкой, Виталие, о которую все вытирают ноги.
Виталие (*пересчитывая деньги*)**.** Великолепно. Он настоящий парень, этот итальянец.
Сильвия. Я ощущала себя так, будто кто-то вылил мне на голову ведро с помоями. Я чувствовала, как нечистоты стекали по моему лицу.
Виталие (*пересчитывая деньги*)**.** А ты как хотела?
Сильвия. Не знаю, Виталие.

Виталие. Хотела, чтобы он сказал, что любит тебя?

Сильвия. Нет, не хотела бы.

Виталие. А почему он не спит со своей женой?

Сильвия. Когда она болеет гриппом, он с ней не ложится.

Виталие (*глядя на деньги*)**.** Замечательно. Тысяча, две, три, четыре…

Сильвия. Я противна себе, Виталие, и мне противно то, чем я занимаюсь. И ты мне противен, потому что я ждала, что ты меня удержишь. Когда я пришла из соседней комнаты и рассказала, какое предложение мне сделали, я хотела, чтобы ты мне отсоветовал соглашаться. Я хотела услышать: «Не иди и не делай этого, во имя Творца, не делай этого, ни за что на свете не делай этого, что бы с нами ни сделали Игорь с его дружками». Но ты сказал, чтобы я согласилась, и теперь я чувствую себя оплёванной, я ощущаю себя последней уличной тварью.

Виталие. Пять, шесть, семь тысяч. Успокойся, Сильвия.

Сильвия. Тебе легко говорить: «Успокойся, Сильвия»!

Виталие. Угомонись, Сильвия.

Сильвия. Когда я уговаривала тебя поехать в Рим, я мечтала, чтобы мы заработали немного денег, избавились от этих проклятых частных квартир, в которых мы жили всю свою жизнь, и купили бы себе дом, наш дом. А что хорошего сейчас?

Виталие. Всё, о чём мы мечтали, Сильвия, у нас будет. Мы купим себе дом, с ванной и кухней, дом с садом, в котором будет много цветов, и мы будем их поливать каждое утро. Хоть после сорока мы не будем больше мотаться по квартирам!

Сильвия уходит.

Виталие. Стой, Сильвия, не уходи! У нас будет свой дом, Сильвия. У нас будет свой дом, который будет только нашим. Без соседей. Нашими соседями будут деревья и цветы в саду. Сильвия, стой, не уходи. Куда ты уходишь, Сильвия? Всё, о чём мы мечтали, будет у нас, Сильвия, будет!

Сильвия уходит. Виталие остается один и повторяет эти слова, глядя на ворох денег: «всё, о чём мы мечтали, будет у нас, Сильвия!»

Сцена десятая

Девушки, проживающие в блоке, возвращаются домой. Они выходят из машины и хотят зайти в блок.

Первая женщина. Бля, как же я напилась этой ночью.

Вторая женщина. А меня этой ночью итальяшки буквально разрывали на части.

Появляется Игорь со своими дружками.

Игорь. Что, серьёзно потрудились этой ночкой, девочки?

Дружок Игоря. Вы что, всю ночь драили полы или таскали мешки на вокзале?

Первая женщина. Посторонись, *мщина*!

Дружок Игоря. Только если отщипнете и нам кусочек от вашего пирога.

Вторая женщина. Ничего от нас не получите.

Дружок Игоря. Мэй, что вы бродите под газом по Риму?

Третья женщина. На себя посмотри, *крсавец*.

Четвёртая женщина. Оставь нас в покое, *мжик*.

Дружок Игоря. Только если дадите и нам отщипнуть кусочек. Давай, давай быстрей рассчитывайтесь. Выкладывайте всё, что имеете, иначе будем выгуливать вас завтра по Риму на тракторе – устроим вам экскурсию на мясокомбинат!

Игорь. Хватит смеяться, девочки, вытряхивайте золотишко. Деньги сюда! Взнос портнихи! Капусту!

Дружок Игоря: А то я прямо сейчас позвоню вашим муженькам. Ведь они думают, что вы, не покладая рук, трудитесь в швейной мастерской. Вы портнихи, да? Шьёте юбки, да? Кроите курточки, да? А знают ли ваши муженьки, какие рубашки вы здесь шьёте? Может, послать им фотки, на которых вы согнулись над швейными машинами, с ниткой во рту, снимая мерку с клиентов? Ваши мужья очень бы обрадовались таким снимкам. Надо бы и им узнать, чем вы тут, в Риме, занимаетесь на самом деле. Игорь, а ну-ка позвони Ваве и расскажи, чем зарабатывает денежки его жёнушка!

Игорь. Алло, Вава, как дела, старик?

Приближается одна из девушек.

Первая женщина. У меня есть 50 евро.
Игорь. Нет, ничего, Вава. Я ошибся номером.
Вторая женщина. У меня только 30 евро.
Игорь. Сойдёт и 30 евро.
Дружок Игоря. А вы? Вы чего ждете? Ну-ка вытряхивайте свои кошельки. Иначе…

Слышна полицейская сирена. Все разбегаются.

Игорь. Сегодня вы легко от нас отделались. Но мы вернёмся завтра. В это же время. До завтра, девочки!
Первая женщина. Было у меня 30 евро, и вот их – как не было.

Сцена одиннадцатая

И снова квартира Марко. На этот раз Александру лежит в постели, а Марко стоит у его изголовья.

Александру. Теперь мы поменялись ролями. Теперь я в коляске, он ухаживает за мной. Но он, надо сказать, не очень-то отдаёт отчёт в своих действиях.

Марко поправляет ему подушку.

Александру. Никогда мне и в голову не приходило, что я доживу до момента, когда за мной будет ухаживать итальянец, причём сумасшедший итальянец. Никогда. Но именно сумасшедший итальянец ухаживает за мной. Во всём этом доме только и остались я да этот сумасшедший.

Марко поправляет ему подушку.

Александру. До вчерашнего дня, Марко, столько народу из Молдовы проживало тут. До вчерашнего дня, Марко, я ещё мог

на ступеньках этого блока ежедневно встречать Сильвию, Виталие, Марию, Веру, Наташу или Ирину, с которыми мы вместе путешествовали автобусом, торопились добраться до Рима, где надеялись решить все проблемы, и что осталось от наших надежд? Сильвия стала подстилкой у итальянца, а в один прекрасный день исчезла совсем. И Виталие пропал. Нигде не работал и весь день только и резался в карты с Итало. Игорь с дружками увели его в лес в предместье Рима, привязали к дереву тёмной ночью, и оставили там. С тех пор я ничего о нём не знаю. А Игорь сейчас грабит молдаван, которые возвращались домой. Некоторые из тех, с кем я приехал сюда, спились, многие женщины стали проститутками, одни работают на стройке, других просто отправили назад. Кроме Марии, в этом блоке уже нет никого, с кем я сюда приехал. Но она никогда не выходит из квартиры и ни с кем больше не разговаривает. У Марии умер муж, а она не может вернуться домой, потому что не собрала денег, сколько нужно. Мне больше не с кем говорить, Марко, хотя сейчас, как никогда, мне это так необходимо. А с тобой я напрасно мучаюсь, ответа не дождусь, ведь ты, что ни говори, ничего не понимаешь.

Марко поправляет ему подушку.

Александру. Ты за мной ухаживаешь, Марко? А вообще-то должно быть наоборот. Я должен присматривать за тобой, ведь за это твой сын мне платит.
Марко. Хочешь, чтоб мы пошли домой?
Александру. Ты говоришь?
Марко. Да, говорю и спрашиваю тебя снова, хочешь ли ты идти домой. Я тебе приготовил вареники с брынзой.
Александру. Хорошо, но как ты стал говорить?
Марко. Сначала скажи, хочешь ли ты, чтобы мы пошли домой?
Александру. Ты видишь звёзды, Марко? Я хочу домой, Марко, но к себе домой. Ты когда-нибудь видел звёзды в Молдове, Марко? Они у нас другие, Марко! Наш виноград пахнет по-другому, Марко. Он имеет другой вкус, Марко! У нас даже вареники с брынзой имеют другой вкус, Марко! У нас даже листья опадают

по-другому, Марко. У нас даже ветер дует иначе, Марко! Ты когда-нибудь вдыхал запах сжигаемых листьев? Спал ли когда-нибудь в стоге сена? Ходил ли хоть раз босиком по лесу, Марко? Я хочу домой, Марко…

Мне кажется, что пришёл мой час – чуть позднее, чем мне предсказывали врачи, но он пришёл.

Марко. Глупости.

Александру. Это не глупости, Марко.

Марко. Оставь, ты ещё поправишься.

Александру. Я уже никогда не поправлюсь, Марко. Чувствую, что я лишний человек, ничейный человек, покинутый всеми, как и многие в Молдове. Теперь, когда я ни на что не гожусь, тебе следовало бы выбросить меня на улицу.

Марко. Перестань.

Александру. Ты меня кормишь из ложечки. Делаешь уколы. Кто бы мог подумать? Ты стоишь рядом со мной как верный пёс и смотришь так грустно на меня. Зачем ты меня ещё держишь, когда тебе нет никакой пользы от меня?

Марко. Слушай, давай, не будем об этом.

Александру. Больше всего я жалею, что не смогу помочь жене и моему мальчику. А ты, мне кажется, пришёл в себя! Глаза стали ясными, улыбаешься. Что с тобой происходит?

Марко. Я всегда был таким.

Александру. Всегда?

Марко. Просто ты не замечал этого.

Александру. Твой сын, когда нанимал меня, сказал, что ты сумасшедший, что ты буйный, агрессивный, что ты бешеный и никогда не известно, что ты можешь выкинуть в любой момент.

Марко. Я никогда не был сумасшедшим.

Александру. Но ведь в первый день ты хотел врезать мне стулом по голове? И это видели все: Мария, Виталие, Сильвия, Вера, Наташа, Ирина.

Марко. Я притворился, что хочу тебя ударить.

Александру. Но зачем?

Марко. Чтобы мой сын убедился, что я ненормальный.

Александру. Выходит, ты никогда не был сумасшедшим?

Марко. Никогда. Я такой же, как все остальные, и никогда не был буйнопомешанным.

Александру. Тогда ты очень здорово разыграл этот спектакль, я поверил. Да и не только я. И всё же, зачем ты так упорно демонстрировал своему сыну, что ты сумасшедший?

Марко. Что тебе сказать…

Александру. Скажи, как есть.

Марко. Понимаешь, когда меня бросила жена, а она бросила меня, когда мы ели жаркое из кролика на турбазе в горах, я впал в депрессию. Я бросил адвокатуру, чтобы не видеть её каждый день, потому что и она была адвокатом. Мой сын никогда не понимал меня. Он порвал почти все связи со мной. Он навещал меня раз в три месяца. Все сотрудники коллегии адвокатов отвернулись от меня. Я чувствовал себя совершенно одиноким. Дни напролёт я не видел ни единой души, как будто я жил не в Риме, а где-то в Сахаре или в тундре. У меня в глазах темнело от этого дикого одиночества. Но я не желал идти в дом для престарелых, куда мой сын стремился меня упрятать, чтобы избавиться от меня раз и навсегда.

Александру. И ты придумал историю про сумасшедшего?

Марко. Точно. Чтобы не страдать от одиночества. Я не нуждаюсь в уходе, но мне нужен был кто-то рядом, живая душа, и я совсем не хотел, чтобы меня заставили покинуть дом, с которым связаны самые прекрасные моменты моей жизни.

Александру. Теперь я тебя понимаю. Ты прекрасно разыграл этот спектакль!

Марко. До тебя у меня было несколько надзирателей, так я их назову. Вели они себя, как будто я и впрямь был идиотом. Они меня били, оскорбляли, унижали. Они закрывали меня в ванной и весь день играли в карты. Не давали мне есть. Не разрешали мне выйти погулять. Плевали на меня. Били меня в пах. И вот однажды я ударил одного из них бутылкой по голове. Не потому, что был невменяемым. Я очень хорошо знал, что делаю.

Александру. Наверное, ты думал, что и я такой.

Марко. Вначале, да. Но потом понял, что ошибался.

Александру. У меня есть брошенный дом в деревне, Марко. Давай поедем туда, Марко. Возьмём и моего сына. Сколько нам нужно, чтобы выкрутиться? Совсем немного. Поедем в Молдову,

Марко! Поедем, Марко, прямо сейчас… Я задыхаюсь, Марко. У меня туман в глазах. Язык пересох. Я не могу дышать. Кружится голова. Чувствую, что пробил мой час. Я уехал в Италию на заработки, когда узнал, что болен, и надо было помочь семье. Но я уже ничем ей не помогу. Подумать только – обо мне писали во всех газетах Молдовы. Писала газета «Тимпул», другие газеты. Георге Быткэ писал обо мне. Какие же острые на язык эти журналисты! Однако никто мне теперь не подсобит, мечта моя не сбылась. Моя жена безработная и пьёт. Сын мой беспризорный. Все мои жертвы были напрасны. Не смогу я помочь жене и сыну. Моему мальчику, которого я не видел три года и не знаю, увижу ли когда-нибудь.

С этого момента Александру открывает рот и шевелит губами, как бы произнося слова, но не будет слышно ни звука.

Марко. Я буду заботиться о них. Я буду заботиться о них. Поверь мне, я буду заботиться о них.

Марко удаляется с коляской. Появляется юноша, который обращается к нему.

Юноша. Не сердитесь, господин, я хочу вас кое о чём спросить…

Марко не слышит его и идёт дальше. Юноша обращается к другому прохожему.

Юноша. Не сердитесь, господин, я хочу вас только спросить. Знаете, я ищу отца. Я приехал из Пармы, но там его не нашёл. Я был и в Чивидале, и в Турине, но и там его не оказалось. Я не могу его найти. Кто-то мне сказал, что его можно найти в Риме. Вот его фотография. Он уехал из Молдовы три года назад, и с тех пор никто о нём ничего не знает. Он нам не писал, не звонил. Моя мать умерла от алкоголизма. Отец в последнее время ухаживал за каким-то сумасшедшим. Не обижайтесь, может, вы случайно видели где-нибудь моего отца?

Занавес.

Перевод Мирославы Метляевой-Лукьянчиковой

Роман с продолжением

Истинный романист – это человек, наделенный отменной памятью и убежденный, что такой же памятью обладает читатель.

Эрвин Кобб

Николай и Светлана Пономарёвы

ГОРОД БЕЗ ВОЙНЫ

Роман

(Продолжение. Начало см. «ГС» №№3-4)

5

К вечеру Сашка знал всех парней в бригаде – их было всего шестеро. Они то выбирались из своих комнат к столу, то опять исчезали. Командором оказался высокий, непомерно худой парень с выгоревшими на солнце волосами. Вид у парня был то ли задумчивый, то ли равнодушный и, когда Сашку ему представили, посмотрел он как будто насквозь и сразу отвернулся. «Его все зовут Шиз», – Кеша многозначительно повертел пальцем у виска. Впрочем, на самом деле бригадой руководил Олег. К обеду и ужину Олег выдавал ребятам консервы и крупу в бумажных пакетиках. Он же распоряжался флягой с колоночной водой, которую наполняли дежурные. Все продукты хранились у него в комнате. «У кого же ещё? – пояснил Кеша. – Остальные или схавают всё разом, или на водку поменяют, а я бы, допустим, в частный сектор продал». День для Сашки проходил как в тумане: он запоминал кого-то, слушая бесконечную болтовню Кеши, куда-то ходил, даже умудрился поесть застывшей тушёнки из жестяной баночки, но ему постоянно казалось, что это сон, что ему здесь не место и правильнее будет убежать прямо сейчас. А тем временем наступил вечер. В выбитое окно комнаты потянуло холодком. Сашка сидел на лежанке, обхватив ноги руками, и размышлял, переживёт ли он эту ночь или раньше замёрзнет. Чёрная форменная куртка с жиденьким утеплителем внутри почти не согревала. Кеша меж тем то заходил в комнату, то куда-то исчезал, но вскоре, наконец, пришёл окончательно. Оглядел дрожащего Сашку и участливо поинтересовался:

– У тебя что, другой одежды нет?

– Нет.

– Сирота, что ли? Нет? Ладно, надо будет тебе у падальщиков что-нибудь купить. Завтра сходим.

– У падальщиков? – Сашка от удивления даже рот открыл. – У них что, и тут магазин? Но они же… Они с трупов вещи продают. Я не могу к ним идти!

– С трупов. Ну и что? – Кеша косо усмехнулся. – У них же всё постиранное. А ты что, предпочитаешь околеть из-за своих дурацких принципов? Брось! Да и потом, у них просто ворованного гораздо больше. А то кто сейчас дохнет? Бомжи. Чего с них снимать? А в форме ходить не надо.

Сашка пожал плечами. Караванному агентству «Красные братья», попросту падальщикам, казалось, уже принадлежал весь город. На самом деле, конечно, и Сашка в это верил свято, городом управлял Глава. Но Главу мало кто мог видеть, а магазинчики «Красного братства» встречались на каждом углу. Служить у падальщиков было прибыльно, потому что платили они хорошие деньги, но также рискованно, потому что их ненавидели и могли при случае даже убить. Разумеется, руководителей «Братства» никто не трогал, так как жили они в хорошо укреплённых загородных посёлках, а в город приезжали только с большой охраной, состоящей из наёмников-пустынников. Но то руководители, а рядовые пацаны-падальщики подвергались постоянной опасности. Впрочем, выбора у них не было: «Красное братство» набирало ребятишек из самых бедных семей. Из таких, для которых кроме приюта падальщиков был, пожалуй, только один исход – голодная смерть. «Красное братство» не гнушалось ничем: пока взрослые занимались торговлей и перевозкой грузов между городами, мальчишки обирали трупы после боёвок и в бедных районах города, разрывали развалины в поисках пригодных вещей и просто воровали. Сашка, как и все его друзья по Корпусу, презирал падальщиков, но не мог не понимать, что, если бы они не торговали в городе лекарствами, его матери нечем было бы снимать сердечные приступы – городская аптека давно продавала только вату и бинты.

– Да, – сказал Кеша через несколько минут. – В форме ходить нельзя. Особенно если чего-то задумал, как мы сегодня. Возьми на моём лежаке фонарик, а я пока окно заделаю. И сразу пойдём.

Кеша достал из-за шифоньера плотный лист фанеры и принялся закреплять его в оконном проёме. Стало очень темно.

Сашка включил фонарик. Кеша порылся в тумбочке и вытащил оттуда револьвер.

– Видел какой! – похвастался он. – Хороший ствол, я его почти весь сам собрал. Правда, патрона всего два, но если чего, то отобьёмся…

Они долго брели среди развалин прошлой эпохи. Когда-то, до войны, здесь жило множество людей, ездили машины, бегали дети. Теперь остался только мёртвый камень и крысы. Горожане остерегались селиться рядом с таким опасным местом, штурмовики с наступлением темноты затихали, поэтому и тишина ночами здесь стояла просто нечеловеческая. Сашка, наверное, только сейчас как следует убедился, что война была на самом деле. И не такая вялая, как сейчас. Конечно, и сегодня продолжаются стычки между городами, а чаще – просто между бандами, и парни гибнут сотнями, но здесь-то погибли тысячи, и не военных, которые, в конечном счёте, предполагают для себя такой финал, а вполне мирных жителей. Сашка родился и вырос в центре города, где многие и не знают, что война продолжается. То есть знают, конечно, но живут мирной жизнью. Там работают гимназии, рестораны, завод и мастерские, есть университет и гвардейский Корпус.

Сашка поёжился. Кеша, всю дорогу деловито молчащий, вдруг остановился.

– Тс-с-с, – шепнул он. – Здесь где-то коммуна «Злых хиппи».

– Кого?

– Ну, этих уродов, которые за мир во всём мире. Они, если встретят, то непременно отпинают. Конечно, хиляки, но ходят всегда такой кодлой, что сразу убегай и всё. У них хорошо коноплёй разживаться. Они её где-то выращивают. Вот бы это место найти…

Сашка с Кешей тихо прошмыгнули мимо обвешанной фонарями пятиэтажки, откуда доносились крики «Харе!!!», «Свободу!!!», женский смех и визги.

– Вон обкурились как, – шепнул Кеша. – Они совсем тронутые, если кислоты нажрутся. А богатые, блин! Столько электрического света ночью во всех развалинах не сыщешь.

Дальше парни, как тени, сновали от развалин к развалинам, шарахаясь от редких пьяных голосов.

– Вот где-то здесь, – вдруг остановился Кеша, зачем-то принюхиваясь. – Здесь в подвале магазин радиотоваров был до бомбёжек, его здорово засыпало, но мы проберёмся. Его падальщики начали откапывать. Они тут вечно роют… Там ничего целого, конечно, нет, но детали попадаются полезные.

Кеша нагнулся, посветил фонариком и нырнул в совсем неприметный лаз. Сашка полез следом. В одном месте лаз стал особенно узким, и дышать стало трудно.

– Сюда, сюда, – крикнул из глубины Кеша. – Почти пришли. Тут подвал.

Сашка дёрнулся, пролез дальше и очутился на лестнице, ведущей вниз. Впереди едва различимо подсвечивал себе дорогу Кеша.

– Я здесь где-то упаковал транзисторов и микросхем немножко. И ещё несколько динамиков. О, чёрт, где же они?

Сашка присел на кусок арматуры, а Кеша шумно принялся перерывать окрестности.

– Вот ящик, только один почему-то. Сволочи падальщики, пронюхали, – вдруг заругался он. – Говорил Хныку, гадине, в прошлый раз – давай побольше возьмём, так он упёрся. Приду – убью.

Кеша подошёл к Сашке, держа в руках какую-то коробку.

– Ладно, дома проверим, годное или нет.

Парни полезли на поверхность. Наверху стало очень холодно, со степи дул пронизывающий ветер. Собирались тучи. Луна то скрывалась за ними, то выглядывала. Кеша фонарик включать категорически отказался, поэтому пришлось идти наощупь. Не успели они пройти и ста метров, как недалеко показалась группа, освещающая себе путь большими круглыми фонарями.

– Ух, это охранный отряд падальщиков, – шепнул Кеша и тотчас бросился в сторону. Однако группа заметила их.

– Стойте! – крикнули они. – А то будем стрелять!

Сашка с Кешей спрятались за ближайшей грудой камней.

– Не стреляйте, пацаны, – крикнул Сашка.

– Это наше место! Вам сюда нельзя ходить!

– Нам здесь ничего не надо!

Стало тихо. Падальщики, видимо, соображали, что им делать с незнакомцами.

– Мы вам не верим! – крикнули они и тут же начали стрелять. Стреляли в темноту, наугад, не совсем понимая, где прячутся противники. Сашка вжался в серые камни и протянул к Кеше руку:

– Давай ствол!

– Ты сдурел, – шепнул Кеша. – Там два патрона всего. Лежи тихо, может, постреляют и уйдут.

Падальщики прекратили стрельбу и стали переговариваться. Сашке это совсем не понравилось.

– Сейчас они пойдут искать наши трупы, и, если мы ещё и живы, они это исправят, – зашипел он. – Давай пушку, быстро.

Кеша молча протянул револьвер. Падальщики разделились на две группы: двое пошли дальше к засыпанному магазину, а двое действительно направились в сторону каменной груды. Сашка с Кешей лежали, не шевелясь и не дыша. Теперь и Кеша понял, что без стрельбы не обойтись, и боялся только одного: что Сашка зря истратит драгоценные патроны. Но Сашка промахиваться не собирался и, когда один из падальщиков поравнялся с их укрытием, выстрелил тому точно в голову. Парень мешком свалился на камни.

– Стреляй во второго, – не выдержал Кеша. – Уйдёт!

Но второй действительно уходил. Петляя как заяц, он бежал по кучам мусора в сторону своих и орал во всю глотку.

– Сваливаем, – Сашка быстро выдернул из рук убитого оружие и, пригибаясь, помчался в сторону их высотки. За ним, тяжело дыша и отплёвываясь, ломился Кеша. Ящик с деталями он так и не бросил.

В своё жилище парни ворвались мокрые от пота. Кеша свалился на пол в большой комнате и тихо постанывал. Сашка сел рядом и только сейчас, при свете тусклой коптилки, рассмотрел трофей – неплохой пистолет-пулемёт, начищенный, с почти полным боекомплектом. На клейме было написано «P. BERETTA _ ARMY ROMA». Буквы эти прыгали перед глазами, перемежаясь зеленоватыми полосами, и Сашка подумал, что это от сотрясения.

– А ты хорош побегать, – наконец выдавил Кеша. – Я чуть не помер.

– Кто там чуть не помер? – донеслось из коридорчика. В комнату вошёл Олег со свечкой в руках, оглядел ребят с ног до головы и приказал:

– Рассказывайте.

Кеша виновато опустил глаза и забормотал что-то не совсем вразумительное. Олег махнул рукой и повернулся к Сашке:

– Теперь ты.

В комнате собирались парни.

– На нас напали падальщики, – сказал Сашка. – Они начали стрелять первые. И оружие у них неплохое.

– Та-ак, – недобро протянул Олег, – ты хочешь сказать, что в форме штурмовика ввязался в стычку с падальщиками?

Сашка посмотрел на свою теперь уже грязную куртку и промолчал. Вспомнились слова Кеши, что в форме ходить нельзя.

– Ты «Кодекс штурмовика» читал, придурок? – разозлился Олег.

– Нет, не читал.

– Иди в комнату и читай, а ты, Янсен, останься, у нас с тобой особый разговор будет.

Сашка встал и под косыми взглядами группы пошёл к себе. Добытая «Беретта» осталась на столе. «Не хватало, чтобы меня выперли ещё и отсюда», – тяжело подумал Сашка. В комнате было настолько темно, что «Кодекс штурмовика» нельзя было не только прочитать, но и найти. Сашка залез на подоконник, вытащил фанеру. В глаза ударил бледный лунный свет, подул ветер. Сашка с опаской посмотрел вниз – высота показалась нереальной и… почему-то зовущей. Чуть наклонись – и всё. Все проблемы решены, всё позади. Сашка, не отрываясь, смотрел в тёмную пропасть, а мозг автоматически анализировал то, что только что произошло: выгонят – не выгонят, что там написано в «Кодексе», что он сделал не так… Нет, всё было правильно. Сашка вспомнил своего тренера по стрельбе. Даже он бы не придрался. Выстрел в темноте, в бегущую на тебя мишень, с расстояния примерно пяти метров… Сашка не промахнулся, всё сделал правильно. Всё, как учили. Тогда что же не так? Он вспомнил короткий хлопок выстрела, то, как дёрнулся в руке револьвер. Револьвер? Сашка достал из кармана Кешино оружие. Машинально вытащил оставшийся патрон. Калибр 10,4 мм. Такие в городе не так просто достать, чаще

пользуются «девятками»… Патрон лежал на ладони. Небольшой и вполне безобидный. Только вот такого патрона вполне достаточно, чтобы его, Сашки, не стало. Никогда он не разглядывал патроны. На учениях их выдавали упаковками. Взял, зарядил, выстрелил… Мишени из крашеной фанеры натягивались на тросах, неожиданно поднимались то слева, то справа от стрелка. Некоторые из мишеней могли даже довольно правдоподобно двигаться на человека. Кусок фанеры, несущийся на тебя. Силуэт в каске. Стандартный рост – метр семьдесят… А этот падальщик? По спине у Сашки пробежал противный холодок. Падальщик был ниже, гораздо ниже, даже если считать, что шёл, пригнувшись. «Ерунда, что мне до его роста», – старательно подумал Сашка. Но мысль, уже родившаяся, не давала себя заглушить. Пацан был малолетний. Не старше двенадцати. И упал так по-мальчишески – калачиком, как будто отдохнуть ложился… Сашке стало страшно. Сильный, безотчётный страх, от которого леденеет всё внутри и начинают дрожать руки, охватил его. А он ещё не мог понять, что сделал неправильно! Да ведь никогда, ни разу ему не приходилось стрелять в человека!

«Надо было целиться по ногам, – лихорадочно размышлял Сашка, – одному в ногу и второму, убежать бы мы успели». Как наяву встали перед ним развалины. И вышло, что можно было вообще не стрелять. Просто перебежать за другую кучу камней, потом чуть левее… Или правее… Можно было попытаться. Стрельба падальщиков была хаотичной и бестолковой. Никакого вреда она им с Кешей не нанесла бы… Не надо было стрелять, не надо… А если надо, то по ногам… Сашка с трудом перевёл взгляд вверх и понял, что голова кружится. Можно было в любую секунду упасть. Он разжал ладонь, в которой стискивал патрон, и тот ускользнул в темноту. Даже звука падения слышно не было. Сашка бросил следом револьвер, спрыгнул с подоконника и лёг на лежанку, закрыв голову руками. Картинка перестрелки крутилась снова и снова. Он как будто решал задачу. И всё время находился новый способ, как можно было поступить по-другому. Это были нелепые и нереальные способы, но всё равно они выглядели лучше, чем то, что произошло на самом деле…

Вошёл Олег, уселся по обыкновению на тумбочку и неожиданно сказал:

– А ты молодец, не ожидал… Только ствол, который подобрал, поменяй, может, он меченый. И «Кодекс» почитай, а то ещё раз облажаешься…

Олег ушёл, а Сашка продолжал лежать, вглядываясь в темноту. Рука всё ещё как будто ощущала отдачу от револьвера. «Одним из главных достоинств револьвера является его постоянная готовность к стрельбе. Не нужно производить никаких дополнительных действий – достал и стреляй», – вспомнились слова тренера на первом занятии. Сашка почти ясно почувствовал, как его ладонь тянет вниз деревянная рукоять: «Сразу ты не попадёшь, – заранее успокоил тренер, – этот револьвер весит почти килограмм, да плюс отдача. При стрельбе ствол будет ощутимо дёргаться, потом привыкнешь». Яснов стоял рядом, с таким же револьвером в руке. Илья набрал самое большое количество очков на первых стрельбах. И что ему вечером сказал Краев? «Это не главное, если ты, конечно, не собрался в снайперы. К примеру, из автомата палить может и полный дебил. Вы же у нас скорее охранники, чем убийцы, для вас главное – голова…» Зачем вспоминать всё это сейчас, здесь? Здесь, похоже, правила другие. Олег вон сказал – молодец… Утешение было слабое. «Любой бы выстрелил на моём месте», – сказал Сашка сам себе. И сам себе не поверил. Было страшно. Даже сумрак в комнате пугал. Сашка вжался в холодную стену. За дверью слышался какой-то шорох, потом что-то упало. Но это было где-то там, как будто очень далеко. А здесь, кроме него и тусклого лунного света, ничего не было. Точно так же луна светила и в центре. Точно так же пробивался её свет через лёгкие шторы в квартире, где Сашка жил с родителями. Иногда, в ранних зимних сумерках, когда в квартире отключали электричество, мама садилась проверять тетради рядом с Сашкиной кроватью. Отблески от керосинки и лунные квадратики мешались, путались на обоях. И от этого маленькому Сашке казалось, что спать хочется немыслимо, только коснись щекой подушки. И всё-таки сквозь сон он ещё успевал почувствовать, как мамина рука гладит его по волосам, как мама поправляет на нём одеяло. Это было так давно… И теперь никогда уже не будет. Он вырос.

А после того, что он сегодня сделал, маме и прикоснуться к нему будет противно. Она ведь мечтала, что сын станет медиком и будет жизни спасать, а он… Сашка почувствовал, как устал за этот час. Лунные блики на стене стали колыхаться, менять свои очертания, превращаться в мертвенно-бледные лица. Сашка зажмурился. Лица не исчезали. Они закружились в хороводе, и на каждое их движение Сашкин мозг реагировал мгновенно: расстояние, скорость и траектория пули, поражающая сила… Как будто не осталось в Сашке ничего, кроме чётких гвардейских инструкций. Сашка засмеялся. Сначала слабо и негромко, потом сильнее и сильнее, ударяясь головой и локтем о стену. Как будто развернулась в нём таившаяся до сих пор пружина и вытолкнула наружу этот смех. Скрипнула дверь. Темнота шарахнулась в разные стороны, словно опасаясь за себя. Но Сашка не слышал скрипа, не видел свечного света – его колотило, и остановиться он не мог. Лицо… Траектория… Отдача в руке… Сашка закашлялся, захлебнулся смехом и слезами. В груди заболело. Кто-то поднёс свечу к самому его лицу, и Сашка увидел над собой Витьку Шиза.

– Привыкай, – произнёс командор…

6

Проснулся Сашка от холода: за ночь погода окончательно испортилась, в наспех заделанное окно дуло, и влетали мелкие капли дождя. Кеша спал, отвернувшись к стене. Конечно, он не мёрз в своей утеплённой куртке, к тому же под ним лежало свёрнутое вдвое армейское одеяло и какой-то рваный полосатый плед, наверняка, добытый в развалинах. В квартире царила тишина. Сашка встал, выглянул в большую комнату – никого. Пустота и беспорядок. Сашка поёжился, покрепче запахнулся в форменку и втянул руки в рукава. Однако теплее ему не стало. Холодно было в комнате, холодно было в душе. Даже голова была какая-то на удивление пустая и холодная. И мысли в ней перекатывались вяло, как стылые камни. Что-то надо было делать. Двигаться. Жить обычной жизнью, как раньше. Тогда всё наладится. Сашка кое-как вытащил из себя воспоминание о том, с чего начинался день в Корпусе. Конечно, с толчеи в умывалке… Он прошёл к маленькому закутку, где из стены торчали водопроводные трубы, открутил

вентиль. В подставленное снизу мятое ведро потекла тонкая струя буроватой воды, Сашка тронул струю пальцем – она была ледяная. Мыться и чистить зубы не захотелось. В бывшем санузле он обнаружил полуразвалившийся унитаз и ванную, покрытую почти новой голубой эмалью. Ни тем, ни другим ребята почти не пользовались – для всех целей больше подходили соседние развалины. Сашка сел на край ванной и тупо уставился перед собой. Прежней жизни не получалось. Ни в целом, ни в мелочах. Может, он просто не годится в штурмовики? И вообще в военные? А на что он тогда годится?

– Что, желторотик, купаться собрался?

Сашка вздрогнул и обернулся. В дверях стоял Лёва с пустой бутылкой в руках.

– Я когда трезвый, всегда бесшумно хожу, – похвалился он. Сашка поморщился.

Лёва был некрасив: рыжие немытые космы свалялись, длинные худые руки неуклюже торчали из рукавов засаленного ватника, лицо с узкими отёкшими глазами казалось землистым и помятым. А ещё он был, несомненно, опасен – это Сашка почувствовал ещё вчера.

– Чего скривился? – Лёва смотрел на него бледно-зелёными глазами. – Новые друзья не нравятся?

– Давай потом поговорим, – тихо сказал Сашка, – а пока я пойду.

Но рыжий вдруг заслонил дверь.

– Куда? Так не положено. Надо бы это, – он щёлкнул пальцами по горлу, – пузырь друганам поставить. За вчерашнего ханурика. Замочил – обмой.

Сашка встал и попытался отодвинуть Лёву с дороги. Но тот ухватил его за рукав.

– Ты что, глухой, салабон? Я говорю, возьми тару, принеси бухла. Ты ведь не особый здесь и не дома.

– Отвали, – грубо сказал Сашка.

Лёва такого ответа не ожидал, но отреагировал быстро. Левой рукой он схватил Сашку за форменку, а правой, с бутылкой, замахнулся. Сашка перехватил эту его руку, дёрнул вниз и коленом сильно ударил Лёву в живот. Тот захрипел, пытаясь вдохнуть.

Сашка выкрутил у него бутылку, отбил днище о край ванной и спиной, закрываясь получившейся «розочкой», попятился в большую комнату.

– Уделаю гниду! – наконец, заорал ему вслед Лёва.

«Чушь, – спокойно подумал Сашка, – На осколки ты не полезешь!»

На крик Лёвы выбежали Олег со своим малолетним соседом Хныком и Кеша. Сашка расслабился. Сейчас Олег во всём разберётся. Олег разобрался. Он в одну секунду оказался у Сашки за спиной и вывернул его руку так, что у Сашки слёзы выступили на глазах, а бутылка упала и разлетелась на мелкие кусочки. На Лёву Олег направил пистолет.

– Тихо, – сказал Олег. – Тихо, успокоились все.

– Вы что, суки! – Лёва удивлённо смотрел на парней. – Я, ёмоё, воевал, а он – он из Корпуса! Они там, как что, так за нами прячутся. Только Главе задницу лизать способны! Вы что, отморозка этого пожалели?

– Ты всё сказал? – Олег немного ослабил захват, и Сашка стал потихоньку распрямляться. – Я не стану разбираться, кто из вас отморозок. Ещё одно нарушение правил – заявлю в спецотряд. Понятно?

Лёва скривился, но возражать не стал. Олег медленно опустил пистолет и повернулся к Кеше:

– Объясни своему нервному соседу, что такое спецотряд.

Олег ушёл, а Сашка машинально растирал затёкшую кисть и думал, какой же тот всё-таки сильный.

– Я тебя всё равно замочу, тварь! – пробормотал Лёва и убрался в свою комнату.

Сашка посмотрел под ноги, наступил на один из бутылочных осколков. Осколок противно хрустнул. Хорошо, что Лёва не бросился в драку. Бутылкой ведь и зарезать можно было.

– Ну что, идём? – осторожно спросил Кеша.

Они вошли в комнату, и только тут Сашка увидел, что у Кеши огромный синяк на лице.

– Кто это тебя?

– Да парни отпинали, – невозмутимо отозвался Кеша и как ни в чём не бывало уселся зашивать распоротый шлем. – Представляешь,

я вчера так скоро за камни прятался, что аж шапку порвал. Ну зато сам жив.

– Они – звери, – шёпотом сказал Сашка.

– Они не звери, они правы, – Кеша улыбнулся и поморщился от боли. – Я ведь тебя в форменке повёл. А если бы падальщики это разглядели? Они ведь знают, где штурмовики живут. Вычислили бы нас да шарахнули в окно из гранатомёта. Вот все бы и накрылись, а я виноват. Да и в магазин лазить не стоило – это их территория. Всё, что здесь гниёт и валяется, их собственность. Если бы Олег знал, куда мы собрались, обоих прибил бы. Даже до спецотряда дело бы не дошло. Это, кстати, нашего патрона Тоффельта расстрельная команда. Считается, что они преступления и всякий беспредел расследуют, но это так, фигня. На кого им заявили, считай, подох.

– Кеша…

Кеша обкусил нитку и выжидательно смотрел на Сашку.

– Я пойду, погуляю, – наконец, выговорил Сашка. – Один. Ты не ходи за мной.

– Да? – Кеша вздохнул. – Хорошо. Кстати, а куда ты вчера мой револьвер дел?

– Потерял, – соврал Сашка…

На улице накрапывал противный осенний дождик. Ветер дул с севера и приносил какие-то фабричные угарные запахи. На фоне туч, напоминающих клочки застиранных серых кителей, разбросанных по небу взрывом, дом смотрелся совсем угрюмо. Он казался дырявым каменным мешком. Разнокалиберные дыры были затянуты плёнкой, забиты досками, в некоторых торчали стёкла. Из одного окна шёл дымок. Такой же серый, как и всё вокруг. Каменный мешок был мёртв: ни вздоха, ни движения. Куда-то исчез даже часовой, которому надлежало находиться у выхода. Сашке вдруг захотелось уйти отсюда навсегда, забыть развалины, как гадкий сон. И никогда, ни за что не связываться больше с войной… Потому что так, как живут штурмовики, не могут жить нормальные люди. Может, человеку вообще не свойственно стрелять в себе подобного? Сашка остановился. Мысль была странная. «Город окружают враги. Они должны быть убиты!» – это элементарно, правильно и ясно. Иначе враг убьёт тебя. Вчерашний паренёк снова встал перед

глазами, и Сашку мучительно затошнило… «Никакой я не солдат, – подумал он горько, – почему я не понял это раньше, в Корпусе?»

Он пошёл по развалинам в ту сторону, откуда привёл его Эдик Кролик. Он не очень хорошо помнил дорогу, поэтому постоянно спотыкался и проваливался в кучи мусора. Дождь усилился, и вскоре под ногами вспенивались мутные лужи. В такую погоду лучше всего было бы сидеть дома у зажжённой плиты или в тёплой казарме Корпуса. Сашка обернулся. Возвращаться под крышу не хотелось. Развалины вызывали только одно желание – уйти как можно скорее. Желание, которое не могло родиться в Корпусе. Никогда Сашка не хотел покинуть Корпус. Даже во время изматывающих учений, ночных тревог и ежедневных пробежек по десять километров в жару и дождь. Даже тогда, когда в наказание лишали редких увольнений и запирали в тёмной подвальной комнатушке. Ничего не могло случиться в Корпусе такого, чтобы бросить всё и убежать… Опять выплыло воспоминание об Илье Яснове. Ильюхе всегда легче давались тренировки, занятия, соблюдение дисциплины. Может, потому, что он был немного старше Сашки. А, может, потому, что два года прожил в приюте и привык во всём полагаться только на себя. Наверное, и в развалинах Илья прижился бы. Впрочем, теперь он, наверное, уже в другом городе. В Бельске. Там, куда и собирался. Это возможно. Хотя вероятнее другое – Илья просто погиб. Потерялся в буре и умер от жажды. Или дикие пустынники отрезали ему голову и выставили на пике всем на устрашение. Или его нашли уроды из Конторы, поставили к стенке, расстреляли… А, может, он вернулся. Не смог никуда уйти. Где-нибудь сейчас прячется в развалинах… Прячется. Стоп! Сашка остановился, озираясь.

Оказалось, что он дошёл до остановки автобуса. Той самой, на которую вчера принесло его по недоразумению и собственной глупости. Сашка уставился на нацарапанное углём на куске фанеры расписание. Дневной рейс отправлялся в 14.40. Если сесть в автобус, то через полчаса он окажется дома…

– Эй! Эй, слышишь?!

Сашка огляделся, и под козырьком одного из деревянных бараков на противоположной стороне площадки увидел парня, который приветственно махал рукой:

– Давай сюда!

Сашка ускорил шаг и, уже подходя, узнал парня: это был Женька Коньков из их группы. Женька был беловолосый, голубоглазый, с ямочками на щеках и выглядел так, что мог бы играть в спектаклях умного и воспитанного подростка из очень-очень благополучной семьи. Только шрам на подбородке его слегка портил. Сашка вспомнил, что вчера Женька всё время крутился возле Лёвы. Наверное, они были друзьями.

– Чё, заблудился? – осведомился Женька, выбрасывая окурок. – А я смотрю: торчишь тут, как вошь на лысине. Куда тебе надо-то?

Сашка пожал плечами.

– Тогда заходи. Это наша забегаловка. Только для штурмовиков. Можно выпить, погреться. Идёшь?

Внутри забегаловки было сыро и темно. Окна заколочены, на полу – подозрительные лужи. Под потолком висело несколько керосиновых ламп, освещавших разве что самих себя. Разношёрстно одетые штурмовики сидели за столами в дальнем углу. Пили они тихо, и это было удивительно. «Помер, наверное, кто-то, – решил Сашка, – а это поминки». Женька меж тем направился к стойке, заставленной пустыми стаканами. За ней стоял немолодой мужчина в сером вязаном свитере и, лениво стряхивая пепел себе под ноги, курил.

– Что, пацаны, – поинтересовался он, – пить будете? Спирт, водка, вино?

Сашка увидел за его спиной чёрный телефонный аппарат.

– Позвонить можно?

– Полмарки, – кивнул мужик.

Полмарки было дорого, но выбора не было, и, бросив на стойку мелочь, Сашка пошёл к аппарату. Телефон был старый, громоздкий и солидно блестел лакированными боками. Сашка снял трубку, медленно набрал номер соседей. Зачем он собрался звонить, сказать было трудно. Но если бы мама хоть что-то заподозрила, позвала бы его домой, он бы, наверное, не задумываясь, побежал отсюда. Пешком.

– Слушаю, – сказал женский голос на том конце провода.

– Это Саша Ерхов, – Сашка облизнул внезапно пересохшие губы. – Мне маму…

– Саша, говори громче! Ты из Корпуса? Мама ушла в больницу. Она неважно себя чувствует после всей этой истории с Конторой. Что-нибудь передать?

– Не надо, – сказал Сашка уже разборчиво. – То есть скажите, что у меня всё хорошо. Что я приду в увольнение, как только смогу. Пусть не беспокоится…

Сашка повесил трубку на рычаг. Домой было нельзя. По крайней мере, сейчас. Он вышел в зал. Народу там явно прибавилось, стало шумнее. Женька с бутылкой какого-то пойла сидел за крайним столиком. Сашка подошёл и сел рядом.

– Будешь? – спросил Женька, кивнув на бутылку.

– Нет.

– Тогда давай так поболтаем. Слышал, вы с Лёвкой сцепились? Вся этажка про это гудит. А чего, если не секрет?

– Много хочет, – сказал Сашка. – Я ему не нанимался спирт покупать.

Женька задумчиво свистнул:

– А у тебя что, друзья крутые? Или ты думаешь: один свои проблемы разгребёшь?

– Какие проблемы?

– Жить надо по правилам, – объяснил Женька. – А по правилам вновь пришедший должен понравиться уже живущим. Вот Лёвке ты очень не понравился.

– А я не девушка, чтобы ему нравиться, – оборвал его Сашка.

– Ну-ну, – Женька покачал головой. – Только ты не думай, что ты такой сильный и тебе всё сойдёт. Тут не Корпус, захотят – уделают, и вякнуть не успеешь…

– Я понял, – Сашка встал. – Ты меня напугать хочешь. Только у меня времени на это нет.

Он вышел на улицу. И, стараясь перешагивать лужи, отправился назад в этажку. Домой вернуться никак нельзя, а, значит, придётся терпеть всё, что угодно: холодные ночи, отвратительный паёк, соседа Лёву, который не упустит случая ему отомстить за сегодняшнее. А, может, он и привыкнет. Привыкли же другие. Может, всё проще, чем ему показалось. Просто мир вокруг слишком резко изменился, и он не успел

освоиться. А для всего нужно время. «Неужели я и правда привыкну к тому, что натворил вчера?» – с ужасом подумал Сашка.

Высотка с номером 31 нашлась на удивление быстро. Сашка вошёл в подъезд и сразу увидел часового – бледного маленького подростка в огромной ватной куртке, которая болталась на нём, как на вешалке. Подросток курил самокрутку и поминутно сплёвывал на пол через выбитый передний зуб.

– Куда? – спросил он без энтузиазма.

– Я из группы Воронцова, – ответил Сашка и полез через мешки к лестнице.

– Стой, – раздалось сзади. Из тёмного угла показался здоровенный детина, бритый наголо и с автоматом в руках. – Дай-ка тебя запомнить.

– А ты кто? – насторожился Сашка.

– Это ты кто? А я комендант здешней общаги, зови меня Волк, – детина внимательно рассмотрел Сашку со всех сторон и, кажется, остался доволен. – Сойдёшь, а то в последнее время всё доходяг каких-то присылают, – и он с усмешкой кивнул на бледного. – Правда, Шакал?

Бледный пожал плечами и отвернулся.

– Так это ты утром на Лёву с бутылкой кинулся?

Сашка напрягся: слишком много сегодня об этом говорилось, но Волк закончил неожиданно:

– Правильно сделал. Но теперь не боись – я этого рыжего предупредил, что, если к тебе сунется, ответит по полной. Нас и так мало, чтобы друг друга по дурным поводам убивать. Вообще Лёва – трус и слабак. Я ему давно уже говорил, чтобы уматывал хоть к дьяволу, хоть к падальщикам… Правда, раньше он нормальным парнем был, но сломался. Запил. Такое бывает. Вообще в «Штурме» парни разные. Есть группы, где говнюк на говнюке. Там бы тебя сегодня уже закопали. Но в нашей этажке – всё по понятиям. Пока я живой. И братва вроде пока нормальная. Вот Шак, например, я его сам подобрал, рылся тут в отбросах, а теперь родину грудью защищает! Защищаешь, Шакал?

– Да, Волк, защищаю, – ответил Шакал, продолжая курить.

– Так что Лёву не бойся, – закончил разговор Волк, – но и сам его не трогай. И не дай Бог тебе кого-нибудь из бригады убить. Тогда хана тебе…

В комнате пахло соляркой – Кеша чистил трофейный пистолет.

– Ты мой револьвер потерял, я тогда этот возьму, – сказал он Сашке. – А ещё Шиз с тобой хотел поговорить. О душе, понял? Он и со мной говорил, всегда под руку, а потом я его послал, потому что однажды микросхему из-за него загубил. Толку-то от его разговоров…

К командору Сашка пошёл только вечером. Весь день он провалялся на лежанке, стараясь ни о чём не думать и не слушать, как Кеша что-то бубнит себе под нос. Но мысли о душе и без Шиза лезли в голову. Даже скорее не мысли, а их смутные обрывки: чувствуешь, что что-то не так, а что – не понятно. И копаешься, копаешься в себе, с надеждой определить и устранить этот источник боли. Ныло внутри ничуть не меньше, чем вчера.

Наконец, Кеша стал разогревать на примусе тушёнку, а Сашку погнал к Олегу за водой. Олега дома не оказалось, зато дверь в комнату Шиза была приотворена, и Сашка решил, что надо всё-таки зайти. Вдруг командор хотел с ним разобраться по поводу сегодняшней драки. Тогда не прийти – значит признать, что виноват…

В комнате командора было много странных вещиц непонятного назначения: развешанные по закопчённым стенам колокольчики, картинки в полукруглых деревянных рамочках, плетёная циновка на стене возле одной из лежанок. Эта лежанка была покрыта разноцветным лоскутным одеялом. Вторая – пустая, деревянная. На полу мелом был выведен небольшой круг, а по его краям прилеплены тонкие стеариновые свечки. Внутри круга лежала толстая книга в плотном коричневом переплёте. Сам Шиз сидел на подоконнике и смотрел в распахнутое окно.

Сашка аккуратно перешагнул круг, стараясь ничего не задеть и не нарушить.

– Командор…

– Наконец-то ты пришёл, – сказал Шиз, не поворачиваясь. – Я хотел кое-что показать тебе. Подойди.

Сашка приблизился к Шизу и опасливо посмотрел на него. Лицо Витьки было худым, в темноте похожим на череп с пустыми чёрными глазницами. К тому же влетающий в окно дождь, казалось, абсолютно его не задевает. Шиз сидел ровно, вглядываясь вдаль.

– Отсюда очень хорошо виден мир, – сказал командор чуть слышно. – Погляди сам, это важно.

Сашка выглянул в окно. В сумерках можно было рассмотреть несколько соседних этажек да трубы расположенного неподалёку завода. Сашка пожал плечами.

– Ничего не понял, – кивнул Шиз. – Это не удивительно. Ты никогда не смотрел на мир раньше. Даже в полглаза. А зря. Мы с тобой в редком месте. Тут легко достичь просветления. В городе нигде, а здесь – где угодно. Человек тут становится свободным от всей дурной морали. А истинно свободный человек чем-то сродни Богу. Ты знаешь, что есть Бог?

Сашка помотал головой.

– Немногие уже помнят это слово. Это беда, но сейчас я говорю не о том. Мне жаль тебя. Ты не понимаешь, что делаешь. Ты делаешь что-то не ради своей души, а потому, что так получилось. Ты не духовен…

Шиз замолчал, как будто потерял всякий интерес к разговору. Сашка стоял рядом и не знал, как быть: можно уже уйти или нет. Командор был явно сумасшедший, и поэтому, как вести себя с ним, Сашка не знал.

– Ты хотел уйти отсюда? Хотел в центр? – вдруг спросил Шиз. – Зря. Этим ничего не изменишь. От себя не уйдёшь. А кто ты есть, ты понял вчера и сегодня. Тобой управляет чёрный разум.

– Никто мной не управляет, – отмахнулся Сашка. – А уйти я и, правда, хотел, и ушёл бы, если бы было можно…

– А зачем?

– Там город, – немного подумав, сказал Сашка. – Там мама. И дома там целые.

– Дома, – Шиз не то хрюкнул, не то усмехнулся. – Дома – это мир? Так разве? Ну, ты и глупый! Развалины – чушь. Мир – это души! Когда крошится камень – это ерунда. Когда крошатся души – это конец. Хорошо, если ты это поймёшь…

Сашка молчал. Никогда не доводилось ему слушать таких версий о существовании мира.

– Иди, – наконец, разрешил Шиз. – Ты несёшь беду. Себе и другим. Ты здесь навечно. Но я буду молиться за тебя…

Продолжение следует…

Ирина Юсупова
НАУЧИ СЕБЯ ЛЮБВИ
(Продолжение. Начало см. «ГС» №3-4)

Потом она, с её умением всё четко и подробно рассказать, скрупулезно описала все события почти недельной давности. Юлий слушал внимательно, не перебивал, и только когда она закончила совсем, задумчиво проговорил:

– Может, это родственница Анны Алексеевны? Вроде они даже похожи… – он опять подошел к мольберту. – Ну, точно похожи! И как я раньше не заметил? Можно сказать, Анна Алексеевна в молодости…

– Но ведь ты сказал, что она старая… Картина… – она уже почти пришла в себя и хотела, чтобы опять всему было простое объяснение. – Как же это возможно?

– Знаешь… – он задумался. – Может, я ошибся? Хотя… Вроде бы до этого со мной такого не случалось… Тогда все бы встало на свои места. Родственница Анны Алексеевны умирает, ты – последний человек, которого она видела. Анна Алексеевна из благодарности, а, может, по завещанию оставляет дом человеку, который видел ту последним… Чушь, конечно, но вполне логичная.

– Но ведь нотариус сказал, что умерла именно Анна Алексеевна…

– Да тоже, я думаю, это как-то можно обойти… Чтобы тебе с милицией не разбираться… Были бы деньги… А деньги, видно, у них есть.

Они помолчали, потом она сказала:

– А более тщательно можно проверить… картину, я имею ввиду?

– Конечно. Я сделаю спектральный анализ и…

– Мне не важно что, – перебила она. – Главное, чтобы точно. Ты сам? И опять бесплатно?

– Сам. И бесплатно, – он засмеялся. – Ох, Татьяна!…

…А когда она вечером уже совсем почти собралась лечь спать, её опять зачем-то потянуло в спальню хозяйки. Опять открыла шкаф.

Опять вспомнила убитую женщину. Вот если бы её сюда… И рост, и размер, и даже вся цветовая гамма подходила именно ей… Она представила, как бы смотрелась роскошная белокурая грива той красавицы, её бледно-зелёные глаза в обрамлении этого золотого пеньюара… Вздохнула, убитую стало почему-то очень жаль… И опять бросила взгляд на книжный шкаф, и опять руки сами потянулись за непонятной книгой… Только теперь, помня о своих последних странных «отключках», она поудобнее уселась в кресло и опять принялась читать-шептать чужые слова… Слова складывались в музыку… музыка рождала образы… образы, казалось, заполняли комнату и начинали двигаться… смутные тени… всполохи света… шёпот… комната меняла очертания… стены, подёрнувшись дымкой, отодвигались… на потолке, как на небе, проступали звезды… Тихий, нежный ветер трогал её волосы и еле шепчущие губы…

…Очнулась всё в том же кресле, книга на коленях. Помотала головой, прогоняя странный сон и приходя в себя… Посмотрела на руки, которые лежали сверху книги. Маникюр… Господи, какое уродство! И почему раньше она просто «тащилась» от этих красных сердечек на черном фоне? И такие деньги за него заплатила! Как это Юля ещё не прошёлся острым словцом по поводу него… Опять Юля! И дался же он ей! Она решительно встала, убрала книгу на место и залезла в трюмо. Пошуровала в ящиках и нашла то, что хотела. Смывка, пилочки, какие-то лосьоны… ага, вот и лаки. В такой спальне не может не быть всего для маникюра. Потом также решительно смыла свой «попсовый» прикид для ногтей и, немного задумавшись, остановилась на телесно-розовом лаке. Перламутровом, с золотинкой…

А под утро опять начался сон-кошмар…

– …Нет, как я ни пытаюсь, ничего не могу почувствовать… – опять женщина с тихим голосом сидела у изголовья. – Видимо, *она* просто сделала это от отчаяния. Ведь никого рядом не было…

– Тогда мы сами должны рассказать всё ей, – мужчина, судя по голосу, опять находился в ногах, на стуле. – Мы должны выяснить, кто это сделал…

– Но она ничего не помнит. Это тоже, видимо, был один из *наших*…

– Ну, ты и сказала! – мужчина возмутился. – Из *наших*!

– Хорошо, – устало согласилась женщина. – Не из *наших*, но из *таких же*.

– Мы должны, должны найти его…

– А почему его? Может, это была женщина?

– Нет. И ты это прекрасно знаешь. Ведь *она* влюбилась. Просто, по-человечески влюбилась. Поэтому скрывала и поэтому мы ничего не знали, и не смогли помочь… Смотри-ка, – мужчина говорил теперь от окна. – Нет, ты посмотри, что она читает! А ты говоришь, не чувствуешь… Разве простой человек будет *такое* читать?

– Да… – женщина тоже теперь была там. – Странно… Знаешь, надо подождать… Может, её способности ещё не проявились? Почитает книги, поживёт здесь… А мы посмотрим.

– Она опять, кажется, просыпается…

– Да, пойдём…

Опять она проснулась с бешено колотящимся сердцем, но успокоилась быстро. Ко всему, в конце концов, можно привыкнуть… И даже не стала проверять замки и стулья. Что толку? Подошла к окну. Книга, лежащая там, была *та самая*. Из спальни хозяйки. Она хотела почитать её перед сном, но потом поняла, что очень устала, да так и оставила на подоконнике… Она открыла окошко и удивилась. Сколько же время? Чего это она встала в такую рань? И вдруг залюбовалась только-только поднимающимся из-за деревьев солнцем, которое косыми и как будто плотными лучами, золотило лужайку перед домом. Роса на траве была подобна россыпи самоцветов… Птицы так щебетали, что защипало в носу… Сама себе удивляясь, она, наконец, прервала этот приступ сентиментальности, тихо пробормотав:

– И что толку? Подумаешь, картина какая…

Пошла на кухню. Позавтракать? Нет, пока не хотелось. «А схожу-ка я на это самое озеро», – решила вдруг опять неожиданно даже для себя.

На озере никого ещё не было. Ещё бы! Ведь всего шестой час. Она выбрала местечко подальше от пляжа, разделась совсем и зашла в воду. Конечно, в бассейне лучше… и можно музыку включить… Но здесь тоже что-то такое было. Может, запах? Или прохлада? Она немного поплавала, а потом встала в камышах, залюбовавшись синекрылой стрекозой. «Господи, ну что за глупость!» – опять удивлялась себе, но всё стояла, смотрела и улыбалась. А когда вышла и посмотрела на ноги, то аж подпрыгнула от ужаса – все в пиявках! Испугалась, начала отдирать, не получалось… Потом, в сердцах, не отдавая себе отчёта, как рявкнула:

– А ну, кыш!!!

Дальше произошло нечто странное. Нет, она, конечно, не считала себя большим специалистом по пиявкам, но всё же… Что бы вот так дружно, подобно салюту отпрыгнуть от ног и стройными рядами поползти в сторону озера… Тут и специалистом не надо быть, чтобы понять – так не бывает. Не должно быть. И не может быть никогда. Она круглыми глазами проводила дружную шеренгу пиявок, уже скрывшихся в воде, потрясла головой. А потом быстро, без слов, мыслей и вообще чего либо, оделась и побежала домой…

У калитки стоял Юлий. Нахмуренный, встревоженный. Увидел её, обрадовался:

– Привет! Ты что же двери не закрываешь? Я уже перепугался, думал охрану вызывать…

– Какие двери?… – она все ещё не могла придти в себя.

– Я за молоком ходил, смотрю – дверь в доме открыта. Думал, значит не спишь уже. Звоню по телефону – никто не подходит. По переговорному, отсюда, – он показал на калитку. – Опять никого.

– А через забор? – наконец-то улыбнулась она.

– Можно, да? – он улыбнулся. – А то ведь я официального разрешения ещё не получил…

– Можно…

– Так ты что двери не закрываешь? – опять спросил он. – С такими ценностями в доме…

– А что толку? – она рассмеялась, увидев, как взлетели его брови. – Да, нет, я в том смысле, что всё равно кто-то по дому по утрам расхаживает… Хоть закрывай, хоть нет…

– Опять?

– Ну, да… Мужчина и женщина. Опять про какую-то женщину говорили…

Он так внимательно смотрел на неё, что она с досадой сказала:

– Раньше никогда ничего подобного не было, и не надо так смотреть! Все со мной в порядке. И не пила я. Я вообще почти не пью…

– Ладно, – он всё равно задумчиво смотрел на неё. – Молока парного хочешь? – показал на бидон, потом посмотрел, как она поморщилась, вздохнул. – Как хочешь… Да, я что тебе звонил. Про картину сказать. Не ошибся я. Триста пятьдесят лет. Плюс минус лет двадцать.

– Правда? – она поёжилась, стало как-то холодно опять. – Это точно? Ты что, ещё и химик или физик, чтобы такие анализы делать?

– И химик и физик, – он усмехнулся. – И ещё кое-кто. Тем, в основном, и живу. Попал в струю, много богатых людей обращаются. Работы – завал.

– А тут я со своей картиной…

– А тут ты… – он вдруг увидел полотенце у неё в руке, улыбнулся. – Неужто, купалась?

– И больше не буду! – она возмутилась. – Пиявки, как крокодилы!

– Да, ну! – он удивился. – Так тебе повезло! Гирудотерапия в чистом виде.

– Гиру… чего? Опять умничаешь? – нахмурилась она.

– Лечение пиявками. Люди такие деньги за них платят, а тебе задаром, – рассмеялся он. – Вот уж прок, так прок!

– Дурацкие пиявки! – она вдруг вспомнила, как они от неё отскочили и осторожно спросила: – А как они отлипают, ну, отваливаются… Все вместе?

– Как вместе? – он уже хохотал. – Нет, ты что, опять там в обморок брякнулась и не видела, как они отвалились? – потом, смотря на её надутую мордашку, сказал примиряюще. – Ну, не сердись, не обижайся! Но ведь правда странно, что не видела. Я вот, например, очень люблю за ними наблюдать. Те, что покрупнее, дольше сидят, помельче – быстрее отходят…

– А у меня все вместе. Как по команде, – о том, что по её команде, она всё-таки промолчала. – Прямо, как отпрыгнут!… И потом дружно, рядами, поползли обратно в озеро… Что ты смеёшься?

Юлька вообще уже хохотал во все горло, бидон на землю поставил, чтобы не расплескать.

– Ладно, великий укротитель пиявок… – даже слезы смахнул. – Кофе хочешь? У меня есть очень хороший… Пойдём…

Кофе они пили не в комнате, а перед домом, на той самой лужайке, на которой он обычно занимался йогой. Опять разговор вертелся около странной женщины и картины.

– …А специально состарить картину можно? Ну, там… для придания ценности и всё такое…

– Конечно, можно. Но это будет только видимость. Реальное время вещи поменять сложно… Да и зачем? Если бы это был шедевр известного автора, с автографом… А так… Вряд ли. Может, просто сходство дальних родственников…

– Она как живая. Как из поезда… Даже причёска такая же…

– Вот с прической, как раз, очень странно… Не носили тогда таких причёсок… Хотя… Художник мог и сам придумать… Я бы советовал тебе поискать в доме какие-то документы, бумаги. Может, что и прояснится… Что у тебя с пальцем?

Она удивилась. «И как это он заметил?» Серебряное колечко, так, безделушка с хрусталем, со вчерашнего дня просто не давало житья. Произошло какое-то раздражение, под ним всё покраснело, палец распух, и оно никак не снималось.

– Не знаю… Раздражение какое-то. Не могу снять.

– Дай-ка, посмотрю… – он взял её руку, с удовольствием на мгновение (но она заметила!) задержал взгляд на маникюре. – Ничего себе раздражение! Уже кровь идет, нужно снять обязательно.

– Да не могу, палец распух…

– Тогда давай перекушу… Кусачками, не смотри так…

– Жалко…

– Сварю потом… Хотя, такое кольцо не стоит этого…

– Давай, – она, вздохнув, согласилась, потому что до пальца уже было больно дотрагиваться.

Он принёс из дома инструмент и быстро и безболезненно освободил её от кольца. Посмотрел на внутреннюю сторону, повертел в руках.

– Ничего не понимаю. Кольцо, как кольцо. Проба хорошая… В магазине покупала?

– Да. И давно. И всё нормально было…

– Может, какой крем новый? Поэтому реакция?

– Нет. Ничего нового. Всё старое.

– Тогда ничего не понимаю… О, девчонки! – он посмотрел на дорожку, по которой уже приближались к ним две какие-то хвощи. – Какими судьбами?

Подошёл к ним, заговорили все оживленно. Ей стало грустно. Она подошла, извинилась:

– Я пойду, ладно? Картину уже можно забрать?

Но девицы, увидев её, впились взглядами, начали вертеть, как манекен. Юля, улыбаясь и не прерывая этого действа, быстро всех перезнакомил. Алла, так звали ту, что была повыше, молитвенно сложив руки, прошептала:

– Пожалуйста! Хоть чуть-чуть попозируйте, ладно? Вы ведь на даче, на отдыхе? Отдохните в кресле, а мы порисуем… Может, вам заплатить? Или там, огород прополоть…

– Таня, не слушай их! – Юля смеялся. – Врут и не краснеют. Деньги они всё равно у меня будут стрелять, а об огороде слышали только в детстве, по сказке «Репка». Если согласишься, то считай, что занялась благотворительностью!

– Ну, ты предатель, Юлич! – сказала другая, Вера. – Конечно, сам, небось, уже попользовался всласть, а другим – фигушки! – и, обращаясь опять к ней. – Вы просто даже не знаете, что имеете… Такое тело! Линии, пропорции… Божественно! Восторг! А лицо… Алка, я сейчас помру!

– Не надо… – она уже улыбалась, удивляясь их непосредственности. – Не надо умирать, рисуйте, сколько влезет! Я и правда, в отпуске…

Девицы тут же достали из своих сумок всё необходимое, весело щебеча на своём непонятном языке, бесцеремонно раздели её,

усадили в кресло. Она покраснела, потому что Юлий и не думал уходить, загадочно улыбаясь, сидел тут же… А потом, сказав про себя любимую присказку: «А, не убудет…» – начала прилежно занимать положения, о которых её просили…

Часа через два, когда Юлий решительно начал выпроваживать девиц, она сама тоже засобиралась домой: «Отрываю человека от работы…» Он не удерживал, только дал с собой какой-то мази для пальца: «Еще от Анны Алексеевны осталось, заживёт мгновенно…» Помог донести картину до калитки, через забор она лезть решительно отказалась. Там и расстались.

А перед обедом она поняла, что в доме уже почти не осталось продуктов. Что ж, магазин здесь был хороший, решила прогуляться.

У прилавка, как всегда, голова заработала как компьютер. «Это по такой цене, но вес такой… А это дороже, но вес, …так, значит берём это. Это что… Так… литр, а это – два и ещё дороже? Ах, упаковочка фирменная… Нет, обойдёмся без упаковочки – берём литр…» Впервые за всё время, что она была тут, ей стало хорошо и спокойно. Первый поход в магазин был не в счет. Тогда она не выбирала, а брала что надо. А сейчас работа с цифрами так успокоила и расслабила её, что она сначала и не поняла, кому это кричат: «Руки вверх!» Только по удивленным взглядам немногочисленных покупателей поняла – ей. Обернулась. В дверях стоял знакомый веснушчатый лейтенант (как же его зовут?) и… направлял оружие на неё. Опять закричал:

– Руки вверх!

– Вы что это, мне? – она даже не успела испугаться.

– Да! Вверх. Руки, – он, видя её спокойствие, тоже заговорил тише.

– Не подниму.

– Что? – он, не веря, захлопал глазами.

– Не подниму, можете стрелять.

– Почему? – он совсем растерялся, стрелять ему, конечно же, не хотелось.

– У меня платье для этого не предназначено. Видите – короткое. Если руки подниму, что будет, догадываетесь? А здесь дети…

Лейтенант вдруг прыснул, и вслед за ним все посетители магазина облегчённо вздохнули, решив про себя – знакомые дурачатся. Он поближе подошел к ней и заговорил уже спокойно:

– Вы что же делаете, а? Кто подписку о невыезде давал? А сами?

– Так я и не выезжаю никуда, – она удивилась, потом спохватилась. – Так что, она только на Москву? Подписка? А я думала, вообще на страну…

– Ну, хоть записку у соседей можно было оставить? Ещё немного – и всероссийский розыск бы пришлось объявлять!

– Да я как-то не подумала, – она говорила извиняющимся тоном. – И потом, тут у меня такие события… Наследство свалилось. Вот в этом посёлке. Я, честно говоря, даже и забыла про подписку…

– Тогда пошли в отделение. Прямо сейчас.

– А что, тело нашлось? – она вдруг вспомнила все последние события и сейчас судорожно про себя решала – что говорить, а что нет… Конечно, лучше бы всю правду, но кто ж поверит? Тогда совсем затаскают по допросам…

– Нет, – он опять стал сердитым. – А тут ещё и вы пропали!

– Ой, – она засмеялась. – А я опять голодная! Я же за продуктами к обеду пришла. Можно я сначала куплю, потом пообедаю, а потом приду? Можете со мной пойти, я и вас накормлю…

Лейтенант почесал затылок, опять посмотрел на неё не как милиционер, а как мужчина, и согласился:

– Давайте. Да!… можете побольше накупить, я на машине.

Когда они пришли в дом, лейтенант присмирел, оглядываясь по сторонам:

– Да… Знатное наследство… Это кто ж вам Анна Алексеевна приходилась? Бабушка?

– А вы её знали?

– Конечно. Мне по службе положено. Так кто?

– Я и сама не знаю. Пока живу, а сама жду настоящих родственников.

И она опять рассказала всю историю, умалчивая только о сходстве женщины и портрета. И ещё задумала вот что…

Усадив лейтенанта на кухне, сама, под каким-то предлогом, вышла в гостиную. Набрала номер Юлия. «Только бы не занято!»… Свободно, слава богу…

– Слушаю.

– Юлий, это я.

– А почему шёпотом? – она чувствовала, как он улыбается в трубку.

– Юля, ты можешь очень тихо ко мне залезть, через забор, конечно, и забрать картину? Она в прихожей…

– Да что случилось?

– Меня сейчас будут арестовывать, после обеда…

– Чего? – он рассмеялся. – С тобой не соскучишься!

– Мне не до смеха, правда… Я забыла, что подписку о невыезде давала… Лейтенант… не помню как зовут, белобрысый такой, меня чуть в магазине не подстрелил…

– Ванька, что ли? – Юля всё смеялся. – А у него, оказывается, даже оружие есть? Ну, дела…

– Да, теперь вспомнила, он Иваном Васильевичем представлялся… Говорил, как Чапай наоборот… Юля! Я серьёзно. Ну, сам подумай, что я говорить по поводу всего этого буду? Я и сама ничего не понимаю… А ведь он её тоже видел, женщину эту!

– Да… – Юлий задумался, но чувствовалось, что всё улыбается. – На уголовщину меня, значит, толкаешь… Ладно, – прервал он её возражения. – Где она, в прихожей?

– Да. Только тихо, мы недалеко, на кухне, обедаем… – и уже хотела положить трубку, как он спросил:

– Палец как? Болит?

– Нет, – от этого, вроде бы простого, вопроса что-то даже перевернулось внутри… – Почти прошёл…

И опять они сидели в его кабинете, и опять были бесконечные вопросы. Всё то же самое, только, видно для небольшого очкастого мужичка, сидевшего сбоку от стола. Слава богу, о наследстве пока сильно не спрашивали. Поудивлялись немного, и всё. Мало ли что в голову богатой старушке взбредёт? А, может,

она и правда дальняя родственница? Опять просили описать женщину. Опять она устало возмущалась:

– Да вот он, – показывала на лейтенанта. – Он тоже её видел. Он должен лучше описать, ему положено!

– Я её видел уже мертвой, – Иван Васильевич опять старался быть взрослым.

– Ну и что? Точно такая же, только живая…

Опять и опять вопросы повторялись, только мужичок проявил сильную заинтересованность по поводу серебряных украшений, о которых говорила женщина. И она опять и опять честно пыталась вспомнить дословно, и опять и опять ничего не получалось…

Потом мужичок ушёл, и Иван Васильевич радостно достал из стола любимую Фанту.

– Замучили они нас с этими украшениями… – уже наливал и себе и ей в стаканы.

– Что, начальство? Где-то что-то ценное пропало?

– Какое начальство? Учёные! Из Москвы! – он приблизился к ней и сказал таинственно. – Там, на носилках, какие-то пятна остались. Ну, ясен день – на анализы. Исследовали – соединения серебра… И какие-то хитрые соединения, которые так просто и не получишь… чуть ли не в Космосе только… Вот так! Понять никто и ничего не может… Откуда взялись, почему… Им – интерес, а мне – головная боль… А тут ещё и вы пропали… Придётся теперь в камере посидеть…

– Да вы что, серьёзно? – она так перепугалась, что даже слёзы на глаза навернулись. – За что?

– Да, ненадолго, не пугайтесь… До личного распоряжения начальства…

– Так пусть оно распорядится, ваше это начальство! – она жалобно, но всё же повысила голос.

– Начальство в лесу, грибы собирает… Рацию и телефоны оставили… Между прочим, сами виноваты! – он тоже повысил голос. – Нарушаете? Нарушаете. Подписку, то есть…

– Я не хочу сидеть в камере! – она уже почти плакала.

– Да не переживайте, – он тоже расстроился. – Давайте здесь посидим… Всё равно дел никаких… Я думаю, они часа через полтора должны вернуться… Фанты попьем…

– У меня уже все слиплось от вашей Фанты. Чай есть?

– И чай найдём.

– Давайте, только без сахара…

И когда они пили чай, в сотый и сто первый раз обмусоливая все прошедшие события, к отделению подкатил *он*. Иван, как он разрешил ей называть себя в «неофициальной обстановке», вытаращился в окно, даже печенье жевать перестал.

– Ни фига себе… – он всё-таки проглотил печенье. – У нас, конечно, тут народ непростой, но такое…

Она тоже смотрела в окно на белоснежно-жемчужную машину, с позолотой вместо хромирования.

– Это что?

– Роллс-ройс. Чёрт… Даже не знаю, что за модель… Видно, спец-заказ…

Из машины, тем временем, легко и изящно вышел мужчина в светлом костюме и направился к двери отделения. Она лишь мельком видела его, но почему-то была почти уверена, что он идет именно к ним. И не ошиблась. Дверь распахнулась, на пороге появился незнакомец. Таких красивых мужчин она, пожалуй, не видела никогда… Высокий, худощавый, прекрасно сложенный. Тёмные волнистые волосы шикарной шапкой обрамляли голову и доходили до плеч. Длинные брови вразлет, прямой тонкий нос, чувственные губы. Резким контрастом смуглой коже были огромные светло-зелёные глаза. Он улыбнулся, открывая великолепные белоснежные зубы и, не здороваясь, как будто только что вышел, сказал:

– Вот и отлично. Мне сказали, что вы здесь.

И она и Иван молча смотрели на него, не в силах ничего произнести. Незнакомец опять усмехнулся, и начал, как-то особо пристально вглядываясь в Ивана, говорить:

– Я приехал к Анне Алексеевне… А тут такое… – наконец, посмотрел на неё. – А вы, значит, Татьяна?

– Да, – только и могла она сказать.

– А я – Станислав. Можно просто Стас. Я троюродный внук Анны Алексеевны.

– Ах, вот оно что… – она вздохнула, ведь сказка кончалась… – Я так и думала, что кто-то объявится…

– Ладно, – перебил он. – Мы поговорим дома, хорошо? – и опять пристально посмотрев на Ивана, сказал: – Я забираю Татьяну.

– А… – Иван Васильевич хотел что-то возразить, но вдруг как-то осел, обмяк. – А как же начальство?…

– Мы никуда не денемся, будем дома. А начальству передадите вот это, – он вдруг как фокусник вытащил из-за спины здоровую коробку с коллекционным коньяком – набором из трех бутылок. Еще она заметила заткнутые за прозрачное окошко стодолларовые купюры… Много, даже не поняла сколько… – Да и сами можете посмотреть, – он, всё так же пристально глядя на него, кивнул на эти деньги, усмехнулся. – Вдруг да что лишнее?

Иван молчал. Потом только кивнул послушно, начал допивать Фанту… А Стас развернулся к ней, улыбнулся:

– Ну что, наследница, пригласите в гости?

– Да какая я наследница… – начала было она, но он прервал её, взял под руку и повёл к выходу. На пороге она обернулась и увидела, что Иван всё также безучастно сидит и пьёт Фанту…

…Они сидели на веранде за чаем, беседовали, и она все продолжала невольно рассматривать этого Стаса. Конечно, он был красив. Но она, вопреки здравому смыслу, почему-то хотела поскорее расстаться с ним. Может, дело было в его взгляде? Он иногда так смотрел своими бледными глазами, что у неё всё сжималось внутри… Хотя, с чего бы это? Ведь он, не оправдав её опасений, и слышать ничего не хотел о передаче ему дома:

– …Нет, нет, Татьяна… Раз Баба Аня так решила, дом – ваш.

– Но, поймите, – она в который раз пыталась ему что-то доказать. – Я ведь ей никто. Это ошибка…

– Ну и что? – он, улыбаясь, смотрел на неё. – Причуда старого человека. И потом, неужели вы думаете, что мне негде жить? – он рассмеялся. – Для меня этот дом – капля в море. Что есть, что нет… Без разницы.

– Мне очень неловко… Я чувствую себя почти преступницей, – она всё ещё думала про себя, говорить ему или нет про всю историю с женщиной и картиной, поэтому, скорее, и было такое

чувство. Но вслух сказала: – Там, наверху, такие ценности… Картины… Может, вы хотя бы посмотрите? Что-то на память…

– На память… – он задумался и опять так посмотрел на неё, что она бы убежала, если бы не приличия… – А она вам… ничего *такого* не оставила?… *Необычного*…

– Господи, да я сколько вам говорю, что я не знала и никогда не видела её до этого!

– Не видели… – его взгляд выворачивал её наизнанку. – Разве? Ничего не помните?

– Нет, – она почти готова была свалиться со стула, когда он, притушив этот взгляд, удивленно спросил. – Вам нехорошо? Или мне показалось?

– Показалось, – она тут же почувствовала себя нормально и удивилась – о чём это он?… – Может, хотя бы книги посмотрите? Они очень занятные. Когда я начинаю их читать, то никакого спиртного не надо, – она улыбалась и чувствовала себя превосходно. – Прямо, мечта наркомана – почитал – и полный кайф!

– Вот оно что… – он задумался. – Нет, ничего я смотреть не буду… А книги… Вы их обязательно читайте. Многие не верят, а зря… Это древние книги, я знаю. От них вам будет много пользы.

– Пользы?

– Ну, да, – он смотрел нормально, улыбался, и она почти перестала его бояться. – Это вроде заклинаний. Сейчас мало кто понимает… Но вы всё-таки читайте… – он опять сделал нажим на последней фразе и она, как во сне ответила:

– Хорошо…

В дверь постучали. Она сказала: «Да!» Вошёл Юлий.

– Я через забор, ведь ты разрешила… – вдруг увидел Стаса, посмотрел вопросительно.

Она представила их друг другу. Юлий иронично усмехнулся:

– Ну, надо же, как, оказывается, у Анны Алексеевны много родственников! А ведь пока была жива, никто не показывался… – он говорил это, конечно, для Стаса, смотрел на него.

– Мы были не в очень хороших отношениях… – Стас спокойно и внимательно разглядывал Юлия. – И этот дом, вопреки тому,

что вы уже подумали, мне совершенно ни к чему. Просто хотел познакомиться с родственницей.

– Да я не родственница… – в который раз устало сказала она.

– Не важно. Пусть не родственница, – он улыбнулся своей голливудской улыбкой. – Просто красивая женщина, разве этого мало?

Двое мужчин смотрели друг на друга и она поняла, что между ними уже идёт молчаливый поединок. Наверно, так будет всегда. Это что-то природное. Если женщина одна, а мужчин двое, значит, они – соперники. И не важно, что ни тому, ни другому до неё не было никакого дела… Юлий просто сам отказался от неё, а для Стаса она, видно, и вовсе не существует… Она начала невольно сравнивать их. Стас… Тут даже и слов не было. О таком мечтает, пожалуй, любая женщина… Красив, безумно богат… А Юлий… Самое интересное, что в своих протёртых джинсах и неизменной полосатой майке, он не смотрелся рядом с этим красавцем бедным родственником. Что-то в его осанке, взгляде, манере держать себя, ставило их на одну ступень… Что они молча говорили друг другу? Сколько это продолжалось?… Наконец, Юлий обратился к ней:

– Я ведь тебе кольцо принес. Вот, держи. Запаял. Почти незаметно. Только носить, всё-таки, не советую. Китч чистой воды.

– Кищ? Что? – она протянула руку, взяла кольцо и сразу же выронила его. – Господи, оно что, ещё горячее после пайки?

Ни она, ни Юлий не заметили, как вспыхнули при этом глаза Стаса…

– Да ты что? – Юлий удивился и поднял кольцо. – Вот, я же держу… Конечно, холодное…

– А мне показалось… – она теперь уже с опаской дотронулась до кольца и опять отдернула руку. – Разыгрываешь? Ведь горячее, точно…

Юля удивлённо смотрел на неё: шутит, что ли? Она опять дотронулась до кольца и сразу же отдернула палец:

– Ты что, не веришь? – она протянула ему палец. – Смотри.

На пальце было красное пятно. Юлий круглыми глазами посмотрел на это пятно.

– Чудеса какие-то… Аллергия?… Первый раз такое вижу…

– Но у меня никогда никакой аллергии не было, даже в детстве…

Тут в разговор вмешался Стас:

– Это бывает. Сейчас всё в природе меняется… Экология… Загрязнённая атмосфера… Повышенная радиация… Иногда и у взрослых людей такое случается. Уберите подальше, до лучших времен…

– Это что же? – она всё не могла придти в себя. – Только на это кольцо, или на серебро вообще? Аллергия?

– Я думаю, что вообще, – как-то очень поспешно сказал Стас. А потом вдруг неожиданно засобирался. – Что же, Татьяна. Очень рад знакомству. Буду навещать, разрешите?

– Конечно, – она удивилась, но очень обрадовалась. Если бы он остался, то хоть самой в Москву возвращаться, так не хотелось с ним ночевать в доме… И повторила: – Конечно, заезжайте…

– А вы все-таки вспомните, – он подошел к ней близко, посмотрел жутким взглядом в глаза и тихо, так, что Юлий не слышал, сказал – Может у вас найдётся, что *отдать мне на память*…

Когда она, проводив его, вернулась в дом, Юлий сидел в кресле, задумчиво вертел в руке кольцо. Она сразу же загорелась:

– Давай и другое проверим, а?

– Что? – он словно очнулся. – Другое?

– Серебро другое. У меня ещё цепочка есть с кулоном и браслет. Сейчас принесу…

– Подожди… – он смотрел на неё внимательно. – Потом. Этот Стас, …он, действительно, внук?

– Он так сказал, а что? – она удивилась.

– Я никогда его здесь не видел.

– Так он же сказал – отношения были не очень…

– Мало ли, что можно сказать… Может, это уже к ценностям присматриваются? Наводчик?

– Да зачем? – она рассмеялась. – Я и сама всё отдать была готова, хоть сейчас!

– При переоформлении нужны были бы документы, бумаги… А если их нет?

Она тоже задумалась, а потом удивленно спросила:

– Слушай, а ты-то что так волнуешься? – усмехнулась. – Или у тебя какие-то свои интересы к тем картинам?

Он сначала удивленно посмотрел на неё, потом грустно усмехнулся:

– Ох, Татьяна… – потом улыбнулся уже веселее. – Конечно, и у меня есть свой интерес. Не хочется, чтобы пришили такую натуру. Я ведь даже и не порисовал тебя ещё!

– А кто же мешал? Утром, вместе с подружками?

– Много чего мешало… Ладно, – он опять был серьезный. – Тащи своё серебро.

Она принесла сверху косметичку, открыла. Брать боялась. Протянула Юлию:

– Сначала ты. Потом я попробую потрогать.

– Боже, Татьяна, что за вкусы! – он засмеялся, разгребая её нехитрые пожитки – дешёвый яркий лак, такие же убогие помаду, пудру и крем. – Когда твой день рождения?

– Какие есть, – сразу же надулась она. – И зачем тебе мой день рождения?

– Подарю нормальную косметику, – он, наконец, вытащил цепочку и браслет, повертел, грустно разглядывая… только вздохнул. – Так когда?

– Не скоро. Зимой, – она всё ещё дулась. – И вообще не скажу, подумаешь…

– Ладно, сам узнаю… – он достал цепочку, держал на весу. – Ну, пробуй, что ли…

Она осторожно прикоснулась к ней рукой и сразу же отдернула:

– Всё то же самое, – видя, как он недоверчиво смотрит. – Да смотри, – протянула палец. – Опять пятно… Хорошо, хоть быстро проходит…

– Ничего не понимаю… А другие места? Я попробую, да? – и, видя, как она кивнула, быстро прикоснулся браслетом к открытому плечу. Она дернулась, на плече тоже появилось пятно…

– Ну вот… – она жалобно протянула. – Осталась я совсем без украшений… Ведь у меня только серебро. Золото очень дорого, я не покупаю… Да ещё и неизвестно, какая реакция будет на золото…

– А можно попробовать! – Юлий оживился. – Я сейчас принесу, у меня дома кольцо золотое есть, обручальное…

Кажется, он уже после того, как сказал, пожалел об этом… Замолчал.

– Значит, ты всё-таки женат?

– Был. Давно. Семь лет назад.

– Разбежались? А дети?

– Нет, не разбежались. Я вдовец. Детей нет.

– Прости… если не хочешь говорить…

– Да нет, отчего не сказать… – он откинулся в кресле, говорил спокойно. – Всё в прошлом… Мы ведь такими юными поженились… Оба художники. Только стать известным в нашей среде, ох, как непросто… Я смог найти и побочное занятие, очень помогли ещё школьные увлечения химией и физикой, да и чувствовал себя ответственным за семью… думал – дети будут… нужно же как-то зарабатывать… А она… С художеством ничего не получалось… То есть получалось, конечно, она неплохой художницей была… но не продавалось абсолютно… Я так виноват… Она, видимо, почувствовала себя ненужной… Я упустил… Когда заметил, она прочно сидела на игле… Конечно, пытался лечить… Всё бесполезно… Умерла от передозировки…

Юлий замолчал, и она не хотела нарушать тишину… Он первый очнулся, повторил:

– Всё в прошлом… Так как – нести золото?

– Подожди… Там, наверху, в трюмо какие-то украшения… Я не очень разбираюсь, золото или что ещё, может, ты посмотришь?

– Пойдём, – он встал и машинально, думая о чём-то своём, дал ей руку. Она в который раз удивилась этой его привычке – помогать ей вставать…

А наверху, подведя его к трюмо и открыв его, она отошла в сторонку и стала наблюдать за реакцией. Юлий вытаращил глаза, взял одну из вещиц, поднес близко к глазам, повертел, потом посмотрел на камень вскользь, вдоль поверхности, потом насквозь и ещё с обратной стороны… Потом задумался, положил обратно и сказал:

– Всё, Татьяна. Я бросаю с тобой дружить.

– Это почему же? – она удивилась, не ожидая такой его реакции.

– Потому что ты теперь слишком богатая наследница, – он всё-таки улыбнулся. – И любая дружба с тобой будет рассматриваться лишь с точки зрения преследования корыстных целей.

– Так что, это всё настоящее?

– Более чем… А ты боялась, что дом не на что содержать… И дом будешь содержать, и квартиру купишь… Самую шикарную и престижную. Хоть в Кремле, если там продают…

– Во-первых, я всё равно ещё буду ждать полгода… А потом… может, ты всё-таки ошибся?

– Может, – он задумчиво смотрел на открытый ящик. – Хорошо бы… но вряд ли…

– Тогда давай пробовать?

– Что? – он удивленно посмотрел на неё.

– Мы зачем сюда пришли? Пробовать на мне золото. Так давай.

Юлий взял кольцо, лежащее ближе всего, протянул ей. Она с опаской, чуть касаясь, дотронулась до него… Ничего. Потом взяла в руку. Нормально. А потом одела на палец.

– Ну, как? – вертела рукой. – Мне идет?

– Нет. Ты для него слишком молода, – он вдруг увлёкся. – Дайка я сам тебе подберу…

Он покопался в ящике и протянул ей кольцо, браслет и кулон на цепочке.

– Жалко, у тебя уши не проколоты… Тут ещё такие же серьги есть…

А она смотрела на его выбор. Сначала эти украшения показались ей слишком маленькими… И как он вообще нашел их в этой куче? Но чем больше смотрела, тем больше нравилось. Золото было почти белое, матовое. Камни – синие, яркие, как ее глаза – держала витая оправа, тонкая и изящная. Весь комплект был словно соткан из лучей восходящего солнца, играющих в глубине моря…

– Да… И правда красиво… Только, – она сняла всё, положила обратно в трюмо, – носить я, конечно, всё это пока не буду…

– Напрасно. Тебе очень идет, – он уселся в кресло, смотрел на неё, как на «натуру», оценивающе. – Хочешь, ещё что-нибудь подберу?

– Нет, не хочу. И… – она запнулась. – Ты что, серьезно? Насчёт дружбы?

– Да нет, конечно, – он встал, подошёл поближе, улыбнулся, вдруг тихонько дотронулся длинным пальцем до её локона, тут же смутился, убрал руку, и сказал совсем тихо, так что она едва расслышала. – Если ты сама не передумаешь…

Потом они сначала пили чай, а после чая она, решительно прервав все, возникшие было, его возражения приготовила ужин и за ним рассказала про свои дневные приключения и «арест». Юлька хохотал над её рассказами и ей очень нравилось вот так сидеть с ним на кухне и смотреть в его разные глаза… Ещё он немного поучил её работе с кухонной техникой, и уже не издевался, а только улыбался, когда она жалобно причитала: «И какой прок? Руками всё равно быстрее… Одна трата энергии…» Потом он, посмотрев на часы и спохватившись: «Ну, я и гость… Просто нахал какой-то…», опять поцеловав ей руку на прощание и пожелав хороших снов, ушёл… А она опять решилась взяться за книги. И не потому, что этот чертов внук так ей сказал… Она и сама чувствовала к ним какую-то непонятную тягу…

…И опять чужие слова завораживали, и опять, словно обрекая плоть, слова складывались в музыку, и опять музыка начинала жить и двигаться, заполняя собой всю комнату…

На этот раз она не отключилась. Просто вдруг ноги сами подняли, и потянули в сад… Светила яркая луна, звезды переливались и что-то шептали друг другу… Она вдруг вспомнила, как Юлий говорил, что видит её на лунной поляне, с лешим в обнимку… Она улыбнулась и сняла рубашку. Выйди сейчас леший из-за кустов – не испугалась бы… пожалуй, и в обнимку бы пошла… Она подошла к ближайшему дереву и прижалась к нему. Сама засмеялась своему поступку… Нет, ну скажи ей кто три дня назад о таком… Она – и в обнимку с деревом! Эти книжки и правда сродни наркотику… И ещё она поняла,

что дерево о чем-то говорит… И не только дерево. Всё… всё окружение говорило на своём языке. О чём?… Нет, не понять… Наконец, она почувствовала прохладу, эйфория кончалась… Она быстро натянула рубашку и пошла спать.

…А под утро голоса просто-таки вывели её из себя! Разболтались, понимаешь, как у себя дома, спать не дают!

– …Мы должны поговорить с ней! – мужчина был взволнован. – Что это за внук такой? Не было у неё никаких внуков!

– Троюродный… – женщина говорила всё так же тихо.

– Ни троюродных, ни четвероюродных… вообще никаких! Ты же и сама это знаешь!

– Я не могла его *просмотреть*… Защита наимощнейшая… Может, просто жулик?

– Жулик, владеющий гипнозом?

– А что же? Он, видно, не прост…

– Мы должны поговорить с ней…

Она, собрав все силы, но так и не сумев раскрыть глаза, пробормотала:

– Так вы уже говорите… Что ж ещё?

В комнате повисла тишина. Но она чувствовала, что гости не ушли. Через какое-то время мужчина тихо сказал:

– Я же говорил… *Она* ушла *правильно*… И хоть что-то, но смогла передать…

– Кто вы? Что вам от меня надо? – она по-прежнему не могла открыть глаза, но говорить, хоть и с трудом, теперь могла.

– Мы друзья… – женщина заговорила ласково. – Не бойся…

– Попробую… Хотя ситуация, сами понимаете… Что, по-человечески нельзя зайти в гости?

– Мы боимся. За тебя, – женщина опять сидела у изголовья. – Этот Стас? Ты его раньше видела?

– Нет. Но он мне неприятен… Очень. А вы кто?

– Мы… – женщина вздохнула и обратилась уже к мужчине. – Кто мы? Как же это сказать?

– Говори по-простому, как в народе говорят… Колдуны мы…

– Ты что человека пугаешь? – женщина засмеялась. – Колдуны… надо же сказать…

– Да какая разница? – мужчина ворчал. – Колдуны, посвящённые, избранные, знающие… как только не зовут… Суть, всё равно, та же…

– Вот оно что… – она, хоть и была наполовину во сне, задумалась. Потом, разложив всё по полочкам и быстро выстроив логическую цепочку, сказала: – Значит, убитая женщина и Анна Алексеевна – одно лицо?

– Конечно, – женщина вздохнула. – Анечка наша…

– И вы не знаете, кто это сделал?

– Если бы знали, не мучили бы тебя, ты уж прости…

– Может, вы всё-таки дадите мне окончательно проснуться, и поговорим нормально?

– Нет, нет! – женщина испугалась. – Ты и сама лучше не пытайся, мне уже очень трудно тебя сдерживать…

– Но почему?

– Для тебя же… Лучше, чтобы ты знала меньше, ведь мы не знаем, кто убийца… А зрительные образы всегда более яркие, если он может их читать…

– Хорошо. Не буду пытаться… А убийца… Я ведь совсем не помню его… Правда. Я и в милиции об этом столько говорила. Он что-то, видно, сделал со мной…

– Да. И если бы Анна потом не очнулась, ты бы вообще ничего не вспомнила… Но она была очень сильная… Она смогла что-то передать тебе…

– Что передать? Ничего она мне не давала…

– Я не о вещах говорю… Мы должны умирать *правильно*, передавая своё умение… Но для этого нужен особый человек. Чуткий, чувствующий природу, красоту, весь этот мир… Ты не такой человек, уж извини за правду…

– Да, знаю я… – вздохнула она. – Вот и Юля, сосед, о том же…

– Если бы он не был мужчина, Анна бы ему всё отдала, так о нём хорошо отзывалась… Ведь он был ближе всех тогда… Но нужна была женщина, как и она…

– А серебро? Это тоже с этим связано? Колдовство?

– Конечно, с этим. Только не колдовство… Это наука. Мы не знаем, где корни наших умений… Может, здесь, может – в

Космосе… Раньше все, действительно, думали, что – колдовство… А сейчас, при таком развитии науки, мы и сами себя изучаем. Это не колдовство. Вот, например, это самое серебро… Оно – яд для нашего организма. А почему? Сейчас многие наши биологи работают над этим. Они уже обнаружили какие-то вещества, вступающие с серебром в бурную реакцию. А зачем нам эти вещества? Я не большой специалист в этом, но, видно, это как-то связано с нашими способностями…

– Значит… пожизненный приговор – серебро не носить, – она вздохнула. – А жалко, мне оно нравится…

– Может, не навсегда… – женщина улыбнулась. – Что-нибудь придумаем… Да и выход есть очень простой – лаком покрыть… Но давай вернёмся к Анне. Что она говорила?

– Она… смотрела на меня…

– А до этого?

– Она как-то его назвала… по-женски… Стоп!! Тася! Я вспомнила! Она назвала его Тася!

– Тася? – мужчина, наконец, подал голос. – Что же это за имя? Тарас? Тимофей? Не очень подходит…

– Боже мой! – вдруг дошло до неё, и она просто простонала. – Не Тася!… Стася! Я просто не расслышала тогда…

В комнате повисла тишина.

– Значит, это он… – прошептала женщина. – Что он ещё говорил? Не помнишь?

– Теперь всё помню! Словно пелена с глаз упала… Он требовал от неё все, так и сказал – всё. Она говорила, что не может, и что он знает – почему. И тогда он выстрелил… А она сказала: «Серебро…»

Опять в комнате стало тихо.

– Эй, вы ещё здесь?

– Да, – женщина почти плакала. – Теперь всё понятно…

– Вам, может, и понятно, а я?

– Он, этот Стас, из другого… клана, что ли… Говоря старым языком – были колдуны, а были – волшебники. Колдуны – злые, волшебники – добрые… Господи, ну что за чушь… – она, всхлипнув, улыбнулась. – Но не знаю, как ещё сказать… Но мы вечные противники. Правда, сейчас это как-то… притупилось, можно

сказать. А он, значит… Он хотел, чтобы она отдала ему своё умение…

– Но ведь вы говорили, что это ваше умение нужно передавать от мужчины к мужчине, от женщины – к женщине. Значит, он хотел от неё невозможного?

– Это у нас, в нашем клане. Так передавать правильно, и умение остаётся добрым. У них – наоборот. И тогда умение становиться… нет, даже не злым, и слов-то таких нет, …а более холодным, рассудительным, безэмоциональным… Трезвый, расчётливый рассудок, отметающий всё теплое и человечное…

Опять в комнате повисла тишина. Через какое-то время её нарушил мужчина:

– Она влюбилась в него. Просто, по-человечески влюбилась… А он… Он почти смял её волю, силу… Ему же нужно было только одно… Она не дала этого, и он тогда её убил…

– Серебряными пулями?

– Да… так только и можно… По-другому нас очень сложно убить…

– И она исчезла? Растворилась, оставив после себя лишь странные соединения серебра?

– *Ушла. Правильно ушла.*

– И отдала мне, первому встречному человеку всё, что умела? Почему не вам?

– Видно, уже очень ослабла… Боялась, что на расстоянии не получится… А ты была рядом…

– Я её за руку держала…

И опять все долго молчали. Она первая нарушила тишину:

– И что же мне теперь со всем этим делать?

– Во-первых, бояться этого Стаса, – опять заговорила женщина. – Он не отстанет от тебя… Потребует, чтобы теперь ты ему всё отдала… Ведь у Анны был особый, редкий дар, и теперь он у тебя…

– Но я не умею! Сама ничего не знаю!

– Со временем поймешь – как… Это не объяснить, это нужно почувствовать… Это наше умение… Оно неизменно. А его сила только зависит от человека, которому оно принадлежит. Ты будешь очень слабой… колдуньей, будем говорить так. Но всё равно

будешь. Захочешь – передашь кому-нибудь. Хоть этому Стасу, тогда он тебе ничего не сделает, а, скорее всего, в благодарность даже хорошо наградит. Я не могла понять, что у него внутри, но его внешнюю жизнь я проследила. Он безумно богат. Причём, по всему миру. Может, он понравится тебе больше, чем мы… Это твоё право – выбирать свой путь.

– Да он убийца!!! Как он может мне понравиться!

– Не говори заранее. В тебе всё сейчас меняется… Разберись в себе сначала сама… И потом поймёшь, кто тебе друг, а кто нет…

– Разве он не будет наказан? У вас что, нет никаких своих законов?

– Есть, но решаем не мы. Мы теперь только всё знаем. А решать будут другие…

– Господи…– она вздохнула. – И почему я тогда села в этот дурацкий вагон?…

Когда она окончательно проснулась, в комнате уже никого не было. Она долго лежала, не двигаясь, и всё вспоминала утренний разговор… Это что? Все-таки сон? Бред? Или на самом деле? Вспомнила про серебро, про пиявок, про книги… Видимо, не бред… Значит, она теперь колдунья? Нет, слово-то какое… действительно, бред… Надо проверить. Она посмотрела на штору и захотела, чтобы та открылась… Как же… Размечталась… Тогда она отбросила все глупости и подумала нормально, как умела лучше всего – логически. Если всё правда, то очень скоро должен появиться Стас… И он, конечно, появился.

Она завтракала на кухне, когда он зашёл прямо туда же, минуя все запоры и охранные системы… В руках – огромная охапка роз, таких, что начинаешь сомневаться в их натуральности. Она вдруг с теплотой вспомнила о ромашках в её спальне, которые принёс Юлька…

– Привет наследнице! – он уже был в другом, тоже светлом костюме, так же безумно красив, как и вчера. Всучил ей розы, сел рядом на стул. – Кофе не угостите?

– Конечно, угощу… – она отводила взгляд от его глаз. – Что это в такую рань?

– Но ранний визит более приличен, не так ли? – он рассмеялся. – Вряд ли вы были бы более довольны, если бы я пришёл вечером.

Она вдруг поняла, что скрытничать нет смысла, не поможет… Она не смотрела ему в глаза, но уже чувствовала, что он прощупывает её, выясняет, что она знает, а что – нет…

– Не надо на меня так смотреть… Мне очень неприятно, – она, наконец, посмотрела ему в глаза. – Я сама всё скажу. Я уже всё знаю… Про Анну, про меня… Про умение…

– Подсуетились, значит, – он усмехнулся, но смотреть стал нормально. – И, конечно, раз знаете, думаете про меня всякие ужасы…

– Разве убийство не ужас?

– Эти идиоты не знали самого главного! – он встал, заходил по кухне. – И, разумеется, не рассказали вам. Её срок истекал! Мы долго живем, не так, как люди… Тот портрет, что вы отмыли с этим чокнутым йогой – это она, только триста шестьдесят лет назад… Да, долго, но не вечно! И её срок истекал… Она это почувствовала и бежала к своим друзьям… Мне не хотела отдать, а им… И там, в поезде, у неё оставались считанные минуты… Если бы она умерла сама, то превратилась бы в отвратительную, сморщенную мумию… Которую потом долго и нудно изучали бы какие-нибудь наши горе-историки! А я хотел, чтобы она просто исчезла… Ведь, можете и не верить, я тоже любил её…

Она и не знала, верить или нет… Сидели молча. Он первый нарушил молчание.

– Вы не будете такой как она… Не дано, увы… Только зря пройдут триста лет…

– Триста?

– Да… может, чуть меньше или больше… Вы теперь столько будете жить, если не отдадите это кому-нибудь… Конечно, это искушение – пожить столько… Но вы должны подумать. Кем вы будете? Бухгалтером? Триста лет? Не наскучит? Если бы вы отдали этот дар кому-нибудь из наших ученых, было бы больше проку… Мы бы изучали его и, в конце концов, всё бы досталось человечеству… А вы… Уж мы бы вас не обидели…

Посмотрите весь мир, будете жить не триста лет, но зато каких!

– Но я даже пока ничего не чувствую… только серебро, пиявки…

– Пиявки?

– Да… они меня послушались… отвалились…

– Значит, преобразование началось… Ещё и почувствуете и поймёте…

Опять они замолчали, и она не знала, кому верить. Стас сидел сейчас перед ней такой обычный… грустный и мыслями, видимо, был где-то очень далеко… Наконец, она спросила:

– А почему вы враждуете? Ну, с её друзьями…

– С этими сентиментальными идиотами? – он опять заговорил жёстко, простота, а с ней и очарование, исчезли… – Птички, бабочки… природа, звуки леса, травки, мази… о, господи! Что у нас с ними общего? У нас другое предназначение. Познать суть человека, природных явлений, а потом, может, и Вселенной… Вот это цель! И она, поверьте, достойна любых средств… Они же до сих пор корчат из себя знахарей и колдунов. В нашей среде, или клане, как они его называют, умнейшие люди планеты, учёные, экстрасенсы! Мы пытаемся всё постичь с точки зрения науки… Послушайте, – он опять посмотрел на неё. – Если вы передадите свой дар, то всё равно сможете работать с нами. Разве не интересно? Вы прекрасный математик, немного подучим… в Москве или где захотите, при науке, с интересными людьми… Такие перспективы! Вы будете не только обеспечены, но ещё и жизнь будет не простая! Как, а?

– Мне кажется, всё-таки, сначала нужно всё понять…

– Вот что. Вы ведь в отпуске? Собирайтесь. Поедем в Москву, я покажу вам один из наших институтов.

Она вздохнула, вспомнив, что хотела опять пойти на озеро, но только прихватив с собой Юлия…

– И на озеро успеете, – усмехнулся он, легко угадав её мысли. – И художника вашего, которому, впрочем, до вас нет никакого дела, прихватите…

– Ну, что же, поедем…

Конечно, о такой поездке можно было только мечтать… Машина у Стаса была сегодня уже другая, и она опять не знала марку, но тоже, видно, не простая. Она понимала это по взглядам, которыми их провожали. Ещё на въезде в Москву Стас притормозил у какого-то неприметного магазинчика, сказав, что в таком виде ему стыдно появляться с ней в приличном обществе. Она возмутилась было, чем это ему её вид не нравится? …нормальное летнее платье… но он смял одним быстрым взглядом всё её возмущение, как фантик от конфетки. В магазине к нему, сияя улыбкой, вышел какой-то напомаженный мужик. Стас сказал ему только, чтобы её одели прилично, и как можно быстрее. Три девушки-нимфетки минут за десять сделали из неё леди. Даже её густые и длинные волосы подобрали какой-то шикарной заколкой… А потом они были в этом самом институте…

…Она не много видела и читала за свою короткую жизнь, но тут и не надо было особенно много знать… В институте делались такие вещи, которые у простого народа имеют одно название – мистика и колдовство… И ещё Стас специально провёл её по вычислительному центру, видимо, пытаясь задеть самые слабые места… Ей всё нравилось, но… Что это было за «но», она пока не понимала. Может, потому, что не чувствовала себя причастной к этому? И напоследок, когда Стас подвозил её к дому, она твердо сказала:

– Я всё решила. Сначала мне нужно всё почувствовать, понять. И только потом, полностью разобравшись в себе, я вам отвечу.

– Что же, очень разумно. И я надеюсь, что именно эта ваша, разумная часть одержит над всем остальным победу.

Они подъехали к калитке, и она не пригласила его войти. Дала руку для прощания, чтобы всё окончательно обозначить. Он усмехнулся, поцеловал руку и сказал:

– Но навещать я вас, хотите вы того или нет, всё-таки буду. Просто интересно понаблюдать за процессом.

– Конечно. И до свидания.

Продолжение следует…

От межи, от сохи, от покоса…

В плохие старые времена было три лёгких способа разориться: самым быстрым из них были скачки, самым приятным – женщины, а самым надёжным – сельское хозяйство.

Эрл Амхерст

Валентина Кузина

ЗА ГРАНЬЮ ПАШНИ

Повесть

(Продолжение. Начало см. «ГС» №3-4)

Глава пятая

Вечером, уже в потемках Лена со своей свекровью после нехитрого ужина лузгали подсолнечные семечки. Перебрасывались о том о сём, как это бывало у них в обычности их жития. Марфа рассказывала вчерашний сон, как упала она в яму, навалился на неё кто-то тяжёлый и пушистый, стал что-то на ухо шептать… Вдруг…

Марфа неожиданно оборвала разговор, спросила:

– Ты, Лена, когда корову доила, телушку не забыла в пригон загнать?

– Не было её… Придёт, не в первый раз.

– А как да в потраву попадёт? В хлеба уплетётся! Вчерась уж туда и намеревалась!

– Тогда надо сходить поискать, – затревожилась сноха.

– Закоулками между дворов погляди. Может, где-то с чужими коровами улеглась на ночёвку.

Ленка достала с полки семечки, положила в карман.

– До чего же неохота никуда идти… На беду ж нам сдалась эта блудня.

– Да уж не говори! – в тон ей проговорила Егориха. – Пойдёшь мимо, к Фроське заглянь… Пусть поужинать прибежит. Она, Фроська-то, поди, не ела.

Ленка остановилась возле Фроськиного домишка, вросшего в землю, заглянула в окно. Девчонка сидела возле стола, что-то зашивала. Голые ноги Фроськи стояли в тазу с водой. На столе перед ней лежали две картофелины, и она то и дело поднимала на них глаза. К ней ласкался худой, заморёный котёнок. Он влез к ней на руки, мешал работать. Фроська посадила его к себе на плечо, откусила кусочек картофелины, подала ему на ладошке. Котёнок стал жадно есть.

Ленка вошла в избу.

– Рукодельничаешь? – Фроська встрепенулась.

– Юбка ханула, – махнула рукой девчонка.

– Бабка Егориха ужинать зазывает… Кашка тыквенная есть. Только тыква ещё прошлогодняя.

Ленка пошла к двери, приостановилась у порога, не оборачиваясь, спросила:

– Ты телушку нашу не видела?

– Видела, – спокойно ответила Фроська. – Юбку зашью, выручать пойду.

– Как выручать? Откуда? – круто обернулась Ленка.

– Филимон её за потраву загнал… Я посмотрела куда. Вот собираюсь.

– Где он прихватил её? – спросила Ленка.

– На пшеничке хлебосольничала.

– Что же теперь делать-то, Фроська?

– Выручать. Она в овечьем загоне, за околицей.

– Иди ужинай. Сама схожу.

Еле различая в темноте дворы, Ленка отправилась за околицу. Она хоть и на ощупь, но ступала уверенно. Загон угадала по запаху грязной шерсти и короткому отрывистому дыханию овец. Достигнув прясла, тихонько позвала:

– Малютка! Малютка!

В дальнем углу пригона послышалось короткое знакомое мычание. Скоро из темноты явилась светлопятнистая телушка. Она протащила шершавым языком по ленкиной ладони.

– Не до ласки тут, – проворчала Ленка, приподнимая верхнюю жердь.

Телушка переступила жердину, оставшуюся на земле, и надрывно прокричала, жалуясь на пережитые бесчинства.

Ленка шла стороной, телушка не отставала, и Лене казалось, что топот её копыт был слышен на всю улицу.

Егориха торчала у ворот. Она с беспокойством стала рассказывать, как Мартынов стукнул в окно, грозно спросил:

– Скотина вся дома?

– Вся, говорю, Фроська-то мне поведала… Он тогда: «Елена где?» А я ему: «Спит уж». Потом спрашиваю: «Чего надо-то?»

Молча ушёл, ничего не ответил. Стало быть, не знает, чья тёлка, вот и ходит, дознаётся!

Малютка, плотно прижав боком Марфу к воротам, прошла во двор.

Марфа вернулась в дом и, пока Ленка подкидывала корм овечкам, вышла, повязанная добрым платком.

– К Фирсовой Тоньше схожу. Попроведаю. Старушки соберутся… По Антону службу справим. До утра останусь.

– Мне ещё спать не хочется… Шёрстки попряду – беспокойно заговорила Ленка.

– Ты, Елена, лучше воды в баню натаскай.

– Темно шибко.

– Ты не в чужой колодец пойдёшь, в свой… Тропу вслепую найдёшь.

– В баню речную воду надо, – возразила Ленка

– Ничё, щёлоку крепенько наладим, – не унималась свекровь. – Ну, пойду я.

Шаги Егорихи затихли за палисадом, брехнула соседская собачонка. Ленка взяла с плетня вёдра, отряхнула с себя остатки соломы, что стелила под телушку, отправилась к колодцу. Словно по заказу, выкатилась из-за тучи луна. Наносив воды, Ленка выволокла из бани щербатый глиняный горшок с золой, просеяла её через старенькое решето, ссыпала в большущий пузатый чугун, пристроила его на край полка. Хороший будет щёлок! Бросила рядом два берёзовых веника. Всё готово… И луна светит, да так ярко! «А раз уж случай подвернулся, – решила Ленка, – скошу-ка я траву за баней. Не всегда так светло по ночам бывает»…

Совсем неожиданно возле калинового куста, стоящего за курятником, хрустнула ветка. Ленка круто отбежала, успев схватить литовку, что висела с наружной стороны бани.

– Кто тут? – обмирая от страха и неожиданности, негромко спросила она.

От куста отделилась фигура человека. Ленка рванулась было к дому, но почему-то осталась на месте, крепко вцепилась в черешок литовки.

Человек направился к ней.

– Это я, Лена.

Она по голосу узнала Филимона.

– Вот это шуточки! – дрожащими губами еле-еле выговорила Ленка, с трудом перевела дыхание. – Как шельмец какой, стоишь, притаился! Совести-то не ночевало вовсе!

Филимон подошёл близко, почти вплотную.

– Лена, – он попытался взять её руку, она резко отдёрнула.

– Чего лапаешь? А то литовкой как махану по ногам!

– Положь литовку, с разговором я.

Ленка шагнула назад.

– Не подходи! Среди ночи с разговором… Как-то я ещё не надоумилась до исподней раздеться… Кого бояться в собственном-то дворе! А ты видишь, что удумал!

– Когда больше-то разговаривать? – голос Мартынова подрагивал, и сам он выглядел покорным ягнёнком.

Ленка откровенно возмутилась:

– Нет, это же только сказать… Какое удачное время выбрал!

– Да брось ты! – оборвал её бригадир. – Несёшь бог знает чего… Повесь на место литовку.

– Не повешаю… Мне траву, вон, косить надо, пока луна светит, того и гляди, скроется. А ты говори, чего хотел, и своей дорогой топай!

– Чего там говорить? Одно скажу: жить не могу, когда не вижу тебя.

Ленка опешила, но скоро нашлась:

– Сватать надо было, – просто и спокойно ответила она, вешая на место литовку и направляясь к дому.

– Ведь не пошла бы?

– Как знать… Может, пошла бы. А коли бог дал мне Андрюшу, то муж есть муж, – Ленка остановилась и, всматриваясь в его лицо, подошла ближе, с иронией спросила: – Чего же ты, Филимон, такой гордый-то, в печаль впал?

В словах Ленки не было насмешки, скорее – удивление и усталость.

– Ты давно про то знаешь… Всё ты знаешь… – смешался он и замолчал.

– Не знаю. И откуда же мне знать душу твою? – теперь она шла, не оборачиваясь.

Филимон пошёл следом за ней.

– Я сказал тебе только, что сказал, что надо было сказать.

Она проговорила, стиснув зубы:

– Иди, Филимон, по-хорошему… В деревне горе чуть не каждый день, а ты тут со своим… Спробуй ещё заявись!

Мартынов ушёл. Но Ленка поняла по всему его виду, что он не обиделся, наоборот, зашагал со двора бодро и уверенно. Заперев за собой двери, она, кое-как раздевшись, торкнулась головой в подушку. Ей стало жарко и душно. Повернувшись на спину, долго смотрела в потолок. Глаза быстро привыкли к темноте. Скоро обозначился ласковый поток лунного света. Луна смотрела теперь со стороны улицы, озаряла печь, занавеску и ярким пятном светилась в боку низенького самовара. Тишину нарушало чуть слышное вжиканье литовки.

«Люди косят, – с завистью подумала Ленка. – А вот я упустила время. И всё из-за этого проклятого Филимона. Чёрт его приволок...» Она села на кровати, потом беспокойно прошлась по горнице. «Зачем всё это? И что же будет теперь?»

Марфа пришла перед самым утром, когда Ленка только смогла угомониться. На скрип двери она испугано вскочила, но, увидев свекровь, облегчённо вздохнула и снова упала на постель. Полная тёплая ладонь свекрови легла на голову Ленки.

– Полежи, полежи… Нам с тобой чо не жить-то… У людей горе похлеще. Верить в доброе надо… А верить станешь, то сбудется!

Ленка, тяжело вздыхая, взяла за руку свекровь.

– Помолись за нас с Андрюшей, мама.

– Помолюсь.

– Да ты не откладывай, – взмолилась Ленка. – Прямо сейчас помолись…

– Сразу помолюсь. Спи. Понежься… До утра-то много ли осталось?

Марфа проплыла в темноте к окошку, распахнула створку, снова заговорила ласково, с благодарностью и нежностью в голосе:

– Молодчина ты у меня, Елена. Вон сколь травы выкосила! Умаялась – эть… Вздремни ещё чуточку.

У Ленки забилось в мыслях: «Где? Какая трава?» Теперь уж было не до сна. Она подхватилась, сунула ноги в глубокие пригонные калоши, припустила к бане. Утро чуть завязалось. Ещё чувствовалось дыхание земли. Волглая дымка стелилась над свежескошенной травой. А чистые аккуратные прокосы невольно притягивали взгляд.

«Зачем он это сделал? Зачем?!» – кричало её сознание. Она понимала теперь, что над её головой сплеталась непонятная сеть, настырно потянувшая её в какую-то страшно запретную мглу. Руки сами сняли висевший на жердине подойник. Опустилась к реке, в раздумье долго и тщательно полоскала его. За речкой прокричала чья-то корова – громко и жизнерадостно. Это на Малой Косе начинало собираться стадо. Ленка бегом бросилась в стайку и, поняв беспокойство коровы, заговорила:

– Ну-ну, глупенькая… Успеешь, без тебя стадо не уйдёт!

Заботы дня заслонили собой вчерашний внутренний переполох, и мысли, мучавшие Ленку, как-то отступили на задворки. Не потому ли она, как только Филимон появился у окошка, по-обычному спросила:

– На горох?

– Нет, – слегка смутившись, ответил он. – Воду возить.

– А мамка? На поле? – вызывающе уточнила она.

– Матрёна пойдёт сегодня фляги на выпасах мыть.

Ленка не всё поняла, но Мартынов уже отошёл от окна и направился к соседнему дому.

– Чего он сказал-то? – обернулась Ленка к свекрови.

– Ты чего кипишишься? Фляги мыть на выпаса послал Матрёну. Там полегче и молочка попить перепадёт. Тут радоваться надо. Не всякому такое выпадает. Взяла бы да и поблагодарила. Язык не отвалится!

– Ещё чего! Все на фронте, а он тут бабами командует! Захочет, – фляги мыть заставит, захочет, – так запряжёт, что до вечера не разогнёшься!

Егориха развела руками:

– Но ведь и он не по доброй воле сюда поставлен. Шибко не наседает, и то ладно. Матрёну пожалел, это славно. Надо, надо бы спасибо выразить.

Ленка разозлилась, чем крайне удивила Егориху.

– Полина тоже не по доброй воле поставлена! Только спинушку она гнёт вместе со всеми. А ей бы в правлении сидеть да счётами пощёлкивать. А этот не худо пристроился… Ещё и на пролётке гоняет!

– Времечко покажет, мила моя… Всем хватит горестей. Никто эти тяжёлые времена не минует. Всякий пытает свою долю, не чужую.

* * *

Ленке запрягать лошадь было непривычно. Она попросила Зиновия помочь ей в этом деле. Рано пришла на конный двор, дождалась его там. Зиновий запряг старую кобылёнку ловко и скоро, шутил:

– Раз пять помучаешься, – сама научишься! Если особенно где-нибудь в поле распряжётся.

– Не пугай, Зинко. Давай, обучай, буду запрягать и распрягать отныне и навеки сама… Ну, приступим что ли?

– А как же Матрёна управлялась? – вмешался конюх Игнатий.

– О! – махнула рукой Ленка. – У мамки давнишнее умение управлять лошадьми… Ещё у старых Мартыновых в сроку была, с детства, почитай. Утром, говорят, на коня посадят, а снять до вечера не снимают, голодная так до самого вечера оставалась.

Игнатий вздохнул шумно, протяжно.

– Помню я, всё помню. Мы ведь с матерью-то твоей одногодки.

Появилась Хмелькова. За ней шла Капа, нудила своё:

– Не возьмём нынче коленвал, что тогда? Считай, больше не увидим! Найдутся охотнички на добро!

– Где же ты вечером была? Хватилась, когда ни одной лошадки не осталось.

Увидев Ленку, Капа радостно заверещала:

– Вон, вон Ленкина бочка подойдёт! Привезём запчасть и воду попутно начерпаем.

– Ну, это уж с ней решай. Только не забывай, что свежей водой надо обеспечить выпасные скотопоилки и доставить воду туда,

где работают люди. Ну и запчасть, коли добыли, из рук выпускать нельзя.

Полина задумчиво посмотрела в оживлённые глаза трактористки, проговорила скорей всего для себя:

– Как это островская председательша взяла, да и раздобрилась? Может, задумала и у нас чего-нибудь урвать?

– Не знаю, – коротко ответила Капа, убегая к Ленке.

Ленка потянула за узду запряжённую в телегу смирную старую кобылёнку, с которой Матрёна не расставалась два года. Четвероногая старушка косилась на Ленку, лениво поматывая головой, слегка доверялась ей, но и побаивалась непонятных в своей обычности изменений.

– Ну что, Луша, – Ленка провела ладонью по гладкой лошадиной спине. – Я ещё больше, чем ты, боюсь. А коли надо, то ничего тут не поделаешь.

Подошла Капа, оценивающе посмотрела на кобылу.

– Ты чего так на неё уставилась? – ухмыльнулась Ленка. – Никак, цыганам продать собираешься? Тогда ещё в зубы загляни…

– Она, пожалуй, до Островков к ужину не дотянет.

«Что же делать?..» Она снова оказалась возле Полины, снова просила, объясняла:

– Это же полуслепая старая кляча… Понимаешь, она всю душеньку вынет, пока её с места сбузыкаешь!

– Опять всё снова… – пожала плечами Хмелькова. – Тогда остаётся всё-таки у Филимона ходок забрать. А вон он и сам... Иди, Капа, поговори.

Мартынов выводил из стойла жеребца Роя.

Капа не двинулась с места.

– Робею… Заорёт он на меня.

– Филимон, – крикнула Полина. – Снаряди-ка Роя для Капы! Она в Островки слетает и попутно Фроську на почту подбросит да Нинилу к ветеринару…

Ленка выехала со двора, обернулась и увидела глаза Мартынова, устремлённые на неё. Хлестнула Лушку кнутиком. Но лошадёнка не повела и ухом. За телегой бежал Зиновий, что-то кричал. Уткнувшись глазами в лушкин хвост, сплошь

усеянный мякиной, Ленка прислушивалась к одной мысли, которая витала вокруг и около, не давая покоя. Наконец, Зинко закричал где-то у самого уха:

– Колесо, говорю, вихляет! Чека выпала.

Ленка расстроилась:

– Начались мои мучения… Зинко, поедем со мной!

– Филимон к трактору нарядил… Капы-то там сегодня не будет.

– Филимон… Филимон… Прямо, царь и бог всему!

А Лушка шла своей дорогой, не прибавляя шага, толково, умеренно. Незаметно снималось напряжение, мучившее Ленку. Скоро она успокоилась вовсе, а когда кобыла спустилась с извоза, вошла с телегой по коленки в воду и остановилась, это вовсе развеселило Ленку.

– Вот это приучила тебя моя мамка. Молодчина ты, Лушенька! Значит, здесь мне черпать воду! – она свесилась над речушкой, потом спрыгнула в воду – утренняя прохлада обдала бёдра. Ленка взвизгнула.

– Ух, хорошо-то как! Красота!

Совсем рядом, по мосточку, пронеслась пролётка, на которой обычно разъезжал бригадир, а сейчас на ней повизгивала от удовольствия Фроська и, деловито поджав губы, сидела Нинила, так как ей было доверено важное задание. За вожжи держалась Капа. Увидев Ленку, она крикнула:

– С повышением, подружка!

– Ты в воду не свались! – немножко обиделась Ленка. – Как тебе такую колесницу доверили?

Пронеслась пролётка, увлекая за собой создавшийся молниеносный шум-гром. Снова всё стало тихо, только отпыхивала кобылица и почти неслышно всхрапывала, ожидая время подъёма на извоз. Ленка, плюхая ведром, наполняла бочку и как только сделала передышку, кобыла начала подниматься на берег, хотя бочка ещё полной не была. Лушка подалась вперёд, подминая широкими копытами песчаную гальку, напружинилась, как бы примеряя на себя тяжесть волочившейся за ней телеги, и, приноровившись, медленно пошла вперёд. Ленка взялась за узду, и ей показалось, что Лушка взглядом подбадривала её, чтобы

первый день работы с ней не показался новой хозяйке таким уж безнадёжно трудным. Затем кобыла размеренно отправилась к скотному двору, обошла его вокруг и остановилась возле питьевых деревянных корыт.

– Вот оно что! – удивилась Ленка. – По всему видать, мы с тобой, Лушенька, сработаемся! Ты и к колодцу дорогу знаешь?

Колодец, ещё со старых времён принадлежавший хозяйским покосам, был на отшибе, в Юрьевой роще. Он и теперь славился чистотой и прозрачностью воды. К колодцу Ленка пыталась подгадать так, чтобы на поле быть к полудню. Вот и роща. Теперь можно было вздохнуть с облегчением: тени деревьев стали прикрывать от жарких солнечных лучей. Она скинула кофтёнку, одним взмахом гребёнки расчесала пышные волнистые волосы, завернув их в узел, приколола высоко на макушку. Оголенные спина и шея ожили, ощущая как-то по особенному радость, что дарила ласковой прохладцей кроновая тень. Это было чувствительным спасением от жары. Лошадь поплелась ещё медленнее. По сторонам дороги, еле проторенной колёсами Лушкиной телеги, на крошечных полянках кучковались широколистые, с розовой щетинкой на стеблях, семейки съедобной травы, возвышавшие над собой молочные слабенькие, только что завязавшиеся семена в нежных зелёных мешочках.

Ленка не удержалась, сползла с телеги, стала метаться по полянке, собирать в охапку сочные пустотелые трубочки, нетерпеливо очищать их и жевать эти прохладные дольки. Потом, словно очнувшись, протянула лакомство Лушке, погладив её по широкой переносице.

– Люди нас ждут… Привезём воду, чуть-чуть отдыха перепадёт и нам.

Кобыла снова кивала головой, послушно шла за Еленой, которая всё дальше и дальше углублялась в рощу. Она снова с какой-то особой легкостью взобралась на телегу. Впереди осталось только два поворота за березняковыми изгибами. А там и студёный колодец. Вот обозначился и он. Перекинутый на два конца через высокую рогатину, поскрипывал журавель. На фоне движущихся тощих облаков он словно плыл высоко над деревьями в палящей ленивой синеве. В кустах, спрятавшись от жары, шелестели

листьями птахи. Застрекотала растревоженно сорока, пролетевшая над самой головой. Пошевелив сухими губами, кобыла ускорила шаг. Побалтывая босыми ногами и оголив колени, Ленка изнеможённо говорила:

– Ох и жара!

Сорока протрещала снова, теперь уже более беспокойно, ей завторила другая. С куста слетела стайка воробьёв, рассыпалась вокруг колодца. Лушка остановилась.

* * *

Из конюховки Мартынов пошёл проверить склады. Он заставил кладовщицу Татьяну отворить все помещения, проветрить от прижившегося там запаха жмыха и мышей. Увидев в первом же помещении скиданное в беспорядке тряпьё, Филимон спросил:

– Это зачем тут? Всё повыкидывать!

– Ну дак как! – запротестовала Татьяна. – Полога это. Не видишь? Хлеб по осени чем прикроешь? Положи вместо них новые!

– Новых не будет. А эти надо починить! Днями сидишь…

Толстенная кладовщица вскочила с деревянного, похожего на длинный стул, топчана.

– Вот матушка твоя пусть придёт да и починит! Эдакую-то тяжесть…

Мартынов склонился почти к самому её уху. И издевательски проговорил:

– Правильно на собрании-то говорили: заросла ты в грязи… Хоть бы что-то перепхнула… Нет, не додумаешься!

Кладовщица почесала суровой юбкой мясистую ягодицу.

– Я уж не молоденькая, чтобы с меня так требовать.

– Ты и молодая-то лень на хребте носила. Я ещё парнишкой помню, как твой огород от всех отличался: никогда ни пололся, ни огребался. Строгал тебя за такие дела частенько Антон Иванович. А соседка твоя Нинила по утрам покрикивала тебе: «Вставай, Татьяна, солнышко-то уж о твою задницу упёрлось, а ты всё спишь!» Так ведь? И в окошко твоё барабанила.

– Не пристало бригадиру-то… не пристало, – закачала головой Татьяна. – Если Нинила возле Татьяниного окошка – не диво!

А вот ежели Мартынов возле окошка у Егоровых, да не тогда, когда на работу наряжает, а ночью, куда интереснее! Стоит так, посматривает… А люди-то и знать ничего не знают. У них лампа горит… Может, обе бабы там до исподнего…

– Хватит! Старая дура! – Мартынов ещё что-то хотел сказать, но сдержался, пошёл прочь.

Татьяна выскочила за двери, прокричала:

– Была бы я не ленивая, давно бы молву по деревне растащила… А больше всего потому молчу: семью Егоровых уважаю… Уж не тебя, скотину!

Филимон, прихрамывая, шёл за околицу. Слышался говор реки, и совсем скоро засветилось ясное её зеркало. Он перешёл по мостку. На другом берегу открылась взору дымчатая зелень. Он ускорил шаг. Его крепкая фигура всё удалялась и удалялась к лесу. Филимон миновал непролазный кустарник, таким образом сокращался путь к Юрьевой роще. Ещё издалека завидел он колодезный журавель. По телу пробежал приятный озноб, больная нога присмирела. Ничто не мешало ему ещё прибавить шаг. Вот и поскрипывание журавля от лёгкого ветерка. Наконец, он сел в траву. Протрещали сороки, потом смолки. Состояние бригадира было какое-то вовсе непонятное, даже для него самого – неуправляемое, беспокойное. Он поднялся, перешёл к берёзе, обхватил её руками, будто боялся рухнуть на землю. Уставился на дорожку, проторенную Лушкой между великолепных ветвистых берёз, прислушивался к трепетному шелесту листвы, будто всё это увидел впервые и впервые обнаружил подобный окружающий его мир, который сочетался с звучанием его души.

Наконец, из-за деревьев показалась долгожданная Лушка. Она волокла за собой на телеге пустую, громыхающую бочку, возле которой сидела Ленка с голыми плечами и коленями, обмахиваясь своей неизменной кофточкой. Бронзовый загар делал её необыкновенной, божественной. На её лице без труда можно было прочесть беспокойство. Видно было, что она не поспевает ко времени. Ленка с молодой лёгкостью ринулась к висящему ведру. На лице появилась растерянность. Ведро висело высоко и достать его было невозможно. Как же быть?

Ленка бросилась в чащу искать длинную палку. И только её спина скрылась за деревьями, Филимон вышел из укрытия, отстегнул на лошади узду, кинул один её конец так, что он замотнулся на проволоке, держащей ведро, потянул к себе. Журавель ожил, и порожнее ведро направилось в холодное отверстие сруба.

Услышав скрип, Ленка выскочила из чащи. Она долго не могла прийти в себя, смотрела, как руки Филимона ловко подхватывали и опрокидывали в бочку увесистое ведро, как под его выгоревшей косовороткой играли мускулы, как небрежно рассыпались его красивые волосы. Он чувствовал её присутствие, но не оборачивался.

– Помогай Бог трудиться, – сказала Ленка.

– Спасибо, – не оборачиваясь, ответил Филимон, продолжая черпать воду.

– Вот это помощничек! Завсегда бы так.

– Что ж, учту! – Он обернулся круто, отпустил ведро, которое снова пошло в вышину. Ленка бросилась было наутёк, но сильные руки подхватили её, настойчиво и бережно прижали к себе. – Сколько ты смеяться надо мной будешь?

Его голос не располагал ни к чему хорошему. Ленка устрашающе свела брови, резко сказала:

– Отцепись! Закричу!

– Кричи, – обретая совершенное спокойствие, проговорил Филимон. Его губы коснулись её плеча.

– Отстань от меня, – взмолилась она. – Девок тебе мало?

– Нашто мне девки! Тебя облюбовал, ещё соплюхой была… Что мне твой муж!

– Мужа жду… Его люблю… Отвяжись!

– Сама знаешь, я не из блудливых мужиков…

Филимон стал покрывать поцелуями её шею, лицо, глаза…

Испугавшись, Ленка с силой оттолкнулась от него, упала в траву, тотчас вскочила, бросилась в чащу. Она слышала за собой дыхание Филимона, плакала без слёз, озверело и униженно. Неловко оступилась, упала со всего бега и тут же поняла, какая постыдная безжалостная истина над её совестью.

Глава шестая

Дед Василий теперь никому не давал покоя со старым сараем, бесконечно напоминал о том, что время не ждёт, что подойдёт уборочная – вовсе не соберёмся. А сарай тот слегка толкнуть трактором, он и ляжет. А там с ним расправиться недолго. Полина соглашалась.

– Так оно. Только доски-то уж больно старые.

– Они хоть и старые, а всё-таки доски! Просмолить их, просушить и покрыть крышу-то в школе. А потом придут мужики с фронту… Там их дело.

Старик разыскал Капу.

– Толкни, – попросил.

– Боюсь… Он на меня повалится. Низ задену, а верх, как так и надо, возьмёт да и накроет.

Дед почесал затылок, задумался.

– Со стариками посоветуюсь, может, ты всё верно говоришь… Всё может случиться. Не думаешь, а беда вот она, рядом. Недаром пословица говорит, что на грех и курица пердит. А то ломами попробуем…

– Вот! Сперва попримеряйтесь…

И вот Полина Хмелькова и Антонина Фирсова с ломами в руках пробовали отворачивать трухлявые старые доски. Дед Василий деловито смолил их и ставил к стенке склада на солнечную просушку. Намечались они, как было уже решено, на покрытие школьной крыши. Дед ждал стариков, которых вчера уговорил помочь в школьной нужде, а сам пришёл раным-рано, принялся за дело. Вызвались ему помогать и женщины, скорее всего, чтобы узнать, что же получится из этой затеи. Работа пошла бойко. Василий был весел, ему хотелось говорить о чём-нибудь также полезном. Он сразу же предложил:

– На крышу посадим приколачивать доски Тимку и Зиновия. Стариков-эть не пошлёшь на такое дело…

Полина решительно отклонила его планы.

– Изувечатся, – коротко сказала она.

– Не маленькие уже, по тринадцать годов, – возразил он. – Когда же их приучать к сурьёзным делам?

– Подождём немножечко, пусть подрастут. Они нам здоровые нужны. – Полина тяжело вздохнула. – Бог знает, сколько мужиков с войны вернётся… Войне ещё конца не видать… А доски будет прибивать Мартынов.

Старик сразу же выпрямился, прикашлянул, одобрительно сказал:

– Вот, вот… Почаще Филимона с места на место поталкивай! Сама-то, вон, вся ухамаздалась! Строгостью своей ты не дашь ему пакостями заниматься.

– Мартынов не пацан… Какие-либо подсказки ему ни к чему. Не подводил пока ни в чём.

Дед Василий внезапно рассвирепел, бросил молоток в ведро с гвоздями, обернулся к Антонине, потом хотел сказать ещё что-то, но только махнул рукой.

– Что, деда? – не понимая, подошла к нему Антонина.

– Подтверди, Тоньша, подтверди гнев мой! Давно про то все знают. Ты лучше меня всё обскажешь!

– Ну, говорите, чего же такое Филимон сотворил? – проговорила Полина без особого любопытства.

Антонина снова молча взялась за лом.

Часть сарая была разворочена. Окна и двери определили на склад.

Дед Василий долго выколачивал молотком ржавые погнутые гвозди из пыльных досок и бросал их в старенькое кособокое ведришко, потом старательно выправлял их молоточком, ворковал:

– Господь выделил нам гвоздочки из святых запасников…

Полина обтёрла пыльное лицо.

– Передохните чуток. Я в правление схожу. Из района должны приехать…

– Может, приезжали уж, – забеспокоился старик.

– Нинила у меня там на стрёме… Прибежала бы. – Она осмотрела себя: – Сначала на речке сполоснусь, не перепугать бы добрых людей.

Со стороны правления бежала Нинила, увидев Хмелькову, прокричала:

– Там из району дожидаются… Ты не сказала, где искать тебя… Ни тебя, ни Филимона.

– Кто там приехал-то? – спокойно спросила Полина.

– Полевод однорукий да баба в очках, страшнущая из себя, а пальчики… Того и гляди, сломаются!

– Ну-ну, – удовлетворённо кивнула Хмелькова. – Вот они-то мне и нужны. Она обняла за плечо Нинилу: – Самовар бы неплохо, Нинила, прихварывает она, очкастая-то… Той травки завари, что вчера меня угощала.

– Чай-то пить не с чем, – предупредила Нинила.

– Парёнок морковных погрызём… Эко лакомство! А Филимон-то где?

– С утра, говорят, в деляну поехал… Дровосечные места посмотреть.

Полина заторопилась к правлению. Чужой конь, привязанный к коновязи, был виден издалека. Улица казалась пустынной, знойной. По обочинам густо стелился ковристый конотоп, придавая улице нарядное обрамление. Возле дворов, на скамеечках сидели древние старички и каждый раз по-новому зрили тревожными глазами на жизнь своей деревни, а через неё переносили взгляд на житие по большому масштабу, сравнивая прошедшие времена с настоящим, и как-то сдержано допускали будущее. Оставалось им только тревожно рассуждать об этом и молчаливо предугадывать. Новостями из газет снабжала их Фроська, увеличивая успехи на фронте, уменьшая потери до самой малости.

Приготовив самоварчик для гостей правления, Нинила вернулась к Антонине и деду Василию.

– Слышно-то чо? Олина о чём-нибудь сказывала? – приступила она к деду.

Тот откровенно усмехнулся.

– Как я посмотрю, про важные дела председательша говорит больше с тобой, Нинила, потому как ты к ней ближе. Остаёшься за неё в правлении. Вон, люди приехали, а ты там, на месте! – старик смерил её тем же усмешливым взглядом: – Одного я, Нинила, побаиваюся, не вытеснила бы ты со своего места Хмелькову. Как да такое случится?

Нинила расхохоталась дробно и звонко:

– Была бы грамотная, может бы, и вытеснила. А то письмишко прочитать не могу, – она теперь затрещала быстро и надолго: –

Любке ходят письма от парня… Сколь раз я прочитать порывалась, да не тут то было, – она перекрестилась: – Господи, прости, только любопытство материнское так и стонет! Так и охота в листочек заглянуть. Выросла уж, видно, Любашка-то моя. Да что и говорить… Вечорось иду, а сын ейный, – она кивнула на Антонину, – Зиновий-то, возле бани на брёвнышке посиживает с девицей уж. А Фроська для них на балалайке старается.

– С кем это? – не переставая работать, спросила Антонина.

– С кем больше, как с Минкой рыжей. Я подошла, полюбопытствовала: чо, говорю, Фроська-то без жениха? А жених-то, оказывается, за тополем стоял. Я, старая дура, сразу-то не разглядела. – Нинила вздохнула шумно: – Растут ребятишечки, как опята…

Антонина приблизилась к ней.

– Так ты не сказала, кто всё-таки за тополем-то стоял?

– А, этот вон, Василиев внучок – Тимофейко.

Дед осуждающе сплюнул.

– Балаболистая ты баба!

– Верно, Нинила, не совалась бы ты в дела ребятишек, – сказала Антонина. – Им всего-то ничего, а работают за мужиков: и сено косят, и дрова на лошадях возят… Ну, с балалайкой отдыхают… Какие там про них ещё пересуды могут быть?

Дед Василий поддержал её:

– Хоть и Любашку твою взять… Девушка славная. Не касайся ты её своим острым языком. Змеиный он у тебя, знай то.

Нинила с минуту растерянно смотрела на обоих, потом распрямила плечи, пошла на Василия так, что он невольно отступил.

– Лётчик у Любки-то моей! Лётчик! Вот так! – гордо выкрикнула она ему в лицо.

– Вот и славно! – в тон ей так же выкрикнул дед.

Нинила кашлянула в кулак и, будто показав своё, не такое уж большое к ним расположение, понеслась к правлению. Она ещё обернулась, добавила:

– Не у каждой девушки лётчики-то! Из нашей древни у одной Любки моей!

– Вот взбаламошная, – не переставал удивляться дед.

* * *

Прокатилась Полина по полям с районным полеводом. Сама просила его землю посмотреть, посевы… Совет нужен был. Недалеко время и на посев озимых. Где лучше было бы их разместить.

Иван Индисович, как звали полевода, вместе с Фирсовым на войну уходил, вернулся по ранению, без правой руки. До войны дружбу водили. Только и носились по полям с разными собственными открытиями и причудами, за что им нагорало не раз, а они оба умели настоять на своём и в результате оказывались правыми.

По заболеванию скота к кому больше могла пойти Полина, как не к ветфельдшеру Августе. По нужде бросилась к ней. Августа одна по этому делу на много деревень. Потому всегда занята и неуловима.

Теперь же Хмелькова шла, полностью успокоенная. Вышло так, что и посевы хороши, и хворь коровья не опасная. Уставшая от забот, проголодавшаяся, она вспомнила, что дома есть сваренные ещё утром две морковины, прибавила шаг. Шла через перелесок, перемешанный круглокустистым рямом. Солнышко уже прощалось с ведренным деньком, приноравливало к закату. Под подошвами прохладой отжималась влага. Где-то вдалеке – приближение осени. Но вот вечернее солнышко будто заиграло, отвлекая от неизбежности предстоящих холодов. Хотелось верить в эту ласку солнечных лучей, в их волшебное величие и силу. Полина мечтала повалиться в траву, подставить уставшие подошвы лучам и ощутить их тепло в полную меру. Миновав густой кустарник, она услышала говор, негромкое конское ржание. Одновременно почти рядом сквозь куст Полина увидела Филимона. Он лежал на траве, положив под голову обе руки. Глаза его были закрыты. Возле кустов стояла пролётка, конь легонько бил копытами мягкую поросль, отчего кошёвка ездила туда-сюда.

«Вот развалился», – подумала она и хотела проследовать дальше, но её внимание привлекла Ленкина кофточка, лежащая рядом с ним, небрежно брошенная на траву. Самой Ленки видно не было, но Полина угадала её присутствие за тем кустом, головой к которому лежал Мартынов. Её голос послышался именно оттуда. Голос был жалостливый, горестный. Слов не было слышно. В ответ на её слова Филимон перевалился на бок, подпёр голову рукой, проводил к Ленке за куст несколько слов:

– Значит, кончать надо с этим делом. Иди к этой… Как там её… К Соломее, что ли… Не я же за тебя пойду с бабьим вопросом. Какой я в этих делах тебе помощник?

Послышалось всхлипывание. Филимон вскочил на ноги, хрустнул веткой, бросил под ноги:

– Как всё это… Видишь, я запурхался? Не знаю порой, куда бежать, за что хвататься…

Он поднялся в пролётку, и конь помчал его через полуотцветающую лужайку. Через долю минуты пролётка вырвалась на ровное место, помчалась по дороге. Плач за кустом усилился. Ленкина рука потянулась за кофтой. Теперь Полина хорошо видела Ленку: она сидела на пеньке, сгорбившись, утирала слёзы подолом своей юбки.

«Вот на что намекал мне старый Василий! Все знают уж… Только я… Значит, к повитухе посылает». Удивлённая новостью, опечаленная за Ленку и всей душой ненавидящая Филимона, Хмелькова поплелась было дальше. Её мысли опережали одна другую, голова шла кругом. Злилась на Ленку, но судить можно было бы строго тогда, когда и её судьба не сталкивала бы с Мартыновым, не вкусила бы сама по молодости обещаний и наглого отказа. Вопреки нежеланию Полина убедила теперь себя в том, что надо именно сейчас подойти к Ленке – выбросить ей в лицо всю ярость за мужа, но сдержала себя и почему-то медленно пошла прочь. Невидимая нить жалости потянула её обратно. Она остановилась на какое-то время в раздумье, потом решительно пошла в рям. Слова утешения как-то не приходили, оставалось только зло, но, увидев Ленку, которая будто приросла к пеньку, Полина вдруг прониклась к ней такой жалостью, что больно сжалось сердце.

– Вставай, уселась, – пока только что нашлась сказать Полина и торопливо провела фартуком по лицу Ленки: – Разнюнилась после времени!

Ленка подняла, наконец, на Полину глаза. Опухшее от слёз лицо оплыло и наводнилось. Полина подала ей руку. Ленка как-то сразу уцепилась за неё, словно именно в этой руке и было её спасение.

– Много уж? – спросила Полина.

– Много, – грустно и безнадежно ответила Ленка.

– Горе ты моё! – Хмелькова повернула голову в сторону, куда только что уехал Филимон: – Ты тоже хороша! С такими, как он,

рывком надо! А то вон оно как получается, – она помолчала, грустно докончила: – Вот и ты скупнулась в его грязной луже.

Ленка снова зарыдала:

– Я слыхала, что у него председательша островская…

Полина не выдержала:

– Ты что, никак в ревности ударилась? – но что-то заставило её снизить голос: – Думать сейчас надо, что дальше делать.

После этих слов Ленка с надеждой уставилась на Полину, будто с этими словами вырвали её из страшного сна, и что тяжесть её души развеется. Она безропотно слушала Полину и с каждым её словом чувствовала, как облегчается вся тяжесть положения. Это было началом раскрытия горестной тайны, что распирала мозг Ленки, точила сознание до изнеможения, до отчаяния.

– Иди домой, – как-то недобро сказала Полина. – Да спустись к речке, сполосни лицо.

– Ладно. – Ленка покорно кивнула. – А что делать-то присоветуешь?

– Да уж к Соломее не отправлю… Рожать будешь! – она помолчала. – Это есть твоё кровное дитя. На людей смотреть не надо, мало ли кто чего не скажет… На всех не угодишь.

* * *

Филимон, оставив пролётку за лесом, пробрался кустарником к полю. Был уже вечер. Подростки, закончив работу, усаживались перекусить. С ними, как всегда, была Марфа Егорова. Это она строго следила за тем, чтобы ребятишки хоть немножечко еды от обеда оставляли к вечеру. Болевшие то у одного, то у другого желудки удваивали её заботу. Ей приходилось дома запаривать травы, приносить на поле. Она приучила всех есть коллективно, за общим столом, так величалась старенькая марфина скатерть, разостланная на траве.

– Отведайте-ка, чего я ныне вам принесла, – говорила она, и тут же заветренные, в цыпках, руки ребят сталкивались в её ладонях. То была картошка, запечённая в кружочках, пареная подсушенная репа или брюква. Обеды и ужины всякий раз проходили оживлённо. Несмелых и совестливых Марфа усаживала с собой рядом. Часть обеда она заворачивала, помещала в мешочек, который

привязывала к своему поясу. А вечером этот запас вновь делился поровну. Так проходили детские летние каникулы.

Бригадир появился неожиданно. Он окинул всех взглядом, недовольно бросил:

– Опять промялись уж? Норму не докончили, – он пробежался взглядом по картофельной полосе, покачал головой: – Разленились вы, как я посмотрю.

– Надо замерять, сколько сделано, тогда и говорить, – недовольно выставился Зиновий. – Пойдем, покажу, сколько сделано!

– Сиди, ешь! – дёрнула парнишку за штаны Егориха. – Ешь, и спробуй встань! Сам-то он уж давным-давно откушал… С утра по полям прокатится, потом целый день где-нибудь за жарком поляживает. А что видит Хмелькова? Да ничего не видит! Сейчас, поди, в каком-нибудь коровнике спину гнёт.

Филимон не слышал её слов, но проницательно почуял вызов против себя, стал нервно прохаживаться. С дальнего угла поля подошли девки и бабы. Следом тянулись старухи. Все они стали выкладывать свою нехитрую еду, усаживаться на землю, подстилая под себя сухую траву.

Филимон повертелся ещё немного, обронив пару замечаний по поводу частых обедов, пошёл с поля. Марфа вскочила, закричала ему вслед:

– Ты давай не появляйся здесь с такими разговорами… Видишь ли, пацаны часто обедают.

Мартынов обернулся, смерил Егориху презрительным взглядом:

– Теперь вся страна… Не только мы…

Старуха, придерживая дрожь в голосе, вызванную ненавистью и откровенным гневом, обернулась к бабам:

– Нет, вы только послушайте, чего он такое говорит… Себя тоже с народом рядом выставил! Вон, Полина, это уж действительно с народом!

На её слова Авдотья горестно сказала:

– Сёдни, вот уж вечером, с час, пожалуй, назад, она, Полина-то, с мешками надсадилась. Еле до дому доползла. Под руки вели вовсе! Нинила Любке поесть приносила, так сказывала.

– Бабы! – громче того заговорила Марфа. – Слыхали? Полина-то наша с мешками надсадилась! А вот этот, – она показала на

Филимона, – этот не надсадится! Он найдёт себе дельце куда интереснее!

Бабы понимали Егориху, жалели её. Они знали, на что намекала она сейчас.

Мартынов не перебивал старуху. Он молча дослушивал ненавистную Ленкину свекровь. Брови его всё больше и больше сводило к переносице, но дал выговориться. Его взгляд застыл на её трясущихся губах, а рука нервно сжимала кнутовище. И только стоило Егорихе замолкнуть, как сразу все затаили дыхание. Удивлялись, но втайне одобряли Марфину смелость. Взяв себя в руки, Филимон проговорил:

– Ну, все слыхали как она меня? Слыхали?! А чтобы больше такого не повторилось, я пишу на неё, куда следует, а вы все, как один, свой росчерк поставите. – Он круто повернулся и пошёл к пролётке.

Егориха рванулась своим грузным телом, закричала, потрясая кулаками:

– Я на тебя ещё не то напишу! Прямо в военкомат схожу. Да скажу, как ты берёшь на анализы зерно складское, а сам с этим зернецом к матушке да кашку варить!

Продолжение следует...

От редакционной коллегии. *Печальная новость.*

На семидесятом году жизни, в сентябре 2006 года, скончалась талантливая омская писательница Валентина Фроловна Кузина. Она долго и тяжело болела. Уже в период болезни в альманахе «Голоса Сибири» начала печататься продолжением её новая повесть «За гранью пашни». Немалый успех имела в своё время единственная книга этого незаурядного автора – вышедшая в 1983 году в Омском издательстве повесть «Проталина». В ней В. Кузина рассказывает о событиях гражданской Войны, происходивших в её родных краях – в глухом кержацком углу Тюменской области. Это оттуда писательница вынесла, сохранила и перенесла на страницы своих произведений не заёмный, колоритный народный язык. Её герои говорят ярко, образно, их речь, чудом сохранившуюся в малодоступных для все нивелирующей цивилизации таежных местах, не спутаешь ни с чьей другой…

Антонина Пегушина
НЕЧИСТАЯ СИЛА
(из будущей книги)

Наладились у Манефы в избе субботние чаи.

Во главе стола, конечно, Седой Лунь, старшина. И Леший теперь часто ходит – прибился к дому.

Так вот сидели однажды за ужином, вспоминали лихие годы, юность невеселую, как вдруг Павел сказал:

– Хватит вам старое вспоминать, давай с тобой завтра, тётка Тоня, за черникой съездим, к нашим кедрам. Ты столько лет на родине не была, уже забыла, чай, лесные дорожки, по которым в войну за крапивой, за клевером, за ягодой, за грибами и за шишками ходили. Поздороваться, повидаться с ними надо. Кормильцы ведь они крестьянские.

– Да, Паша, русский простой человек всегда был сыт со своих мозолистых рук и стоптанных ног. Матушка земля кормила, чем могла.

– Ну брось ты, тётка, такое говорить, – ухмыльнулся Леший. – Нас и правительство тоже кормило, да только обещаниями. Зато всю жизнь нам указывало – куда добро класть, куда скотину ставить, сколько сеять и строить. Я вот двух поросят нынче зря пустил в лето – а теперь боюсь: вдруг по весу больше положенного окажутся, а свинья опоросится! Меня же без ножа зарежут – налогами задавят. Соседка моя тёлку в лето тоже оставила – оно, конечно, надо, корова совсем уж старая стала, да кто же поверит, что её пора на мясо? А зарежет – скажут, специально, чтоб налогов государству платить меньше.

– Ну, опять, отец, ты застонал!

– Цыц, молчать! Поживи с моё сначала, а потом рот затыкай. Я всё молчал, всё терпел, а сегодня не могу. Даже поплакаться спокойно не дают!

– Ладно, Леший, не горячись, сам всю жизнь учил не хныкать, а работать и работать, мне уж за тридцать, волос седеть начал, а что имею? Налоги плачу исправно, а где мои денежки? На дороги потратили? Да у нас на версте один вершок сухой, а остальное грязь! А что у меня комната есть в городе, так я с шестнадцати лет

работаю, вечерний техникум, институт окончил, инженер неплохой, а до сих пор – в общежитии. В туалет очередь занимать с утра, тараканы пешком ходят, от клопов спасу нет.

Встал Павел из-за стола – расстроился и кусок в горло не лезет:

– Завтра, тетка, разбужу я тебя пораньше, сядем на мотоцикл и махнём за шишками.

* * *

Утро выдалось пасмурным. Оделись потеплее, взяли корзинки, две бутылки молока и хлеба.

Лес встретил хмуро, деревья у дороги кивали верхушками, в них посвистывал ветер. Значит, быть дождю. Оставили мотоцикл в кустах, направились вглубь, к черничным лужайкам. Ягод в этом году много, поляны отливали синевой. Сюда редко кто наведывался – боялись: в народе жило предание, что здесь, у большого старого кедра на краю черничной прогалины, угодье лешего, – того самого, настоящего, – придёшь к нему, наберёшь ягод, а он тебя закружит, будешь плутать, пока с ног не свалишься! Такую ночь провести – что в аду побывать: скрежет, уханье, хохот до самого рассвета.

Ягоды собирали молча, каждый думал о своём. Изредка «переаукивались», если теряли друг друга из виду. Корзинки не были ещё полными, когда заморосил дождик.

– Айда, тётка, домой, а то вымокнем.

Пошли к дороге. Вдруг тропа потерялась, и они опять оказались у кедра.

– Батюшки, где мы? Ведь нам совсем в другую сторону! – изумился Павел. – Я же ветки надламывал, чтобы знать, как возвращаться, а вот поди ж – снова у кедра очутились!

Ветки старого дерева заскрипели под напором ветра.

– Ну, здравствуй, родной, – поклонился Павел кедру. – Прости, если что не так, мы в гости к тебе пришли. Ты же нам как бы родня, мы уважаем тебя и деток твоих. Прости, старый, если чем обидели, или нарушили покой твой.

Павел погладил шершавый ствол, обнял его.

– Ты что стоишь, тётка, уважь старика, он же кормилец наш, хозяин, его ещё наши прапрадеды садили, самый ядрёный в лесу вырос, – сразу видно, что старший.

Антонина прикоснулась к дереву, прижалась к нему щекой.

Павел задрал голову; прикрываясь фуражкой от дождя, прикинул, сколько шишек можно снять в этом году. Потом посоветовался с тёткой и решил держать путь тою же тропою.

Пробирались через заросли кустов и высокой травы – и опять вернулись к кедру! Таинственная сила не отпускала их, притягивала, удерживала на одном месте.

– Что-то не ладно, залезу-ка я на кедр и посмотрю окрестности.

С самой вершины дерева крикнул:

– Вижу поля у деревни! Я брошу фуражку – где упадёт, в ту сторону нам и идти, – сорвал несколько шишек, завернул в фуражку и бросил. – Поймала?

– Да.

– Тогда я спускаюсь.

На нижнем суку сел отдышаться.

– Вот ведь как трудно по мокрому спускаться, я весь взмок, у меня вода по спине бежит!

Павел съехал, как по бельевой веревке, вниз.

– Пошли, тётка, а то скоро стемнеет.

Он поднял фуражку, вытряхнул шишки в корзинку.

Шли, не разбирая дороги – попали в болото с кочками и высокой травой, чуть в топь не угодили, с трудом вытаскивали ноги.

– Это леший нас водит, словно ему что-то от нас надо, чем-то мы ему не угодили. Ягод набрать я у него попросил разрешения – собирал аккуратно, кустиков не вырывал, птицам и другой живности мелочь оставлял. Что же нам делать-то теперь? Не добраться ли до дому по реке, а за мотоциклом завтра придём. Сейчас главное – к воде спуститься.

Повернули к речке – а на пути опять кедр!

– Что за ядрёна мать, ходим кругами вокруг него! Полезу-ка я ещё раз наверх, может, не так фуражку бросил, аль в сторону ветром отнесло?

Он влез, кряхтя, на верхушку.

– Тётка Тоня, всё кругом занесло тучами, ни хрена не видно, лес да чернота с дождем кругом. Ты молитвы какие-нибудь знаешь?

– А что? Знаю.

– Так прочитай вслух погромче, а я креститься буду и за тобой повторять.

Тетка вспомнила «Отче наш», потом «Богородицу».

– Паша, а что если мы и за упокой помянем – вдруг поможет?

– И то дело. Я сейчас спущусь, сядем, за хлебом с молоком и помянем.

Достали по краюхе хлеба, открыли бутылки.

– Читай, тетка, а я назову имена, чьи вспомню.

Помянули, пожевали хлеб.

– Вот ведь беда, я хотел тебе сделать приятное, а не получилось…

– Ох, как бы не простудиться и не заболеть – дождик холодный…

– Ну, отдохнули – а теперь пошли, куда глаза глядят! До свидания, Кедр Кедрович, спасибо за хлеб-соль, за приют.

Минут через двадцать-тридцать Павел в полупотьмах споткнулся и ударился о что-то холодное.

– Мать тя за ногу! – крикнул в сердцах. – Это же мотоцикл наш, надо же, за колесо запнулся. Вот те на, рядом с дорогой были, а отмахали не одну версту! Мы каждый год с отцом сюда ходим – такого никогда не случалось. Это, тётка, леший на тебя сердится, что ты в чужие края уехала и так долго родные места не проведывала.

Он сел на мотоцикл, завёл его. Помог Антонине залезть в люльку, та так промёрзла, что зуб на зуб не попадал.

Домой приехали, когда было уже совсем темно, дождь кончился, небо прояснилось, и, улыбаясь, смотрело на бедолаг бесчисленными искрящимися глазами звезд.

Кобыла, запряженная в телегу, стояла у крыльца – в деревне собирались ехать навстречу припозднившимся. Заслышав звук мотора, родня высыпала на улицу.

– Вы, никак, выкупались где-то, через речку ехали и застряли?

– Да нет, под дождь попали.

– Какой дождь? У нас весь день ясно.

– У кедра были, поклонились старшему.

– Как он там нынче, шишек много?

– Промокли мы, замёрзли, устали, не одну версту по тайге отмахали, а вы с вопросами. Скорее в избу – по рюмке наливайте, самовар ставьте!

Седой Лунь осторожно снял с Антонины запачканный разорванный платок, погладил её по голове:

– Это вас леший сегодня водил, а я-то все кумекал, везде светло, а над лесом темно – похоже, дождь там. Ну и дела, в тайгу с молитвой заходить надо, разрешения просить у природы. Она, матушка, хозяйка и кормилица, уважения требует.

Переступив через высокий порог, гостья села на него, старик стащил с неё сапоги, пиджак, налил в умывальник тёплой воды, согретой в русской печке.

– Пойди за перегородки, переоденься, а я в баньке дров подброшу, вчера топлена, так что скоро поспеет, отогреешься, попаришься, и всё как рукой снимет.

Павел возился под окном с мотоциклом, смывал грязь с колёс. Народ разошёлся. В избе тихо, сонно – посапывал самовар, да тикали часы с кукушкой. Антонина задумалась.

– Столько лет я на родине не была, а такое чувство, будто не уезжала никуда, время как бы остановилось, замерло, ждёт чего-то.

Она медленно водила глазами по избе. Боже, пятьдесят лет прошло – тот же потолок некрашеный, всё ещё моется по-старинке, на стенах обои пожелтели и потрескались, кое-где большие прорехи заклеены газетой, те же шторки на окнах и задергушки, также стоят вдоль стен намертво прибитые широкие скамейки, покрытые домотканными половиками.

В переднем углу – стол со столешницей, на которую облокачиваться нельзя: «взыграет» и всё, опрокидываясь, полетит. Над столом икона Божьей Матери и лампадка, обсиженная мухами. Русская печка, чисто беленая, смотрит челом прямо на окна, рядом – ухваты, лопата хлебная. На предпечье красуются два ведёрных чугуна и горшок со щами. Слева от печки за выцветшей занавеской – двуспальная железная кровать, покрытая пикейным голубым покрывалом, а над ней знаменитые крестьянские полати: широкие, гладко струганные доски, хорошо подогнанные одна к одной, четвертую часть избы они занимают.

Стар да мал на русской печке спит. Стар косточки греет, чтобы не ныли, а мал, как в гнезде, допаривается, сил набирается, чтобы к году на своих ногах по земле ходить.

За кроватью, в углу – умывальник медный, качалка висит. Батюшки, да ведь ему уже за сотню перевалило.

Прикоснулась к прилавку с дверцами, что стоит у стенки около печки, открыла – а там гранёные стаканы, алюминиевые, деревянные ложки, вилки тридцатых годов, горка тарелок и блюдца с чашками и кружками. И здесь всё – знакомое с детства. Да, привык крестьянин, – вернее, веками приучали его, – малым довольствоваться: есть крыша над головой, картошка и хлеб – и слава богу, а всё, что в избе есть – от отцов к детям передаётся.

Примет нового времени почти нет – разве что мотоцикл, который дети, что в городе живут, вскладчину купили. Не ахти какое, но всё-таки, по деревенским меркам – богатство. «Говорят, что от богатеев мой род пошёл, – задумалась Антонина. – Сколько нас в революцию, гражданскую, в первые годы соввласти ни зорили, всё равно мы богаче всех в деревне жили. Крепкие люди – они живучие, никогда никому не жалуются. Предки мои голодные сидели, а хлеба не просили. Народ ещё спит, а мы уже скотину управили, с косой и литовкой траву косим, или с топором лес на дрова валим. Кто рано встаёт, тому бог даёт. Бражничать не любили, только к праздникам своё пиво гнали, солодовое, настоенное на хмелю, чёрное, запашистое. Детвора сусло любила с хлебом, оно сладкое, как патока. На зиму запасы делали: капусты солили две-три кадушки по пять-шесть вёдер, по кадке клюквы, брусники, морошки мочили, грибов сухих и солёных заготавливали, рыбу солили, коптили…».

Тут мысли тётки Тони оборвались и усталая гостья, прилегши на кровать, уснула.

* * *

Прошло полгода. Тётка Тоня переехала жить к Манефе. Званый обед пришёлся на Пасху.

– Вот слава богу, и до весны дожили. Оно, знамо, весной-то и жизнь становится в радость и опять же сегодня Пасха. Так с праздником Святым Вас, мужики!

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес!

За столом сидело всё мужское население деревни, почти всем уже за шестьдесят – восемьдесят.

– Заходи, Павел, присаживайся, вот тебе стакан, ложка и вилка. Полный налить, аль половину? – спросила Антонина.

– Я не половинкин сын!

Седой Лунь засмеялся:

– А мы уже выпили. Что, братцы, может, штрафную ему ишо нальем? Сказано было придтить к обеду, а он особого приглашенья ждал. Пей, давай!

– Ну, с праздником вас, мужики, и тебя, хозяюшка, тоже.

Павел одним махом опрокинул стакан самогонки, крякнул, вытер медленно усы, взял кусок сала. Все смотрели на него и ждали, когда он закусит, чтобы вместе ещё выпить по одной.

– Слышь, мужики, – сказал Леший, – про нас говорят, что мы, русские, больше всех пьём и не пьянеем. Я намедни в газете прочитал, что за границей больше нашего пьют, а алкашами нас обзывают. Да, мы пьем стаканом, а чо мараться рюмкой. Опять же мы и закусываем хорошо. Умнём кусок сала с луком и хлебом, да ещё одну пропустим – запоём, в пляс пойдем. Только меру знать надо, а то верно ведь сказывают – за хмельными нечистая сила охотится. Помнишь, Манефа, как ты девок из соседнего села в твои именины самогонкой угощала – они на следующий день не в себе были, им на кладбище мертвец привиделся, который кресты на могилах раскачивал.

Павел ухмыльнулся:

– Манефа не виноватая, и нечистая сила тут не при чем! А дело было так.

Утром раненько, по росе, ушли наши мужики косить на Петькин хутор. Договорились, что бабы попозже появятся, вчерашнюю косьбу ворошить, что высохло – сгрести. А я в ночное коней пас. Иду на хутор, дорога через кладбище. Насвистываю, по сторонам глазею. Поднялся на горку – оглянулся. Вижу, бабы с граблями от Манефы по дороге идут – после именин ночевали у неё и теперь с похмелья. Хохочут. Я – к кладбищу. Что бы сотворить такое? Накануне бабка за рекой умерла, могилу ей

не докопали, как раз у дороги, рядом крест новый лежит, поставил я его на край ямы, снял пиджак и в белой рубахе в могилу спустился – жду, когда бабы в гору поднимутся. Вот уже шагах в двадцати они. Качнул я крест, раз – другой. Потом ещё, встал из могилы и заревел: «Ох, ох, ох».

Бабы онемели, потом как заорут, кто под гору бегом, кто на месте так и сел, кто ползком попятился. Грабли и сумки с едой побросали. Что там сумки, медвежья болезнь одну одолела. Крестятся, молитвы читают.

Я крест на место положил, отряхнулся. Пришёл на хутор, косить стал. Мужики далеко уже ушли, пока их догнал, те уже на обочине отдыхали. Вот уже и обедать пора, а баб с граблями всё нет. Забеспокоились. Давно пора траву ворошить. Солнце нещадно печёт, к вечеру копнить можно будет. А баб всё нет. Седой Лунь, что за старшего, говорит мужикам:

– Давайте ворошить траву, смотрите, как подсохла. Косьба не уйдёт, а вдруг дождь, и вся работа пропадет.

Поворошили траву палками. Часов в пять приехали с граблями четыре девки и с ними бригадир – на нём лица нет:

– Мужики, бабы-то наши чуть рассудка не лишились. Моя в избу вошла, я думал, она нужник за собой притащила. Глянул – у ней белый сарафан весь в говне. Ты, говорю, откуда, за тобой леший, что ли, гнался, что вся обмаралась? Нет, говорит, не леший, а покойник с кладбища. Я – в хохот, а она – в слёзы, так заголосила – до валидола дело дошло. Вот ведь какая беда!

– Ох, охальники! – взъерепенилась, прерывая рассказ Пашки, Манефа, и чёлочка её, завлекалочка, встала ёжиком. – В моём же доме да про подружек так говорить!

– Да ты сядь! – захохотали мужики.

– Не переживай! – успокаивал Манефу Седой Лунь. – Давай-ка лучше я тебе не в стакан, а в рюмочку налью, ты же у нас деликатная!

– А я ещё и не такие истории про силу нечистую знаю, – вставил словечко Пашка, но его уже не слушали, все наливали по новой, и пошло веселье волной у стола, праздник же!

Нечистая сила (из будущей книги)

Детям и родителям

Кто никогда не был ребенком, никогда не будет взрослым.
Чарльз Чаплин

Нина Саранча
БОМ-БОМ-БОМ

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Снова в Африку зовут два гиппопотама.
А меня туда одну не пускает мама.
Я в любимой Африке не была ни разу.
Мама против:
«Не пущу – собирать заразу!
Много разных вирусов в Африке живёт,
Съешь не вовремя банан – заболит живот!»

Я совсем измучилась, я ночей не сплю.
Не люблю я пряники. Я Африку люблю!
Ночью выйду из дому, сяду на трамвай…
Здравствуй, моя Африка!
Мамочка, гуд бай!

ПОСТОРОНИСЬ!

Посторонись! Бегут коты!
Бегут на красный свет.
Они бегут от суеты
И я бегу от суеты,
Но впереди меня коты…
И на вопрос «куда бежим?»
Не знаю я ответ…

Но суета бежит быстрей.
Сейчас догонит нас.
Гонять котов, гонять людей
Привычно и приятно ей…
Стоять – не смей, гулять – не смей!
Она поймает нас за хвост
И перцу нам задаст!

Я НА УЛИЦЕ СТОЮ…

Я на улице стою,
Ко всем прохожим пристаю…

Как доехать до Китая?
Как пройти туда пешком?
Я Китай нашёл на карте,
Но с маршрутом не знаком.

Там, в Китае, панда есть,
Умеет кувыркаться…
В какой автобус нужно сесть,
Чтоб туда добраться?

Я на улице стою
Ко всем прохожим пристаю…

Как в Австралию лететь?
Там сумчатые звери…
А что коала – не медведь,
Так в это я не верю!

Я на улице стою
Ко всем прохожим пристаю…

Где такие льдины,
Где живут пингвины?
Рыбою питаются,
На животах катаются.
И я хочу такой живот…
Куда идёт ваш теплоход?

Я на улице стою
Ко всем прохожим пристаю…

УДАЧНАЯ ПОКУПКА

Вчера я купила три метра
Морского солёного ветра.
А шла покупать колбасу.
Вдруг – ветер домой несу!

А ветер в моём дому
Не нужен, поди, никому…

Голодная ждёт родня
Вкусный и сытный ужин.
А ветер – кому он нужен?
Ну, кроме, конечно, меня…

Вот как объяснить родне,
Что редкое это везение –
Купить по такой цене
(К тому же, заметь, в воскресенье!)
Даром почти – три метра
Морского солёного ветра?…

Что я мучаюсь, в самом деле?
Отварю макаронных изделий,
Сдобрю и маслом и перцем,
Щедро посыплю сыром…

И вылечу с чистым сердцем.
И полечу над миром…

ФОКУСНИК

Закончено представление. Все разбежались зрители.
Сам себе покажу я фокус, в мире какого не видели!

Во всё превращаюсь
сам,
только во что захочу!
Громко себе аплодирую,
радостно хохочу.

Вот я – опавший лист,
Вот я – пушистый снег,
Вот я – весёлый свист,
Раз! И опять человек…

Пока не увидел никто, свои продолжаю трюки.
Думай-думай, давай, голова! Да помогайте, руки!

И снова… внимание… ап!
Вот я – лимонный сок,
Вот я – из крана «кап»,
Вот – шерстяной носок.

Вот я – весенний сад,
Вот я – летящий шар,
А вот я… ночной кошмар!
Даже и сам не рад.

Надо, пока не поздно, срочно в себя возвращаться.
Впредь аккуратней буду в разное превращаться…

* * *

Печально, но у нас почти полгода
Стоит ужасно негуманная погода.
А страны есть, в которых, как ни странно,
Всегда арбузно-виноградово-бананно.
Там пальмы веером и птицы расписные…
Ночами длинными смотрю цветные сны я…
И думаю: вот, влез бы я на пальму
И на ветвях бы гибких покачался,
Пошёл бы дождь и долго не кончался,

И я по лужам бы домой помчался,
И голой пяткой в дверь бы постучался…

Руками обхватив свои колени,
Глобально жду любого потепления!

БОМ-БОМ-БОМ

Осенний полдень. Тишина
И солнце светит всем.
Мне сочинение писать
Не хочется совсем.

И тема, в общем, хороша,
Но рвётся в лес моя душа…

И вместо слов моя рука
Выводит закорючки.
А там – последнее тепло…
И мне затылок припекло…
А в небе только самолёт.
Ни облачка, ни тучки.

Прозрачный воздух…
За углом,
На колокольне:
Бом-бом-бом…

* * *

Я бедный и бледный, поставленный в угол.
Неправда! Не трогал я Танькиных кукол.
Не дёргал я Ленку за обе косы.
Не прятал на пляже чужие трусы.
Не обливал керосином гараж.
Не грыз у Серёги цветной карандаш.
И толстому дяде не делал подножку…

Я сделал своею ничейную кошку.
Я годную кошку в помойке нашёл…
Не вовремя папа с работы пришёл…
И мама кричала как птица гагара…
Не вынесла кошка такого удара
И снова ушла, на помойку, сидеть.
Я плакать не буду! Я буду реветь!

ПИСЬМЕЦО

Жизнь таракана трудна и опасна.
Все знают об этом давно и прекрасно.
Да, все это знают, но травят и губят.
Не любят нас тёти, и дяди не любят.
И многие дети без вредных привычек
Нас ловят и садят в коробки от спичек.
Нас голодом морят, нам пить не дают.
А раньше – как славно, как жили мы тут.
Как было здесь чисто, свежо и приятно!
И мыли полы мы всегда аккуратно.
Ходили, гуляли за шкаф и под стол,
А вечером дружно садились на пол
И пели всем хором, и вторило эхо
Про то, как бродяга Байкал переехал…

Да, мы бесполезны, но зла не приносим.
Любите нас, люди! Пожалуйста! Просим!

С уважением,
всегда ваши тараканы.

ДЕЛОВАЯ МАШКА

Знакомьтесь – я мышка,
зовут меня Машка.
Мне паспортом служит
вот эта бумажка.

А это кармашек для нужных бумажек.
Там корочки, гвоздики и карандашик.
И ушки всегда я держу на макушке,
И в среднем ворую за день
полватрушки.
Работаю много.
На пенсию – рано.
Что хочешь – могу утащить из кармана!
Вот хвостик колбасный, к примеру, лежит.
Никто этот хвостик не сторожит.
Сейчас подкрадусь как секретный агент…
Прыжок – и
колбасного хвостика нет!
Я очень проворна, я очень хитра.
Ну вот, заболталась! За дело пора!

* * *

Познакомьтесь, это я:
Руки, ноги, уши.
Между ними голова.
В животе две груши.
На лице моём улыбка,
Выше – нос, правее – глаз.
Левый глаз пока не видно.
Синяком заплыл как раз.
Нахожусь пока в углу.
Просто так – наказан.
Не воруйте, дети, груш!
Всё.
Рассказ рассказан.

СИЛА ВЕСЕННЕГО СВИСТА

Я мерею лужу за лужей,
И каждая лучше другой.
На утро я буду простужен,
Но это не будет бедой.

Мне бродится нынче прекрасно,
Я брода в грязи не ищу,
Всем дворникам в городе ясно,
Чего я так звонко свищу.
И дворники все замирают:
«А надо ли это мести –
Сугробы и сами растают.
И яблони будут цвести…
И снова нападают листья…
И снега навалит опять…
Так надо ли всё это чистить
И всё без конца подметать?»
И дворники в дальние дали
Классическим клином летят.
А прочие люди в печали
Вслед дворникам, снизу, глядят.

Бывает такое со мною –
Порою я просто артист.
А всё потому, что весною
Такой фантастический свист.

Наталья Елизарова
ТИГРЁНОК С ОТОРВАННЫМ УХОМ

И.В. Егорову

Иван стиснул пальцами виски, пытаясь унять нестерпимую боль. Голова буквально разрывалась на части. Заливистый смех жены, воркующей по телефону с подругой, выводил из себя. Он, тупо уставившись в тарелку с недоеденными макаронами, ждал, когда завершится бесконечный разговор о какой-то серой юбке какой-то Меркушиной, которая в этой самой юбке будто бы выглядит как корова в седле. Наконец, его терпение лопнуло, и он ринулся в соседнюю комнату. Было дикое желание влепить жене затрещину, но он лишь опустил указательный палец на одну из кнопок телефона и дал сигнал отбоя. Её лицо исказила гримаса возмущения.

– Что, делать больше нечего?

– Тебе, гляжу, нечего… – мрачно отозвался он. – Час трещишь.

– Сколько хочу, столько и разговариваю. Тебе какое дело?

– Ребёнком лучше займись…

– Это ты не мне, а себе скажи. Ты хоть раз его из садика забирал? Хоть раз погулял с ним, поиграл? – Иван готов был поспорить, что сейчас последует гневное обличение его паразитического образа жизни в целом; так и есть. – А что ты по дому делаешь? Пришёл с работы, пожрал и на бок… Неделями прошу гвоздь вбить! Картошку с дачи сама, как ишак, таскаю, тебя допроситься нельзя… У всех мужики, как мужики, а у меня урод в погонах!

– Может, заткнёшься! – рявкнул он.

Продолжать разговор в таком русле становилось опасно. Он чувствовал, что подошёл к той грани, когда сдерживать свои эмоции уже нет никакой возможности и руки, что называются, начинают «чесаться». Сорвав с вешалки куртку, он торопливо сунул ноги в ботинки и, хлопнув дверью, выскочил из дома.

Нельзя сказать, чтобы сегодня произошло что-то особенное. Всё как всегда. Типичное утро, типичный скандал. Даже, пожалуй, не скандал, а так, размолвка. Их совместная жизнь знавала времена и похуже: с оскорблениями и рукоприкладством, слезами и истериками, уходами из дома среди ночи. И при этом ни один из них не считал, что их семейный очаг дал трещину.

Какими бы серьёзными ни были ссоры, они моментально забывались на работе, потому что там было ещё хуже. Изо дня в день, из года в год перед Иваном, как в каком-то сумасшедшем хороводе, проносились решётки, оскаленные пасти овчарок, ожесточённые лица подследственных, кипы распухших дел, в которых отражена вся мерзость человеческой натуры. Это только в кино милиционеры, беззаботно положив ноги на стол, балагурят друг с другом. В жизни всё гораздо жёстче и прозаичнее. Когда каждый день видишь хмурые, озлобленные взгляды, слышишь брань и угрозы, шутить постепенно отвыкаешь… Однажды во время очередной словесной перепалки жена сказала, что работа сделала из него зверя. Её слова привели его в недоумение: «Ты в своей жизни ещё зверей не видела…»

Свой рабочий день он начинал неизменно – закурив. Прикончив одну сигарету, тут же тянулся за другой и очень скоро опустошал всю

пачку. В ящике его стола тем временем уже наготове лежали две другие и ожидали своего часа. К концу работы его пепельница ломилась от окурков. Дополнение к сигаретам составлял кофе – чёрный, горький, обжигающий. Жена, медик по образованию, не раз говорила ему, что кофе и сигареты в таких количествах смертельны для любого, даже здорового человека, а что говорить про него, уже пережившего один инфаркт. Про инфаркт на работе никто не знал, иначе на ней можно было бы поставить крест. Жена помогла выкрутиться, достав нужные справки. Он пообещал ей, что будет беречь себя, но беречь не получалось… Да и неловко как-то трястись над собственным здоровьем, когда ежечасно сталкиваешься с чужой смертью – ранней, насильственной, жуткой.

Он не мыслил свою жизнь без работы, но разговоры о призвании и любви к профессии вызывали в нём раздражение. По его мнению, это была всего лишь «болтология», которой занимались «показушники». Надо «пахать», считал он, выкладываться на всю катушку, а любовь тут не при чём. Любовь, – это из другой оперы.

Это слово Иван произнёс всего раз, когда забирал жену из роддома. «Мальчик, как по заказу», – с гордостью заявила жена, передавая ему одеяльце со спящим Ромкой. Он был взволнован и растроган до слёз, крепко прижал её к себе и поцеловал в лучистые голубые глаза.

До свадьбы, в период их недолгого романа, он стыдился проявлять чувства к будущей жене, считая, что мужчине не к лицу опускаться до «телячьих нежностей». Да и потом, должна же она понимать, что раз он предлагает ей расписаться, значит, отношение у него к ней серьёзное, а если так, чего тары-бары разводить попусту?

Позже показная суровость переросла в привычку, и распространилась уже не только на супругу, но и на сына. Он никогда не сюсюкал с ним, редко брал на руки, считая, что этим может избаловать пацана, строго взыскивал за малейшую провинность. Ромка дичился отца, хотя, по словам матери, в его отсутствие «стоял на ушах». Он частенько ловил в глазах мальчика страх, но находил это естественным: пусть лучше побаивается, чем на шею сядет.

Своего отца он в детстве тоже боялся. Старик был фронтовиком, человеком старой закалки, суровым, немногословным; у него, чуть что, разговор был короткий – прут выломает и по заднице, отдерёт так, что неделю сесть не сможешь. Зато человеком воспитал, не

слюнтяем каким-нибудь... Ромка, конечно, пока ещё ничего не соображает, оттого и обижается, а когда поймёт, спасибо скажет…

…Рабочий день был на излёте. Иван оправился домой с мыслью купить по дороге бутылку водки, чтобы хоть немного расслабиться и привести в порядок измотанные нервы.

В магазине его «облаяла» молоденькая разбитная продавщица. Он не остался в долгу, отпустив по её адресу пару нелестных «комплиментов», и этим самым ещё больше распалил свою злость; когда он поднимался по лестнице, то чувствовал, как она клокочет внутри него, бурлит, требует выхода.

…В прихожей он споткнулся об игрушечный самосвал и громко выругался. Из кухни выбежала, на ходу вытирая белые от муки руки, жена. «Опять этот засранец игрушки раскидал?!» – не отвечая на её приветствие, раздражённо буркнул он. Она наклонилась за самосвалом: «Я уберу». «Нет уж, сам пусть убирает!» – выхватив у жены машинку, он направился в Ромкину комнату. То, что он увидел через приоткрытую дверь детской, заставило его остолбенеть.

«Гад! Скотина! Маленький убьюдок!» – визжал Ромка, пиная что-то ногами. Приглядевшись, Иван увидел на полу плюшевого тигрёнка, которого они с женой подарили сыну на день рожденья; нарядный бант, повязанный вокруг мохнатой шейки, помялся, сбился в сторону, полосатое ухо держалось на нитках. «Убьюдок! Убьюдок!» – вопил Ромка, с остервенением лупцуя игрушку. Его слух резануло незнакомое слово, но, прислушавшись, он понял, что мальчик говорит «ублюдок»; слышать такие слова от четырёхлетней крохи было непривычно и неприятно.

Войдя в комнату, он отвесил сыну подзатыльник и отобрал тигрёнка: «Ты что, взбесился?» Ромка, потирая затылок, насупился. «Ты зачем игрушку испохабил? – потрясал он растерзанным тигрёнком перед Ромкиным носом. – Я тебя спрашиваю!» Мальчик, поджав губы, сосредоточенно рассматривал свои спущенные «гармошкой» носки. «Хочешь, чтобы мы с матерью больше ничего тебе не покупали? Хорошо, с этого дня ты не получишь никаких подарков!» «Я его наказывал», – шмыгнув носом, пояснил Ромка. «За что?» – озадаченный признанием сына, проговорил он. «Просто так… чтобы сделать из него человека». С минуту он молчал, чувствуя подступивший к горлу комок. Ромка, заметив замешательство отца, важно

выпятил нижнюю губу; уверенность в своей правоте придала ему одновременно напыщенный и комичный вид, – он неуловимо стал смахивать на мультяшного сеньора Помидора. Невольно улыбнувшись, Иван слегка потрепал мальчика по волосам. «Мама пришьёт ему ухо…» – сказал Ромка, пытаясь завязать тигрёнку бант. Иван опустился на корточки и неожиданно для себя крепко обнял сына.

Мириам Левина
НЕДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ

ПРО БАРОНА И ЛЯГУШКУ

Весной обеденный перерыв кажется особенно коротким. Солнце слепит, и перед глазами плывёт ленивое марево. Откуда взялся дождевой червяк, дождей-то ещё не было? Прутиком я брезгливо перекатываю его прочь с моей дороги. И вдруг прутик, как волшебная палочка, уводит меня далеко-далеко, в сибирское село моего второго детства.

Жду маму, и прутиком очищаю дорожку, по которой она придёт с работы, от гадких дождевых червей. У соседей напротив есть заколдованный сад, там дорожки посыпаны чистым речным песком. А ещё там есть красивые цветы, раньше здесь таких никто не видывал. Раньше, значит до баронов, а баронами деревенские называют хозяев этого дома. Каждое утро сам барон выходит из калитки в наглаженной рабочей одежде, и я стараюсь попасться ему на глаза. Тогда он смешно хмурит мохнатые брови, и со страшным рёвом сгребает меня в огромные баронские объятья. От него по утрам всегда вкусно пахнет свежей рубахой и ещё чем-то приятным и незнакомым. Барон старый, мама говорит, что ему сорок пять лет. Значит, очень старый.

Местные уважают барона, но не понимают, зачем растут цветы там, где можно посадить ещё картошку. Лейки и вёдра у него весело раскрашены, а на баронихе всегда красивый фартук и накрахмаленная косыночка, торчащая чепчиком. Удивляются люди, зачем бароны на ерунду время тратят, какая разница, какого лейка цвета, лишь

бы не дырявая. А ещё барон своим и чужим мальчишкам мастерит самодельные спиннинги.

И все эти чудеса творятся в пятьдесят первом году, в сибирском селе, где бароны отбывали ссылку за то… ну, наверное, за то, что эти литовские хуторяне почему-то назывались баронами.

Мама ушла рано, и мне кажется, что её нет слишком долго. Беру пару холодных оладей, оставшихся от завтрака, и отправляюсь к ней на работу.

День очень жаркий и до маминой работы надо идти через всё село, а потом ещё забираться в гору. Мне пять с половиной, я уже большая и хорошо знаю эту дорогу. Мама строит «заготзерно», так написано рядом на заборе. Это загадочное *заготзерно* мне не даёт покоя. Я уже умею читать печатные буквы, но не понимаю, как это за целый *гот* - всего одно *зерно*. Оно – зерно – наверное, какое-то необыкновенное.

А вот и мама, она конопатит свежий сруб на горе. На ней яркие оранжевые шаровары и блузка в цветочек, перешитые из чего-то очень знакомого. Из того, что было в моём другом детстве, когда папа был с нами, а мама была актрисой, и жили мы в Москве, о которой я очень много рассказывала своим деревенским подружкам. Ох, и завидовали они мне... Приходилось сочинять, конечно, и про салют, который я смутно помнила, и про самодвижущиеся лестницы в метро, которые не помнила совсем, и даже про самого товарища Сталина, который помахал нам с папой рукой на демонстрации. До сих пор не знаю, брал ли папа меня с собой вообще.

Но помню ощущение, когда сидела на плечах у папы, помню мавзолей, с которого машет Сталин (наверное, из кинохроники) и помню объединяющее эти картинки состояние переполняющей меня гордости. Так мне вспоминалось далёкое московское счастливое детство из Сибири, где мы оказались из-за маминой связи с изменником родины, то есть с нашим папой.

Барон сидел верхом на срубе, высоко над землёй, и обтёсывал топором толстое бревно. На груди у него болталась пустая поллитровая банка, обвитая верёвкой за горлышко. Солнце так жарило, что

потрескивали ветки соседнего кустарника. Барон, как всегда, сделал смешное лицо и помахал мне рукой.

– Детка, можешь принести мне воды? – И на крючковатой палке спустил банку вниз.

Это было очень ответственное поручение, и я чуть не лопалась от гордости. Было скучно просто сидеть и ждать маму, расчёсывая комариные укусы. И вот я уже со всех ног несусь под горку, где, пенясь, шумит маленькая речка. Её так и зовут – Шумиха – холодная и очень быстрая. Берег крутой, топкий, весь поросший густой и колючей осокой. Вместо мостика – подгнившая доска. Кое-как добралась до неё, по колено проваливаясь в топкую чавкающую жижу и содрагаясь от страха. Каждый мокрый стебель казался притаившейся змеёй. Прижалась дрожащим животом к доске, обхватила её крепко руками и коленями и медленно поползла вперед, туда, где неслась, разрывая осоку, безумная вода. Стараясь не смотреть на воду, от которой кружилась голова, опускаю банку как можно ниже, ещё ниже и ещё, но банка в воду не опускается, лишь чиркает дном по поверхности, а поток сносит её в сторону. И ни капли воды внутри. Вдруг речка перевернулась и набросилась на меня откуда-то сверху... Я зажмурилась, чтобы унять головокружение, и ещё крепче обняла доску.

Как я на берег себя вытащила, не помню, но помню, что плакала от пережитого страха и обиды на взрослых, что их не было рядом, и от стыда за себя, что не справилась с простым поручением и от досады, что не смогу объяснить, почему вернулась без воды. Не скажешь ведь при маме, что чуть не утонула, она так перепугается, что мне же и влетит.

Смотрю, а совсем рядом – врытая в промокший берег бочка. И бочка эта до краёв наполнена водой. Тогда я решила, что бог всё-таки есть и ко мне совсем неплохо относится. Слабость сразу же прошла и, стараясь не расплескать волшебным образом добытую воду, я осторожно полезла назад в гору.

Мама помогла нацепить верёвку на крюк, и барон, ласково подмигивая мне, осторожно потащил банку с водой наверх. После пережитого страха я чувствовала себя героем и ждала хвалебных речей от мамы, но она всё конопатила и конопатила. И я принялась с наслаждением жевать мамин бутерброд с толстой котлетой и тонким ломтиком помидора, наблюдая, как там, наверху, барон фыркает и

обливается, опустошая банку и даже не подозревая, какие подвиги я ради него совершала.

Вдруг он поперхнулся, сильно раздул щёки, выкатил глаза, и стал очень красным. Он так страшно смотрел на меня, что я на всякий случай вскочила на ноги. А барон странно вскрикнул, плюнул в банку и швырнул её вниз, прямо мне под ноги. Я быстро отскочила, коленки у меня подкосились, а в животе как-то противно заёкало. Старясь уклониться от маминого строгого взгляда, я опустила глаза и тут увидела, как из банки в сторону кустов быстро улепётывает маленький лягушонок.

С горы я скатилась, как резиновый мяч, подпрыгивая на кочках. И уже на другом берегу Шумихи подумала, что хрупкая доска сумеет меня надёжно защитить от справедливого гнева барона и мамы. Сверху до меня доносились клочки фраз, которые с трудом можно было разобрать за шумом воды: «Го...дарственный объект... форменное …зобразие ... ящее вредительство!»

Я обхватила голову руками и бросилась в высокую траву. Я каталась от хохота, вспоминая лицо барона, подавившегося лягушонком. Я содрогалась от отвращения, представляя, что он чувствовал в эти минуты. Я была счастлива, что Шумиха позади и её не надо больше бояться...

Я только сначала испугалась, что меня накажут за вредительство на строительстве важного государственного объекта. Я же не нарочно, и я ещё маленькая. Барон просто пошутил. Ссыльные странно шутят… Вот, если бы я была взрослой... Я слышала, как мама шепталась с ссыльной соседкой Регионой, когда Регинин муж сломал пилу на пилораме. Мне вдруг стало снова холодно и страшно…

ПРО БАРОНА И ЕГО СЫНОВЕЙ

Младшего звали Юрис, как звали старшего – не помню. Юрис учился в десятом классе, но успевал помогать отцу на пилораме и матери по хозяйству. Он был спокойный и как-то не по годам солидный. А, может, от недетских забот и большого роста его красивые плечи по-взрослому слегка сутулились. Мальчишки в школе его считали гордецом и, чтобы не заносился, время от времени напоминали, кто его родители. Девочкам он нравился, но они его

стеснялись. Иногда, правда, просили меня передать Юрису записку, говорили, что это важно. Записки были коротенькие, в конце был нарисован цветочек, а иногда – сердечко со стрелкой прямо в центре. Девочки их складывали треугольничком, но я тогда знала только печатные буквы.

Жена барона сама поехала за мужем в ссылку вместе с сыновьями, хотя могла остаться в Литве. Но таких женщин, как и ссыльных, в этом селе было предостаточно.

Дружбы с ними особенно не водили, но если кто-то приходил в баронов дом, то встречали гостей приветливо, угощали охотно, а вот о себе бароны рассказывать не любили. Да и по-русски говорили не очень хорошо, а это настораживало.

Я любила к ним забегать, потому что мой старший брат меня гонял, а Юрис спокойно, по-взрослому отвечал на мои бесчисленные вопросы: почему, например, из одной луковицы лук растет, а из другой – цветок красивый. Почему он гладиолусом называется, ему, что ли, лепестки гладят, вон они какие шёлковые. А кто это делает – мама или ты сам? Тогда я ни за что бы не поверила, что Юрис меня бесстыдно разыгрывает, он всегда отвечал серьёзно, подумав, очень уважительно.

Луковицы гладиолусов жена барона привезла с собой из Литвы, отправляясь с сыновьями к мужу в сибирскую ссылку. Он разводил эти гладиолусы у себя на хуторе, а некоторые сорта даже сам вывел. Юрис показывал мне какую-то красивую бумагу на чужом языке, которую отец получил на выставке в Голландии. Но это было ещё до того, как советские войска освободили Прибалтику. Я жалела Юриса, ему не повезло, он ведь родился в Литве ещё до советской власти и никогда не был пионером. А я буду и обязательно приду к нему в пионерском галстуке и даже дам померить.

Лето в Сибири короткое, но звонкое и весёлое и пахнет лесной клубникой, которую собирают вёдрами, а ещё оно пахнет тёплым преполненным коровьим выменем.

Потом пришла зима. Это тоже очень красиво, но уж очень холодно. Мороз не освобождал старшеклассников от физкультурной

повинности. Оттаяв глазок среди замков Снежной Королевы на оконном стекле, я с жалостью смотрела, как мой брат и Юрис, и брат моей подружки, каждый со своим классом, гуськом пробивают лыжную дорожку в лес. Лыжи скрипят, вскрикивает снег, постанывает набирающая силу позёмка. Сколько вернётся с помороженными руками и ногами, обглоданными морозом ушами, страшными белыми носами и щеками!

Мне было жаль ребят, но я знала, что все они уже комсомольцы, ну почти все, кроме моего брата и Юриса, а, значит, должны быть смелыми и сильными, чтобы враг их не победил. Я ненавидела этих врагов, из-за которых мёрзли в тайге такие хорошие парни!

И вот однажды приключилось ужасное. В тайге сломались лыжи. Не простые лыжи – казённые. Это так и называется – порча казённого имущества, а казённого – значит, государственного. Школа затаилась. Даже мы, младшеклашки, понимали – плохо будет провинившемуся. Хорошо, если просто из школы выгонят, а если под суд... Дома мама с отчимом опять шептались, в десятиметровой комнате ночью шелестело: «только бы не из ссыльных».

Милиционер в школу приходил несколько раз. А потом состоялось собрание, которое вёл сам директор. И он сказал, что злоумышленник нашёлся, и не удивительно, что им оказался именно Юрис, потому что яблоко от яблони недалеко падает. Вот и признаться честно не может – трус.

Тогда встал Юрис и сказал, что не он ломал лыжи, но он знает, кто сломал. Знает, но не скажет. Он сам видел, как это произошло и утверждает, что это было случайно. Директор возмутился ужасно и пригрозил, что если Юрис немедленно не назовет виновного, то у его отца-барона срок может увеличиться.

Юрис долго молчал, все ждали. Потом он повернулся к своему однокласснику – сыну директора – и тихо так, глядя прямо ему в глаза:

– Ты же знаешь, скажи.

Тот вскочил, но молчит, тоже не сводя с Юриса взгляда.

– Пожалуйста, скажи.

– Кто-кто! Ты и сломал, – заорал директорский сын, тыча пальцем в грудь Юриса.

Юрис сел, закрыл лицо ладонями и только тихо повторял:

– Сознайся, пожалуйста, тебе ведь ничего не будет, ну пожалуйста.

И тут ребята-комсомольцы, как с цепи сорвались:

– Мы тоже видели, Юрис не причём. Ваш сын сломал. А что особенного, с любым могло случиться.

Директор развернулся на военных каблуках и молча вышел из класса. За ним выскочил сынок. В дверях он обернулся и злобно прошипел:

– Ещё пожалеешь!

Барон тяжело переживал школьное собрание. Ходил мрачный, подавленный, а потом и вовсе слёг. У великана было больное сердце. Юрис с маминой стряпней в узелке каждый день ходил навещать отца. Больница стояла особняком от села, на горе за перелеском, за высоким забором с красивыми воротами. Раньше таких ворот в деревне не было. Ещё бы, делал-то их барон.

Юрис открывал калитку, когда он вдруг напрягся, застыл, будто увидел что-то впереди, и упал, также прямо, как падали срубленные его отцом деревья. И только потом в морозном воздухе прозвучал выстрел.

– Надо же, – удивлялись местные мужики, – прямо в ухо.

– Из берданки-то чего не попасть, – рассуждали другие, – небось с берданкой и белку в глаз бьем.

– Пащенку-то этому чего теперь будет?

– А чего ему будет, директорскому-то сынку, небось и выкрутится...

За гробом молча шли все ссыльные. Местные сочувствовали, сбившись на обочине. Лицо матери было мертвее лица её мертвого сына. Отцу ничего не сказали – он и так был совсем плох и не было уже надежды, что выйдет из больницы.

Над гробом брата старший сын барона поклялся отомстить.

ХОЧУ В ШКОЛУ

– Рано тебе в школу, – сказала мама.

Я бы, может, и смирилась, но нам всем, всей старшей группе детского сада на прощанье подарили замечательную книжку «Маруся-первоклассница». И хотя мне не было ещё семи лет, зато я умела читать и писать по-печатному и, что ещё важнее, была очень похожа на Марусин портрет из книжки. Не оставаться же мне на второй год в детском саду.

До поликлиники нам с отчимом было по дороге. Потом он сворачивал к реке и шёл на работу в леспромхоз. Лес-пром-хоз – мне до сих пор нравится это хрусткое слово, будто три шага по морозцу, когда светит солнце и хорошее настроение.

А солнце светило вовсю и было оно августовским, – значит, до школы оставалось не так уж много времени. Мои семи-восьмилетние односадники говорили, что меня, может быть, и взяли бы в школу, несмотря на мои шесть лет, но уж больно я ростом мала да ещё и родители ссыльные. Я страдала от того, что у меня всё не так, как у других – нормальных – детей и мечтала об одной единственной, но настоящей привилегии – быть как все. А об этом и помечтать-то откровенно было не с кем.

На вопрос подружек, где мой родной папа, я отвечала, – в командировке, – хотя не припомню, чтобы мама подсказывала мне такой ответ. Зато я хорошо чувствовала её молчаливое одобрение. Откуда взялась идея о командировке – понятия не имею, думаю, просто мне нравилось это солидно звучащее слово. Довольно странная идея, если учесть, что у меня был отчим, которого я называла папой, а не дядей Володей, как мой брат. Но мне так нравилось произносить «папа», что я делала это без особых нравственных колебаний.

А перед сном в постели я часами разыгрывала душераздирающие сцены собственной героической гибели от рук подлых фашистских захватчиков, от которой меня всегда спасал необыкновенным образом возникший отец.

В доме никогда не произносили «расстрелян», но откуда-то я и это знала, хотя и не верила. Не верила потому, что это слово каким-то образом связывалось с понятием *плохой папа*. А этого просто не могло быть, ведь речь шла о моём отце... И ещё я помнила, как он

прижимает меня к своему холодному после улицы и колючему, в ёлочку, пальто. Как ворчит на него мама, что мне пора спать. У папы такие красивые серые и грустные глаза и очень горячие руки. А если я просыпалась ночью, то видела папину спину за письменным столом, а на столе бумаги с таинственным названием *рукописи*. Папины руки крепко стискивают голову, а ноги в закатанных штанинах почему-то стоят в тазу с водой. И ещё одно загадочное слово *контузия*, которое мама произносила со вздохом, отвечая на мой вопрос, почему папа ночью моет ноги.

Отчима уже не видно под горкой, и я решительно сворачиваю к центру села, где стоит здание с большим красным плакатом. Во время праздников именно там ставят трибуну, с которой главный дяденька нашего села по фамилии Митинков машет рукой. Митинков, наверное, от слова митинг, и я точно знаю – мне очень надо попасть именно к нему.

Секретарша точила карандаш и даже не заметила, как я прошнырнула мимо её стола к обитой чёрным дермантином двери. Дяденька Митинков был большой и сидел за большим столом. Он читал газету. Я тихо подошла к столу и, положив на зёленое сукно голову, стала его рассматривать, не решаясь отвлечь. Он заметил меня не сразу, а, заметив, тоже молча уставился на меня. Потом спросил: «А ты чья?»

– Здравствуйте, дядя Митинков, – своим самым вежливым голосом поздоровалась я.

– Чья ты, к кому пришла?

– Я к вам пришла, дядя Митинков, потому что это нечестно. Я одна в группе читать уже умею. Какая разница, сколько мне лет. Мне даже книжку подарили, чтобы я в школу пошла, а потом не записали.

– Как ты сюда попала, я спрашиваю, кто тебя прислал, фамилия?

– Меня никто не присылал, я сама. Меня зовут Мира. Примите меня, ну пожалуйста, в школу. Вы же самый главный. Они вас послушают. А я, честное слово, буду хорошо учиться!

– Мира – это от слова мир? Ну что же, очень хорошее имя. Только в школу тебе рано. Сколько тебе, пять есть? Маленькая ты ещё.

– Я не маленькая, это рост у меня маленький. А до школы ещё почти месяц. Я вырасту. Мне шесть уже. Я читать умею.

– Читать умеешь, а не врёшь? А-ну, иди сюда.

Он сгрёб меня, посадил прямо на стол и сунул под нос вытащенную из стопки на соседнем столе «Правду». Газета была читанная и неаккуратно вывернутая наизнанку. Мне досталось что-то про шестнадцатилетнюю Зину из Калининградской области, которая больше всех надоила молока.

– Видишь, какая у нас молодежь! – Назидательно произнёс Митинков.

Мне рассказ не показался очень интересным, но из деликатности я не подала виду.

– Читать ты можешь, а писать, наверное, ещё не умеешь? – Поддразнивал меня дяденька, но я уже чувствовала, что понравилась ему.

– Умею, правда, умею. Но только печатными буквами, – смутилась я, – но меня же в школе научат и не печатными тоже.

Чтобы закрепить успех, я пустилась вприсядку со сложными мужскими коленцами, напевая «Яблочко» задыхающимся голосом. «Метёлочка» и «пистолетик» сделали своё дело, и я увидела, что он начал похлопывать по столу в такт «Яблочку». В кабинет заглянула удивлённая секретарша, но начальник встретил её весёлым взглядом и кивнул в мою сторону. Секретарша тотчас пристроилась помогать ему, хлопая в ладоши.

Теперь мне уже было трудно остановиться. Я вышла на середину ковра и сложила руки сердечком перед грудью, как это делал друг моего старшего брата, Ганжа, когда распевал у нас дома оперные арии. Раскачиваясь с носочков на пятки и прикрыв глаза, низким голосом я начала читать «Девушку и Смерть» Горького. Это я выучила в три года, ещё в Москве у мамы в еврейском театре на уроках русской дикции. Моя нянька обворовала нас и сбежала и меня не с кем было оставить дома.

Когда я страшным голосом, навзрыд, произнесла: «Смертушка! Душой молю тебя, дай ты мне ещё поцеловаться», – я услышала всхлип и открыла глаза. Дядя Митинков смотрел на меня ласково, а секретарша прижимала к губам носовой платок и часто моргала.

В школу меня зачислили условно на полгода.

ПРИМИТЕ МЕНЯ В ПИОНЕРЫ

Во втором классе, в октябре, наш класс должны были принять в пионеры. Учительница пару раз деликатно намекала мне на незрелый возраст, но в ответ я раньше всех отрапортовала наизусть «Торжественное обещание юного пионера». Она похвалила меня за хорошую память и снова напомнила о возрасте.

В тетрадках у меня были только пятерки, и я не сомневалась, что этого достаточно, чтобы быть удостоенной высокой чести. Ближе к заветной дате моя уверенность ослабла из-за частых замечаний учительницы, мне даже показалось, что она специально ищет повод придраться ко мне. Говоря по правде, спокойно сидеть все сорок пять минут, положив руку на руку, было невыносимо трудно. Ещё труднее было молчать, если тебя не спрашивают, все сорок пять минут. Почему-то раньше это учительницу не раздражало. Она была совсем молоденькая, после педучилища, очень смешливая и, кажется, искренне была ко всем нам расположена. Я же её просто обожала.

Но теперь все мои силы и старания уходили на прямосидение и глубокомолчание. Я так сосредоточилась на этом занятии, что не сразу решалась открыть рот, даже когда учительница обращалась ко мне. Чтобы хорошо сидеть и при этом не уставать, я старалась о чём-то сосредоточенно думать. Например, как лучше отомстить брату, который так лупанул меня, что я расплакалась. А потом щекотал, чтобы я смеялась и чтобы родители не знали, что мы опять подрались.

От этих воспоминаний мне стало себя очень жалко, и я вслух стала произносить все обидные клички, которые так злили старшего брата.

– Мира, за дверь! Сколько можно тебе говорить, – совсем неожиданно раздался голос любимой учительницы.

Я побрела за дверь, всхлипывая и с горечью осознавая, что шансов доказать, что я гожусь в пионеры, может и не быть.

После уроков нас оставили на классное собрание. Собрание в основном было посвящено разбору личных дел кандидатов в пионеры. Среди нас было два второгодника, и мы легко согласились

с учительницей, что они пока ещё недостойны. Пусть сначала исправят отметки и перестанут прогуливать. Собрание – это как раз такое место, где можно вертеться и разговаривать, и я вовсю использовала эту возможность, порицая нерадивых и призывая их к немедленному исправлению. Двое почти десятилетних лоботрясов неловко улыбались и переглядывались, поддерживая друг друга. Им тоже хотелось в пионеры, и они получили очередной испытательный срок.

Неожиданно для меня учительница сказала:

– Вот видишь, ты совсем не можешь сидеть спокойно.

Я очень удивилась:

– Мы же не на уроке.

– Но мы в классе, – строго сказала учительница, – и ты лишний раз доказала, что тебе ещё рано вступать в пионеры.

От её коварства у меня задрожали губы, и я уткнулась лицом в парту. В классе стало тихо. Похоже, одноклассники тоже не могли взять в толк, за что я попала в такую немилость. И тут встал второй отличник, Боря Колмогоров, по кличке Олег Кошевой. Эту гордую кличку он заслужил своим непримиримым правдолюбием и повышенным чувством справедливости.

– Почему, – спросил Боря, – она же отличница. Просто она ещё маленькая и ей трудно сидеть все уроки. Ей тоже нужно дать испытательный срок, чем она хуже. Посадите её за мою парту, и я за ней послежу.

– Так и я говорю, что маленькая, – оправдывалась учительница.

Но все уже согласились с тем, что испытательный срок мне положен по справедливости, и учительница промолчала.

Домой я неслась вприпрыжку, перелетая, как птица, через валяющиеся брёвна и слегка подмороженные лужи. Влетев в комнату, я с порога обрушила на маму новость: «Если я выдержу испытательный срок, меня примут в пионеры!»

Мама смотрела на меня задумчиво и не проявляла никакой радости. А ночью в нашем домике, состоящем из одной маленькой комнаты, я слышала, как она шептала отчиму:

– Ну как мы ей объясним, почему *они* всё равно не разрешат ей вступить в пионеры.

Надо было действовать быстро и решительно. Перво-наперво поскорей купить пионерский галстук.

Утром, поедая мамины драники, я, как ни в чем не бывало, попросила купить мне галстук, пока они ещё есть в сельпо. Ведь все будут покупать, и нам может не достаться. Мама нахмурилась и выразительно посмотрела на отчима. Но он сразу сказал, что опаздывает на работу и заторопился.

Брат уже ждал меня на пороге, и мама подгоняла меня.

– Мам, ты просто дай мне денег, а я сама куплю, – сделала я ещё одну попытку.

Мама потупилась и тихо в сторону сказала:

– Мируш, у нас денег нет на галстук. Что я могу поделать?

В мамином ответе звучали грусть и отчаяние, и я почувствовала, что дело не в деньгах, которых и правда нет, а в чём-то очень, очень по-взрослому серьёзном.

В школу я приплелась, убитая горем, а потому весь день демонстрировала примерное поведение. Боря Колмогоров, наконец, заметил мои страдания и вежливо, как и полагается наставнику, поинтересовался причиной. И тут я не выдержала – горькие слёзы бурным потоком оросили исцарапанную парту, горло перехватило жгучее кольцо. Сквозь судорожные рыдания, я еле-еле смогла произнести, что у меня не будет галстука, потому что у мамы нет денег. Но Боря лишь строго попросил меня собрать портфель.

Мой портфель он нёс сам, не обращая внимания на ехидные насмешки подзадержавшихся школьников. Он повёл меня к себе домой, где поведал о моей печали своему отцу. Отец Бори был в форме и блестящих сапогах. Он сразу мне понравился – такой серьёзный, внимательный и неторопливый.

– Боря, а твой папа, он кто, – тихонько спросила я, пока Борин папа надевал фуражку, – он военный?

– Мой папа начальник милиции, – гордо пояснил Боря.

Борин папа хорошо знал и мою маму, и моего отчима. Они встречались каждые десять дней с тех пор, как нас привезли в село Тасеево, Красноярского края, Канского района. Ссыльные не имели паспортов и обязаны были отмечаться в милиции каждые десять дней.

С собой они меня никогда не брали, и я была не в курсе столь ответственной процедуры.

Колмогоров старший молча взял меня за руку, жестом подозвал Борю, и мы вышли на улицу. Моей ладошке было уютно и спокойно в большой шершавой ладони Бориного папы, и я не решалась спросить, куда мы идем. А пришли мы в сельпо, где на плохо струганных полках соседствовали вёдра и галоши, керосин и гвозди, липкие карамельки-подушечки и хлеб. Там же пылились невостребованные мужские костюмы и яркие штапельные халаты, а на прибитую к полке линейку были нанизаны сатиновые пионерские галстуки. Стоили они, кажется, сорок пять копеек. Дорогие, неприступно шёлковые, достойно расположились в коробке из-под обуви, на которой было написано чернильным карандашом: «1руб. 10 коп.».

У меня сильно забилось сердце. Почему мы здесь… неужели…

Я встала на цыпочки, чтобы заранее присмотреть себе не слишком пыльный и помятый галстук, но Борин папа перегнулся через прилавок и снял с полки коробку из-под обуви. Когда он бросил её на прилавок, поднялся столбик пыли. Похоже, до нас ни один человек не прикасался к этим сокровищам. Я онемела, а Боря подтолкнул ко мне коробку и, с молчаливого одобрения своего папы, сказал:

– Давай, ты первая.

Я стояла, не решаясь сделать выбор. Вот у этого, сверху, в складке скопилось немного пыли. Тот, что выглядывал за ним, слегка пострадал от солнца и на нем светилось выгоревшее пятно. Я зажмурилась и осторожно вытянула за кончик алое чудо из середины коробки. Я его сразу узнала, почувствовала – это мой, только мой, мой пионерский галстук.

Пока Боря выбирал галстук себе, а его папа отсчитывал пахнущие соляркой деньги, меня охватила паника. Что я скажу маме, если придётся отдавать долг, ведь у неё нет денег даже на ситцевый. И потом, Борин папа, он же из милиции… Что-то сильно тревожило меня и мешало радоваться счастливому случаю. Я погрустнела, пытаясь подобрать вежливые слова, которые разлучат меня с только что обретённым счастьем. Я даже отошла в сторонку, чтобы немного продлить незаконное свидание с этим алым чудом.

Борин папа за плечо развернул меня к себе и очень серьезно сказал:

– Ну вот, будешь теперь пионеркой. Обещаешь хорошо вести себя на уроках? Борьке ведь тоже надо учительницу слушать, а не за тобой следить. А маме скажи, что галстук тебе подарили за отличную учебу.

Я обещала, я очень-очень обещала. И когда нас принимали в пионеры, я поклялась – «…перед лицом своих товарищей» – что когда вырасту большая, я всем детям на свете куплю шёлковые галстуки, разноцветные: желтые, синие, зеленые – кому какие нравятся.

Через несколько дней нас приняли в пионеры. На торжественной линейке только двое щеголяли алыми шёлковыми галстуками – сын начальника милиции и дочь врага народа – двое на всю пионерскую линейку.

КАК МЫ ХОРОНИЛИ СТАЛИНА

Зима выдалась очень лютой, и в начале марта ещё стояли крепкие морозы. До школы было далеко, около шести километров. Мне разрешили приходить ко второму уроку с условием, что это «не отразится на успеваемости». Именно так, совсем как взрослую, предупредила меня учительница. Уже у реки меня догнал водовоз дядя Гриша. Он, как король, восседал на обледенелой бочке, которую привычным маршрутом тащил на старых полозьях наш любимый конь Орлик. В конце лета Орлик безотказно катал всю детвору верхом и в телеге до Елани, где весело, с плясками и драками село отмечало «праздник урожая». Еланью называлась большая поляна в лесу, окружённая высокими строгими елями, кое-где разреженными молодыми белесыми берёзками. Если скотина, заплутав, добиралась до Елани, то от неё оставались только кости. Волки тоже облюбовали эту поляну, и в обычные дни люди обходили её стороной.

Я привычно пристроилась сзади на полозьях, как на лыжах, чтобы быстро спрыгнуть у моста и побежать наверх к школе. Я привыкла по дороге болтать с дядей Гришей о том, о сём или, как он говорил, о жизненном. Но сегодня дядя Гриша с утра был таким, каким я его знала только в воскресенье или по праздникам – мрачный и

неразговорчивый. Он что-то бормотал себе под нос, мотал, как его конь, головой, а на моё приветствие ответил странным вопросом:

– Как жить-то дальше будем?

Я не знала, что ему ответить и, спрыгнув, побежала дальше.

Дядя Гриша появился здесь совсем недавно. Рано утром он постучал в наше окно, и отчим впустил его. Потом мама кормила дядю Гришу жареной картошкой и поила чаем, а отчим спрашивал его, откуда этап и из какого он лагеря. У дяди Гриши была смешная фамилия Скрынников, четыре класса образования, и до ареста он жил в Одессе. А в Одессу он перебрался из деревни, где совсем было нечего есть, и торговал ковриками, с нарисованными дамами и лебедями, на одесском базаре. На базаре его и арестовали. Он так и не понял за что, хотя и пытался разгадать эту тайну, когда напивался по праздникам.

Много лет спустя я узнала дядю Гришу в Иване Денисовиче и до сих пор уверена, что они пересекались судьбой с Солженицыным. Хотя – сколько было таких дядей Гриш и Иванов Денисовичей в нашей стране в ранние пятидесятые…

На площади рядом со школой и зданием местной администрации толпился народ. Несмотря на то, что людей собралось много, на площади было пугающе тихо. Все как-будто чего-то ждали. Несколько раз лишь громко взвыла какая-то тётка, у которой из-под вязанного платка выглядывал чёрный сатиновый. Всхлипнув, она сразу начинала суматошно креститься, настороженно поглядывая по сторонам. Я тоже хотела подождать, но вспомнила, что опаздываю, и свернула к школе.

Распахнутую, несмотря на холод, школьную дверь подпирало полено, а перед дверью стояли школьный директор и старшая пионервожатая. Директор был пожилым, носил френч и хромовые сапоги. За его худобу и узкую бритую голову с заметно выступающими височными костями и глубокими глазницами мы между собой называли его Кощеем. Пионервожатая, напротив, была почти девчонкой, обычно весёлой и, как теперь говорят, популярной, в нашей младопионерской среде. Слёзы из её глаз катились свободно, не задерживаясь на гладких щёчках, и растворялись в бороздках чёрного

свитера. К свитеру булавкой была приколота розетка из красной и чёрной материи. Такая же розетка была приколота к карману френча директора. Его глаза были красными, но сухими. Свой скомканный носовой платок он протягивал пионервожатой, но та его не замечала.

Вид этих двоих так озадачил меня, что я даже забыла поздороваться. Вожатая погладила меня по спине и тихо сказала:

– Иди, иди в класс.

А директор, не глядя на меня, строго добавил:

– Быстро!

В классе все тоже были непривычно тихими, а многие девочки даже плакали. Ничего не понимая, я уже хотела пройти на своё место, но учительница жестом остановила меня, и я плюхнулась на первое свободное, ощущая, как меня пропитывает общее состояние необъяснимого горя и отчаяния. Учительница опустила глаза в книжку и продолжала читать. Она читала страшный рассказ про мальчика, который не побоялся своего отца-кулака, спрятавшего мешки с пшеницей от честных людей. Мальчика звали Павлик Морозов. Он донёс на своего отца, и злодей-отец убил его. Зарезал ножом собственного сына.

Когда учительница закончила читать, она сказала, что все могут пойти домой, потому что уроков сегодня не будет. И вдруг, почти также, как дядя Гриша, она произнесла с отчаянием в голосе:

– Что теперь с нами будет?

Мне показалось, что ледяные иголки воткнулись в меня, лишая возможности двигаться, я задыхалась от еле сдерживаемых рыданий, и, наконец, они прорвались наружу неистовой истерикой. Всем своим детским организмом я ощутила, что произошло что-то невыразимо ужасное, абсолютно непоправимое, наверное, конец света. Никогда больше не взойдёт солнце, люди не смогут улыбаться, и все погрузится во мрак. Иначе, почему все плачут, и зачем учительница вместо урока читала нам этот страшный рассказ.

Заплаканные девочки и притихшие мальчики молча собирали портфели, кутались в пальто, обматывали себя шарфами и платками. Но, обессилев от слёз, я не могла подняться из-за парты.

Учительница, наконец, обратила на меня внимание, подошла, села рядом и, почему-то обернувшись на дверь, тихо, в парту так, сказала:

– Иди скорей домой, скажи родителям, что… Сталин… умер…

Опрокинулось небо и застыло время. Что она сказала? Как она могла сказать такое?! Ведь Сталин не какой-то там простой человек, он на всех знамёнах, во всех моих учебниках. Ведь Сталин он как, ну, как Ленин. Он не может просто взять и умереть. И что теперь будет с нами, со всей нашей страной? Я продолжала сидеть, начиная понимать, что бормотал, качая головой, дядя Гриша, о чём громко всхлипывала тётка на площади, почему такие красные глаза у директора и почему тихо плакали учительница с пионервожатой. Домой, как можно скорей домой, к маме!

Когда я подходила к двери, я не увидела света в нашем окне и подумала, что никого нет дома. Обычно зимой мама зажигала керосиновую лампу даже днём, потому что окошки были маленькие и в комнате было темно. Когда я открыла дверь, я услышала тяжёлую грустную музыку, доносящуюся из нашего приёмника. Приёмник назывался «Родина», и начальство разрешило моему отчиму его купить, так как он очень хорошо работал в леспромхозе.

Я представляла себе начальство, похожим на большого доброго великана с мешком подарков, которые оно, начальство, раздаёт только за хорошую работу хорошим людям, когда с трепетом вглядывалась в трепещущий под музыку зелёный глазок нашего нового радиоприёмника. Но сейчас музыка была другой, и она мне не нравилась.

На пороге я споткнулась о груду сваленных в одну кучу пальто, ватников и даже шубу, принадлежащую вдове бывшего маршала авиации Варваре Петровне Худяковой. Маршала расстреляли, а его жену с сыном отправили в Сибирь. Однажды весной, когда все ссыльные должны были ходить в тайгу на подсочку, она встретила большого медведя. Подсочка – это когда большим деревянным молотком бьют по тупой стороне долота, а его острая сторона впивается в кору дерева, чтобы выбить на сосне такие большие стрелы. Делать это надо, пока дерево ещё спит, а весной,

когда оно проснётся, собрать живицу, похожую на слезу. В тайгу ссыльные ходили гуськом – первые, кто повыносливей, протаптывали в снегу узкую тропку, а за ними шли остальные. В тайге они старались не терять друг друга из виду, потому что было очень холодно и надо было вовремя заметить, у кого побелел нос и кому надо быстро растереть щёку или уши. Обмораживались часто. Дубасить молотком было нелегко, зато это согревало.

Стук в лесу разбудил медведя. Таких медведей называют шатунами. Он вылез из берлоги и пошёл посмотреть, кто ему спать мешает. Вот медведь пошатался по лесу и встретил Варвару Петровну. Она очень испугалась и стала звать на помощь, но её не услышали из-за стука молотков. Тогда Варвара Петровна высмотрела самое толстое дерево и кинулась к нему. Медведь опустился на четыре лапы и постарался её догнать, но не успел. Она обняла самое толстое дерево и спряталась за него. Медведь тоже обнял это дерево, стараясь достать Варвару Петровну. И так она три часа ходила вокруг толстой сосны, а медведь ходил за ней. Ее хватились, когда стало темнеть и было пора возвращаться из тайги домой. Шатуна прогнали громкими стуками молотков. Когда храбрую женщину, наконец, спасли, она потеряла сознание.

У порога я ещё увидела знакомый тулуп моего самого любимого из всех гостей – Нона Ильича Варшавского. Я слышала, как мама кому-то говорила, что Нон Ильич начал сидеть ещё до революции. Мальчишкой он примкнул к анархистам и в первый раз сел, когда ему было пятнадцать лет, за революционную деятельность. А с тысяча девятьсот двадцать второго года он сидел, как анархист, уже от звонка до звонка.

Я быстро разделась и вбежала в комнату. Кроме Варвары Петровны и Нон Ильича там было ещё человек восемь – художник Осипов (я его так и звала – дядя Осипов), писатель Виктор Леонтьевич Петровский, фотограф Гаазе, наша соседка-полька Регина, брат-барон Скирмантас. Был там и дядя Гриша и Никифор Стагней, который также, как и дядя Гриша, однажды постучал в наше крайнее окно, и ещё другие, незнакомые мне люди. Было удивительно, как они все поместились в нашей маленькой комнате. Нон Ильич подхватил меня на руки и начал кружить по

комнате, лавируя меж непонятно почему собравшихся здесь людей. Отчим повернул ручку приёмника и тяжелая траурная музыка зазвучала громче, отчего ещё более нелепыми показались мне светлые улыбки гостей.

– Найди-ка, мать, нам чего-нибудь выпить, – обратился отчим к маме, весело поглаживая её руку. Но Петровский, как фокусник, выхватил из-за пазухи чекушку и вознес её над головой. Всем досталось по-маленьку. Взрослые тихо чокались и приглашали друг друга в гости: в Москву, Ленинград, в Одессу и Каунас.

А потом в полутьме крошечного домика на краю сибирского села под звуки траурного марша, в полном молчании, неуклюже поворачиваясь в тесноте, отчаянно и лихо пошли плясать барыню сошедшие с ума мужчины, лебедками поплыли по кругу мама с Региной. И я пустилась вприсядку, радуясь, что так неожиданно весело закончился этот очень-очень странный день.

* * *

Все знают день своего рождения, а я знаю с точностью, почти до одного дня, когда это, то есть я, началось.

Папа сбежал из госпиталя и появился контуженный дома на Арбате 9 мая, перед самым салютом Победы. Салют они смотрели вместе с моей мамой и старшим братом. Меня с ними ещё не было. Папу призвали на японский фронт 11 мая. Теперь я часто думаю о тех двух днях и ночах, которые он с пользой для меня провел под родной крышей. Я родилась в срок – 30 января 1946 года.

Почти три года у меня было счастливое детство: папа работал редактором в газете и Еврейском антифашистском комитете и ещё преподавал в театральной студии, где училась моя мама. Я росла и чувствовала себя вполне счастливой девочкой. Но однажды ночью пришли люди в форме и увели папу – десять лет без права переписки. Больше папу мы не видели. Меньше чем через год пришли и за мамой, и мы с братом остались одни перед опечатанной дверью. Сначала нас приютили соседи, но потом опять приехали люди в форме и увезли нас в детский дом. После Нового, 1951 года нас с братом разлучили: брата отправили в детский дом города Серпухова, где режим был намного строже,

придуманный специально для детей врагов народа. Мне повезло больше, меня оставили в Москве. Видимо, в мои четыре года я ещё подлежала исправлению.

Весной 1951 года нас повезли к маме в Сибирь. Ехали мы очень долго. У каждого из нас был свой провожатый и свой мешок сухарей. Но хотя я обнаружила брата в том же вагоне, его провожатый не разрешил нам свидание. Из-за распутицы мы ещё на целый месяц застряли в детском доме города Канска, где я окончательно завшивела и в экспресс-режиме переболела всеми детскими болезнями, которыми болеют дети от двух до пяти.

Душевная женщина, которая привезла нас из Канска, оставила нас под забором и пошла разыскивать маму. Мама бежала вдоль улицы в том же халате, в котором её забрали из дома, а её длинная чёрная коса не успевала за ней. Мама хотела обнять меня, но я заплакала и сказала, что она какая-то не такая.

В Москву мы вернулись в 1957 году и получили комнату в Останкино: 25 кв. метров на пять человек с одной семьёй на подселении. Эту комнату мы поменяли на огромную, на нынешней Остоженке, но там уже вместе с нами было шесть семей. Потом родители поменяли эту комнату на трехкомнатную квартиру в Риге, где я и окончила школу.

Я снова вернулась в Москву и поступила в Московский полиграфический институт. Там от преподавателя современного русского языка я узнала, что в Сибири есть некий научный городок, где в стороне от пристального глаза Большого брата процветает демократия. Спасибо, Камилла Ивановна Елагина – это были вы. Заняв деньги на дорогу в один конец, я приехала в Новосибирск, нашла затерянный в лесу Академгородок и осталась там на ближайшие двадцать четыре года. Правда, пока я туда ехала, часть демократов посадили, а других сильно напугали.

Ну а я примкнула к вновь созданному журналу «ЭКО», который потом называли рупором перестройки и не однажды пытались закрыть за это. За двадцать два года в «ЭКО» я много чего набралась, в том числе и опыта, а главное, друзей. Некоторые из них, по счастливому совпадению, тоже теперь живут в Москве, другие разъехались по разным странам в поисках научного хлеба, и мы видимся только изредка. А оставшихся в Сибири я люблю и ни за что не потеряю.

Тем, кто ещё не умер

Максимальным чувством юмора обладают умершие: они смеются надо всем.

Станислав Ежи Лец

Алексей Декельбаум[1]
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ПОБЕДА

обро должно быть с кулаками...»

Прочитало Добро и задумалось. Заглянуло в обломок зеркала: шейка тоненькая, грудь колесом, но вовнутрь, щёки впалые, а глаз добрый-добрый – второй заплыл...

...Щетина торчком, плечики узкие, семья в развале, на работе гонения...

...Обои рваные, комната казённая, из мебели – кровать да кошка (на кровати – повестка к Злу)...

...Ручки слабые, пальчики – как спички, а кулаков и вовсе нет...

«Добро должно быть с кулаками!»

– Ах так! – сказало Добро...

Товарищ, товарищ! Знаешь ли ты, что это такое – готовить победу Добра в условиях тотальной диктатуры Зла? Когда верхи ещё могут, а низам наплевать? И угнетённым терять почти нечего, кроме своих цепей, семьи, работы, зарплаты, очереди на квартиру, талонов на водку, мебельных гарнитуров, спортивных репортажей, свободы и пива! И угнетённые, проклиная Зло, отлавливают по подворотням апостолов Добра и тоскливо бьют их, приговаривая: «А не мути народ!» А Добро ещё только наращивает кулаки. И в подполье такая сырость, что листовки размокают, а по полу так и шастают мокрицы и провокаторы!..

– Что делать?! – мается Добро, вслушиваясь в свистки облав. – Кто виноват и что с ним делать?!

«А как они с нами?!»

– Но я же – Добро!..

«Добро должно быть с кулаками!»

– Но я...

«Ради победы над Злом!»

– Но...

«Ради всеобщего счастья!»

Дивным летним вечером нежная истома окутывает город. В тёплом густом воздухе вязнут соловьиные трели и пулемётные очереди. Дивным летним вечером силы Добра одержали окончательную победу над Злом.

По городу вели колонну пленных. Вокруг ликовали те, кто при Зле был никем, а теперь вновь рассчитывал стать всем. Конвой был украшен цветами. Командовал конвоем человек с ружьём – с виду простодушный, но с мудрой лукавинкой в глазах. Время от времени к нему подбегали шустрые ребятишки, простые рабочие, усталые женщины и народная интеллигенция – сообщали, где скрываются недобитые злыдни.

Впереди колонны плелось Зло – небритое, с лицом защитного цвета. На разодранном мундире сиротливо болтался чудом уцелевший орден Отца Отечества первой степени. Рядом весело шагал юный боец армии Добра. Его гранатомет был утыкан розами, его тонкие музыкальные пальцы неумело сжимались в кулаки, он периодически бил Зло по уху и приговаривал:

– Будешь добрее... будешь добрее, зараза!..

...Огромная площадь ликовала. Добро встало с трона, подняло руку – всё стихло.

– Любимые! – сказало Добро. – Победа над Злом, о необходимости которой всегда говорили самые добрые – свершилась!

Все закричали «ура», а Добро улыбнулось и заплакало. И никого не расстреляло – только самых злых. Остальных отвели в степь, уложили на васильки и ромашки, огородили колючей проволокой и по углам поставили вышки с пулеметами. Чтобы никогда и ни за что даже крупица зла не просочилась в наш добрый и прекрасный мир.

А если и случится такая беда, если ясным днём или тёмной ночью в глазах друга или незнакомца, детей, родителей, жены или возлюбленной вдруг чёрным метеором промелькнет зло – обо всех подобных случаях просим сообщить

в Комитет Безопасности Добра, расположенный на улице Всеобщей Любви между новой тюрьмой и мемориальной квартирой, где Добро ночевало перед последним и решительным боем.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

Послушный мальчик

На редкость послушный мальчик. Мама, уходя в магазин, сказала: «Никому не открывай». Вот он с тех пор никому и не открывает. Ему и звонят, и стучат, а он: «Мне мама не велела никому открывать». Вокруг страна напрягалась в последнем прорыве, единогласно клеймила космополитов и врачей-убийц, единодушно разоблачала культ личности и волюнтаризм, гневно осуждала империалистов, диссидентов и стиляг, пахала целину и космос, крепила оборону...

Он сидел дома и никому не открывал.

Уже и демократия, и свобода слова, и диктатура единодушно осуждена, и для победы важен каждый голос!..

– Мне мама не велела никому открывать.

И, кстати, маму-то уже давно выпустили и реабилитировали. Она как-то приезжала, поговорила с ним через дверь, поплакала и велела никому не открывать.

После спектакля

Самолёт с делегацией иностранных парламентариев взмыл над райцентром...

Митинг свернул транспаранты «Больше демократии!» и стал рассасываться по автобусам предприятий. Участники экологической голодовки побежали в буфет отоваривать талоны. Бастующие рабочие тут же на спине друг у друга писали заявления на заработанные отгулы. У овощного ларька выстроилась очередь – сдавать реквизитору ананасы, манго и фейхоа. В сквере проститутки с помощью классных руководителей спешно смывали макияж. Члены политических партий райцентра под командой замполита строем потопали в военный городок.

Старик-режиссёр из местного народного театра, оттирая слёзы гордости, принимал поздравления районного руководства.

А ты оторвала свои губы от моих, заломила мне руку за спину, и сказала:

– Праздник люд'ям портить! А ну пройдёмте!

Человек-фон

Человек работает фоном. Ему звонят, его приглашают – он приезжает и обеспечивает фон. Оплата по договорённости.

На его фоне любой заказчик будет выглядеть тонким интеллектуалом, жгучим красавцем, отважным суперменом. А за особую плату – и сексуальным стахановцем. Девушки кидаются в объятья любому жлобу, если рядом с ним появится человек-фон. Очереди стихают и цепенеют, когда его зовут подменить продавщицу. Если он читает публике свои стихи, то любому поэту после него овации гарантированы. Более того, на его фоне любой ротный старшина выглядит пламенным демократом и опытным политиком. Человек-фон завален заказами.

А в редкие минуты отдыха он запирается у себя в комнате, раскладывает на диване свои научные статьи, свои спортивные награды, медали «За спасение утопающих» и «За отвагу на пожаре». Перечитывает старые восторженные письма своих читателей, кинозрителей и зарубежных правозащитников. И медленно листает альбом с фотографиями детей и возлюбленных.

Баллада о мужестве

Одного писателя поймали враги и стали пытать.

– Говори!

Но писатель только гордо смеялся в ответ и ничего не говорил.

День и ночь пытали его враги самыми жуткими пытками, но он ни слова им не сказал. Ничего не боялся – ни пыток, ни смерти!

Озлобились тогда враги, озверели и пригласили самого опытного палача.

И связал палач беднягу по рукам и ногам, и стал ему читать газетные отзывы на произведения других писателей из того же города.

«Безусловно, на общем фоне ярко выделяется новая повесть писателя А...» Читать дальше или будешь говорить?

Застонал писатель, но выдержал.

«Также хочется отметить умные и тонкие стихи поэтессы Б...» Будешь говорить?!

Скрипнул зубами писатель, но промолчал.

«...и, конечно же, глубокие, многогранные образы, рожденные талантом В...»

И тут писатель впервые заговорил:

– Дешево работаете, гады... Не может быть у него ни таланта, ни глубокой многогранности. Не...

И потерял сознание...

Наши подоспели – отбили.

В РОДИЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ

Роды были лёгкими.

Роды были легкими, как и все предыдущие роды Краюхина, ибо душа поэта, если уж берётся рожать, то делает это легко, в полёте, а всякие натуги чреваты выкидышем.

Пресловутые «муки творчества» начинаются потом, когда идёт шлифовка, когда ремесло говорит вдохновению: «Подвинься», – и из строчек выдираются нелепые первозданности, а на их место нередко вколачиваются профессиональные нелепости. Но это уже потом.

...Рожала душа тайного поэта Краюхина (в миру – бухгалтер конторы «Вторсырье», «не был, не имел, не привлекался, не владеет...» и т.д.). Роды принимал хранитель Краюхина – пожилой ангел Хрисанф, нянчивший эту маетную душу ещё в её младенчестве – в Нормандии XIV века, и с тех пор опекавший во всех её последующих земных командировках, будь

то перуанская глубинка времён конкистадоров, окраина Марселя эпохи Людовика XV или же гренландское поселение, куда душа Краюхина была сослана в прошлой жизни за свои марсельские шалости при жизни позапрошлой.

Хрисанф был очень надежным ангелом-хранителем, и только потому душа Краюхина отделалась тогда ссылкой в Гренландию. Если бы Хрисанф вовремя не ампутировал у этой безалаберной души одну роковую любовь – гореть бы ей в геенне огненной и лишь мечтать о земном воплощении в таракана.

...Сейчас душа Краюхина рожала балладу о пользе вторсырья. Она металась в экстазе, потела дивными рифмами, типа «макулатура – физкультура», в восторге хлопала себя по ляжкам и нервно хихикала: «Гениально! Гениально!».

– Ишь, распрыгалась! – добродушно ворчал Хрисанф. – Как тогда, в Марселе, сочиняючи срамные куплеты. А ведь я предупреждал!

И что-то подобное человеческой улыбке расплывалось у него по подобию нашего лица.

Вокруг рожающей души бестолково суетилась её персональная муза – отец всех произведений Краюхина. История была давняя: однажды соблазнив и практический насильно взяв эту доверчивую, немного вздорную душу, муза неожиданно прониклась к ней необъяснимой привязанностью, имела от неё немало детей и даже хранила ей определенную верность – не столько из-за мысли об алиментах, сколько...

– Да угомонись ты, шалава! – цыкнул на музу ангел-хранитель. – Видишь, уже концовка выходит! «Металлолома перевоплощенье! Ничтожных тряпок будущая жизнь!..» Режь пуповину!!!

– Мальчик? – шмыгнув носом, спросила муза, когда пуповина уже была перерезана, и душа Краюхина, подрагивая, счастливо затихла.

– А хрен его знает, – философски ответил Хрисанф, вертя в руках очаровательного уродца с выпирающими строчками. – Стиль, вроде, мужеский, рублёный, но обратно же лирика... А вообще – хорош! Ай да Краюхин, ай да сукин сын!

Через коросту убогих краюхинских метафор источалось сияние. Рождённая в полете, рождённая в любви, обречённая на Земле иметь читательскую аудиторию в количестве одного человека, эта баллада о пользе вторсырья по обстоятельствам своего рождения получала большие шансы на вселенское бессмертие. Впрочем, данный вопрос был уже не в компетенции ангела-хранителя (лица явно заинтересованного).

А вокруг шёл обычный рабочий день. Сновали дежурные херувимы, в секции катаклизмов хмурые ангелы, соблюдая наивную конспирацию, опять глушили нектар, и кто-то уже нежно-хрипато затянул «Нетленные крылья». Из отдела судеб громыхали грозные духограммы архангела, требующего сводку по сегодняшним смертям и ответа за срыв плана по рождениям. И только какой-то непотребный шум вплетался в эту нормальную трудовую обыденность и тревожил Хрисанфа. Какая-то неразличимая дисгармония, которая однако же вскоре прояснилась до слов и образа, и это было ужасно, потому что, согласитесь, даже матёрому ангелу неприятно слышать, как матерится пожилая муза, тем более муза известного поэта, члена Союза писателей и т.д., и т.п.

Вид и запах подлетающей музы был настолько тяжел, что Хрисанф только крякнул и тактично осведомился:

– Чего твой-то?

– М-м... с-су.., – застонала муза известного поэта и запустила по занебесью непечатную тираду о всяких трам-там-там, которые, трам-там-там, до того закармливают свои души договорами, авансами и сроками, что тех или слабит, или тошнит и всё это прямо на бедную музу, которая, как последняя трам-там-трали-вали всегда ждёт нормальных лучезарных родов и потому не всегда успевает увернуться.

– Стих?

– Поэма, – с ненавистью сказала муза. – О любви, трам-пам-тарарам, к прекрасному родному краю!

Хрисанф вздохнул и сочувственно сплюнул. На Земле, в убогой квартире бухгалтера Краюхина ветер ломанул форточку и огладил прохладными ладонями лицо счастливого поэта.

«КУРОЧКА-РЯБА»
(киносценарий боевика из жизни русской деревни, производство «Коламбиа-пикчерс»)

Действующие лица и исполнители:

Дед – Чак Норрис,
Баба – Синтия Ротрок,
«Курочка-ряба» – Клод Ван-Дамм,
«Мышка» – Арнольд Шварценеггер,
Девки, бабы, мужики, киллеры.

Обычная русская деревня: березы, клюквенные сады, покосившиеся коттеджи...

(Пометка продюсера: «Заказать в строительной компании покосившиеся коттеджи, если, конечно, недорого возьмут за их перекос»).

...Дед только что закончил утреннюю пробежку вокруг колхозного поля, прибежал на свой бедный двор и нырнул в свой убогий бассейн...

(Пометка продюсера: «Бассейн на русском ранчо – бред!!! Пусть Дед забежит в свой жалкий деревенский домишко и примет там убогий душ!»).

На кухне Баба готовит Деду скудный завтрак: сэндвичи с редькой, бутылка водки, чашечка кофе. Дед хмуро ест. Баба, пригорюнившись, глядит на него.

Дед. Твою мать?
Баба. А где я тебе возьму?!
Дед. Но мать твою!!!
Баба. А на какие шиши?! Простой осетрины купить не могу!..

(Пометка продюсера: «Хорошо! Уточнить насчет «шишей»: если это внутренняя российская валюта, то сколько «шишей» в одном долларе?»).

...Дед выходит на двор. Шумит клюква. В её шелест вплетается отдалённая русская народная песня. Примерный текст:

Wo pole beryeska stoyala,
Wo pole kudryavaya stoyala,
Lewly, lewly, stoyala...

Из-за холма плавно выходят деревенские девки и бабы – в сарафанах, телогрейках и нетрезвые с утра.

(Пометка продюсера: «Проследить, чтобы телогрейки на этот раз были не от Кардена – разорят!»).

К девкам и бабам присоединяются пьяные мужики и парни, заводят хоровод и всем хороводом направляются к деревенскому супермаркету...

(Пометка продюсера: «Супермаркеты в российских деревнях – чушь!!! Надо проще и скромнее: «направляются к сельскому шопу». Кстати, уточнить, почему русские эмигранты на вопрос, есть ли в российских деревнях шопы, сначала ржут, а потом вздыхают и говорят: есть, и ещё какие!»).

Дед впрягается в нелёгкий сельский труд. Солнце встаёт из-за берез. Припекает. Дед работает – истово подстригает газон возле своего убогого домишки. Останавливается. Смотрит на солнце. Вспоминает что-то былое, далёкое. Рокочет старая убогая газонокосилка.

Дед. Твою мать...

По щеке скатываются несколько слёз...

(Пометка продюсера: «Не более двух. А в общем хорошо – дитя природы. Только пусть он косит босым, как их писатель Достоевский»).

В воздухе неожиданно свистит нога. Дед резко падает, перекатывается и быстро вскакивает с газонокосилкой наперевес. Перед ним стоит улыбающийся «Курочка-ряба».

Дед. Мать твою!
«Курочка-ряба». Я тоже рад тебя видеть!
Дед. Но твою мать?!
«Курочка-ряба». Какая на хрен амнистия, просто у них там сейчас такой бардак! Вот забежал по пути в Эрмитаж, принёс тебе пасхальное яичко от Фаберже. Спрячь на время.
Дед. А мать твою?
«Курочка-ряба». Десять процентов.
Дед. Во, блин.
«Курочка-ряба». Ишь, разговорился! Ну что, по рукам?

Автоматные очереди, свист пуль, громкие крики.

«Курочка-ряба». Ну ладно, некогда мне тут с тобой болтать.

Прыгает через плетень и быстро удаляется. Рокочет газонокосилка.

(Пометка продюсера: «Плетень — ферростирол, 50 долларов за 1 плетёный метр).

На дедово подворье вбегают деревенские киллеры – в телогрейках, кирзовых сапогах, с серпами, косами и автоматами Калашникова. Впереди – «Мышка». Подбегает и замахивается серпом на Деда.

«Мышка». Гони яйцо, старый хрен!
Дед. Твою мать?
«Мышка». Позапирайся мне! А ну, хлопцы, обыскать всё!

Киллеры кидаются в дедов коттедж. В коттедже звуки борьбы, автоматные очереди, свист серпов, пламя пожара. Два киллера с грохотом скатываются с крыльца. Ещё один с треском вылетает из окна. На крыльце появляется разъярённая Баба с балалайкой. Мафия отступает. Баба в прыжке мощным ударом «тобигэри» валит «Мышку». Дом горит. Рокочет газонокосилка.

(Пометка продюсера: «Очень хорошо: ярость русской женщины. Добавить немного секса»).

Дед *(восхищенно).* Твою мать!!!

Баба в крутом развороте стремительным ударом ноги скашивает Деда и выхватывает у него из-за пазухи яйцо Фаберже.

Дед. О, нет!

Рокочет газонокосилка. «Мышка» пытается отобрать яйцо у Бабы, яйцо падает на газонокосилку и разлетается вдребезги.

«Мышка». О, нет!

(Пометка продюсера: «Да-да, как у их Чехова: если на сцене в первом акте имеется газонокосилка, то в финале она выстрелит!»).

Тем временем у плетня скапливается народ: мужики, бабы, девки и парни – пьяные и удивлённые. Дом горит. Откуда-то выныривает сияющий «Курочка-ряба».

«Курочка-ряба». Ну что, Мышка, обломался с яйцом? А ты, Дед, не плачь! Возьму на гоп-стоп птицефабрику – будет тебе полное лукошко яиц.

Баба задумчиво смотрит на горящий коттедж.

Баба *(задумчиво).* Пойду я...

Поднимает балалайку и входит в горящий дом. Дед хватает газонокосилку и продолжает подстригать газон.

Киллеры. Во, блин! Ну, пойдём, что ли, водки выпьем.

Уходят пить водку.

(Пометка продюсера: «Да-да – загадочная русская душа! Но я не понял: зачем Бабе была нужна балалайка? Или это русский боевой символ?»).

Деревенский народ толпится вокруг одинокого «Мышки».

«Мышка». Ну чего уставились? Шли бы себе работать.

Народ безмолвствует.

Конец

(Пометка продюсера: «Твою мать!»)

ПОСЛЕДНИЙ ПРОРЫВ

Мы всё-таки прорвались в светлое будущее. Вломились в него на своих обгоревших танках и отпустили рычаги. Краска пузырилась на броне. На башнях шипели и кучерявились красные звёзды, свастики, орлы-мутанты, рекламы сигарет, Народного банка и гигиенических тампонов.

Будущее было прекрасно.

– Мать моя женщина... коммунизм! – присвистнул командир догоравшей самоходки, увидев вокруг чистый, изумительно свежий коммунизм. Без нищих, без буржуев и фашистов, без эксплуатации человека человеком, без частной собственности на средства производства и тому подобной порнографии. Мир всеобщего равенства, увлекательного общественно-полезного труда и дешёвой доступной колбасы.

«Победа!» – прослезился механик с раздолбанного танка, разглядывая полное торжество свободы и демократии. Демократия была ослепительно хороша: без лагерей, без нищих, без фашистов и коммунистов, с добротной частной собственностью, всеобщим благоденствием, потрясающей свободой слова и дешёвой доступной колбасой. От полного отсутствия воровства кружилась голова.

Артиллерист протёр воспалённые глаза, но всё равно в окружавшем его светлом будущем не было ни одного демократа и коммуниста, ни одного инородца и иноверца. Только здоровая чистокровная нация, могучая держава, генетически стерильное правительство, крепкий порядок и... дешёвая колбаса.

А сзади напирали обгоревшие, грязные и небритые.

– Ребята, правда, что никто не ворует? Не засада ли...

– Боже, да никак государь с великим князем!..

– Ёлки-палки, а прав человека-то, прав человека – как грязи!..

– Мама дорогая, какой-то сплошной Первомай... – восхищённо присвистнул командир самоходки, почёсывая дыру в черепе.

– Ну будя, ребята, ещё успеете налюбоваться, – сказал дежурный архангел. – Сейчас будет санобработка, стрижка, помыв и раздача белой одёжи. Становись! Р-равняйсь! Нале...во! Шаго-ом... ар-рш!

А ПОТОМ БЫЛО УТРО...

В ночь на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в собственном доме на Невском, в кабинете, хранящем следы буйной гвардейской тоски о судьбе России, маялся безумными и вещими видениями поручик князь Голицын.

Снились поручику мелкие трефы в прикупе, заход с бубей, о необходимости которого кричали все левые газеты, обнажённые плечи графини Н. и мощные бёдра жеребца Б.

Снилось, что нынешнее поколение нижних чинов будет жить при коммунизме – этот модный анекдот он принёс из дворянского Собрания и сразу же, в приступе пьяной демократии, рассказал своему денщику Парамону и его куму – боцману с «Авроры»...

Тут же приснился и коммунизм в виде длинного барака, украшенного иллюминацией и бумажными цветами. В бараке шёл тридцать девятый съезд КПСС. «Есть такая партия!» – ржал жеребец Б., нелепо проигранный в карты корнету О. «Есть родимая!» – хохотала графиня Н...

Снилась поручику сестра милосердия – хрупкая и изящная, правда, слегка небритая, а так – вылитый Александр Фёдорович Керенский. Премьер рвал на груди корсаж и кричал в телефонную трубку: «Сволочь ты, Володя, и шутки твои дурацкие! Верни Зимний, а в честь вашего Великого Октября возьмите штурмом какой-нибудь Лувр – я договорюсь!..» Снились Голицыну декреты, подписанные его кухаркой Агафьей, снились талоны на водку и девиц, гимназистки на лесоповале, обнажённые плечи графини Н. (на правом – чья-то веснушчатая пятерня с синим якорем) и очередь в приёмной у дворника М. Очередь кричала на Плеханова: «Вы тут не стояли!», и профессор Милюков интимно шептал Голицыну: «Увы, поручик,

демократия в России накрылась серпом и молотом. О наступлении следующей демократии, я полагаю, нам сообщат...» Кто сообщит, поручик так и не узнал, поскольку от общего огорчения заснул тут же в приёмной. И приснилось ему заполнение анкеты объёмом с «Войну и мир» и срочная необходимость доказать, что он отнюдь не Голицман, и представить справку о своём пролетарском происхождении из старинного рода слесарей Голицыных... И было бы всё ничего, если б не мелкие трефы в прикупе и бездарный проигрыш жеребца. Этот кошмар снился особенно жестоко и затмевал все остальные...

А под утро приснился государь император. «Товарищ Голицын, – сказал государь, не отрываясь от работы над акварелью, – поезжайте в Наркомпрос, привезите новые учебники истории и раздайте по эскадронам». «Слушаюсь, Ваше величество!» – машинально отчеканил поручик, скорбя об утрате жеребца. Государь благосклонно кивнул: «С пролетарским приветом, князь», – и растаял в серой мгле.

…В ночь на Великую Октябрьскую социалистическую революцию корнет Оболенский мёрз в карауле. Скука была отчаянная: ни озверелых большевиков, ни пьяных матросов, ни германских шпионов. Подвернулись двое мирных прохожих, да и те сами подошли с вежливым вопросом, не проплывала ли «Аврора».

– Нам это архиважно знать, батенька, – доверительно, с приятной картавинкой сказал один из них и лукаво сощурил глаз. – Мы с товарищем поспорили, пройдёт ли крейсер в Неву или нет?

Оболенский выразил уверенность, что пройдёт. Прохожие заметно повеселели и тут же откланялись, пожелав корнету успехов в службе, счастья в личной жизни, сибирского здоровья и кавказского долголетия.

«А то задержать?» – подумалось Оболенскому. Он даже передёрнул затвор, но вспомнил о племенном жеребце Б., удачно выигранном в карты у поручика Г., и решил не омрачать насилием эту прекрасную ночь...

Ветер стих, Питер спал, по реке ненавязчиво плыл крейсер «Аврора»...

...Проверяющий застал корнета за тупым разглядыванием облаков.

– Что с вами, Оболенский?

Оболенский глубоко вздохнул.

– Извините, господин штабс-капитан, но с вами не случалось такого, что вдруг слышался голос с небес и он бы вам говорил: «Ну и козёл же ты, братец!»

ПОЛЁТЫ СЕМЁНА ОЛЕГОВИЧА

Квартира как квартира, между прочим, не самая плохая и даже с кладовкой. Ну, не то чтобы с кладовкой – скорее, со встроенным шкафом, но очень достойных размеров. Не Бог весть каких, однако же вполне можно запихать много чего, и ещё место останется. В общем, вполне вместительный шкаф на несколько полок.

Там стояли пыльные стеклянные банки, множество пустых бутылок, ящик с инструментами, лежали старые тряпки, а внизу размещался обычно узел с грязным бельём. На полке между банками и ящиком хранился Семён Олегович.

Дверь кладовки категорически отказывалась закрываться («откуда у тебя только руки растут!»), и внутри всегда имел место унылый полумрак с запахом пыли и мышей, в который гармонично вплеталась прелая нота – нота грязного белья. Сквозь неплотно закрытую дверь до Семёна Олеговича доносился стук каблучков, а то и смех, и шёпот, а то и звон бокалов и прекрасные напевы. Семён Олегович лежал на своей полке, слушал звуки и сочинял в уме пронзительные монологи о достоинстве и жестокости.

Время от времени приходила рыжеволосая женщина с серо-зелёными глазами и брала Семёна Олеговича для разных своих надобностей, как-то: забить им гвоздь, наклеить им обои, запустить Семёном Олеговичем в магазин за продуктами питания, а то и просто использовать по его природному мужскому предназначению. Попользовавшись, клала его обратно до следующей надобности или просто до утра.

По утрам она выхватывала Семёна Олеговича из его шкафа, наскоро стирала с него пыль и, широко размахнувшись (рыжие волосы разлетаются в стороны, серо-зелёные – о Боже! – глаза прищурены, ярко-красные губы раздвинуты в хищном оскале, обнажив убийственно белые естественные зубы), швыряла Семёна Олеговича на работу. Семён Олегович летел со свистом, стукался, рикошетил, сшибал препоны, а к вечеру, как бумеранг, возвращался обратно – в шкаф.

Так прошли какие-то годы – небольшие, но тоже нелишние. И вот однажды Семён Олегович, запущенный, как обычно, с утра во внешкафное пространство, после обеда столкнулся в своем полёте с непреодолимым препятствием. У препятствия были весьма симпатичные веснушки, натуральные белокурые волосы и широко распахнутые восторженные глаза. А поскольку на Семёна Олеговича до сих пор так никто ещё не смотрел, то всё решилось само собой. Обнаружилось, что Семён Олегович ещё мужчина ого-го! Что Семён Олегович ещё мужчина хоть куда: умён, обаятелен, да чего там – практически красив! Что его могут любить натуральные блондинки, а это, согласитесь, ведь не каждому дано.

В этот день Семён Олегович не вернулся из полёта. Не вернулся ни через неделю, ни через десять лет. Не вернулся в не самую плохую квартиру со встроенным шкафом, где пыль и полумрак, банки и бутылки, узел с грязным бельём и ящик с инструментами. Где между ящиком и банками давно уже хранилась та жестокая женщина – слушала звуки, кусала белы локти и извлекалась кем-то по мере его мужских надобностей.

Семён Олегович больше не летал (если тот кошмар можно назвать прекрасным словом «полёт»), но спокойно и с достоинством шёл по жизни, отряхиваясь от встречных особ женского пола. В нагрудном кармане сидела счастливая натуральная блондинка, сидела и смотрела на своего хранителя с неувядаемым восторгом.

Они жили так долго и дружно, что Семён Олегович однажды умер. Такое, увы, рано или поздно случается со всеми, впрочем, только один раз. Семён же Олегович умер в весьма преклонных летах, в солидных жизненных обстоятельствах, окружённый женой, детьми и внуками. Причем, благодаря жене – прекрасной женщине! – умер легко и даже с нетерпением.

Он умер, и душа его, естественно, отлетела, как совершенно справедливо утверждает современная наука. Но если бы можно было наблюдать сам процесс отлёта души из её земного футляра, то тогда бы перед врачами предстало зрелище весьма поучительное. Они бы увидели, как из груди Семёна Олеговича вышло светло-розовое облачко, вышло и сгустилось до чёткого образа, и образ этот – рыжеволосой женщины с серо-зелёными глазами – кружился над Семёном Олеговичем все дни, отпущенные душе до её окончательного отлета.

В дождливый день...

Ангелы зовут это небесной отрадой, черти – адской мукой, а люди – любовью.

Генрих Гейне

Светлана Василенко
АНГЕЛ

* * *

Ангелу Ангелову

В дождливый день,
когда теряешь любовь,
не находишь зонта
и
под недоумённым взглядом
верного пса,
промокшего насквозь,
шагаешь по лужам,
ослепнув от слёз, –
тебе вдруг на мобилку
звонит незнакомый мужчина и говорит:
Привет! Это Ангел.
Приглашаю тебя в гости.
И куда же? – не веришь. – Не в рай ли?
Ну да, – отвечает, –
В Болгарию!
Прилетай скорее!
Я переложил твою прозу,
переписал её всю
с кириллицы на кириллицу…

И возносясь
Над землею и морем, как
Бас Игнатова
Над Аладжанским монастырём
(ты услышишь его завтра,
когда пойдёшь по горной тропинке,
рискуя встретить призрак чёрного монаха,
предвещающего смерть, – но не встретив),

Высеченным высоко в горах
в скалах –
так ближе к Богу –
В небеса, –
Летишь, потягивая пепси-колу…
и
Падаешь птицей с разбегу
на берег
славянского рая,
где тебя встречает Ангел
с бородой и в очках, –
На белый песок Албены.

Хвораешь в раю,
Ничто не помогает,
болит душа, она ранена,
и умирает,
как птица,
она, оказывается, не бессмертна.
Ангел сбился с ног,
Возит тебя по раю,
Показывая чудеса:
Аладж-монастырь,
Золотые пески,
Вбитые посреди степи,
как древнегреческие колонны,
камни…
Наконец, он приводит к тебе
тихого мальчика,
массажиста
с прохладными,
как у вербы кора,
когда к ней в жару
прижмешься щекой, –
руками –

По имени Пламен –
На твоём языке его имя звучит как –
Пламя…

Как серафим он явился
тебе
Шестикрылый
Когда умираешь от жажды
В пустыни в жару
И в беспутье...
Когда никого,
и никто,
и ничто не спасёт,
Никому ты не нужен.
Когда вырывают язык твой,
и сердце –
Тебе и не больно,
Глаза вынимают –
Ты под наркозом.
Слух отымают –
Ты словно труп,
Безглазый
Безгласный
Под взглядом внимательных глаз
Голубых
знакомых тебе
До рожденья, –
Лежишь
бездыханный…

Пока, закатав рукава
Своих белых одежд
Он не замесит тебя,
Словно тесто,
Иль глину дитя

Будет мять и кромсать,
разрывая
На части тебя и куски
Превращая в молекулы,
в прах,
Откуда пришёл
и ушёл,
Из земли
Вылепляя
Тебя,
Как Адама
Творец
Обжигая
Гортань
Он душу свою
В твою полость вдохнул,
Как дар,
Как дыханье,
Как пламя.

Ты встаёшь,
как ни в чем не бывало,
смущённо отведя взгляд,
платишь 40 левов.
И тихо идёшь так,
как ходят по тонкому льду,
(не подскользнуться, не провалиться,
не утонуть бы!)
но так, будто бы
с тобой ничего не случилось,
будто всё хорошо,
всё по-прежнему,
будто просто почему-то
не умеешь ходить
и вот словно бы

учишься.
Впереди дверь,
Ты забываешь, как её открывают,
Рвёшь её на себя, потом толкаешь,
вылетаешь с разбегу,
из темноты на свет,
как кони из стойла,
отара из хлева,
из тёмного чрева
из отчего крова,
на волю,
на воздух,
на свет!..

и
Замираешь…

…….
…….
…….

С утра,
закутавшись в плед,
долго бродишь
По пустому пляжу:
Ищешь, где Пламен.
Хочешь спросить его,
нельзя ли избавиться от…
От чего, ты не знаешь,
у тебя интоксикация,
тебя выворачивает
От дара, вложенного,
Словно меч,
в твои слишком слабые руки…
От знания, разлитого в тебе, как отрава…

От пожара, который тебя сжигает…
Что ты не хочешь, тебе не надо!..
Ты хочешь жить!

Массажиста никто не видел.
Наконец, кто-то говорит,
Что, кажется, он уехал,
вчера его видели в Варне,
в
аэропорту.
Торопился на посадку,
улетал,
наверное, домой,
он же не местный,
а с клиентами стало туго:
курортный сезон закончился.
Ты присаживаешься на краешек
Одинокого шезлонга,
Опустошенно смотришь
на белые барашки морских волн –
следы пустой страсти –
и
неподвижно
сидишь скрюченной чайкой,
больной птичьим гриппом,
или другим смертельным недугом,
глядя в себя и понимая,
что через несколько минут
тебе надо встать и идти,
Чтобы жечь,
Да,
Глаголом,
Да,
Сердца.
Что, увы, ты пророк,
И тебе не отвертеться.

13 октября 2006 г.

Ангелу

Примечания

Все стерпит бумага, но не читатель.

Жозеф Жубер

Георгий Петрович
ИБО СКАЗАНО

[1] (с. 130) – Сабра – родившийся в Израиле (иврит).

Павел Маркин (Ёж)
ДОМОВОЙ-МАЛОЙ

[1] (с. 188) – *Павел Маркин* – Родился в 1968 году в Красноярском крае. Студент Литературного института им. *А.М. Горького* (семинар поэзии *И.И. Ростовцевой*).

Альберт Щербинин
ПОКИДАЯ ОСТЫВШЕЕ ТЕЛО...

[1] (с. 221) – *Альберт Щербинин* – переводчик, автор поэтического сборника «Альфа и Омега». После многолетнего пребывания в Калифорнии многие стихотворения, в том числе и представленные выше, готовит к публикации «в двуязычии», дублируя на английском.

* * *

You’re puffing haloes
From every inhalation,
The rings of smoke
Like divine service-caps;

You put a nimbus on your nape
To be like a holy virgin,
Two smaller rings would be
Like earrings.
Pity, they melt so little by little.

You stand under the ring of smoke
Hugging yourself
Under the canopy of a nimbus;
Smoke without fire
On the wall background of
The extrasensory session.

Like a moth to your carpet
I am flying,

Примечания

My pain with you
I am healing,

You stand under the ring of smoke
And your sight is streaming by
Like an in-off doublet shot
Getting lost somewhere
In smooth phrases
Of your stories.

* * *

Why this body is so erotic
And the dreams possess the brain:
The paradox of mental logic
Throws covers onto the shame.

The sky is filling the world in an agony,
But the Universe is as small as the dot,
When the body is burning languidly
And is flaring up to white-hot.

The ozone smells very heavily
Discharging with a wild shake
The monotonous air as heavenly
Electrical fire-filled snake.

Wrinkling all the clouds almost anon
Exploding the woman's lightning
Turning the man into a rock-n-roll
Fireball glowing brightly.

Stratosphere's cover is pulled off now
And open to the stellular gleams
Nudity is exhaling itself out
In a hot melodious scream.

In the roaring rhythm of a rhapsody
Cicadas' voice is fading away
Of the only underworld paroxysm
And the blessed somnambulistic bane.

Two bodies cold are resting later
Peacefully lying side by side,
Their souls are leaving the crater
Of infinitely raging night.

Никита Данилов
ИЗ СБОРНИКА «ИНОЙ ВЕК»

[1] (с. 230) – *Никита Данилов* (по происхождению русский – из поселившихся в Румынии 200-300 лет тому назад староверов-раскольников) – один из ведущих румынских поэтов наших дней, чьи произведения переведены на множество иностранных языков. Вместе с тем он известен своей короткой прозой и - в последнее время - издательской деятельностью на посту главного редактора двуязычного культурно-общественного журнала «Китеж-град».

Стихи *Данилова* – выдающееся явление даже на фоне богатой румынской поэзии последних десятилетий – отличаются исключительным разнообразием как тематических, так и стилистических регистров, ведя от философской углубленности к непосредственности подлинного лиризма, от глубоких раздумий к беглым зарисовкам или ярким картинам – моментам подлинной, «живой жизни».

При этом автор неизменно выступает новатором – как в сфере содержания, так и формы: белый стих *Данилова* – образец той высокой художественности, которой может достичь эта поэтическая формула в руках настоящего мастера.

Елена Логиновская

Никита Данилов
МАША И ИНОПЛАНЕТЯНИН
(из нового романа)

[1] (с. 239) – Роман «Маша и Инопланетянин» – это, конечно, не образчик научно-фантастического жанра, как может показаться читателю (и критику) по его названию. Но это и не бесформенное, хаотичное сочинение, каким представляется некоторым критикам (и авторам) роман эпохи постмодернизма. Роман очень своеобразен, ярко современен и в то же время глубоко содержателен, причем одним их источников этой глубины является, несомненно, богатая литературная традиция. Отсюда потребность обратиться для его прочтения к ключу интертекстуализма.

Канву романа составляет повествование о реальных событиях недавнего прошлого и сегодняшнего дня; помеченное яркими мазками экзотики и преобладанием вымысла, оно рисует действительность в резко заострённых, максимально обобщенных чертах. Отсюда указанные критикой параллели с фольклором и *Крянгэ*, но и несомненная близость к *Борхесу*.

Однако вымысел *Данилова*, свидетельствуя о сугубо современном видении мира, работает, прежде всего, на уровне реалистической фантастики *Гоголя* или *Достоевского*. К этим авторам отсылает и глубинный смысл романа. Подобно им, автор ставит на современном, хорошо знакомом ему материале «последние вопросы бытия». И решает их с помощью интертекста.

Отсюда неизбежность сопоставления нового романа *Никиты Данилова* с «Мастером и Маргаритой» *Булгакова*. И – с одним из «прообразов» этого романа, «Фаустом» *Гёте*, в свою очередь восходящим к многовековой литературной традиции, но и порождающим – благодаря любовной интриге первой части – жанр романтической поэмы («Небо и земля» *Байрона*, «Демон» *Лермонтова*, «Лучафэр» *Эминеску* и др.).

Философия романа, резко отличающаяся по форме своей подачи от манеры большинства названных выше авторов, сосредоточена вокруг вопроса: quo vadis? – обращённого к человеку и – человечеству. Однако герой *Данилова*, выдающий себя за представителя иного, виртуального мирового пространства, не способен к постановке философских вопросов: его дискурс нелеп, запутан, невнятен. Это скорее Антифауст – продукт современного механического, обескровленного, обесчеловеченного мира.

Таким образом стирается традиционная грань между мирами: не только рассуждения Инопланетянина подозрительно напоминают мысли современного человека-автомата, самое его поведение – это, в конечном счёте, поведение дюжинного современного мужчины вроде бывшего мужа Маши или некоторых односельчан, образы которых всплывают в её воспоминаниях.

И всё же Инопланетянин – существо явно «потустороннее». Об этом свидетельствует не только его имя и загадочное появление на селе, но и его собственные туманные признания, в которых он выступает не просто как продукт, но и как представитель иного мира, выразитель его основных тенденций. Этим он напоминает уже не только гетева *Мефистофеля* или мильтонова Сатану, но и самого ... Духа святого?

Обнажая приём интертекстуальных заимствований, *Н. Данилов* использует всю гамму мотивов и образов фантастической литературы,

вплоть до подписанного кровью договора и творимых героем «чудес», из которых главное – странная, «нездешняя» форма сексуального контакта с героиней, чреватого столь далеко идущими последствиями. Функции этих мотивов здесь решительно переосмыслены. Так, традиционный сатир является у *Данилова* в виде козы, дойка которой помогает описать причудливый, «механический» способ полового общения в «потустороннем» мире.

Странно-загадочный эпизод с козой, сам образ Маши и вся её судьба выводят на сцену другой ряд интертекстуальных связей, позволяющих более чётко поставить коренные вопросы романа. Это вопросы о любви, о семье и о будущем – человека и мира.

Если героини, послужившие прообразами Маши, – Маргарита, Тамара, Каталина – стремятся *понять* пришельца из иного мира, Маша даже не пытается этого сделать: Инопланетянин представляется ей существом явно абсурдным (как любой мужчина – напрашивается мысль, когда читаешь горькие страницы, описывающие судьбу Маши-жены). И всё же она проявляет к нему интерес, вскрывая тем самым своё родство прежде всего с обеими Маргаритами.

Правда, и Маша скорее Антимаргарита: это не столько женщина вообще, сколько современная женщина – обделённая любовью. Но в этом и заключается своеобразие созданного *Даниловым* образа. Проницательный читатель угадывает здесь другой источник, ещё более далёкий, изначальный – Библию. Откуда и имя героини и смысл заглавия: Маша, как хорошо известно (впрочем, наверное, только русским) – уменьшительное от Марии.

Роман восходит к Библии во всей своей проблематике. Но и в самом сюжете. В финале не познавшая любви Маша носит (как позволяет догадываться фантастическая ткань романа) ребёнка пришельца из иного мира. Мы стоим на пороге новой эпохи. Эпохи Духа святого? Или Бездуховности?

Этот вопрос, который пронизывает и всю поэзию *Никиты Данилова*, остаётся открытым, как это случается чаще всего в подлинно художественных произведениях. Но он поставлен, художественно и убедительно. Не только благодаря всем этим причудливо переплетающимся интертекстуальным вкраплениям, но и – прежде всего – благодаря тому, что изображённый в нём мир – сложный, противоречивый, прекрасный и ужасный, порою страшный – это мир подлинно земной, «живой жизни», противостоящей миру бездуховности, смерти.

Отталкивающееся от романтизма, видение автора осложнено печатью современной ступени познания мира и уровня развития человека.

Традиционному толкованию антиномии *земля – небо* как *мир плоти – мир духа* или *мир чувства – мир мысли*, решительно противопоставлена сложная, внутренне противоречивая антиномия *механический мир безжизненности-смерти – мир живой жизни*.

В соответствии с традицией, элементы «живой жизни» – красота, любовь и добро – воплощены в природе и в прошлом. Это староверческое русское прошлое – поруганное, умершее – убитое? Но прекрасное именно своей традиционностью, укорененностью в земной жизни. И (поэтому?) ещё способное породить вечно – затаённо – стремящуюся к любви Машу. Перед нами не только Мария, но и Маргарита – так мы возвращаемся к параллели с *Гете* и *Булгаковым*.

Художественная ткань романа сложна, запутанна, сугубо фантастична. И очень своеобразна. Если это постмодернизм, то глубоко осмысленный, работающий. Порождающий подлинное искусство.

Елена Логиновская

Аурел Ковач
ИЗ НАДПИСЕЙ НА САЛФЕТКАХ

[1] (с. 248) – *От составителей*. «Расшифровку» названия подборки стихов *Аурела Ковача* см. в материале *Елены Кузнецовой*, открывающем эту рубрику.

Никита Стэнеску
MEMENTO MORI

[1] (с. 252) – *От переводчика*. В этом номере публикуется подборка последних стихов *Никиты Стэнеску*, написанных незадолго до смерти. *Е.К.*

Мирча Динеску
БУДЬ НАЧЕКУ, ГОСПОДЬ, И ОЧИ НЕ СМЫКАЙ...

[1] (с. 293) – *Мирча Динеску* – автор поэтических сборников:

Воззвание к никому, 1970;
Элегии с тех пор, когда я был моложе, 1973;
Владелец мостов, 1976;

Примечания

К вашим услугам, 1979;
Тирания здравого смысла,1980;
Демократия природы, 1981;
Рембо-торговец, 1985;
Смерть читает газету, 1989;
Пьянка с Марксом, 1996

Проза Мирчи Динеску:

Памфлеты весёлые и грустные 1996;
Нелу-сантинелу, 2000;
Второгодник по религии, 2003.

[2] (с. 316) – *Логиновская Елена Васильевна* – филолог, эссеист, переводчик художественной литературы. Опубликовала монографии: *Поэма Лермонтова «Демон»* (Москва, 1977); *Пушкин и литература вечных вопросов бытия* (Кишинёв, 2000); ***De la Demon la Luceafar*** *(От Демона до Лучафэра*, Бухарест, 1979); ***Eminescu in limba lui Puskin*** (*Пушкин на языке Эминеску*, Яссы, 1979; изд. 2-е. – Бухарест, 2000); ***Dostoievski si romanul romanesc*** (*Достоевский и румынский роман*, Бухарест, 2003) и др. Переводила прозу *Марина Преды*, *Штефана Бэнулеску*, *Сорина Тителя*, *Андраша Шюто*, поэзию *Дж. Баковии*, *Бенджамэна Фундояну*, *Джеллу Наума*, *Никиты Стэнеску*, *Марина Сореску*, *Йожефа Мелиуса*, *Никиты Данилова*.

Анастасия Романова
МЕМУАРНАЯ ПРОЗА МИРЧИ ЭЛИАДЕ
Предварительные Заметки

Литература

1. Jurnal 1993 – *Eliade M.* Jurnal. Bucuresti, 1993. I-II.
2. Memorii 1991 – *Eliade M.* Memorii. Bucuresti, 1991. I-II.

Елена Дульгеру
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИРА КУСТУРИЦЫ

[1] (с. 352) – ***Dom za vesanje /*** международное название: ***Time of the Gypsies*** (1988).

[2] (с. 353) – ***Arizona Dream*** (1993).

Примечания

[3] (с. 354) – George Nitu, *Elemente mitologice in creatia populara romaneasca*, Ed. Albatros, Buc. 1988, p. 41.

[4] (с. 354) – ***Bila jednom jedna zemlja*** / международное название: ***Underground*** (1995).

[5] (с. 354) – Annick de Souzenelle, *Oedip interior. Prezenta Logosului in mitul grec*, Ed. Amarcord, 1999, p. 15.

[6] (с. 354) – Mircea Eliade, *Istoria credintelor si ideilor religioase*, vol. I, p. 366 si vol II, p. 259.

[7] (с. 355) – Смотри: George Nitu, *op. cit.*

[8] (с. 355) – Румынский философ мистического склада, культуролог и поэт первой половины XX-го века (1895-1961).

[9] (с. 355) – ***Crna macka, beli macor*** / международное название: ***Black Cat, White Cat*** (1998).

[10] (с. 356) – ***Otac na sluzbenom putu*** / международное название: ***When Father Was Away on Business*** (1985).

[11] (с. 356) – Момент прощения редко встречается в театральном и кинематографическом искусстве, так как оно драматически «не выгодно», поскольку аннулирует мотор поветствования – конфликт. Немногие сценаристы умеют искусно создавать «прощающих» героев, так как всегда есть риск, что они окажутся статичными.

[12] (с. 357) – Голая Красная гора посередине пустого пейзажа. В традиционных культурах гора – «корона земли», символ Божественности, привилегированное место иерофании. Горы Синай и Хорив (а также вершины Карпат, Кавказа и др.) лишены растительности; это места нисхождения Божества. Горы на иконах тоже всегда изображены в виде голых скал или земляных холмов – это «суть» горы, ее сакральное естество, как места встречи Бога с человеком. В древнем Иране умереть = «зацепить свою душу о гору». Итак, Свадьба Перхана должна предшествовать Встрече с Горой, то есть Обретению Добродетели и Мужества.

[13] (с. 357) – Медленный подъем, за которым следует еще более медленный спуск, на фоне обширного пейзажа, передает движения сердца, характерные эмоции ожидания свадебного события.

[14] (с. 357) – Относящейся к балладе ***Миорица*** – основополагающий миф румынского народа.

[15] (с. 359) – См.: Ivan Evseev, *Enciclopedia semnelor si simbolurilor culturale*, Ed. Amarcord, Timisoara 1999.

[16] (с. 360) – Красивый и храбрый юноша, главный герой румынских народных сказок.

[17] (с. 360) – *Mitul sfasiat*, Ed. Institutul European, Iasi, 1993, p. 32-33.

[18] (с. 360) – Формальное сходство с левитациями из фильмов *Тарковского* здесь очевидно, только у *Тарковского* они материализируют не *танатос*, а *эрос* – эротическую реализацию; тем не менее опыты перехода в иной мир у двух художников в какой-то мере сходны.

[19] (с. 361) – Дуальная натура символов явна в символе рыбы. Предмет гастрономии (в том числе ритуальный) и, в то же время, символ души, она напоминает дуальность Святых Таинств, Тела и Крови *Христа*. Христианское вероисповедание утверждает, что тело Христа *есть* Церковь и одновременно – верующие вкушают его при святом причащении; Кровь Господня *есть* Новый Завет любви, принесенный Христом, но, тем самым, и **евхаристическое вещество**, потребляемое из святой чаши.

Леонид Лопатин
ЖИТЬ ВО ЛЖИ
Советское образование и воспитание в пятидесятилетних наблюдениях школьника, студента, учителя, профессора

Леонид Николаевич Лопатин (р. 1946г.) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и психологии кемеровской государственной медицинской академии, председатель кемеровского регионального общественного фонда «Исторические исследования». Автор девяти книг и полутора сотен научных и публицистических статей, известных в стране и за рубежом.

[1] (с. 371) – *Юрий Нагибин*. Любовь вождей. М. 2004. С. 185.

[2] (с. 371) – *Александр Николаевич Яковлев* (член Политбюро ЦК КПСС, посол СССР в Канаде, академик РАН, один из инициаторов перестройки 80-х годов) считает тот переворот фашистским.

[3] (с. 372) – *А.Б. Зубов*. Циклы русской истории. //Вопросы философии. 2005. № 3. С. 161-166; *Н.И. Лапин*. Антропосоциентальный подход: методологические основания, социологические измерения. // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 17-30.

[4] (с. 374) – Почему-то особенно вспоминается умница и красавица *Валя Быкадорова*, ставшая преподавателем английского языка. Через 10 лет я встречался с учениками того класса по их приглашению. Обнаружил, что наша *Валя* смотрела на мир уже не такими распахнуто-восторженными глазами. Было видно, что и её потрясла ложь советской школы.

[5] (с. 375) – К сожалению, никто из моих одноклассников не сумел вспомнить её фамилию, хотя все отозвались о ней замечательно.

[6] (с. 376) – *А.Приставкин*. Ночевала тучка золотая. М., 1989. См. Разговор с корреспондентом ж. «Смена» – «Прошлое требует слова молодежи».

[7] (с. 380) – Ректор сказал, что если я буду настаивать на аннулировании оценки, то надо увольнять доцента.

[8] (с. 380) – Возможно, потому та студентка взяла академический отпуск и институт закончила позже.

[9] (с. 386) – Родная сестра *Маргариты Борисовны Тереховой* – моя давнишняя-предавнишняя коллега *Светлана Борисовна Максюкова* (доцент КузГТУ). Она и познакомила меня с актрисой, её мамой, братом. Довелось бывать в их доме.

[10] (с. 386) – Однажды на политическом мероприятии в 1996г. в своей родной академии мне довелось основательно выручить *Наталью Николаевну Фатееву*, усилиями невоспитанного профессора поставленную в неловкое положение. За что и был удостоен её публичного поцелуя (под завистливые аплодисменты присутствующих коллег и студентов).

[11] (с. 387) – Хотя на улице у меня была другая кличка. Наличие клички тогда было почти правилом. Моих уличных сверстников звали *Кочан*, *Чекист*, *Тарапунька*, *Пуп*, *Мухомор* и пр.

[12] (с. 389) – У *Ильфа* и *Петрова* есть выражение «Остап, бледный от гордости…».

[13] (с. 389) – По существовавшим у чекистов правилам (кажется, оформленным в соответствующий закон), присутствовавший при антисоветском высказывании, но не донесший о нем, мог квалифицироваться как соучастник преступления в контрреволюционной пропаганде.

[14] (с. 389) – Вывод о слабой теоретической подготовке профессиональных партийных работников (обкома, горкомов, райкомов, парткомов) я сделал в основном на основе широкого с ними общения в ходе моей активной лекторской работы. В начале 80-х я стал внештатным лектором обкома КПСС. И по статусу лектора обкома, мои поездки происходили в сопровождении кого-то из ответственных работников. Времени для общения с ними было предостаточно. Кроме того, во второй половине 80-х я преподавал в Университете марксизма-ленинизма при Кемеровском обкоме КПСС, в котором были специальные группы партответработников. Есть и в близкой моей родне такие работники. Для них характерна безаппеляционность суждений при исключительно скудных знаниях теории. Часто по глазам видел, что они не очень-то понимали

даже легкие теоретические размышления собеседника. Но всегда оставляли за собой «последнее слово» в беседе.

[15] (с. 391) – Проучившись восемь лет, он закончил только четыре класса. Безграничным тупицей, как можно подумать, он не был. В мальчишеских забавах соображал лучше других. Он, несомненно, переходил бы из класса в класс, будь это в 60-е и более поздние годы. Но в 50-е годы халтура ещё не пришла в учительскую среду. Порог школьных требований оставался высоким.

[16] (с. 391) – Школьным правилом было стелить чистую газету на крышку черной парты.

[17] (с. 391) – На местах шахтовой выработки случались провалы, полуотвесные стены которых становились отличной горкой для катания. Летом некоторые обвалы заполнялись водой и становились бассейнами для купания не только детей, но и взрослых.

[18] (с. 392) – Тот *Минька* (*Михаил Ф.*) вырос, закончил шахтовые курсы подземных машинистов, работал в шахте, умер, выпив что-то суррогатное. В двадцатилетнем возрасте жил в семье старшего брата, тайно сожительствовал с его женой. Потом женился на старой очень странной женщине. Детей не оставил. Не тот ли случай детского предательства заложил фундамент его перманентной непорядочности? Кто знает! Его судьба могла бы складываться по-другому, получи он тогда от учительницы достойный урок за предательство.

[19] (с. 392) – Фамилии недостойных людей, которых сейчас нет в живых, не называю.

[20] (с. 392) – Мужчинами-учителями в школе были: *Юрий Алексеевич Орлов* (завуч по трудовому обучению), *Эдуард Александрович Эрлих* (биология), *Александр Васильевич Иванов* (черчение), *Павел… Мусаревский* (труд), … (физкультура), *Геннадий Григорьевич Маркелов* (физика), … (лаборант физического кабинета) и я.

[21] (с. 392) – Надеюсь, *В.П. Тощенко* жива. Потому и фамилию её называю. На второй год моего учительства я стал одним из основных организаторов по снятию её с должности директора. Со стыдом вспоминаю школьные линейки, на которых она выставляла моих десятиклассниц дурочками и почти потаскушками, применяла выражения, близкие к мату. Однажды в учительской она устроила бабью разборку (речь шла о деталях интимной жизни) и ударила по лицу учительницу. Будучи кандидатом в члены КПСС, я настоял на созыве специального партийного собрания и сумел добиться на нем решения о снятии директора с должности. Горком КПСС и гороно были категорически против. Всех нас «таскали». Но вынуждены были

согласиться с единодушным мнением учительского коллектива. Проработав года два рядовым учителем, *В.П. Тощенко* уехала из Прокопьевска.

[22] (с. 394) – См. об этом мою статью «Очевидное, невероятное. Областная прокуратура проверяет каждый шаг КГБ» (Наша газета. – 1990. 22 мая). // *Л.Н.Лопатин*. Путь от коммунизма… Как это было? Кемерово, 1996. С. 75-82.

Иван Кузнецов
«БУНТ» В АКАДЕМГОРОДКЕ: ПИСЬМО СОРОКА ШЕСТИ

[1] (с. 397) – *Водичев Е.Г., Куперштох Н.А*. Социальные настроения ученых новосибирского Академгородка в 1960-е годы (История «письма 46-ти») // Вестник НГУ. Серия истории и филологии. Вып. 1. История. Новосибирск, 2003.

[2] (с. 400) – Логика падения // Советская Россия. 1968. 28 мая. Под публикацией стояла подпись: «*Ю. Шпаков* (наш. корр.)». На следующий день (29 мая) данный текст перепечатала газета «Советская Сибирь».

[3] (с. 401) – На заседании партийного бюро пытались выяснить, кто организовал сбор подписей.

[4] (с. 405) – *Слинько М.Г* – Член-корр. АН СССР.

[5] (с. 408) – *Ермаков Ю.И* – канд., позднее докт. хим. наук, зам. директора института. Постановлением Президиума СО АН СССР от 10.11.1975 г. утверждено его назначение на эту должность на новый срок (НАСО. Ф. 10. Оп. 11. Д. 10. Л. 125).

Алексей Тепляков
БОРОДА МНОГОГРЕШНАЯ
Дмитрий Киселёв – подпольщик, резидент, «большой учёный»

[1] (с. 415) – *Тепляков А.Г.* Резидент, который жил в холоде // Новосибирские новости. 1999, №35, 2 сент., с. 8; *Кочик В.Я.* Разведчики и резиденты ГРУ за пределами Отчизны. М., 2004, с. 454-459; *Георгиев Ю., Гузанов В*. Одиссея русского японца // Япония сегодня. 2002, №1; *Георгиев Ю., Гузанов В*. Из колчаковской Сибири с докладом к *Ленину* // Япония сегодня. 2005, №3; *Георгиев Ю., Гузанов В*. Консул // Япония сегодня. 2005, №4.

Следует учесть, что в новейших статьях *Ю. Георгиева* и *В. Гузанова*, без опоры на архивные документы описывающих деятельность *Киселёва* в 1918-1930гг., много неточностей и грубых ошибок – как при описании служебной деятельности, так и относительно сведений о личной жизни разведчика.

[2] (с. 418) – *Георгиев Ю.* Кто вы, коллежский регистратор *Киселев*? // Япония сегодня…; *Тепляков А.Г.* Резидент, который жил в холоде… с. 8; ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 1, л. 1-8, д. 11, л. 53 об., д. 4, л. 1.

[3] (с. 423) – РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 403, л. 19-20; ГАНО, ф. п-36, оп. 1, д. 62, л. 131-132 об.; ф. 1350, оп. 1, д. 1, л. 9, д. 3, л. 5-5 об., 9, д. 4, л. 1, д. 8, л. 30-39.

[4] (с. 424) – ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 1, л. 9-10, д. 18, л. 41-48; Архив УФСБ по НСО, д. п-7474, л. 47; Сибирское бюро ЦК РКП(б) 1918-1920 гг. Сб. документов. Ч. 1. Новосибирск, 1978, с. 192-200, 296-301.

[5] (с. 427) – ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 3, л. 18, д. 8, л. 26, 39-44, д. 17, л. 51-52; ф. п-5, оп. 6, д. 210.

[6] (с. 428) – Сибирский коммунист. 1920, 21 янв., с. 3; Женщины в революции. Новосибирск, 1968, с. 163; *Левинсон А*. Поездка из Петербурга в Сибирь в 1920 году // Архив русской революции. Т. 3-4. М., 1991, с. 190-209; ГАНО, ф. 1349, оп. 1, д. 77, л. 191, 192.

[7] (с. 429) – ГАНО, ф. 1349, оп. 1, д. 300, л. 1, 16 об., 33-33 об., 35, 65, 76 об.; Сибирская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 1. 1918-1922. Документы и материалы. М., 1998, с. 257.

[8] (с. 431) – Бюллетень. Издание оргбюро комитета РКП(б) в Новониколаевске. 1919, 19 дек., 21 дек.; ГАНО, ф. 1349, оп. 1, д. 19, л. 1, 3, 14, 63 об., 90, д. 300, л. 41 об., 55 об., 74.

[9] (с. 432) – Из истории Западной Сибири. Вып. 1 (советский период). Новосибирск, 1961, с. 75; ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 3, л. 22, 25, д. 4, л. 17.

[10] (с. 433) – *Кочик В.Я.* Разведчики и резиденты ГРУ… с. 456; ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 1, л. 11, д. 3, л. 28-37, 43-45.

[11] (с. 434) – ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 3, л. 40, д. 4, л. 14, 16, д. 17, л. 47.

[12] (с. 435) – Там же, д. 3, л. 42, 47, 51, 53, д. 23а, л. 20, 21; *Владимир Ильич Ленин*. Биографическая хроника. Том 11. Июль-ноябрь 1921г. М., 1980. С. 294.

[13] (с. 438) – ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 3, л. 64, 74, 76-78.

[14] (с. 439) – *Тепляков А.Г.* Резидент, который жил в холоде… с. 8.

[15] (с. 440) – Архив УФСБ по НСО, д. п-2853, т. 2, л. 8; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические

аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005, с. 166; ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 3, л. 57-60, 80, 82-85, 103.

[16] (с. 441) – ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 15, л. 1-2, 3.

[17] (с. 449) – Там же, д. 23, л. 1, д. 6, л. 1, 87-87 об., 89-90, д. 24, л. 1, д. 14, л. 97, 98, 99; *Георгиев Ю., Гузанов В.* Одиссея русского японца // Япония сегодня. 2002, №1; *Георгиев Ю., Гузанов В.* Загадки *Дмитрия и Петра Киселёвых* // Япония сегодня. 2005, №1; *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб., 2002, с. 46, 339, 425-426.

[18] (с. 449) – ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 8, л. 11 об., 16 об.

[19] (с. 450) – Там же, д. 15, л. 5-7.

[20] (с. 451) – *Кочик В.Я.* Разведчики и резиденты ГРУ… с. 458-459; ГАНО, д. 1350, оп. 1, д. 8, л. 12-15.

[21] (с. 455) – *Тепляков А.Г.* Резидент, который жил в холоде… с. 8; ГАНО, ф. п-4, оп. 34, д. 437, л. 6; ф. п-22, оп. 1, д. 326, л. 195; ф. 1350, оп. 1, д. 15, л. 8-10, д. 17, л. 1-60, д. 9, л. 19, д. 10, л. 3, 5 об., 7, д. 19, л. 3, д. 12, л. 67-68, 82-86.

[22] (с. 455) – ГАНО, ф. 1350, оп. 1, д. 11, л. 1.

[23] (с. 456) – Сведения д. и. н. *С.А. Папкова*.

[24] (с. 456) – *Кипнис С.Е.* Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища. М., 1998, с. 512.

Сергей Папков
МЕЖДУ ОКОЛОТОЧНЫМ ПРИСТАВОМ И ПАРТЯЧЕЙКОЙ:
положение «чуждого человека» в досоветской и советской России

[1] (с. 466) – ГАНО, ф. Р.- 1027, оп.1, д. 2456, л. 5.

[2] (с. 467) – Там же, л. 57.

[3] (с. 469) – Там же, л. 147 об.

[4] (с. 475) – Имеется в виду известное «дело *Бейлиса*», по которому в сентябре-октябре 1913г. в Киеве проходил судебный процесс, организованный царским правительством над евреем *М. Бейлисом*, приказчиком кирпичного завода, клеветнически обвиненным в убийстве русского мальчика *А. Юшинского* якобы в ритуальных целях (автор здесь неточно приводит его фамилию). С разоблачением лживости обвинений против *Бейлиса* выступали видные представители российской интеллигенции – *А.М. Горький, А.А. Блок, В.Г. Короленко, В.И. Вернадский* и др. Дело имело широкий международный резонанс. На суде с участием присяжных заседателей *Бейлис* был оправдан.

Примечания

[5] (с. 484) – Так в тексте: слова «советской» и «социалистической» переставлены местами.

[6] (с. 486) – Так в тексте.

Ксения Тилло
ПРЕДИСЛОВИЕ К «ОМСКОЙ ГОЛГОФЕ»
Размышления в преддверии очередного юбилея

[1] (с. 491) – *М. Кушникова, В. Тогулев*. «Кузнецкая орбита» *Фёдора Достоевского* в документах сибирских архивов. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996.

[2] (с. 491) – Кузнецк в жизни и творчестве *Ф.М. Достоевского*: аннотированный указатель литературы / Аннот. и системат. *Протопопова Е.Э.*; Послесл. *Кушникова М.М.*; Ред. *Коган Г.Ф., Кушникова М.М.* – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996.

[3] (с. 491) – Подробнее: *М. Кушникова, В. Тогулев*. «Кузнецкий венец» *Фёдора Достоевского* в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. – Книга первая. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 573; *Тогулев В.* Был бы гений наш «попроще» // Наша газета. – Кемерово, 1995. – 28 янв.; *Тогулев В.* Охрана памятников и странности культурного климата провинции // Наша газета. – Кемерово, 1995. – 4 июля.

[4] (с. 492) – В связи со сказанным, наверное, нужно внести уточнения в название прекрасного, весьма содержательного очерка *Ю.П. Зародовой* «Первый в Сибири, единственный в мире», посвящённый истории Омского музея *Достоевского* («ГС» №1, с. 444-479), поскольку в Новокузнецке создание и реорганизация музея *Достоевского* проходили подчас куда более динамично (музей как филиал городского краеведческого, а потом и как самостоятельная хозяйственная единица появился там едва ли не раньше, чем в Омске). Обращает на себя внимание и утверждение, что Омский музей *Достоевского* «на сегодняшний день единственный в Западной Сибири музей истории литературы» («Омская Голгофа», наст. изд., с. 496-516). Конечно, нельзя не признать очевидные заслуги омских музейных работников. Но как быть тогда с Новокузнецким музеем *Достоевского*, да и другими западно-сибирскими литературными музеями – в одном только Кузбассе их три! Неужели они так-таки совсем не имеют отношения к истории литературы? Напомним, что в 1990-е годы новокузнецкий музей *Достоевского* издал и переиздал несколько специальных исследований и литературных памятников:

Примечания

книгу *Л.П. Блюммера* «На Алтае» (1885), «Кузнецкую Летопись» *И.С. Конюхова* (первый крупный литературный памятник Кузбасса, «учинённый» в 1867-1881гг.), две книги о кузнецком периоде *Достоевского* и специальный библиографический указатель, книгу очерков «Место в памяти», в которой затронуты имена известнейших литераторов *Наумова*, *Гарина-Михайловского*, *Валентина* и *Вениамина Булгаковых*, а также *Андрея Деренкова* (друга *Горького*) и многих других, музей стал одним из признанных центров литературной жизни Сибири, здесь регулярно проводились презентации книжных новинок.

[5] (с. 492) – См., например, *М. Кушникова*, *В. Тогулев*. «Кузнецкий венец» *Фёдора Достоевского* в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. – Книга первая. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 34-35.

[6] (с. 493) – Одно из толкований встречаем в статье сотрудницы музея *Екатерины Алёшиной* «Там, где рождаются образы» («ГС», №1, с. 479-487).

[7] (с. 493) – см. наст. изд., с. 496-516.

[8] (с. 493) – см. наст. изд., с. 496-516.

Светлана Ананьева
ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО – АВТОР
(Продолжение. Начало см. «ГС» №4)

Литература

1. *Barthers R.* Texte//Encyclopedia universalis. Vol.15.P,1973.

2. *Степанов Ю.С.* «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. Том 60. №1. с.3-11.

3. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. - М,. 1971.

4. *Пресняков О.П.* Поэтика познания и творчества. - М., 1980; Его же: *А.А. Потебня* и русское литературоведение конца XIX - начала XX веков. – Саратов, 1978.

5. *Пресняков О.П. А.А. Потебня* и русское литературоведение конца XIX - начала XX веков. – Саратов, 1978.

6. *Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интернет в мире текстов. - М.: Агар. 2000. - 280 с.

7. *Кривощапова Т.В.* Русская литературная сказка конца XIX - начала XX веков (Эволюция жанра). - Дисс. на соискание научной степени доктора филол. наук. - Астана. 2003.

Примечания

8. *Ухтомский А.А.* Письма // Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. Сборник под редакцией *Агапова Б.* – М.: Наука, 1973. – 480 с.

9. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики *Достоевского*. – М.: Советский писатель, 1963; его же: Эстетика словесного творчества – М., 1979; его же: Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.

10. *Есин А.Б.* Время и пространство // Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа. - 1999. С.47-62.

11. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1997; *Лотман Ю.М.* Роман *А.С. Пушкина* «Евгений Онегин»: Комментарий. – М., 1980; его же: Художественное пространство в прозе *Гоголя* // *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова. *Пушкин. Лермонтов, Гоголь* – М., 1988; его же: Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-XIX века). – СПб, 1994; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры – М., 1984; Пространство и время в литературе и искусстве. Теоретические проблемы. Классическая литература (Под ред. *Ф.П. Федорова*) – Даугавпилс, 1987; Ритм, пространство и время в литературе и искусстве (Отв. ред. *Б.Ф. Егоров*) – Л., 1974; *Успенский Б.А.* Семиотика искусства – М., 1995; *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М., 1995 и др.

12. *Чернец Л.В.* Мир произведения // Введение в литературоведение. - М.: Высшая школа. 1999. С.191 -202.

13. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.

14. *Хализев В.Е.* Теория литературы. - М.: Высшая школа, 2002. - 437 с.

15. *Володин Э.Ф.* Специфика художественного времени // Вопросы философии. – 1978 - №8 – С.132-142.

16. *Лихачев Д.С.* Летописное время у *Достоевского* // *Лихачев Д.С.* Литература - Реальность - Литература. - Л., 1981.

17. *Карякин Ю.Ф. Достоевский* и канун XXI века. – М.: Советский писатель, 1989.

18. *Чичерин А.В.* Идеи и стиль. - М., 1968.

19. *Живов В.* Двуглавый орел в диалоге с литературой // Новый мир. - 2002. - №2 .– С.174-176.

20. *Лисевич И.С.* Пространственно-временная организация древнекитайских мифов о культурных героях // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. - М.: Наследие, 1999. С.123-140.

Примечания

21. *Каскабасов С.А*. О типах и формах взаимодействия казахской литературы и фольклора // Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1984. №3. С.19-24.

22. *Ибраев Ш*. Мир эпоса. Поэтика казахского героического эпоса. - Алматы: Гылым, 1993.

23. Круглый стол: современный казахстанский роман // Литературная Азия - 2002 – С.30-32.

24. *Ауэзов М*. Роман в состоянии помочь обществу // Литературная Азия - 2002 – С.13-14.

25. *Елеукенов Ш.Р*. От фольклора до романа-эпопеи. – Алма-Ата: Жазушы, 1987.

26. *Джуанышбеков Н.О*. Проблемы современного сравнительного литературоведения. Дисс. на соискание степени доктора филол наук. – Алматы: КазГУ, 1996.

27. *Савельева В.В*. Художественный текст и художественный мир. – Алматы: ТОО Дайк Пресс, 1996.

28. *Каскабасов С.А*. Золотая жила - Астана, 2000; *Исмакова А.С*. Казахская художественная проза. Поэтика. Стиль. - Алматы: Гылым. 1999.

29. Автоинтерпретация. Сб. статей под ред. *А.Б. Муратова* и *Л.А. Иезуитовой* - С.- П., 1998.

30. *Белинский В.Г*. Собр. соч. в 9-ти т. Т. 7. - М., 1981.

31. *Фарыно Е*. Введение в литературоведение. - Warszawa, 1991.

32. *Бахтин М.М*. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М. М*. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975. С. 234-407.

33. *Днепров В*. Идеи, страсти, поступки. - Ленинград, 1978.

34. *Бахтин М*. Проблемы поэтики *Достоевского*. - М.: Советский писатель, 1963.

35. *Фридлендер Г.М*. О некоторых проблемах поэтики сегодня - В кн.: Исследования по поэтике и стилистике. - Ленинград: Наука, 1972.

36. *Хомич Э.П*., *Шпагина С.А*. Типология снов в петербургских повестях *Достоевского* 40-х годов // Филологический анализ текста. Вып. II. - Барнаул, 1998. - С.23-32.

37. *Чирков Н.М*. О стиле *Достоевского*. - М., 1967.

38. *Чичерин А.В*. Поэтический строй языка в романах *Достоевского* // Творчество *Достоевского*. - М.: Издательство АН СССР, 1959.

39. *Маркин П.Ф*. Символика слов-образов в ранних произведениях *Ф.М. Достоевского* // Филологический анализ текста. Вып.II. - Барнаул, 1998.- С. 3-24.

Примечания

40. *Раков Ю*. По следам литературных героев. - М., 1974. - С.107-116.

41. *Кожинов В*. «Преступление и наказание» *Достоевского* // *Кожинов В*. Три шедевра русской классики. - М., 1971.

42. *Туниманов В.А*. Рассказчик в «Бесах» *Достоевского* - В кн.: Исследования по поэтике и стилистике. - Л.: Наука, 1972.

43. *Фридлендер Г.М*. Поэтика русского реализма. - М.: Наука, 1971. - 296 с.

44. *Кантор В*. *Достоевский* и культурная память // Вопросы литературы. - 2001.- Март - апрель. - С. 334-343.

45. О *Достоевском*. Творчество *Достоевского* в русской мысли 1881-1931 годов. - М., 1990; *Касаткин Н.В*., *Касаткина В.Н*. Тайна человека. Своеобразие реализма *Достоевского*. Учебное пособие. - М., 1994; *Кудрявцев Ю.Г*. Три круга *Достоевского*. - М., 1991; *Селезнев Ю.И*. *Достоевский*. - М., 1990; *Мелетинский Е.М*. *Достоевский* в свете исторической поэтики. Как сделаны «Братья Карамазовы». - М., 1996; *Буянова Е.Г*. Романы *Ф.М. Достоевского* - М., 1998; *Достоевский* и мировая культура. - М., 1997.

46. *Бахтин М*. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.

47. *Кокто Ж*. Пространство и время в романах *Достоевского* // *Достоевский*. Материалы и исследования. - Л., 1971. Т. 2.

48. *Бэлнеп Р*. Структура «Братьев Карамазовых» (США, 1997); *Томпсон Д*. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти (Англия, 2000).

49. *Томпсон Д*. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. Перевод с англ. *Жутовской Н.М*. и *Видре Е. М*. - СПб: Академический проспект. 2000. - 345 с.

50. *Ломинадзе С*. Перечитывая *Достоевского* и *Бахтина* // Вопросы литературы. 2001. Март-апрель. - С.39-58.

51. *Борев Ю*. Художественные взаимодействия как внутренние связи литературного процесса // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. - М. ИМЛИ РАН. Наследие. 2001.- С.41-47.

52. *Пресняков О.П*. Поэтика познания и творчества. - М.: Художественная литература, 1980.

53. *Минералов Ю.И*. Теория художественной словесности. Поэтика и индивидуальность. - М.: Гуманитарный издательский центр. Владос, 1999.

54. *Достоевский* в изображении его дочери Л. *Достоевской*. - М., 1922.

55. *Борев Ю*. Критический реализм XIX в.: мир и человек несовершенны; выход - непротивление злу насилием и самосовершенствование // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. - М. ИМЛИ РАН. Наследие. 2001. С.388-402.

Примечания

56. *Пушкин А.С.* Сочинения в трех томах. - М., 1955.
57. *Хализев В.Е.* Теория литературы. - М., 1999.
58. *Арбан Д.* «Порог» у *Достоевского*. Тема, мотив и понятие // *Достоевский*. Материалы и исследования. Т.2. - Л., 1976. С.19-30.
59. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. - М.: Художественная литература. 1975.
60. *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. - М.. 1994.
61. *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. - М.: Правда, 1989.
62. *Гордин А. Анна Петровна Керн* // *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. - М., 1989.
63. *Прозоров В.В.* Автор // Введение в литературоведение. - М., 1999. С.11-21.
64. Аргументы и факты. - 1999. Июнь. - №23.
65. *Раевский Н.* Портреты заговорили. - Алма-Ата: Жазушы, 1976.
66. *Карамзин Н.М.* Что нужно автору? // *Карамзин Н.М.* Соч.: В 2 т. 1984. Т. 2.
67. *Топоров В.Н.* Об эктропическом пространстве поэзии (Поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. - М., 1993.
68. *Коэльо Пауло*. Дьявол и синьорита Прим. - М.: ИД «Гелиос», 2002.
69.*Эсалнек А.Я.* Своеобразие хронотопа в романе *Ф.М. Достоевского* «Бесы» // Филологические науки.- 1999. - №2. - С.3-10.
70. *Коэльо Пауло*. На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала. М.: ИД «София», 2003.
71. *Чудаков А.П.* Языки и категории науки о литературе // *Чудаков А.П.* Слово - вещь - мир. От *Пушкина* до *Чехова*: Очерки поэтики русских классиков. - М., 1992.
72. *Фрайзе М.* После изгнания автора. Литературоведение в тупике? // Автор и текст. Вып 2. - СПб, 1996.
73. *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл. - 1998.
74. *Поляков М.Я.* Цена пророчества и бунта. - М., 1975.
75. *Гинзбург Л.О* документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. - 1970. - №7.
76. *Гинзбург Л.О* литературном герое. - Л., 1979.
77. *Лосев А.Ф.* Логика символа // Контекст. - 1972. - М., 1973.

Корнелия Кырстя
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ У ДОСТОЕВСКОГО И ШТАЙНХАРДТА

[1] (с. 557) – N. Steinhardt, Incertitudini literare, ed. ”Dacia”, Cluj-Napoca, 1980, p. 87.
[2] (с. 557) – idem, p. 88.
[3] (с. 557) – N. Steinhardt, op. cit., p. 353.
[4] (с. 558) – N. Steinhardt, Jurnalul fericirii, ed. ”Dacia”, Cluj-Napoca, 2003, p. 31.
[5] (с. 559) – Feodor Dostoievski, Scrisori despre literatura si arta, antologie, studiu introductiv, note si comentarii de Albert Kovacs, ed. ”Cartea Romaneasca“, 1989, p. 360.
[6] (с. 559) – N. Steinhardt, Jurnalul fericirii, ed., cit. p. 10.
[7] (с. 559) – idem, p. 318.
[8] (с. 559) – ibidem, p. 18.
[9] (с. 560) – ibidem, p. 18.
[10] (с. 561) – N. Steinhardt, op. cit., p. 104.
[11] (с. 561) – idem, p. 396.
[12] (с. 561) – ibidem, p. 397.
[13] (с. 562) – N. Steinhardt, Jurnalul fericirii, ed. cit., p. 6.
[14] (с. 562) – idem, p. 7.

Марина Борисова
НЕ ПОЗАБОТИМСЯ СЕЙЧАС, ПОТЕРЯЕМ НАВСЕГДА
Министерство культуры России заинтересовалось делами последователей Льва Толстого, проживающих в Сибири

[1] (с. 565) – См. *М. Борисова*. Ищем добро и справедливость. А они рядом // Голоса Сибири: литературный альманах. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.465-470.

Борис Мазурин
ВОСПОМИНАНИЯ

[1] (с. 570) – Настоящая публикация подлинной рукописи из фондов государственного мемориального и природного заповедника «Музей-

усадьба *Л.Н. Толстого* в Ясной Поляне» является продолжением и дополнением к недавно опубликованной версии воспоминаний *Б.В. Мазурина*, написанных в поселке Тальжино Кемеровской области в 1964-1967гг.: *Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С. 93-206. *Сост.*

[2] (с. 570) – Заголовок на первом листе рукописи: «*Б.В. Мазурин*» (по центру листа, подчёркнуто одной чертой) и ниже: «Воспоминания» (подчёркнуто тремя чертами). Под заголовком – автограф: «Музею Ясная Поляна. *Б. Мазурин*. 16.7.89». *Сост.*

[3] (с. 570) – Слово «Предисловие» подчеркнуто. Этим словом начинается л.2 рукописи. *Сост.*

[4] (с. 571) – Как уже было сказано в «Слове к читателю» настоящего выпуска (с.8-9), одним из препятствий на пути создания музея друзей и последователей Л.Н. Толстого в Сибири считается недостаточное количество экспонатов. Однако Б.В. Мазурин как нельзя лучше объясняет причины подобных «недостач», а именно: многие рукописи и вещи «пропали во время арестов». *Сост.*

[5] (с. 571) – Публикации: *А.С. Малород*. Дневник учительницы толстовской школы // Голоса Сибири: литературный альманах. – Вып. третий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.524-606; *А.С. Малород*. В лагерях: записки учительницы толстовской школы (1930-е гг.) // Голоса Сибири: литературный альманах. – Вып. четвёртый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.470-546. Биографические сведения: *Ю. Егудин*. Слово об *Анне Степановне Малород* // Голоса Сибири: литературный альманах. – Вып. третий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.521-524; *Б.А. Гросбейн*. Мои встречи с *Анной Степановной Малород* // Голоса Сибири: литературный альманах. – Вып. четвёртый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.547-550. Из воспоминаний Б.В. Мазурина 1964-67гг.: «Мне очень врезался в память такой случай: кто-то из представителей районной власти сказал мне и просил передать учителям, что если они будут и впредь продолжать занятия, то их арестуют.

Я шел по улице поселка, навстречу мне шли *Анна Степановна Малород*, заведующая нашей школой, и ее муж Павел Леонтьевич. Мы остановились, я сказал им о предупреждении и спросил ее:

– Что будем делать?

Анна Степановна опустила голову, задумалась и некоторое время молчала.

– Ну, как же? – спросил я ее вновь.

Анна Степановна подняла голову, посмотрела мне прямо в глаза и сказала тихо и улыбаясь:

– Ну, что ж, будем продолжать!

Эта кроткая, не крепкая здоровьем, робкая женщина нашла в себе силы так решить. Так же решили и остальные учителя, никто не попятился, никто не бросил нужное дело…» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский;* Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С.172-173). О муже *А.С. Малород*: «*Малород Павел Леонтьевич* был из кубанских казаков, но, усвоив толстовские убеждения, он порвал с их образом жизни и с их традициями. В коммуне он отошел от нас, пожелав жить ручным трудом» (*там же*, с.192). *Сост.*

[6] (с. 571) – Слово разделено знаком переноса на л.2 и л.2-об. рукописи: *кажущу- // юся*. *Сост.*

[7] (с. 571) – Слово «них» вставлено над строкой, под вставкой – значок V между словами «из» и «подтвердили». *Сост.*

[8] (с. 571) – В тексте описка: «серцеведам» (пропущена буква «д»). *Сост.*

[9] (с. 572) – Фраза заканчивается на середине листа, нижняя половина л.2-об. пустая. *Сост.*

[10] (с. 572) – Заголовок подчёркнут двумя чертами, с него начинается л.3. *Сост*

[11] (с. 573) – Окончание л.3, начало л.3-об. рукописи. *Сост.*

[12] (с. 574) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «*Митя Пащенко*, живой, жизнерадостный, общительный с людьми. Из бедняцкой крестьянской семьи из Поволжья, село Баланда. Попав в тюрьму, он сильно болел, что-то вроде язвы желудка.

Митя, казалось, весело, легче других переносивший неволю, все же не выдержал, что-то надломилось в его психике, после освобождения он не вернулся к семье, ушел, замкнулся от друзей». (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С.200). *Сост.*

[13] (с. 574) – Заголовок в рукописи подчёркнут. *Сост.*

[14] (с. 574) – Конец л.3-об. и начало л.4 рукописи. *Сост.*

[15] (с. 574) – Заголовок в рукописи подчёркнут. *Сост.*

[16] (с. 575) – Конец л.4 и начало л.4-об. рукописи. *Сост.*

[17] (с. 575) – Последние записи на л.4-об. рукописи. Далее 2/3 оборотной стороны листа свободно. *Сост.*

[18] (с. 575) – Начало л.5 рукописи. Заголовок подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[19] (с. 576) – Конец л.5, начало л.5-об. рукописи. *Сост.*

[20] (с. 576) – Последние записи на л.5-об. рукописи. Далее 1/2 оборотной стороны листа свободно. *Сост.*

[21] (с. 576) – Начало л.6 рукописи. Заголовок подчеркнут двумя чертами. *Сост.*

[22] (с. 576) – Вся строка в рукописи подчёркнута одной чертой. *Сост.*

[23] (с. 576) – Вопросительный знак (вместо последней цифры даты) внесён не чернилами, а карандашом. *Сост.*

[24] (с. 576) – Вся эта строка тоже подчёркнута в рукописи одной чертой. *Сост.*

[25] (с. 576) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «*Густав* и *Гюнтер Тюрк* – москвичи, дети врача, горожане по рождению, каких у нас в коммуне было совсем мало. Они нашли применение своим силам на учительской работе, нужной для коммуны и любимой ими. *Гитя Тюрк*, пожалуй, был единственным среди всех нас, который обладал поэтическим даром. Здоровье у него было некрепкое. Заключение и вовсе подорвало его силы, он сильно болел и чувствовал, что ему не выдержать, и это наложило отпечаток на его стихи.

В 1940 году в мрачной и строгой тюрьме города Мариинска некоторое время нам довелось быть вместе в одной камере. Утром, 6 августа, проснувшись, он сказал:

– Ложусь в больницу, а это на память тебе написано...

И подал мне большую, оттесанную топором щепку, на которой карандашом было написано:

Я лег одиноко на край дороги,
чью тяжесть не снес.
Мой старший товарищ, прощай.
Простимся без жалоб и слез.
Иди так же бодро вперед,
осиль роковую межу,
а я свое тело под гнет
безумной неволи сложу.
Жене и родным и друзьям
снеси мой прощальный привет.
Прощай, продолжай же свой путь,
а я?.. я хочу отдохнуть...

В этот раз Гитя все же выжил, пролежав семь месяцев в больнице с плевритом». (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С.199-200). *Сост.*

[26] (с. 577) – Конец л.6, начало л.6-об. рукописи. *Сост.*

[27] (с. 578) – Слово разделено знаком переноса на л.6-об. и л.7 рукописи: *оправ- // данных*. *Сост.*

[28] (с. 579) – Слово разделено знаком переноса на л.7-об. и л.8 рукописи: *Вы- // качали*. *Сост.*

[29] (с. 579) – Слова «жена, двое маленьких» подчеркнуты карандашом, а на полях – тоже карандашом – напротив этого места поставлен знак вопроса. *Сост.*

[30] (с. 580) – Слово исправлено, в оригинале описка: «безпрепятственно» (искажена третья буква). *Сост.*

[31] (с. 580) – Конец л.7-об. и начало л.8 рукописи. *Сост.*

[32] (с. 581) – Конец записей на л.8. *Сост.*

[33] (с. 581) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «Пришел к нам белокурый, тихий человек – *Клементий Красковский*. Он что-то не прижился в Новоиерусалимской коммуне, и у нас ходил какой-то безучастный, как в воду опущенный. Раз как-то зашел у меня с кем-то из коммунаров разговор о нем: «Да что ж Клементий, – сказал я, – для него здесь все чужое, не родное». А Клементий стоял над нами на балкончике и все слышал. «Почему ты так говоришь?» – спросил он меня. – «А что ж, неправда?» И у нас состоялся разговор, без ругани, но вполне откровенный, и с того дня Клементия как подменили, для него коммуна стала дорогим, родным домом, тем более что родных у него никого не было. Он весь ушел с головой в ее жизнь и заботы и таким и оставался до своей трагической гибели в 1937-1938 годах.

Мы с ним были очень дружны, но, живя в коммуне, мы так были полны настоящим, что мало касались прошлого. Теперь я сожалею об этом. О Клементии я знаю только то, что происходил он из бедных крестьян Смоленской (кажется) губернии. Окончил четырехклассную школу, и поэтому, когда началась война (1914г.), его направили в школу прапорщиков, и вскоре он оказался на фронте. Верил он тогда наивно, так, как говорили ему в школе сельской и потом в военной. Верил, что немцы – враги, что надо защищать родину, царя и веру православную. Он мне рассказывал, что на войне ему приходилось бывать и в боях, и в атаках, но чувства страха смерти он не испытывал. Все было просто. Но потом стали находить сомнения. Он встретился с толстовцами, и все

перевернулось, – немцы стали не врагами, а такими же обманутыми людьми, а царь-батюшка и вера православная оказались пустым, жестоким обманом. Жизнь его приобрела новый смысл. Оружия он больше не брал в руки.

Ему (да и многим другим нашим коммунарам) впоследствии часто приходилось слышать от представителей власти упрек: «А за царя ты воевал, а теперь оружия брать не хочешь!» Да, они воевали, воевали честно до тех пор, пока верили, что так надо. Но страдания войны, революция и могучее, правдивое слово *Л. Толстого* открыло им глаза, разбудило сознание, подтвердило то, что смутно говорила им совесть, и эти люди навсегда сменили свой путь, отказались от насилия…» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С.103-104). *Сост.*

[34] (с. 581) – Вопросительный знак вместо даты смерти написан не чернилами, а карандашом. *Сост.*

[35] (с. 581) – Начало л.8-об. рукописи. Подзаголовок подчеркнут двумя чертами. *Сост.*

[36] (с. 582) – Слово разделено знаком переноса на л.8-об. и л.9 рукописи: *осталь- // ных. Сост.*

[37] (с. 582) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «А в коммуне в это время произошло вот что: к вечеру приехали на ходке два человека и попросились переночевать. Их пустили. Встали они рано, запрягли ходок и подъехали к крыльцу дома. В это время на крыльцо вышел Клементий. Один из ночевавших неожиданно повалил Клементия в ходок, вскочил на него верхом и наставил на него револьвер. Другой вскочил на козлы и пустил лошадь вскачь по улице. Было рано, улица была пуста, но случайно оказавшаяся там *Нина Лапаева* схватила Клементия за ногу и так бежала с ходком рядом и громко кричала:

– Клементия украли! Клементия украли!

Так его увезли и он оказался в тюрьме; я узнал об этом, услыхав в коридоре голос, вызывавший фамилию ”Красковский“...». (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С.157). *Сост.*

[38] (с. 582) – Конец записей на л.9. Далее свободного пространства 1,5 см. *Сост.*

[39] (с. 583) – Начало л.9-об. рукописи. Заголовок подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[40] (с. 583) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «*Барышева Анна Григорьевна.* Отец ее был крестьянин. Во время войны 1914 года она была сестрой милосердия. Потом учительствовала. Как человек, в общежитии, она была спокойной, ровной, но когда разговор заходил о государственном несправедливом устройстве жизни, о войне, о тяжелом положении крестьян, – она вся напрягалась, говорила резко, даже как-то со злобой. Она много раз подвергалась судам, заключениям, ссылкам, и не знаю, что было причиной: ее ли озлобленность и резкость, или наоборот – это настроение явилось следствием всего пережитого ею». (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С. 191-192). И далее: «Она… говорила и действовала прямо и смело, но при этом она вся горела негодованием, почти ожесточенностью, и это настроение передавалось и окружающим.

Как-то по какому-то поводу Анна Григорьевна предложила нам начать голодовку. Передала мне записку. Я высказался против. Мне всегда были непонятны голодовки, применявшиеся политическими, а последнее время и всеми. Нам и так приносят вред, лишая свободы, здоровья. Так зачем же мы сами будем еще содействовать этому? Наше стремление должно быть противоположное: сохранить здоровье, силы, бодрость, спокойствие, а протестовать, если в этом есть надобность, разумными словами и поступками. И вот развернулась целая дискуссия – к записке Анны Григорьевны присоединилась моя и пошла дальше и дальше, пока не обошла всех. А потом ведь надо было нашим запискам пройти и обратный путь, чтобы все узнали мнение всех. Сверточек записок получился довольно солидный, и раз, когда Гитя передавал их мне, нас «попутали», отобрали записки, и потом вся эта «переписка» попала к следователю, в дело.

Голодовку отвергли. Поддержал Анну Григорьевну один *Егор Епифанов*» (*там же*, с. 178-179). *Сост.*

[41] (с. 583) – Конец л.9-об., начало л.10 рукописи. *Сост.*

[42] (с. 584) – Конец л.10, начало л.10-об. рукописи. *Сост.*

[43] (с. 585) – Конец записей на л.10-об. Далее 3/4 листа свободно. *Сост.*

[44] (с. 585) – Начало л.11 рукописи. Подзаголовок подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[45] (с. 586) – Конец л.11, начало л.11-об. рукописи. *Сост.*

[46] (с. 586) – Окончание записей на л.11-об. Вторая половина оборота 11-го листа рукописи свободна. *Сост.*

[47] (с. 586) – Начало л.12 рукописи. Заголовок подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[48] (с. 586) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «Летом 1932 года были вызваны в Первый дом (горотдел НКВД) *Сергей Алексеев* и *Петя Шершенев*. Им предложили уехать из коммуны. Случайно бывшему с ними *Васе Птицыну* заодно сказали то же. Во избежание худшего, они предпочли уехать...» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С. 151-152). *Сост.*

[49] (с. 586) – Так в тексте. Слово «Отказ» подчёркнуто карандашом, напротив него на левом поле тем же карандашом – вопросительный знак. *Сост.*

[50] (с. 587) – Конец л.12, начало л.12-об. рукописи. *Сост.*

[51] (с. 587) – В слове «запыхавшаяся» после четвёртой буквы зачёркнута чернилами ошибочно написанная буква «в». *Сост.*

[52] (с. 588) – Конец л.12-об., начало л.13 рукописи. *Сост.*

[53] (с. 588) – Частица «бы» над строкой, под нею между словом «поехал» и предлогом «с» стоит значок вставки V. *Сост.*

[54] (с. 588) – Конец л.13, начало л.13-об. рукописи. *Сост.*

[55] (с. 589) – Окончание записей на листе. Далее 1/3 оборота листа свободна. *Сост.*

[56] (с. 589) – Начало л.14 рукописи. Заголовок до слова «рождения» включительно подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[57] (с. 590) – Окончание записей на л.14. Далее 1/4 листа свободно. *Сост.*

[58] (с. 590) – Начало л.14-об. рукописи. Заголовок подчёркнут одной чертой. *Сост.*

[59] (с. 590) – Конец л.14-об., начало л.15 рукописи. *Сост.*

[60] (с. 591) – Окончание записей на л.15. Вторая половина листа свободна. *Сост.*

[61] (с. 591) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «Пришла к нам и оставалась жить в коммуне *Поля Жарова*, одинокая женщина, учительница по профессии. Ее смолоду привлекали общины, и она жила в щейермановской общине в Люботине, кажется, «Кринице» и других» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е

годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С. 107). *Сост.*

[62] (с. 591) – Начало л.15-об. рукописи. Заголовок подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[63] (с. 592) – Конец л.15-об., начало л.16 рукописи. *Сост.*

[64] (с. 592) – Окончание записей на л.16. Вторая половина листа свободна. *Сост.*

[65] (с. 592) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «Пришел как-то раз поинтересоваться нашей коммуной человек средних лет, стрелочник на одной из станций московского узла, *Александр Николаевич Ганусевич*. Потом пришел еще раз. Работа его была такая: сутки дежурил, двое свободен, и вот, отдежурив, он шел к нам, работал у нас, а потом опять в Москву на работу. Так постепенно он стал одним из самых деятельных членов коммуны. По происхождению он был из крестьян и много помогал нам своим крестьянским опытом и знаниями. У него была семья – жена и маленькие детишки, которые все полюбили коммуну и охотно принимали участие в работах. Приходили иногда погостить и поработать его сестра с дочкой, братья, целый большой, дружный коллектив.

Александр Николаевич и брат его, Степан, в начале революции отказывались от военной службы, но время тогда было попроще, оба были рабочие-транспортники, и к ним никаких репрессий не применили» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С. 106). *Сост.*

[66] (с. 592) – Начало л.16-об. рукописи. Заголовок подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[67] (с. 593) – Текст письма см. наст. изд., с. 000.

[68] (с. 593) – Конец л.16-об. рукописи. *Сост.*

[69] (с. 593) – Семейство Моргачевых упоминается и в воспоминаниях *Б.В. Мазурина* 1964-67гг. О *Дмитрии Моргачеве*: «Я уже говорил, что мы решили сделать водопровод, и вот от этих водопроводных труб и начались события, о которых я расскажу сейчас. *Димитрий Моргачев*, уполномоченный коммуны по закупкам и сбыту продукции, нашел в утильскладе Кузнецкстроя нужные нам трубы. Оплатил и оформил документы, взял двух лошадей и одного мальчика в помощь и поехал за ними. Но к вечеру назад вернулся один мальчик с двумя пустыми подводами.

– А где Димитрий? А где трубы?

Оказалось, на обратном пути <…> Димитрия забрали.

На другой день я поехал искать Димитрия. Дня три ходил то в милицию в Старом Кузнецке, то в Первый дом, <…> но и тут и там мне говорили: – ”*Моргачева* у нас нет“. – ”А где он?“ – ”Не знаем“.

Я растерялся: как же так? И тут, в ожидалке Первого дома, я увидел людей с узелками. Оказалось, что с передачами для заключенных в камере предварительного заключения при Первом доме.

Приготовив небольшую передачку, я на другой день подал ее в общем порядке: ”*Моргачеву*“. И... получил в ответ маленькую записочку: ”Все получил, спасибо. Моргачев“…» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С. 154).

О *Тимофее Моргачеве*: «*Тима Моргачев* – старший сын Д*имитрия Моргачева*, хороший парень, еще не женатый. Умер в лагерях на Севере от истощения» (*там же*, с. 190). *Сост.*

[70] (с. 593) – Начало л.17 рукописи. Заголовок подчёркнут двумя чертами. *Сост.*

[71] (с. 594) – Окончание записей на л.17, далее 1/5 листа чистая. *Сост.*

[72] (с. 594) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «Пришел в коммуну и остался жить *Алеша Демидов*, молодой человек, владимирский плотник, не очень грамотный, но хорошо разбиравшийся в жизни и убежденный последователь *Л. Толстого*. Он как-то раз занялся стихотворством, и у меня навсегда остались в памяти две строфы из его стиха:

Не далече, эва тут,
Есть коммуна
«Жизнь и труд».
Для коммуны
Мало чести
В материализм
Глубоко лезти... и т. д.

Он хотел сказать, что мы слишком увлекались хозяйственными заботами и интересами, в ущерб другому» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева*, *А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С. 107-108). *Сост.*

[73] (с. 594) – Начало л.17-об. рукописи. Заголовок подчеркнут двойной чертой. *Сост.*

[74] (с. 595) – Окончание записей на л.17-об. Далее 1/5 листа свободна. *Сост.*

[75] (с. 595) – Начало л.18 рукописи. Заголовок подчёркнут двойной чертой (до слова «приблизительно» включительно). *Сост.*

[76] (с. 596) – Конец л.18, начало л.18-об. рукописи. *Сост.*

[77] (с. 596) – Окончание записей на л.18-об. Далее 2/3 листа свободно.

[78] (с. 596) – Начало л.19 рукописи. Заголовок подчёркнут двойной чертой. *Сост.*

[79] (с. 597) – Из воспоминаний *Б.В. Мазурина* 1964-67гг.: «*Гурин Гриша* – из Тульской губернии. Из большой крестьянской семьи – семеро братьев. Во время первой мировой войны был в плену у немцев. Там их обильно снабжали литературой евангелического (баптистского) направления, которая его затронула. Потом, уже в России, он приблизился к толстовским взглядам. Горячий по натуре, он был горяч и в работе. Гриша рассказывал, как в плену он попал к одному хозяину в работники. Тот велел ему вспахать участок земли. Грише давно уже не приходилось работать по крестьянству. Пара лошадей попалась добрая, плужок легкий, хорошо налаженный, и Гриша, что называется, поднажал ото всей души. Когда хозяин пришел посмотреть, как работает пленный, не спит ли, – участок был уже весь вспахан. Хозяин схватился за голову:

– Что ты делаешь? У нас так не работают, так нельзя...

Когда от коммуны отделилась артель «Сеятель», Гриша был ее председателем» (*Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. А.Б. Рогинский; Примеч. Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского. – М.: Книга, 1989. – С. 191). *Сост.*

[80] (с. 597) – Конец л.19, начало л.19-об. рукописи. *Сост.*

[81] (с. 598) – Окончание записей на л.19-об. *Сост.*

[82] (с. 598) – Начало л.20 рукописи. Заголовок подчёркнут двойной чертой. *Сост.*

[83] (с. 598) – Исправлено. В оригинале описка: «слбо». *Сост.*

[84] (с. 599) – Конец л.20, начало л.20-об. рукописи. *Сост.*

[85] (с. 599) – Окончание записей на л.20-об. Далее 3/4 листа свободно. *Сост.*

[86] (с. 599) – Слово «Алексеева» вписано позднее под словом «Лёвы» более тёмными чернилами и подчёркнуто одной чертой. *Сост.*

[87] (с. 599) – Начало л.21 рукописи. Заголовок подчеркнут двойной чертой (за исключением слова «Алексеева», см. сноску [86]). *Сост.*

[88] (с. 599) – Окончание записей *Б.В. Мазурина*. Далее 1/3 листа свободна. В нижнем левом углу – музейная помета карандашом:

«МУЯП
КП Оф 2635 Инв: ДК 100». *Сост.*

[89] (с. 600) – *Мазурин Б.В.* Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны «Жизнь и труд» // Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. *А.Б. Рогинский*; Примеч. *Д.И. Зубарева, А.Б. Рогинского*. – М.: Книга, 1989. – С.93-206.

[90] (с. 600) – Архив составителей альманаха. Письмо *Э.П. Абрамовой В.В. Тогулеву* от 10.11.2006г. *Сост.*

[91] (с. 601) – Архив составителей альманаха. Письмо сотрудников музея *В.В. Тогулеву* от 17.11.2006г. *Сост.*

[92] (с. 601) – См. наст. изд., с.576-581.

[93] (с. 601) – См. наст. изд., с. 574.

Борис Гросбейн
О БОРИСЕ МАЗУРИНЕ И ЕГО ПИСЬМЕ ПИСАТЕЛЮ ЛЕОНОВУ

[1] (с. 606) – Письмо было отправлено позднее, почти четыре месяца спустя, в сопровождении небольшой сопроводительной записки такого содержания: «Уважаемый *Леонид Максимович*! У меня с вами завязался узел, о чём вы, конечно, и не подозреваете, но, тем не менее, мне очень хочется его развязать.

Дело в следующем: когда я прочитал «Слово о *Толстом*», у меня появилось большое желание побеседовать с вами о том, какие мысли оно во мне вызвало.

Я написал вам письмо.

Но оно осталось не отправленным.

Когда я приехал в Москву и попросил в справочном бюро дать ваш адрес, мне, после справки, ответили, что ваш адрес не даётся.

А телефон?

Телефона нет! Я был озадачен и, не скрою, первой мыслью у меня было: «это тебе не граф». И у меня отпала всякая охота пообщаться с вами.

Но потом я раздумался, – мало ли какие обстоятельства бывают у разных людей и нельзя так отрезать, лучше узнать и разыскать. Мне думается, что вы говорили своё «слово» с высокой трибуны для всего мира, для всех людей, значит, в том числе и для меня. Я думаю, для всякого автора интересно и нужно знать, какое действие оказывают на людей его творения. И, мне думается, было бы неверно самому сказать слово людям, а потом заткнуть себе уши, чтобы не слышать их слов.

И вот я вновь пишу вам (адрес я узнал стороной).

Мне хочется развязать наш узел. И если у вас есть такое же желание, и вы напишете мне, тогда я пошлю вам свое письмо по существу вашего доклада.

Чтобы не было неясности и чтобы вы знали, с кем имеете дело, сообщу, что я по своим убеждениям принадлежу к тем людям, которых вы перечеркнули одним росчерком своего пера, то есть единомышленник *Льва Толстого*.

Б. Мазурин.
Адрес: г. Новокузнецк
Кемеровской области,
п.о. Атаманово,
3–е отделение совхоза.
Мазурину Борису Васильевичу.
1мая 1962 г.
Тальжино.

[Источник подготовлен к публикации *Б.А. Гросбейном* по копии, хранящейся в музее гимназии №96 г. Новокузнецка]

Татьяна Никитина
ДЖОН РЁСКИН И ЛЕВ ТОЛСТОЙ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

[1] (с. 629) – Литературное наследство: Т.90. – Т.1. – М., 1979. – С.277.

[2] (с. 630) – Литературное наследство: Т.90. – Т.2. – М., 1979. – С.10.

[3] (с. 632) – Экология музейной среды. – М., 1983.

[4] (с. 634) – Избранные мысли *Джона Рёскина*: Вып. 1. – М.: Типография Вильде, 1902. – С. 9. (Книга хранится в мемориальной библиотеке *Л.Н.Толстого* в музее-усадьбе «Ясная Поляна»).

[5] (с. 635) – Цитируется по книге: *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества *Льва Николаевича Толстого*: 1891-1910. – М., 1960. – С. 381-382.

[6] (с. 635) – Там же. – С. 385.

Егор Ревенко
В ПРОДОЛЖЕНИЕ «ДОБРОГО ВСПОМИНА...»
К портрету Д.Т. Ярославцева и Г.С. Блынского

[1] (с. 639) – О *Д.Т. Ярославцеве*: *Тогулев В.* Дмитрий Ярославцев // Кузбасс: Кемерово, 1993. – 24 февр.; *Тогулев В.* Возвращение из забытья:

Очерк о жизни писателя *Дмитрия Ярославцева* // Литературный Кузбасс. – Кемерово, 1998. – №1-2. – С.148-151.

[2] (с. 640) – Более точный вариант цитаты: Воспоминания старожила Кузнецка *Г.В. Куртукова* // Кузнецкая старина. – Вып. 1. История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. – Новокузнецк: изд-во не указ., 1993. – С. 176.

[3] (с. 640) – Эти документы использовал краевед *В.И. Шемелёв* ещё в 30-е годы: *Шемелев В.И.* История Кузбасса с древнейших времён до отмены крепостного права. – Документальное наследие Кузнецкого края. Вып. 1. / Сост., вступит. ст. *М.М. Кушниковой, В.А. Сергиенко, В.В. Тогулева*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – С. 261, 330, 331.

[4] (с. 641) – Вопрос о количестве убиенных, а также о социальном и политическом составе убийц ныне дебатируется. Подробнее: *Кушникова М., Тогулев В.* Красная Горка: Очерки истории «американской» коммуны в Щегловске, провинциальных нравов, быта и психологии 1920-1930-х гг. (документальная версия). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – С.806-808.

[5] (с. 641) – *М. Кравков* – сибирский литератор, автор статей «Тельбесские зарисовки» и «Тельбесс», в которых отражены «кузнецкие» впечатления и факты кузнецкой истории: Сибирские Огни. – 1926. – №5-6. – С.177-206; Там же. – 1927. – №6. – С.104-105.

[6] (с. 642) – *Кручина А.* В глухом углу, в Кузнецке: Из записной книжки журналиста // Советская Сибирь. – 1923. – 29 июля. Полная републикация: *Кручина А.* В глухом углу, в Кузнецке: Из записной книжки журналиста // Повествование о Земле Кузнецкой / Автор-составитель *В. Тогулев*. – Кемерово: Притомское, 1992. – С.92-103. Комментарий: там же, с. 108-109.

[7] (с. 642) – *Зазубрин В.* Неезжеными дорогами. – Сибирские Огни. – 1926. – №3. – С. 193-198.

[8] (с. 643) – Повествование о Земле Кузнецкой / Автор-составитель *В. Тогулев*. – Кемерово: Притомское, 1992. – С. 99.

[9] (с. 643) – Там же. – С. 99-100.

[10] (с. 644) – Очерк *Д.Т. Ярославцева*: Сибирские Огни. – 1926. – №4.

[11] (с. 644) – 19 ноября 1991г. доцент Кемеровского государственного университета *А.А. Халиулина* поместила названный конспект в газете «Кузбасс» под фамилией *Шемелёва*. Исследователи *В. Волчек* и *В. Тогулев* дали, в целом, положительную оценку самому факту привлечения внимания к имени *Шемелёва* (Кузбасс. – Кемерово, 1991. – 5 дек.). Однако требуется уточнение: упомянутый материал на четыре пятых

представляет собой буквальное цитирование очерка *Ярославцева* «По Горной Шории», на что уже обращалось внимание (*Кушникова М., Тогулев В.* Загадки провинции: «кузнецкая орбита» *Фёдора Достоевского* в документах сибирских архивов. – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1996. – С.212). *Шемелёв*, конечно, и не думал публиковать «выжимки» из *Ярославцева* под своей фамилией, это были лишь черновые записки, конспекты или заготовки для подстрочника к его «Истории Кузбасса», так что приписывание авторства *Шемелёву* едва ли выглядит корректным.

[12] (с. 644) – *Шемелёв В.И.* История Кузбасса с древнейших времён до отмены крепостного права / Сост., вступ. ст. *М.М. Кушниковой, В.А. Сергиенко, В.В. Тогулева*. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – С.344-345.

[13] (с. 645) – Там же. – С. 345.

[14] (с. 645) – См. Голоса Сибири: литературный альманах. – Выпуск четвёртый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С. 819.

[15] (с. 646) – Литературный Кузбасс. – №123-124. – Кемерово: Ковчежек, 1998. – С. 155.

[16] (с. 646) – Там же. – С.164.

[17] (с. 647) – Подробнее: *Кушникова М., Тогулев В.* «Кузнецкий венец» Фёдора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. – Книга первая. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 350, 361, 388, 389, 508.

[18] (с. 647) – Существует и другая версия. Литератор *Игорь Агафонов* считает, что *Г.С. Блынский* скончался «от паралича сердца» (Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 2003. – 15 марта).

[19] (с. 647) – Сибирские Огни. – 1927. – №6. – С. 104-105.

[20] (с. 647) – *Бедин В., Кушникова М., Тогулев В.* От Кузнецкого острога до Кузнецкстроя: Три тысячи имён в архивных и библиографических источниках (опыт биографического словаря). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – С. 52.

[21] (с. 648) – *Бедин В., Кушникова М., Тогулев В.* Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920-1930-х гг. – Кемерово: Кузбассвузиздат. 1999. – С.384.

[22] (с. 649) – Там же.

[23] (с. 649) – В списке АИКовской номенклатуры от 20 октября 1926г. *Блынский* числится производителем работ Прокопьевского рудника: *Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В.* Страницы истории города Кемерово. – Книга третья. – Новосибирск: Сибирские Огни, 1999. – С. 212.

[24] (с. 650) – *Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В.* Страницы истории города Кемерово. – Книга первая. – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1997. – С. 190.

[25] (с. 650) – Подробнее: *Кушникова М.* Новые архивные находки по истории НКМ // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: Тезисы региональной конференции. – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1998. – С. 44-48.

[26] (с. 652) – *Агафонов И.* Отражатели *Блынского* // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 2003. – 15 марта.

[27] (с. 652) – К сожалению, пока не установлено, где именно опубликован очерк *Г.С. Блынского*. В нашем распоряжении – только один-единственный лист журнала, на обороте коего указаны число и месяц сдачи номера в печать: 24 октября 1958г. Не сомневаемся, однако, что разыскания библиографов скоро закончатся вполне успешно. Что касается времени написания, оно вычисляется довольно точно: автор рассказывает, как собирал экспонаты для «отдела биологии и зоологии… будущего краеведческого музея», и, значит, это происходило в период между смертью *Д.Т. Ярославцева* и официальной датой открытия музея, то есть в 1927 году.

[28] (с. 653) – Цитируется по рукописи воспоминаний дочери *Г.С. Блынского* (личный архив автора).

Виктория Кинг
СЛОВО О СИМПОЗИУМЕ

[1] (с. 662) – Доклад *Елены Логиновской* и её переводы см. наст. изд., с. 708-723.

[2] (с. 662) – Работу *Альберта Ковача* «Апокалипсис и апофеоз жизни», а также его переводы с венгерского см. наст. изд., с. 187, 197-199, 205-206, 226-230.

[3] (с. 668) – См. наст. изд., с. 616-628.

[4] (с. 669) – См. наст. изд., с. 723-734.

[5] (с. 669) – См. наст. изд., с. 556-562.

[6] (с. 669) – Стихотворения и переводы *Мирославы Метляевой* и статью о её творчестве см. наст. изд., с. 272-278, 281-288

[7] (с. 670) – Одну из статей *Анастасии Романовой* о творчестве *Элиаде* см. наст. изд., с. 334-342.

[8] (с. 670) – Стихотворения *Мирчи Динеску* со вступительным Словом переводчика см. наст. изд., с. 293-316.

[9] (с. 676) – Статью *Елены Дульгеру* см. наст. изд., с. 352-362.

Рита Джулиани
РУССКИЙ ВОПРОС В КОНЦЕ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ФИЛОЛОГОВ

[1] (с. 680) – Доработанный, дополненный вариант доклада профессора университета «Ла Сапьенца» (Рим) *Риты Джулиани*, первоначальная редакция которого относится к 2004г., полностью публикуется впервые.

Литература

1. *Аверинцев С.* Поэты. – М., 1996.
2. *Андреев Л.Н.* Перед задачами времени. – Benson (U.S.A.), 1985.
3. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга // *Анциферов Н.П.* Непостижимый город. – Л., 1991.
4. *Гаспаров М.Л.* Записки и выписки. – М., 2000.
5. *Егоров Б.* Жизнь и творчество *Ю.М. Лотмана*. – Спб., 1999.
6. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. (Изд. 1-е: М., 1976).
7. *Лихачёв Д.С.* Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили // *Лихачев Д.С.* Избранные работы в трёх томах. – Т. 1. – М., 1987.
8. *Лихачёв Д.С.* Русская культура, – М., 2000.
9. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. Культура и взрыв. – Спб., 2000. (Изд. 1-е: Культура и взрыв, 1992).
10. *Лотман Ю.М.* Механизм смуты // Всемирное слово. – 1995. – №8.
11. *Лурье Я.С.* Национализм и русская историография XXв. // Национальная правая прежде и теперь. – Ч.2. – Вып. 1. – Спб., 1992.
12. *Лурье Я.С. А.И. Солженицын* – эволюция его исторических взглядов // Звезда. – 1994. – №6.
13. *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая, Спб., 1997.
14. *Солженицын А.И.* «Русский вопрос» к концу XX века. – Цит. по сайту: http://magazines.russ.ru/authors/s/solzhenitsyn/ (1994).
15. *Эткинд Е.Г.* Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – М., 1999.
16. ***Eppel' A.*** Se la Russia volta le spalle all'Europa // Lettera Internazionale. – 1999. – №59/60.
17. ***Haller G.*** I due Occidenti. – Roma, 2004. (Изд. 1-ое: Berlin, 2002).
18. ***Kundera M.*** L'arte del romanzo. – Изд. 4-е. – Milano, 1994.
19. ***Strada V.*** La questione russa. Identita e destino. – Venezia, 1991.

Илья Левяш
РУССКОЕ СЛОВО В ЕВРОПЕЙСКИХ РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА

Литература

1. *Алексеев А.А.*, Текстология славянской Библии, Санкт-Петербург 1999.
2. *Аннинский Л.*, *Александр Твардовский*: «Но все же, все же, все же…», Свободная мысль – XXI, Москва 2005, № 8.
3. *Ахматова А.*, Стихи и проза, Ленинград 1977.
4. *Булыгина Т.В.*, *Шмелев А.Д.*, Языковая концептуализация мира, Москва 1997.
5. *Вебер В.*, Чем лучше, тем новее, Литературная газета, Москва 2-8.02.2005.
6. *Бенвенист М.*, Общая лингвистика, Москва 1974.
7. *Бердяев Н.*, Философия творчества, культуры и искусства, В 2 т., Москва 1994.
8. *Бердяев Н.*, Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX в.в.; Судьба России. Москва 2000.
9. *Брейтер М.А.*, Англицизмы в русском языке, Москва 1997.
10. *Булгаков М.*, Грядущие перспективы. Собачье сердце. Белая гвардия. Бег. Великий канцлер, Москва 1993.
11. *Вайскопф М.*, Писатель *Сталин*, Москва 2001.
12. *Велехова Н.*, Мистерия русского языка, Театр, Москва 1992, № 9.
13. *Вересаев В.*, *Гоголь* в жизни, Москва 1990.
14. *Виноградов В.В.*, Великий русский язык, Москва 1945.
15. *Виноградов В.В.*, Русский язык, Москва 1986.
16. *Волошин М.*, Стихотворения, Ленинград 1977.
17. *Волошин М.*, Избранное, Минск 1993.
18. Государственные и титульные языки России, Москва 2002.
19. *Гройс Б.*, Утопия и обмен. Стиль *Сталин*. О новом. Статьи. Москва 1993.
20. *Громов Е.С.*, Искусство и герменевтика в ее эстетических и социологических измерениях, Санкт-Петербург 2004.
21. *Громов М.Н.*, Вечные ценности русской культуры, Вопросы философии, Москва 1994. №1.
22. *Гулыга А.*, Русская идея и её творцы, Москва 1995.
23. *Даль В.И.*, Толковый словарь живого великорусского языка, T.I-IV, Москва 1955.
24. *Добренко Е.*, Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении, Munchen 1993.

Примечания

25. *Достоевский Ф.М.*, Полное собрание сочинений, В 30 т.т. Ленинград 1972-1976.
26. *Дубовец С.*, Русская книга, Минск 1998.
27. *Дуличенко А.Д.*, Sprachen in Europa. Sprachsituation und Sprachpolitik in europaischen Lander, Вопросы языкознания, Москва 2002, № 4.
28. Духовный труженик: *А.С. Пушкин* в контексте русской культуры, Санкт-Петербург 1999.
29. *Ермакова О.П.*, Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов, Русский язык, Opole 1997.
30. *Замятин Е.*, Избранное, Москва 1989.
31. *Земская Е.А.*, Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества, Вопросы языкознания, Москва 1996, № 3.
32. *Земская Е.А.*, *Гловинская М.Я.*, *Бобрик М.А.*, Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты, Вопросы языкознания, 2002, № 5.
33. *Иванов Вяч.* Или человечество по-настоящему объединится, или его не будет, Московские новости, Москва 13-19.08. 2006.
34. *Ильин И.*, О тьме и просветлении. Книга художественной критики. *Бунин. Ремезов. Шмелев*, Москва 1991.
35. *Ильин М.В.*, Слова и смыслы: деспотия, империя, держава, Полис, Москва 1994. №2.
36. *Ильин М.В.*, Слова и смыслы. По уставу судьбы: русская идея, Полис, Москва 1996. №4.
37. *Иосиф Бродский-Адам Михник*, Известия, Москва 3.02.1996.
Исаев М.И., Этнолингвистические проблемы в СССР и на постсоветском пространстве, Вопросы языкознания, Москва 2002, № 6.
38. *Кантор В.*, Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ), Москва 2001.
39. *Караулов Ю.Н.*, Русский язык и языковая личность, Москва 1987.
40. *Кожевникова Н.А.*, Язык советского общества в изображении *М.А. Булгакова*, Лики языка, Москва 1998.
41. *Коряков Ю.Б.*, Языковая ситуация в Беларуси, Вопросы языкознания, Москва 2002, № 2.
42. *Крысин Л.П.*, Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий, Вопросы языкознания, Москва 2002, № 6.
43. *Купина Н.А.*, Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции, Екатеринбург, Пермь 1995.
44. *Ладейщикова Л.*, Русское слово, Литературная газета, Москва 2-8.03.2005.

Примечания

45. *Левяш И.Я.*, Русские в Беларуси: дома или в гостях? Социс, Москва 1994, №8-9.

46. *Левяш И.Я.*, Культура и язык, «Вестник МГЛУ», Серия 1. Минск 1999.

47. *Левяш И.Я.*, Язык культуры и цивилизации: истоки, функции, субъекты, Язык и культура, Киев 2002, Вып. 4, Т. II, Ч. 1.

48. *Левяш И.Я.*, Язык в мире человека; Русская идея: субъект, структура, смыслы, *Левяш И.Я.*, Культурология, Изд. 5, Москва 2004.

49. *Левяш И.Я.*, Европейский дискурс *Достоевский-Ницше*, Россия и современный мир, Москва 2006, № 1.

50. *Лихачев Д.С.*, Концептосфера русского языка, «Известия РАН. Серия литер. и яз.», 1993, Т. 52, №1.

51. *Лихачев Д.С.*, Русская культура, Москва, 2000.

52. *Лосев А.Ф.*, Проблема символа и реалистическое искусство, Москва 1976.

53. *Лотман Ю.М.*, Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история, Москва 1999.

54. *Межуев В.*, Феномен книги и национальное в культуре, Общество и книга: от *Гутенберга* до Интернета, Москва 2001.

55. *Мещерский Н.А.*, История русского литературного языка, Ленинград 1981.

56. *Михальченко В.Ю.*, *Крючкова Т.Б.*, Социолингвистика в России, Вопросы языкознания, Москва 2002, № 5.

57. *Михеев А.*, Язык тоталитарного общества, Вестник АН СССР, Москва 1991, № 8.

58. *Мокиенко В.М.*, *Никитина Т.Г.*, Толковый словарь языка Совдепии, Санкт-Петербург 1998.

59. *Набоков В.*, Машенька. Защита *Лужина*. Приглашение на казнь. Другие берега, Москва 1988.

60. *Ницше Ф.* Сочинения, В 2 т., Москва 1990.

61. *Ницше Ф.* Воля к власти, Москва 1994.

62. *Ницше Ф.* Сочинения. В 2 т., Т.1. Москва 1998.

63. *Нуйкин А.* Девятый вал массовой культуры, Литературная газета, Москва 12-18.10.2005.

64. О великом инквизиторе. *Достоевский* и последующие, Москва 1991.

65. *Оруэлл Д.*, Эссе. Статьи. Рецензии, Т. 2, Пермь 1992.

66. *Пастернак Б.*, Стихотворения. Поэмы, Ленинград 1976.

67. *Потебня А.А.*, Мысль и язык, Москва 1999.

68. *Пушкин* о России. Москва 1999.

69. *Радченко О.А.*, Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка XX века, Вопросы языкознания, Москва 2002, № 6.

70. *Рейфильд Д.*, Жизнь *Антона Чехова*. Биография. Москва 2005.

71. *Розанов В.*, Избранное, Мюнхен 1970.

72. Роль образования и науки в процессе мировой глобализации. 2003 <http://www.ptpu.ru/issues/2_02/20_2_02.htm>

73. Русская культура вне границ, Москва 1999.

74. Русские философы. Проблема христианства и культуры в истории духовной критики XX века, Москва 2002.

75. Русский язык в современном мире, Москва 1974.

76. Русский фольклор. Историческая жизнь народной поэзии, Ленинград 1976.

77. Русский язык, Opole 1997.

78. Русский язык. Энциклопедия, Москва 1997.

79. Русский язык конца XX столетия (1985-1995), Москва 1996.

80. Русский Эрос, Москва 1994.

81. *Рыт Е.М.*, *Ленин* о языке и язык *Ленина*, Москва 1936.

82. *Сепир Э.*, Избранные труды по языкознанию и культурологии, Москва 1993.

83. *Скворцов Л.*, Что родила гора? Литературная газета, Москва 28.03.2005.

84. Советская философия языка: *Е.Д. Поливанов – Н.Я. Марр*, Вестник языкознания, Москва 2001, № 2.

85. *Солженицын А.*, Малое собрание сочинений. В 7 т. Москва 1991.

86. Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология, Москва 2001.

87. *Сушков Б.*, Пророк в своем Отечестве. *Пушкин*. *Гоголь*. *Толстой* (о невостребованных идеях и идеалах русских гениев). Тула 2003.

88. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений, Москва 1950-1958.

89. *Толстой Н.И.*, Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике, Москва 1995.

90. *Чехов А.И.*, Сочинения. В 18 т., Москва 1974-1980.

91. *Цветаева М.*, Сочинения. В 2 т., Минск 1988.

92. *Цветаева М.*, Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения, Москва .1992.

93. *Шестов Л.*, Апофеоз беспочвенности, Ленинград 1991.

94. *Эпштейн М.*, Варваризация и латинизация, Независимая газета-Ex libris, Москва 9.10. 2003.

95. Язык в океане языков, Новосибирск 1993.

96. *Якубинский Л.П.*, *Ленин* о «революционной фразе», Печать и революция, Москва 1926, № 3.

97. Dusza polska i rosyjska, Lodz 2003.
98. Europe: From Linguistic Diversity to Plurilingual Education. Executive Version, Strasburg 2003.
99. *Ritzer G.*, The Globalization of Nothing, London, New York 2004.

Елена Логиновская
ХРИСТИАНСТВО – КОНСТАНТА РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Первая половина XIX века. Поэзия)

[1] (с. 708) – См. Русская литература XIX века и христианство, Изд. Московского Университета, 1997; Христианские истоки русской литературы. Сборник научных трудов. Москва, 2001 и др.

[2] (с. 716) – См. *Елена Логиновская*, Поэма *М.Ю.Лермонтова* «Демон», Москва, Художественная литература, 1977; *Elena Loghinovski*, De la demon la Luceafar, Bucuresti, 1979, с. 81-103.

[3] (с. 720) – См. *А.Г. Горнфельд*, *Федор Иванович Тютчев* // История русской литературы / Под редакцией Д.Н. *Овсянико-Куликовского*, Москва, изд. Т-ва МИР, т.3, с. 451-453.

Ливия Которча
НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ И ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
(Непрерывность в срыве)

Литература

1. *Гоголь Н.В.*. Невский Проспект // *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 7 тт. – Т. 3. – М.: Худ. лит., 1977. – С. 15.
2. *Гоголь Н.В.* Петербургские записки // *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 7 тт. – Т. 6. – М.: Худ. лит.,1967. – С. 190.
3. *Гоголь Н.В.* Духовная проза. – М.,1992. – С. 42.
4. *Хлебников В.* Автобиографическая заметка // *Хлебников В.* Собрание сочинений в 3 тт. – Т. 3. – Спб., 2001. – С. 291.
5. *Хлебников В.* Юноша я – мир // Собрание сочинений в 3 тт. – Т. 3. – Спб., 2001. – С. 38.
6. *Хлебников В.* Полужелезная изба // *Хлебников В.* Творения. – М., 1986. – С. 306.
7. *Хлебников В.* Курган // *Хлебников В.* Творения. – М., 1986. – С. 93.
8. *Хлебников В.* Скуфья скифа // *Хлебников В.* Творения. – М., 1986. – С. 537.

Примечания

9. *Хлебников В.* Кто он, Воронихин столетий // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 443-444.
10. *Хлебников В.* Лев // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 81.
11. *Хлебников В.* Кто он, Воронихин столетий // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 449.
12. *Хлебников В.* Кто он, Воронихин столетий // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 445.
13. *Хлебников В.* Устуг Разина // *Хлебников В.* Творения. – М., 1986. – С. 360.
14. *Хлебников В.* Устуг Разина // *Хлебников В.* Творения. – М., 1986. – С. 359.
15. *Хлебников В.* Ка // *Хлебников В.* Творения. – М., 1986. – С. 526.
16. *Хлебников В.* Что делать вам // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 457.
17. *Хлебников В.* Хвост Мавки-ведьмы превратился в улицу // *Кравец В.* Разговор о Хлебникове. С приложением Изборника 1914. – Київ, 1998.– С. 260.
18. *Хлебников В.* Малиновая шашка // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 119.
19. *Хлебников В.* Что делать вам // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 454.
20. *Хлебников В.* Уравнение души Гоголя // *Хлебников В.* Собрание сочинений в 3 тт. – Т.3. – Спб., 2001. – С. 300.
21. *Хлебников В.* Дать очи на тройку Гоголя // *Хлебников В.* Проза. – Спб., 2001. – С. 350.

Богдан Улму
СКУКА ПОД УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫМ СТЕКЛОМ

[1] (с. 735) – *Богдан Улму* – писатель, театральный режиссёр, профессор со специализацией «актёрское мастерство и постановка театральных спектаклей».

Мирослава Метляева
ОРИЕНТАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ И ГРАФИКОВ БЕССАРАБИИ

[1] (с. 745) – *Мирослава Метляева* – поэт, переводчик (г. Кишинёв, Молдова). В статье использованы материалы книги *Е.В. Завадской* «Эстетические проблемы живописи старого Китая» (М.: Искусство, 1975).

Примечания

Луиза Думитру
МИФ О ПОЛИФЕМЕ
Игра манипуляций и взаимного неведения

Библиография

1. Caillois, R., Omul si Sacrul (L'Homme et le Sacre, Paris, 1939), trad. rom. de Dan Petrescu, Bucuresti, Nemira,1997.

2. Eliade, M., Sacrul si Profanul (Le Sacre et le Profane, Paris, 1965), trad. rom. de Brandusa Prelipceanu, Bucuresti, Humanitas,1995.

3. Girard, R., Violenta si Sacrul (La Violence et le Sacre, Paris, 1972), trad. rom. de Mona Antohi, Bucuresti, Nemira, 1995.

4. Homer, Odiseea, vol. I, trad. rom. de Eugen Lovinescu, Bucuresti, Ed. Tineretului, 1966.

5. Homer, Odyseea, vol. I, Leipzig, B.G. Teubner, 1934.

Светлана Ананьева
КАЗАХСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА
(Доклад на 5-м международном евразийском форуме)

Литература

1. *Шмулев М.* Побег из колхоза // Голоса Сибири. Выпуск третий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.731-736.

2. *Кушникова М.* Цыганская повесть // Голоса Сибири. Выпуск второй. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.110-164.

3. Из сказов деда Жумахана // Голоса Сибири. Выпуск второй. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.696.

4. *Кушникова М.М.* Черный человек сочинителя Достоевского (Загадки и толкования). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1992. – 142 с.

5. *Львов В.* К разговору о личности Ф.М. Достоевского // Голоса Сибири. Выпуск второй. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.601-609.

6. *Кушникова М., Тилло К., Тогулев В.* «Кузнецкий венец» Фёдора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века // Голоса Сибири. Выпуск второй. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – С.485-600.

Примечания

Алма Тусупова
КАЗАХСКИЙ ЭПОС НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Литература

1. Алпамыс батыр (русс. пер.). – В кн. «Казахский эпос». – Алматы, 1958.

2. Алпамыс батыр (каз. яз.). – Алматы, 1968.

Айнур Машакова
КАЗАХСТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГЕРМАНИИ

Литература

1. *Leonhard Kossuth*. Volk & Welt. Autobiographisches Zeugnis von einem legendaren Verlag. Berlin: Nora Verlagsgemeinschaft, 2002, 379 s.

2. *Герольд Бельгер*. На пути к немецкому Абаю // Аманат. – № 6. – 2004. – С.175-183.

Иван Конюхов
О МОНАХАХ

[1] (с. 914) – *Источник*: Отдел редкой книги Научной библиотеки Томского государственного университета. – Витр. 783; *Конюхов И.С.* Кузнецкая летопись / Вступ. ст., комментарий, подготовка текста *М.М. Кушниковой* и *В.В. Тогулева*. – Новокузнецк: Кузнецкая Крепость, 1995.

Елена Дульгеру
МУШИНА ДОЛИНА
Паломничество в монастырь Св. Николая «Баламуч». Субъективный репортаж

[1] (с. 921) – *Елена Дульгеру* – киновед, переводчик, поэт; её статью о творчестве *Эмира Кустурицы* см. наст. изд., с. 352-362.

[2] (с. 921) – В 50 км к северо-востоку от Бухареста, возле села Ситару. Раньше назывался схитом Ситару.

[3] (с. 921) – Перевод с румынского. Опубликовано в газете «Котидианул» (Бухарест, 17.11.1995) и в журнале «Дискоболул» (Айуд, январь 1999). Приз Дома Культуры имени «Ливиу Ребреану» – Айуд на VIII-ом Национальном Конкурсе Прозы – 1998.

Примечания

[4] (с. 922) – Ритуальная узкая и длинная доска, из которой деревянным молотком выбивают определенные ритмы перед началом богослужения или в другие известные моменты в румынских монастырях [рум.: *тобка*].

[5] (с. 924) – *Клеопа Илие*, архимандрит, известный румынский старец и духовник XX-го столетия (1912-1998).

[6] (с. 924) – Экспроприация государством монастырского и церковного имущества во 2-й половине XIX-го века.

[7] (с. 925) – *Никита Стэнеску* – выдающийся румынский поэт второй половины XX-го века. Стихотворения *Никиты Стэнеску* см. наст. изд., с. 252-256.

Татьяна Таянова
ЧУДО – СИМВОЛ, ЧУДО – РЕАЛЬНОСТЬ И ЧУДО –ХАРАКТЕР: *житийные чудеса сквозь призму «старой» веры протопопа Аввакума*

[1] (с. 925) – *Таянова Татьяна Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Магнитогорского государственного университета.

Литература

1. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. – М.: Сов. Россия, 1991.

2. *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. – М.: Наука, 1982.

3. Библейская энциклопедия. – М.: ТЕРРА, 1990.

Думитру Круду
НИЧЕЙНЫЕ ЛЮДИ

[1] (с. 1013) – Премьера этой пьесы состоялась 25 ноября 2005г. в Кишинёвском театре «Еужен Ионеско».

Алексей Декельбаум
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

[1] (с. 1169) – *Декельбаум Алексей Захарович*, писатель-сатирик, киносценарист, член Союза российских писателей с 1993 года. См. его публикацию «Видения смутного времени» в предыдущем номере (с.783-792, ошибочно подписана: *Александр Болотов*).

Примечания

Содержание

Слово к читателю. 5

Из первых уст

Елена Мухопад. Светлана Василенко: «Союз совестливых» 13

Изящная словесность

Виктор Вайнерман. Миниатюры 31
Виктория Кинг. Каролин 40
Александр Аханов. Глеб 57
Евгений Асташкин. Коловращение 64
Виктор Богданов. Девушка из папье-маше 79
Игорь Егоров. Три новеллы 82
Галина Кудрявская. И плакали птицы... 91
Жамиля Мухамеджанова. Склон осенней горы 104
Пётр Ореховский. Весенний марафон 110
Георгий Петрович. Ибо сказано 123
Алиса Поникаровская. Наблюдатель 146
Пётр Тушнолобов. Пыль на дороге 148

Рифмы и ритмы

Лариса Березина. Чуть серебрится свет дрожащий... 169
Сергей Гудалов. А люди спешили, не видя ни жизни ни смерти 172
Игорь Егоров. Времена 176
Ади Кусин. Бог роняет меня... 178
Аладар Ласлоффи. Что меня побуждает к жизни 187
Павел Маркин (Ёж). Домовой-малой 188
Йожеф Мелиус. Твой стан, словно стан козули... 197
Эльвира Миляева. Итоги 199
Домокош Силади. Безумный художник 205
Елена Чач. И звёзды жались в облаке лохматом... 206

Вероника Шелленберг. Извела бессоницей луна... 210
Альберт Щербинин. Покидая остывшее тело... 221

К 55-летию Никиты Данилова

Елена Логиновская. Чистое золото поэзии 225
Альберт Ковач. Апокалипсис и апофеоз жизни 226
Никита Данилов. Из сборника «Иной век» 230
Никита Данилов. Маша и инопланетянин 239

Цветы усопшим

Елена Кузнецова. Живое воплощение поэзии 247
Аурел Ковач. Из надписей на салфетках 248
Никита Стэнеску. Memento mori 252
Валериу Матей. О волшебстве жизни и беспощадном ходе времени 256
Леонард Тукилату. Разлетелось осколками белое небо... 272

Возвышенное и земное

Элина Лефтер. Восхождение к духовному через чувства 281
Мирослава Метляева. Тень Галеона 283

Нетленное

Уильям Шекспир. Избранные сонеты в новых переводах 291
Мирча Динеску. Будь начеку, господь, и очи не смыкай... 293
Профира Садовяну. Покинутая планета 317

Рецензии

Марианна Фаликова. Портрет эпохи 325
Анастасия Романова. Мемуарная проза Мирчи Элиаде 334

Стоп-кадр

Лавиния Мятлева. Очарование зла 345
Елена Дульгеру. Мифологические мотивы в творчестве Эмира Кустурицы 352

Анатомия мифа

Леонид Лопатин. Жить во лжи 365

Памятки истории

Иван Кузнецов. «Бунт» в Академгородке: письмо сорока шести 397
Алексей Тепляков. Борода многогрешная 415
Михаил Шмулёв. Воспоминания о Карлаге 457

К 130-летию И.Ф. Левашова

Сергей Папков. Между околоточным приставом и партячейкой 465

К 150-летию венчания Ф.М. Достоевского

Ксения Тилло. Предисловие к «Омской Голгофе» 489
Виктор Вайнерман. Омская Голгофа, или монолог экс-директора 496
Как это было 517
Светлана Ананьева. Время - пространство - автор 522
Корнелия Кырстя. Феноменология счастья у Достоевского и Штайнхардта 556

Лев Толстой и Сибирь

Марина Борисова. Не позаботимся сейчас, потеряем навсегда 565
Борис Мазурин. Воспоминания 570
Борис Гросбейн. О Борисе Мазурине и его письме писателю Леонову 603

Нина Никитина. Несколько слов о вечной повседневности 616
Татьяна Никитина. Джон Рёскин и Лев Толстой: приглашение к диалогу 628

Сибирский музей

Егор Ревенко. В продолжение «Доброго вспомина...» 639
Георгий Блынский. Бой с орлами 654

VIII международный симпозиум «Европейская цивилизация: единство - своеобразие - открытость»

Виктория Кинг. Слово о симпозиуме 661
Рита Джулиани. Русский вопрос в конце XX века глазами филологов 680
Илья Левяш. Русское слово в европейских реалиях XXI века 688
Елена Логиновская. Христианство - константа русской классической литературы 708
Ливия Которча. Николай Гоголь и Велимир Хлебников 723
Богдан Улму. Скука под увеличительным стеклом 735
Мирослава Метляева. Ориентализм в творчестве поэтов и графиков Бессарабии 745
Луиза Думитру. Миф о Полифеме 752
Ксения Тилло. «Поиски совершенства» в историко-психологической мозаике Ливии Которча 757

Сибирь - Казахстан

Светлана Ананьева. Казахско-русские литературные связи в контексте евразийства 773
Алма Тусупова. Казахский Эпос на русском языке 778
Айнур Машакова. Казахстанская литература в Германии 782
Пища для человека - сила, конь - крылья 787

Россия как бывшая родина

Александра Феноген. Дневник паломника 795
Валентина Бойешан. Я жила когда-то в Омске... 820

Земля Обетованная

Мэри Кушникова. О чём умолчал Иосиф Флавий, или диалог между тысячелетиями... 829
Валериу Бабански. Понтий Пилат 876
Виктор Голков. Я родину выжег железом калёным... 900

Божьи люди

Иван Конюхов. О монахах 914
Елена Дульгеру. Мушина долина 921
Татьяна Таянова. Чудо - символ, чудо - реальность и чудо - характер 925

Доспехи для души

Пётр Кузнецов. Из сборника «Тайнопись любви» 937

Свет рампы

Валентина Кизило. Люся, или путешествие из Москвы в Петербург 941
Думитру Круду. Ничейные люди 1013

Роман с продолжением

Николай и Светлана Пономарёвы. Город без войны 1055
Ирина Юсупова. Научи себя любви 1073

От межи, от сохи, от покоса...

Валентина Кузина. За гранью пашни 1103
Антонина Пегушина. Нечистая сила 1125

Детям и родителям

Нина Саранча. Бом-бом-бом 1135
Наталья Елизарова. Тигрёнок с оторванным ухом 1142
Мириам Левина. Недетские рассказы 1146

Тем, кто ещё не умер

Алексей Декельбаум. Юмористические рассказы ... 1169

В дождливый день...

Светлана Василенко. Ангел 1187

Примечания... 1195

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск пятый

Подписано к печати Формат
Бумага офсетная№ Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж экз. Заказ №

Издательство «Кузбассвузиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. (384-2)-58-34-48

internet: www.kvi.bip.ru e-mail: 582934@rambler.ru